

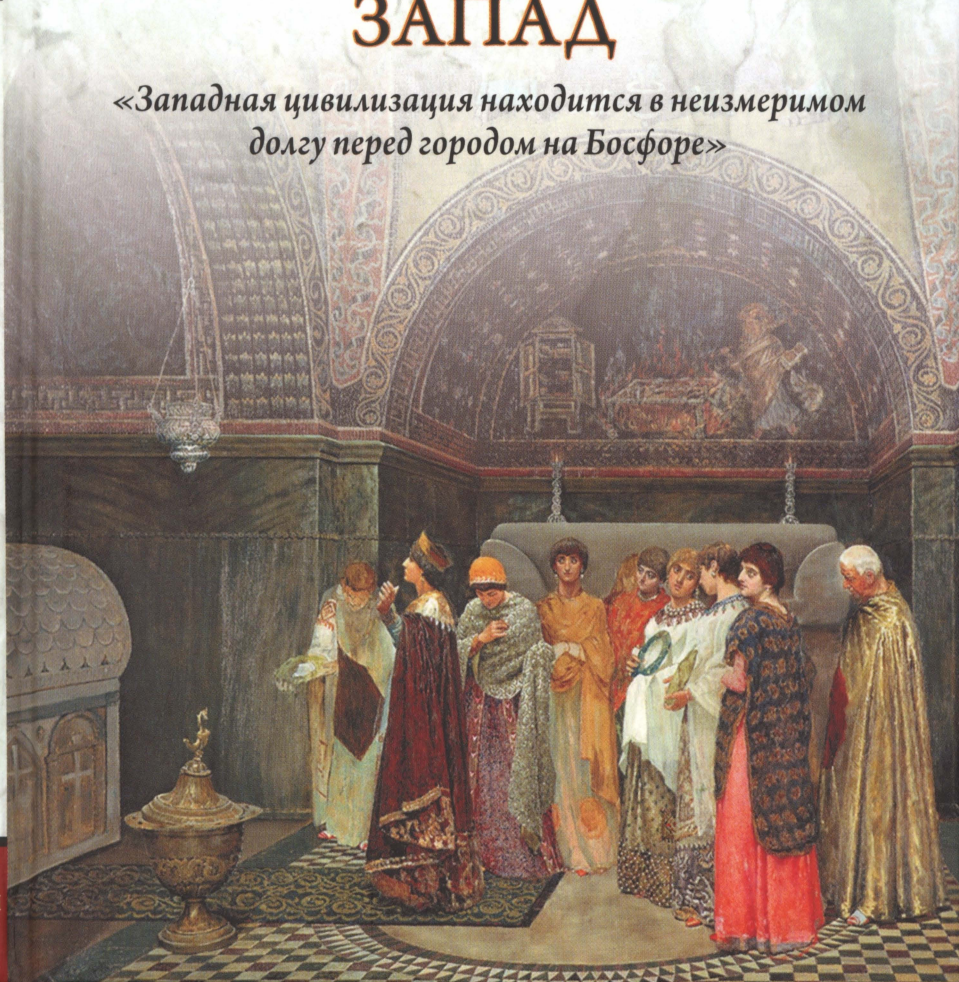
Ларс
Браунворт

■ Ларс Браунворт ■

ЗАБЫТАЯ ВИЗАНТИЯ, КОТОРАЯ СПАСЛА ЗАПАД

«Западная цивилизация находится в неизмеримом долгу перед городом на Босфоре»

ЗАБЫТАЯ ВИЗАНТИЯ,
КОТОРАЯ СПАСЛА ЗАПАД

ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Ларс
Браунворт

■ Ларс Браунворт ■

ЗАБЫТАЯ
ВИЗАНТИЯ,
КОТОРАЯ СПАСЛА
ЗАПАД

Астрель
МОСКВА

УДК 94(4) "04/14"
ББК 63.3(0)4
Б87

Lars Brownworth
LOST TO THE WEST

Перевод с английского И. Мазуриной
Компьютерный дизайн Е. Коляды

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Janklow & Nesbit Associates
и Prava I Perevodi International Literary Agency.

Подписано в печать 02.03.12. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 3000 экз. Заказ № 643

Браунворт, Л.

Б87 Забытая Византия, которая спасла Запад / Ларс Браунворт;
пер. с англ. И. Мазуриной. — М.: Астрель, 2012. — 411, [5] с.

ISBN 978-5-271-41620-0

Забытая Западом Византия.

Цивилизация, отнюдь не уступавшая западноевропейской в Средние века — и, напротив, во многом ее превосходившая.

В школах Константинополя обсуждали тончайшие нюансы литературного и философского наследия Платона, Сократа и Гомера, — а в Западной Европе еще не была создана даже «Песнь о Роланде». В византийскую столицу — величайший центр культуры, торговли, науки и ремесел — текли реки золота, византийские армии множество раз противостояли вражеским силам, готовым вторгнуться в Европу. И именно Византия была последним щитом между христианской Европой и мусульманским Востоком.

Читая увлекательную книгу Ларса Браунворта, читатель словно сам оказывается на улицах и во дворцах Константинополя в интересные периоды истории Римейской империи...

УДК 94(4) "04/14"
ББК 63.3(0)4

ОТ РЕДАКЦИИ

Книга Ларса Браунворта не является монографическим исследованием. Скорее ее можно отнести к научно-популярному или даже историко-художественному жанру. Автор не ставит своей целью подробно и дотошно изложить историю Восточной Римской империи — он эмоционально делится с читателем восторгом открытия нового мира, пришедшего на смену Древнему Риму, мира, во многом чуждого, непонятного, а то и враждебного средневековой Европе. Даже христианство тут было чужое, незнакомое — повосточному пышное, по-гречески мистическое, но при этом куда более открытое народу и куда сильнее взаимодействующее с обществом, чем это было в католической Европе. Константинопольские патриархи никогда не претендовали на светскую власть, как это было тради-

ционно для римских пап, но при этом византийская церковь не отделяла себя от общества так, как делала церковь западная, где даже богослужения велись на непонятной прихожанам латыни.

Автор с некоторым удивлением отмечает, что социальная структура Византии, более сложная и тяжеловесная, чем в Европе тех веков, при ближайшем рассмотрении оказывается гораздо гибче европейской и стоящей гораздо ближе к нашему времени. В любом случае она обеспечивала людям гораздо больше степеней свободы. Конечно, до представительной демократии византийцам было далеко, у них существовали и элита, и плебс. Однако византийская аристократия являлась таковой не по праву крови, а по своему материальному положению или месту в государственной структуре. Признаем, что и нынешнее общество «цивилизованных стран» со всеми его *liberite* и *egalite* продолжает существовать все на тех же принципах, хотя и воспринимающихся как гигантский шаг вперед по сравнению со средневековой дворянской системой. В этом Византия напоминала свое порождение и своего вечного врага — Венецианскую республику, где наследственная власть не сословия, а ряда определенных патрицианских семей переплеталась с административной властью государственного аппарата.

Конечно, византийский император был не ровня венецианскому дожу с его жестко ограниченными полномочиями. Базилевс находился где-то на полпути к небесам и был подобен богу, он не мог быть «первым среди равных», как европейские князья, герцоги и короли. Но именно это и обеспечивало некое подобие равенства всех остальных.

Впрочем, даже наследование императорского титула в Византии (как и прежде в Риме) было достаточно условным. Власть базилевса обеспечивалась поддержкой со стороны армии, государственного аппарата и в какой-то степени церкви. Такая власть могла быть передана по наследству, но сам факт передачи не гарантировал ее сохранения. Можно сказать, что сан императора в каком-то смысле являлся административной должностью, порожденной структурой государственного аппарата — а, соответственно, можно было стать императором, сделав карьеру в этом аппарате и обеспечив себе поддержку

«силовых структур». В любом случае не существовало никаких формальных препятствий этой карьере даже для выходцев с самого низа общества, и в этом заключалось кардинальное отличие Византии от дворянских государств.

Не удивительно, что именно взаимодействию церкви, общества, аристократии и государства уделяет основное внимание автор книги. А также — византийской культуре, к которой он питает особый пиетет, демонстрируемый уже на первых страницах отсылкой к Роберту Байрону. Подобно замечательному английскому культурологу-самоучке 1920-30-х годов, Ларс Браунворт горит желанием рассказать читателю о том, что заворожило и восхитило его самого. И эта простодушная восторженность придает книге особую атмосферу, не достигаемую никаким академизмом.

ВВЕДЕНИЕ

Впервые я встретился с Византией в небольших симпатичных солончаках на северном побережье Лонг-Айленда. Я остановился, чтобы прочитать книгу о том, что мы привыкли называть «поздней Римской империей», готовый отследить знакомое падение цивилизации в хаос и дикость Средневековья. Вместо этого, устроившись под моим любимым деревом, я лицом к лицу встретился с красочным гобеленом, изображавшим живых императоров и буйные орды варваров, с людьми, что называли себя императорами еще долго после того, как Римская империя уже считалась мертвой и похороненной. Все это было одновременно и знакомо, и удивительно: Римская империя, кото-

рая каким-то образом выжила в Темные века средневековья и сохранила живой свет классического мира. Временами казалось, что ее история понадергана из газетных заголовков. Иудейско-христианское общество с греко-римскими корнями было озабочено иммиграцией, ролью церкви и государства, а также опасностями воинственного ислама. Бедные хотели, чтобы богатые платили больше налогов, богатые могли позволить себе искать лазейки в законах, а непомерно раздутая бюрократия пыталась соблюсти равновесие, при котором достаточный доход не сопровождался бы репрессиями.

Но в то же самое время Византия была местом паразитично своеобразным, притягательным, однако весьма чуждым современному миру. Святые сидели на вершинах столпов, императоры поднимались на кафедры, чтобы прочесть гневную проповедь, а малозначащие богословские тонкости грозили обернуться беспорядками на улицах. Концепция демократии, которая так воодушевляет современный мир, привела бы византийцев в ужас. Их государство возникло в хаосе и неуравновешенности III века, во времена мятежных императоров, отчаянно пытавшихся вернуть престиж императорской власти. Демократия, по умолчанию подразумевающая всеобщее равенство, пошатнула бы самый фундамент этого иерархического, упорядоченного мира, возвращая его в кошмары непрерывной гражданской войны, которых императоры избегли с таким трудом.

Впрочем, византийцы не были узниками довлеющего авторитарического общества. Неприметные сельские жители и беззащитные женщины находили свои пути к власти, а скромный земледелец из местности, что теперь называется Македонией, стал величайшим византийским правителем, расширившим свои необъятные владения до самых границ Средиземноморья. Его преемники управляли глубоко религиозным обществом со светской образовательной системой, которое полагало себя единствен-

ным защитником света и цивилизации в стремительно темнеющем мире. По знаменитому выражению Роберта Байрона¹, это было «тройное слияние»: римского тела, греческого разума и мистической души.

Данное определение лучше большинства других хотя бы потому, что термин «византийцы» — изобретение исключительно последнего времени, и привязка к этому печально известному названию сильно затрудняет понимание. То, что мы называем Византийской империей, на самом деле представляло собой восточную половину Римской империи, и ее жители считали себя римлянами с начала основания Константинополя в 323 году и до падения города, случившегося одиннадцать столетий спустя. Большую часть этого времени их соседи, союзники и враги видели их в том же свете; когда султан Мехмед Второй завоевал Константинополь, он принял титул Кесаря Римского² и правил, по собственному мнению, как наследник череды правителей, восходившей еще к Августу.

И только ученые Просвещения, предпочитавшие видеть свои корни в античной Греции и классическом Риме, отказали восточной империи в имени «Римской», заменив его на «Византию» — по старому названию Константинополя. «Настоящая» империя закончилась для них в 476 году с отречением от престола последнего императора, а история константинопольских «самозван-

¹ Роберт Байрон (1905–1941) — английский журналист, путешественник, фотограф, историк архитектуры и культуролог-любитель. В 1930-х годах приобрел широкую известность книгами о путешествиях по Балканам, Советскому Союзу и Дальнему Востоку. Работы Байрона отличались восторженной непосредственностью, свежестью восприятия и искренней симпатией к тому, что он описывал. Главной его заслугой считается возрождение в Европе интереса к византийской истории и культуре. Погиб 24 февраля 1941 года на транспорте «Джонатан Холл», торпедированном подводной лодкой U-97. (Прим. ред.)

² *Kaisar al-Rum*; территория по обеим берегам Босфора до сих пор именуется *Румелией* — Римскими землями. (Прим. ред.)

цев» стала в их представлении не более чем тысячелетним сползанием в варварство, разложением и упадком.

Западная цивилизация находится в неизмеримом долгу перед презренным городом на Босфоре. Более чем тысячу лет его столица представляла собой великий восточный бастион, защищающий юную беспокойную Европу, и раз за разом претенденты на завоевание мира разбивались о его стены. Не будь Византии, мусульманские армии захлестнули бы Европу в VII веке, и, как замечает Гиббон, намаз слышался бы теперь над спящими шпилями Оксфорда.

Но дар Византии заключался не только в военной силе. Пока цивилизация лишь смутно мерцала в удаленных ирландских монастырях на Западе, она пылала в Константинополе — иногда ярче, иногда тусклее, но никогда не угасая окончательно. Величайший император Византии, Юстиниан, дал нам римское право — основу большинства европейских правовых систем даже в наши дни; его мастера подарили нам прекрасные мозаики Равенны и высшее достижение — собор Святой Софии; его ученые открыли нам блестящих греческих и римских классиков, которые были почти утеряны на Западе в Темные века.

Если мы стольким обязаны Византии, это вызывает вопрос, почему империю так долго не принимали во внимание. Римская Империя раскололась — сначала культурно, а потом и религиозно — на Восток и Запад, и две эти половины со временем разошлись в стороны, отдалившись друг от друга. Христианство было той слабой связью, что еще соединяла их, но в 1054 году, когда церковь раскололась на православную и католическую, уже мало что объединяло их, зато многое отталкивало друг от друга. Крестовые походы вбили между ними последний клин, породив продолжительные обиды на Востоке и насмешки на Западе. Когда то, что осталось от Византии, стало жертвой исламского вторжения, Европа умыла руки и отвернулась, уверенная в своем

возрастающем могуществе и счастливом будущем. Эта взаимная неприязнь предала Византию незаслуженному забвению — и те, кто некогда находил прибежище за ее стенами, забыли о ней на столетия.

В большинстве учебных программ не упоминается о цивилизации, которая породила вдохновенных Кирилла и Мефодия, блестящего Иоанна I Цимисхия и победоносного Никифора II Фоку. Для большинства занавес Римской империи опустился с последним западным императором, а истории о греческом героизме заканчиваются со спартанским царем Леонидом. Но не менее героичен был Константин Драгаш, стоявший на крепостной стене в 1453 году, или Велизарий перед стенами Рима. Все мы в несомненном и глубоком долгу благодарности перед ними.

Эта книга — моя скромная попытка исправить положение и дать возможность говорить людям, которые слишком долго оставались безгласными. Она направлена на то, чтобы возбудить аппетит, показать читателю огромный размах византийской истории и облечь в плоть их представления о Западе и Востоке. К сожалению, она не может претендовать на полное или исчерпывающее раскрытие темы. Довольно сложно вместить в один том более тысячи лет истории, и многим приходится жертвовать ради краткости. В оправдание того, что осталось на полу монтажной, я могу только сказать, что часть этих византийских богатств еще только предстоит открыть.

В книге я чаще использовал латинское, а не греческое написание слов — Константин вместо Констандинос (Konstandinos) — из того соображения, что оно более знакомо и привычно широкому читателю. Я также использовал лично-ориентированный подход для изложения этой истории, поскольку император занимал центральное место в жизни Византии; немногие общества были настолько же автократичными, как Восточная Римская империя. Императорская особа стояла

на полпути к божеству, он был богоданным монархом, каждое решение которого глубоко затрагивало даже самого ничтожного из граждан.

Хотелось бы надеяться, что эта книга пробудит интерес к предмету, который так долго был исключен из западного канона. Мы разделяем с Византийской империей общую историю и можем извлечь из нее важные уроки, дошедшие до нас сквозь века. Византия в не меньшей степени, чем Запад, создала мир, в котором мы живем, и если вам нужны еще доводы, чтобы заняться ею, обещаю вам: этот рассказ будет захватывающим.

ПРОЛОГ. РИМСКИЕ КОРНИ

.....

Предполагается, что история не зависит от действий одного-единственного человека. Могущественные безликие силы должны увлекать человечество неумолимым течением, не обращая внимания на отдельных людей. Но одним свежим осенним днем 324 года н.э. история оказалась в руках человека по имени Константин, когда он поднялся на холм и оглядел Босфор. Уверенно шагая вперед, сжимая копье в руке, он вел за собой торжественную процессию потрясенных придворных. Он пришел сюда, следуя голосу свыше — хотя и не говорил, был ли это ангел или сам бог.

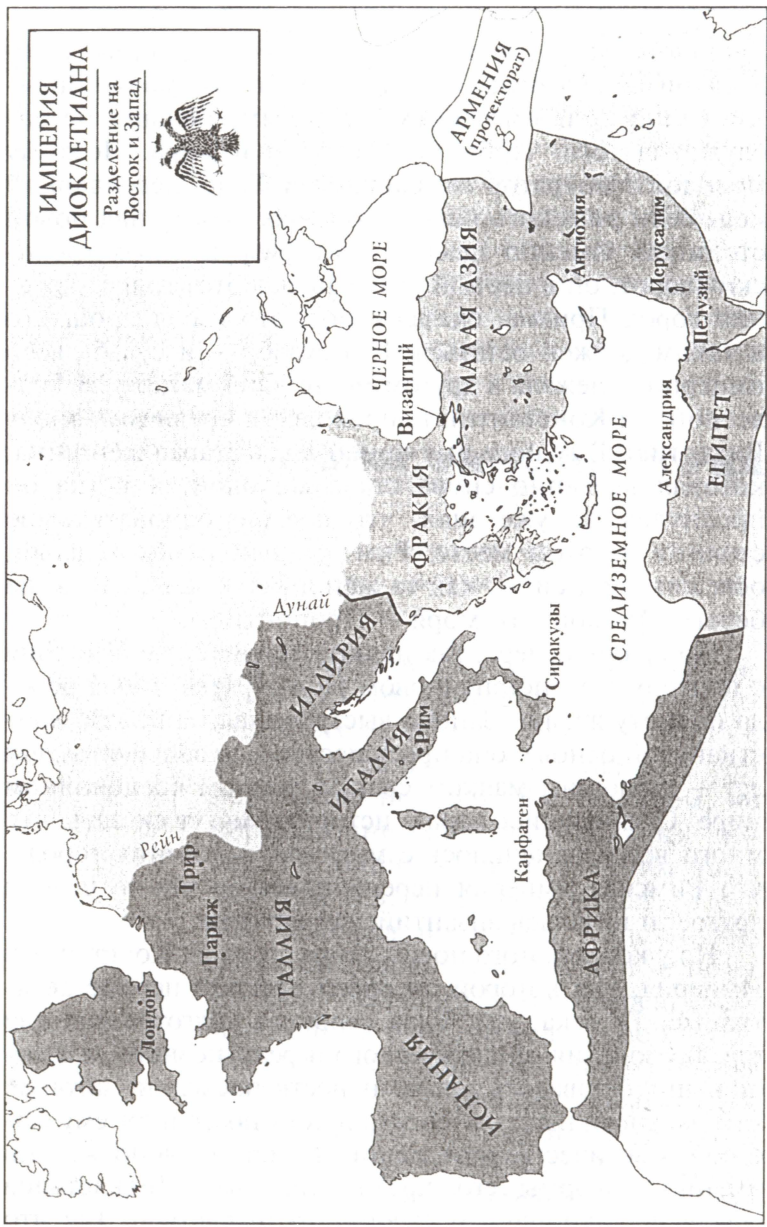
Беспорядки последней гражданской войны наконец-то остались в

прошлом. Мир вновь лежал в покое под сенью крыльев римского орла, но сам Рим, с его малярийными улицами и языческим прошлым, больше не заслуживал того, чтобы быть столицей мира. Поэтому молодой император отправился к Трое, легендарной колыбели римского народа, и начал работу над новой столицей. Именно здесь, в тени разрушенных троянских ворот, он в первый раз услышал этот голос. Древний город Приама, сказал голос, это город прошлого и таким должен остаться. Его судьба — и судьба всей империи — лежала в другом месте. Она манила за Геллеспонт, и Константин направился к древнему городу Византию. В ту ночь ему приснилась старая женщина, которая внезапно снова стала молодой, и когда он проснулся, то уже знал, что должен основать свою столицу на этом месте. Рим, старый и обветшалый, освежит свои силы, как та женщина из сна, здесь, на берегу Мраморного моря — Пропонтиды.

По крайней мере, так начинается легенда. Империя с центром в Константиновом Новом Риме снова обрела полноту жизни. Заново выстроенная на новой, христианской основе, она просуществовала больше тысячи лет — сияющим маяком света в темном беспокойном мире. Оглянувшись назад, историки могут сказать, что много всего изменилось с момента основания города, что Римская империя переродилась во что-то совсем другое, и началась византийская история.

Но у корней этого нового мира стоял не Константин. Империя, над которой он обрел власть в первые десятилетия IV века, уже была серьезно подготовлена для преобразования, политического и религиозного, и Константину оставалось только нанести последние штрихи. Его дальновидность и энергичность позволили ему построить величественное здание Константинополя — но именно реформы его предшественника Диоклетиана обеспечили кирпичи и строительный раствор. Так что историю Византии следует начинать с Диоклетиана.

**ИМПЕРИЯ
ДИОКЛЕТИАНА**
Разделение на
Восток и Запад

ГЛАВА ПЕРВАЯ. РЕВОЛЮЦИЯ ДИОКЛЕТИАНА

.....

В III веке многострадальный народ Римской империи имел несчастье жить в интересные времена. За три столетия до рождения Константина римские архитекторы, инженеры и солдаты хорошо освоили известный им мир, неся порядок и стабильность разнообразным варварским землям на границах Италии. В расцвете своего могущества *Paх Roma* простиралась более чем на пятьдесят тысяч миль по прямой, ее многослойные дороги и высокие акведуки были столь же несокрушимыми, как и горы и долины, что они пересекали. Обеспечивая доступ к рынкам, облегчая путешествия и имперскую почтовую службу, способную покрыть более

пятисот миль в один день, эти дороги являлись одним из важнейших секретов империи. Величественные города вырастали вдоль главных дорог — сразу с амфитеатрами, общественными банями и даже канализацией, видимым доказательством торжества цивилизации. Но к III веку слава империи поблекла, и мятежи окрасили улицы кровью. Те самые внушительные римские дороги, что так способствовали расширению империи, теперь стали самой большой ее слабостью, поскольку ими пользовались мятежные армии и полчища варваров. Никто, даже часто сменяющиеся императоры, не был в безопасности в те беспокойные времена. За первые восемьдесят лет столетия на троне побывало двадцать девять человек — но только один избежал убийства или плена, чтобы умереть собственной смертью.

Безразличие и бессилие царили повсюду, истощая мощь некогда прочных римских основ. Армия, слишком занятая тем, чтобы посадить на трон своего кандидата, пала жертвой этой слабости, как и все остальные. В 259 году гордый император Валериан повел свои войска против Персии и потерпел одно из самых сокрушительных поражений в римской истории. Взятый в плен врагом, он был вынужден терпеть унижение, служа скамейкой для ног у торжествующего персидского царя. Когда сломленный император скончался, персы содрали с него кожу, выкрасили ее в красный цвет и набили сеном. Выставив ужасающий трофей на стене, они показывали его приходящим римским послам как постоянное напоминание о том, каким легковесным стал миф о непобедимых легионах.

Такое публичное унижение вызывало гнев, но римские писатели давно уже сетовали на упадок нравов. В начале II века до н.э. Полибий обвинял политиков, чье потворство привело к бесчинствам толпы; Саллюстий клеймил порочность политических партий, а Ливий — наиболее прославленный автор римского зо-

лотого века — писал, что «в эти дни... мы не можем вынести ни болезней наших, ни их лечения»³.

Однако теперь появились и более тревожные знаки. Предсказания катастрофы уступили место страстным панегирикам, прославляющим величие и неизменность императоров, которые с очевидностью ничего из себя не представляли. Люди на троне были похожи на тени, мелькающие на имперской сцене — ужасное подтверждение тому, что боги отвернулись от человечества. Враждебные варвары собирались на границах империи, как волки, но полководцы посылали против них войска не чаще, чем использовали свои мечи, дабы прорубить путь к трону. Армия, когда-то бывшая слугой императора, теперь превратилась в его хозяйна, а династии появлялись и исчезали с поражающей частотой.

В хаосе почти непрерывной гражданской войны трудно было сказать, кто действительно является императором, но сборщики налогов все равно безостановочно требовали больше денег. Доведенные до отчаяния призрачные императоры пытались добыть средства, уменьшая количества серебра в монетах, но вызванная этим инфляция лишь нанесла ущерб экономике, и большая часть империи вернулась к системе натурального обмена. Устрашенные растущей неопределенностью, люди искали утешения в «мистических религиях», которые учили их, что земной мир скоротечен или порочен, и возлагали надежды на магию, астрологию и алхимию. Жизнь была полна боли; самые отчаянные отказывались вступать в браки или совершали самоубийства, чтобы избежать этого. Общество разваливалось на глазах, богатые и бедные равно молили о спасении.

³ Ronald Mellor, *The Historians of Ancient Rome: An Anthology of Major Writings* [«Историки античного Рима: антология главных сочинений»]. New York: Routledge, 2004.

Спасение пришло, как это ни неожиданно, из Далмации. Суровый солдат по имени Диоклетиан из отсталой дикой страны скалистых гор и густых лесов поднял восстание, чтобы претендовать на трон. Приобретая власть обычным путем — убив своих предшественников и одолев враждебные армии, — Диоклетиан оказался достаточно прагматичным, чтобы признать то, что остальные только смутно подозревали. Империя попросту была слишком большой, чтобы один человек успешно управлял ею в это тяжелое время. Ее обширные территории охватывали все Средиземноморье, простираясь от сырых лесов Британии до палящих пустынь Египта на юге, от Гибралтарской скалы на западе до границ Персии на востоке. Даже проведи он всю жизнь в седле, Диоклетиан не смог бы достаточно быстро реагировать, чтобы разрешить каждый кризис, как и не мог отправить кого-то сражаться от своего лица; недавняя история империи давала слишком много примеров того, как генералы используют свои войска, чтобы захватить власть.

Чтобы уберечь неустойчивую империю, Диоклетиану нужно было каким-то образом уменьшить ее невероятные размеры — задача, которая оказалась не под силу всем его непосредственным предшественникам. Мало исторических лидеров начинали свое правление с такой обескураживающей работы, но прагматичный Диоклетиан нашел неординарное решение: он возвел своего старого приятеля-собутельника по имени Максимиан в ранг императора, или августа, и расколол мир пополам.

Это решение было не настолько революционным, как может показаться, поскольку империя уже была разделена лингвистически. Задолго до того, как Рим стал мечтать о мировом господстве, Александр Великий добрался до Индии на востоке, сокрушив всех, кто стоял у него на пути, и включил эти огромные территории в состав империи. Вслед за этим произошла эл-

линизация, и хотя империя Александра распалась сразу после его смерти, греческая культура прижилась и пустила корни. Рим, пришедший с запада, стал лишь поверхностной стороной этого эллинизированного мира; имея превосходство в оружии, он благоговел перед изощренностью более старой культуры. На латыни говорили в восточных дворцах — но не на рынках и не в домах. И мышлением, и характером Восток оставался полностью греческим.

Поручив Максимиану западные области империи, где латынь оставалась основным языком, Диоклетиан оставил за собой более богатый и культурно развитый греческий восток. В принципе, империя все еще была единой и неделимой, но каждой из ее половин суждена была своя судьба, и резкая черта, что была проведена между ними, и в наше время все еще обозначает границу между Западной и Восточной Европой. Расхождение не было очевидным еще два столетия — но Диоклетиан действительно разделил мир на римскую и византийскую половины.

Совместное правление с другим человеком было опасным предприятием, учитывая очевидную опасность соперничества, но Максимиан показал себя исключительно верным соратником. Ободренный успехом и сознающий, что даже двух человек все еще недостаточно для сдерживания орд захватчиков, скопившихся на границах империи, Диоклетиан еще раз разделил власть, назначив двух младших императоров (*цезарей*). Им были даны полномочия распоряжаться армией и даже издавать законы, и в значительной степени облегчать тяготы правления старших правителей. Ни один из четырех человек не мог претендовать на полноценное императорское звание, и хотя на тот момент они оказались действительно эффективны, только время могло показать, станет ли эта тетрархия (четыревластие) соперничеством или же командой соратников.

Между тем для Диоклетиана это было только разминкой. Сократившийся объем работы позволил ему провести реорганизацию запутанного чиновничьего аппарата. Заменяв хаотическую систему четкой и эффективной, организованной по военному образцу, он разделил империю на двенадцать аккуратных диоцезов, каждый из которых управлялся наместником или викарием, подотчетным непосредственно императору⁴. Теперь налоги могли взиматься с большей эффективностью, и деньги, что потекли в казну, могли обеспечить лучшее снаряжение для солдат, охраняющих окраины. Теперь, приведя в порядок бюджет и границы, Диоклетиан мог обратиться к монументальной задаче упрочения положения короны.

Лучше, чем любой из людей до него, император понимал, насколько шатким стало положение престола. Многочисленные восстания сделали армию лояльной личности императора, а не его положению, и такая ситуация в основе своей была нестабильна. Ни один человек, независимо от своей власти или харизматичности, не мог осчастливить любой слой населения, и будь его слабость обнаружена, вспыхнула бы гражданская война. Когда-то царственная кровь долгоживущих династий сдерживала амбиции — но сейчас, когда любой человек с военной поддержкой мог сделаться императором, требовалось нечто большее. Чтобы прекратить череду восстаний и войн, Диоклетиану нужно было сделать уважаемым само *положение* императора, независимо от того, кто сидит на троне.

Это было великое сражение античного мира. Стабильность была необходима для упорядочивания пре-

⁴ Когда в ранней церкви только устанавливалась иерархия, она естественным образом впитала принципы окружающей ее империи. Таким образом, реформы Диоклетиана все еще видны в организации католической церкви, где епископы осуществляют надзор над диоцезами (епархиями), а папа римский считается «викарием» (наместником) Христа.

емственности — но часто такая стабильность могла быть достигнута только тираном, и каждый диктатор, обосновывая свой захват власти, таким образом расшатывал себе принципы наследования. В любом случае сама идея усовершенствования императорской власти бросала вызов существующей традиции. В последние пятьдесят лет было много императоров — выходцев из армии, людей, идущих на многое, чтобы доказать, что они точно такие же, как и те, кем они командуют. Они ели со своими солдатами, смеялись над их шутками, выслушивали их тревоги и делали все возможное, чтобы не лишиться их преданности. Подобное чувство локтя было необходимо; без него можно было легко пропустить первые признаки неблагополучия, которые могли вылиться в гражданскую войну. Но такое поведение также подтверждало идею, что император — обычный человек.

Простые смертные могут быть убиты или смещены по чьей-то воле; Диоклетиану нужно было доказать, что императоры представляют собой нечто совершенно иное. В случае, если он не смог бы изменить ситуацию, это означало, что все, чего он добился, рухнет после его ухода от власти.

В Римской империи существовала давняя традиция маскировки автократии за внешними атрибутами республики. Первый император, Август, отказался даже принять титул императора, предпочитая безобидное звание «первого гражданина». На протяжении более чем трехсот лет римские легионы гордо носили штандарты с надписью *SPQR*⁵, как если бы они служили воле народа, а не причудам тирана. Однако теперь Диоклетиан намеревался все изменить. Императорская власть больше не должна была скрываться под износившейся маской давно почившей демократии. Выставление напоказ неприкрытой власти должно было внушить трепет

⁵ *Senatus Populusque Romanus* — Сенат и народ Рима.

простонародью, в то время как попытки быть «первым среди равных» подстрекали к мятежам.

Религия дала ему отличное средство для реализации этой новой политической теории. Легитимность власти не проистекает от народа, она имеет божественное начало — и Диоклетиан является более чем представителем Юпитера, он сам — живой бог. Те, кому было дозволено увидеть его, должны были пасть ниц и отводить взгляд от его великолепия. Это было впечатляющее представление, и Диоклетиан принимал все меры, чтобы одеваться соответственно роли. Простая военная одежда не подходила божественному хозяину цивилизованного мира. Роскошная диадема венчала его голову — он был первым императором, надевшим ее, — и золотая мантия спадала складками с его плеч. Скрытый в продуманных церемониях, позаимствованных у Востока, где традиции божественных правителей всегда были сильны, Диоклетиан изъясил себя из числа обычных смертных — бог среди людей, окруженный непреодолимыми кругами придворных.

Опереть шатающийся трон на мощь олимпийских богов было эффектным ходом, не имеющим ничего общего с высокомерием или самомнением. В мире постоянных мятежей только угроза божественного возмездия наилучшим образом сдерживала восстания. Теперь восстание стало актом нечестивости, а убийство императора — святотатством. Одним ударом Диоклетиан создал самодержавного монарха, полубожественного императора, чьи приказы опирались на авторитет религии. Хотя конкретная вера могла измениться, сама модель императорской власти стала определяющей идеологией византийского трона.

Языческая империя охотно приняла эту концепцию. Ее жители были пантеистами и с легкостью могли принять божественного императора или двух императоров — ведь они в самом деле преклонялись перед своими мертвыми правителями на протяжении столе-

тий. Однако, к сожалению для Диоклетиана, не все из граждан Рима были язычниками, и его претензии на божественность ввергли его в противостояние с самой быстро растущей религией в государстве.

Нет ничего удивительного в том, что многие римляне отвергали привычных богов. Несомненно, недавние реформы Диоклетиана облегчили положение в государстве, но для большинства жизнь все еще была прискорбно несправедливой. Задавленные тяжелыми налогами, пострадавшие от тягот полувековых беспорядков, простые люди не находили защиты у прогнивших судов и могли лишь беспомощно взирать на то, как богатые отбирают у них земли в свою пользу. В полной безнадежности все больше и больше людей находили прибежище в разнообразных мистических культах, самым популярным из которых было христианство.

В противоположность независимой от них несправедливости мира вокруг, христианство поддерживало надежду, что страдания людей не напрасны, а кажущееся торжество их алчных мучителей будет прекращено всемогущим богом, который вознаградит праведных и накажет нечестивых. Они больше не были одиноки в темном падшем мире и ощущали поддержку любящего бога, который обещал им вечную жизнь. Материальный мир со всей его болью был преходящ, он должен был уступить место совершенному миру, где горести будут неизвестны, а все слезы высушены. Старая языческая религия с ее тщеславными раздражительными богами и бледным тенеподобным посмертием не могла предложить ничего столь же привлекательного.

Когда имперские власти стали открыто требовать жертвоприношений императору, большая часть христиан резко отказалась. Они охотно соглашались платить налоги, служить в армии и занимать общественные должности — но, как они предельно ясно дали понять, у христиан может быть только один бог. Император же, неважно, насколько могущественный, был всего лишь человеком.

Неприятие божественности Диоклетиана подрывало саму основу имперской власти, и с этим император мириться не собирался. Эти опасные мятежники, безбожники, отрицающие святость власти, должны были быть уничтожены. Был оглашен эдикт, требующий пожертвований императору под страхом смерти, и Римская империя предприняла свою последнюю серьезную попытку подавить христианство.

Произведенный эффект был ужасающим — особенно на востоке, где эдикт проводился в жизнь с чудовищной жестокостью. Там разрушали церкви, сжигали христианские сочинения, тысячи людей были брошены в тюрьмы, замучены или убиты. Но несмотря на рвение, с которым действовали исполнители, преуспеть они не могли. Язычники и христиане более или менее успешно сосуществовали на протяжении многих лет, и преследуемая церковь воспринималась с состраданием. Разумеется, ходили и сплетни о каннибализме и безнравственности, о том, как христиане тайно собираются, чтобы есть плоть и пить кровь их господина — но на самом деле никто не воспринимал эти рассказы всерьез. Большинство язычников отказывалось верить, что религия, которая одобряет уплату налогов, крепкие семьи и честную торговлю, может быть прибежищем опасных отступников, угрожающих безопасности государства. Христиане были соседями и друзьями, самыми обычными людьми, что изо всех сил старались преодолеть невзгоды этого мира. В любом случае христианство нельзя было ни игнорировать, ни просто уничтожить. Оно уже распространилось по всей империи и готово было изменить мир.

Диоклетиан сражался против христианства в безнадежной битве, и в 305 году н.э. он понял это. Правление сроком в двадцать один год оставило его физически истощенным, и великолепие его должности не могло этого возместить. В возрасте около шестидесяти лет, с подорванным здоровьем, император осознал, что его

молодость и зрелость прошли в служении государству, и не захотел посвятить остаток своих дней дальнейшему несению этой ноши. Ошеломив своих соправителей, он предпринял шаг, беспрецедентный в истории Рима — объявил о своей отставке. Впрочем, как и следовало ожидать от Диоклетиана, это не было простым отречением. В своем роде это было деяние столь же претенциозное, как и прочие его дела: безграничное доверие самому ходу истории.

Античный мир никогда особо не интересовался вопросами наследования. Римская империя, как и многие древние государства, традиционно передавала трон от отца к сыну, удерживая контроль над государством в руках небольшой группы людей. Самой большой слабостью этой системы было то, что если династия прерывалась, неспособная произвести наследника, мир империи погружался в кровавую войну, пока не определялся сильнейший. Что бы достигшие успеха императоры ни говорили о своем божественном праве, правда была в том, что законность их правления основывалась на физической силе, выдающемся уме или вовремя совершенных убийствах. Только в писанных конституциях эпохи Просвещения политические режимы найдут решение для этой фундаментальной проблемы. Без этого каждое правление сводилось к принципу выживания сильнейшего — или, как это по-республикански откровенно выразил Август, «*carpe diem*» — «лови момент».

Рим никогда не придавал особого значения принципам наследования, но теперь эта проблема стала насущной. За два столетия до Диоклетиана, во времена, которые по сравнению с истерзанной войной современностью представлялись идиллическим Золотым Веком, яркие, но бездетные правители выбирали наиболее способных людей из своего окружения и усыновляли их как наследников. Почти сотню лет трон переходил от одного одаренного правителя к другому, подтверждая высокий уровень власти и престижа Рима

и ясно показывая, как выглядит занятие должности по добродетели, а не по крови. Но этот оазис удачного правления сложился только потому, что никто из этих императоров не имел своих детей, и в конечном итоге порядок наследования стал Ахиллесовой пятой. У Марка Аврелия, последнего из «усыновленных» императоров, было тринадцать детей, и после смерти он оставил империю своему сыну Коммоду. Опьяненный властью и совершенно не способный к управлению, новый император провозгласил себя воплощением Геркулеса, принял титул *Pacador Orbis* (Умиротворитель Мира) и переименовал Рим и некоторые из месяцев года в свою честь. Римский народ терпел развращенное правление своего страдающего манией величия императора в течение двадцати долгих лет, пока наконец сенаторы не взяли дело в свои руки и Коммод не был задушен в собственной ванной⁶. Так просвещенный обычай еще раз уступил династической случайности.

Таким образом, последнее заявление Диоклетиана опередило время примерно на пятнадцать столетий. Оно не было просто отставкой усталого старика — это была полноценная попытка законодательного решения вопроса о наследовании. И он, и Максимиан должны были уйти в одно и то же время; соответственно, их цезари, Галерий и Констанций Хлор (Бледный), должны были стать старшими императорами, назначить своих цезарей и таким образом плавно завершить передачу власти. Это не только должно было организовать наследование без ужасов междоусобицы, но и обеспечить империю опытными и способными правителями. Никто не мог стать августом без того, чтобы прежде не подтвердить своих качеств в виде цезаря.

Сложив с себя корону и скипетр, Диоклетиан отрекся от власти и с удовольствием занялся выращиванием

⁶ Помимо прочих nepотpeбств, Коммод прославился тем, что тысячи калек при нем были забиты до смерти на цирковой арене.

капусты в своем имении в Салоне, на Адриатическом побережье⁷. Его современники с трудом представляли себе, что делать с богом в отставке, и история показала, каким мифологизированным может стать его наследие. Он прекратил хаос и восстановил стабильность — вполне достаточно, чтобы оправдать титул второго Августа; но, к сожалению, оказался в тени (в буквальном смысле этого слова) человека, что пришел к власти девятнадцатью годами спустя. Диоклетиан освободил Римскую империю от пережитков прошлого — но будущее лежало за Константином Великим.

⁷ Когда его пришли умолять, чтобы он вернулся в качестве императора, Диоклетиан иронически ответил, что искушение властью не может сравниться с занятием земледелием. Современный город Сплит в Хорватии вырос из пространства внутри стен его дворца.

ГЛАВА ВТОРАЯ. КОНСТАНТИН И ВОЗВЫШЕНИЕ ЦЕРКВИ

.....

Seneca saepe noster
[Сенека часто наш]

Тертуллиан

Тетрархия заслуживала более длинной жизни, чем она имела. Ирония истории проявилась в том, как она распалась, поскольку Диоклетиан позаимствовал идею собственно из римской истории.

Стремясь к стабильности тех счастливых дней, что были до того, как неумолимая сила потрясла Рим, Диоклетиан возродил систему усыновлений — но

ему стоило получше подумать, прежде чем выбрать двух человек с взрослыми сыновьями. Сыновья Максимиана и Констанция Хлора, Константин и Максенций, полагали, что трон принадлежит им по праву, и нетерпеливо ожидали, когда они смогут разделить императорскую власть. Но когда Максимиан с неохотой последовал в отставку за Диоклетианом, оба юноши остались ни с чем. Некогда бывшие сыновьями живых богов, Константин и Максенций стали не более чем обычными гражданами и восприняли это как предательство.

Не намереваясь отставать от жизни, Константин присоединился к военной кампании своего отца в Британии против пиктов. С легкостью покорив варваров, они оба удалились в Йорк, где стало очевидным, что Констанций был «бледным» потому, что умирал от лейкемии. Он был самым сдержанным из тетрархов, в основном игнорируя участие в религиозных преследованиях, производимых его более фанатичными соратниками, и пользовался широкой популярностью в армии, в составе которой было много христиан и солнцепоклонников⁸. Когда 25 июля 306 года он умер, посланник уведомил его убитых горем людей, что далекий цезарь по имени Север займет его место. Но солдаты на местах не намеревались слушать какого-то придворного чиновника. Большинство из них никогда не слышало о Севере, и им не было дела, кто он такой. У них была молодая, полная жизни версия их обожаемого военачальника, и совсем близко. Подняв Константина на своих щитах, они провозгласили его августом и тем ввергли Рим в войну.

Британские острова не так часто обращали на себя внимание империи, но возвышение Константина отозвалось даже в самых отдаленных уголках страны, одним ударом разрушив порядок престолонаследия, кото-

⁸ Имеются в виду митраисты, которые поклонялись не собственно солнцу, а Митре — богу солнца и справедливости. Митраизм был очень распространен в римской армии даже в христианскую эпоху. (Прим. ред.)

рый пытался установить Диоклетиан. Воодушевленные способом, которым он приобрел власть, другие стали нарушать пределы, установленные Диоклетианом, намереваясь взять силой то, что не позволял закон. Максенций, боясь остаться не у дел, уговорил отца вернуться из отставки, чтобы укрепить свой авторитет, и успешно противостоял всем попыткам сместить его. К замешательству современников и досаде студентов, изучающих этот исторический период, вскоре на место августа претендовало уже шесть человек.

К счастью, эта неразбериха не продлилась долго. Как бы огромна ни была империя, она все же была недостаточно велика, чтобы вместить шестерых правителей, и размножившиеся императоры начали услужливо вырезать друг друга. К 312 году только четверо из них остались в живых, и Константин решил, что настал момент действовать. Пока империя разваливалась на куски, он предпочитал помалкивать, но теперь тетрархия была безнадежно разрушена. Оба императора на западе властвовали незаконно, а восток был полностью поглощен своими собственными проблемами. Существовала лишь небольшая возможность вмешательства извне, и только Максенций отделял Константина от полного контроля над Западом. Неся перед собой штандарты своего бога-покровителя *Sol Invictus* (Непобедимое Солнце), Константин с армией в сорок тысяч человек пересек Альпы и спустился в Италию.

Как это свойственно великим людям, Константин исключительно хорошо рассчитал время, и удача сопутствовала ему. Популярность Максенция в тот момент была крайне низкой. Заявив, что он серьезно нуждается в денежных средствах, он без всякой жалости обложил налогами население Рима — но затем использовал эти деньги, чтобы построить на Форуме базилику внушительных размеров и поставить в ней свою огромную статую, спровоцировав тем раздраженных жителей на

восстание⁹. После уничтожения нескольких тысяч людей порядок был наконец восстановлен, но популярность Максенция так и не вернулась. Услышав о приближении Константина, испуганный император уже не был уверен в верности горожан, а потому покинул безопасные стены Рима и пересек Тибр по старому Мильвийскому мосту. Разбив лагерь в нескольких милях от города, Максенций обратился к своим авгурам, чтобы узнать о знамениях и быть уверенным в их благоприятности. На следующий день должен был быть его *dies impregii* — шестилетняя годовщина его прихода к власти. Не было более благоприятного времени для атаки.

На другом конце поля Константин, выжидая с армией, также искал знаки благосклонности богов. Предсказатели и заклинатели, толпящиеся вокруг лагеря Максенция, лишали его присутствия духа, и он не был уверен, что следует противостоять их влиянию. Жрецы, представляющие каждого бога в пантеоне, изучили внутренности животных или полет птиц и уверяли его, что боги благоволят ему — но его враг наверняка слышал те же самые многообещающие слова.

Тогда в пыли военного лагеря, в суете военной жизни, бурлившей вокруг, Константин преклонил колени и вознес молитву, которой суждено было изменить ход истории. Как он сам рассказывал несколько лет спустя, он смотрел в небо и умолял, чтобы истинный бог явил ему себя. Перед его изумленным взором возник огромный крест из света, располагающийся поверх солнца, которому он когда-то поклонялся, с надписью *IN HOC SIGNO VINCES* — «Под этим знаком ты победишь»¹⁰. Ошеломленный видением, император не был уверен,

⁹ Эта базилика все еще стоит там — правда, сейчас она известна под названием базилики Константина. После своего прихода в Рим победивший Константин заменил статую на свою, нанес на базилику несколько завершающих штрихов и объявил ее своей.

¹⁰ В традиционном русском переводе — «Сим победиши!» (*Прим. перев.*)

как ему следует действовать, но когда настала ночь, все очень удобно объяснилось во сне. Ему явился сам Христос, показал тот же знак и велел императору нести его перед собой как божественную защиту. Проснувшись, Константин послушно распорядился создать новые знамена с изображением увенчанного кольцом креста и первыми двумя буквами имени Христа. Уверенно неся их перед собой, его превосходящие численностью войска проложили себе путь к полной победе. Армия Максенция отступила обратно к Риму, но большинство его солдат утонуло, пытаясь перебраться через реку по старому Мильвийскому мосту. Во всеобщем хаосе Максенций, одетый в тяжелые доспехи, встретил ту же судьбу, упав в реку, уже кишевшую мертвыми и умирающими. Его тело, выброшенное на берег, было обнаружено следующим утром, и Константин гордо вступил в город, неся голову своего врага, насаженную на пику. Приветствованный Сенатом при входе в Форум, император недвусмысленно отказался совершить традиционное жертвоприношение языческому богу победы. Тиран мертв, объявил он, и начинается новая эпоха.

Это горделивое заявление оказалось даже большей правдой, чем мог предполагать Константин. Хотя это станет ясно значительно позже, битва у Мильвийского моста стала поворотной точкой в истории. С помощью креста и меча Константин совершил большее, чем просто одержал победу над противником — он слил церковь и государство воедино. Это стало одновременно благословением и проклятием для обоих институтов, и никогда уже христианская церковь и римское государство не станут прежними.

Это выглядит довольно странно — но, несмотря на гигантское влияние, которое он оказал на христианство, сам Константин никогда не был убежденным христианином. Он явно никогда полностью не понимал принятой им религии, и сначала казалось, что он

попросту допустил Христа в пантеон римских богов. Изображения Непобедимого Солнца (Sol Invictus) и бога войны Марса Охранителя (Mars Conservator) годами продолжали появляться на его монетах, а сам он никогда не отказывался от своего титула Pontifex Maximus — великого понтифика, верховного жреца старой языческой религии. Ученые потратили галлоны чернил в спорах о том, было ли обращение Константина искренним, но подобные спекуляции не относятся к делу. Гениальность Константина проявилась в том, что он увидел в христианстве не угрозу, как это сделал Диоклетиан, а средство объединения, и итогом его видения в тот судьбоносный день — неважно, было ли это истинное обращение или политическое приспособленчество — стали великие перемены для церкви и государства. С этой поры некогда гонимая церковь начала свое восхождение.

Языческий Сенат не вполне понимал, что им делать с их новым завоевателем. Он очевидно был монотеистом, но какого именно рода — было неясно, так что, как и политики всех иных эпох, сенаторы решили вести себя осторожно и возвести в честь нового императора триумфальную арку с надписями, туманно упоминающими «божество», что способствовало победе Константина в войне. Вполне удовлетворенный этой двусмысленностью, Константин в 313 году издал эдикт о религиозной терпимости, узаконивший христианство, но на этом остановился и не стал делать его единственной религией в империи. Хотя христианство хорошо ему подходило (его мать Елена была христианкой, а его собственный культ солнца считал воскресенье священным днем), в миссионерстве он не был заинтересован. Большинство его подданных все еще были язычниками, и последнее, чего бы он хотел, — отталкивать их навязыванием странной новой религии. Главной его целью было объединение империи под своим благосклонным руководством, и он не собирался рисковать ею ради религиозного рвения.

Однако существовали и более веские причины изображать из себя образец религиозной терпимости. Пока Константин был занят завоеванием Рима, император Лициний одержал победу на востоке и теперь с беспокойством наблюдал за своим хищным соседом. Для его страха имелись серьезные причины. Восточные территории Лициния были не только более богатыми и гуще населенными, чем их западные аналоги, но христианство возникло именно на них, что обеспечивало естественную поддержку человеку, столь внезапно обратившемуся в новую веру. На протяжении одиннадцати лет сохранялся хрупкий мир, но Лициний опасался прозорливости Константина, и его паранойя подвела его. Обвинив христиан на своих землях в том, что они служат пятой колонной в пользу его соперника, Лициний попытался подавить религию, начал казнить священников и жечь церкви — возобновляя преследования Диоклетиана.

Безрассудный восточный император играл на руку своему врагу. Константин только и мечтал о такой возможности он атаковал незамедлительно. Примчавшись на восток, он вышиб превосходящую армию Лициния с Геллеспонта, уничтожив захваченный флот, который так неудачно оставил император. После нескольких недель дальнейшего маневрирования две армии встретились 18 сентября 324 года у берегов Босфора, близости от греческой колонии Византий, и в тени этого древнего города Константин одержал полную и сокрушительную победу.

Теперь в возрасте пятидесяти двух лет он стал единственным правителем Римской империи, и чтобы увековечить свой успех, прибавил титул «Величайший» к своему впечатляющему списку имен, который теперь включал и «Победитель». Скромность никогда не входила в число императорских добродетелей, но Константин был мастером пропаганды и никогда не упускал возможности сделать себе рекламу. Эти наклонности

хорошо послужили ему, позволив укрыть жажду власти за обезоруживающей маской терпимости и избавиться от всех противников, не выходя из роли народного защитника. Он спас своих подданных-христиан, не подвергая преследованиям язычников и всегда придерживаясь осторожного нейтралитета. Теперь, когда у него больше не осталось врагов-язычников, он мог оказать более открытое покровительство христианству. Его мать Елена была отправлена в паломничество на Святую Землю — первое подобное путешествие в истории, — основывая там приюты и лечебницы, которые еще послужат следующим поколениям. В Вифлееме она построила церковь Рождества Христова в месте рождения Христа, а на Голгофе в Иерусалиме она чудесным образом обнаружила Животворящий Крест, на котором был распят Христос. Сравнив с землей храм Венеры, возведенный императором Адрианом, она возвела храм Гроба Господня над пустой гробницей.

Пока его мать была занята обязанностями первой паломницы, Константин предпринял несколько реформ, которые имели далеко идущие последствия. Беспорядки гражданской войны подорвали рынки и фермы, поскольку работники сбежали в сравнительную безопасность городов, и император пытался стабилизировать ситуацию, принуждая земледельцев оставаться на их земле. Пойдя даже дальше, он прикрепил членов гильдий — от пекарей до свиноголовцев — к их занятиям, заставив сыновей следовать отцам. На Востоке, который всегда был более спокойным и процветающим, его законодательная деятельность редко навязывалась и имела небольшое воздействие, но на беспорядочном подвижном Западе она насаждалась весьма интенсивно, результатом чего стало возникновение феодальной системы, которая пустила глубокие корни и просуществовала на протяжении тысячи лет.

За короткий срок долгожданная стабильность вернулась в Римскую империю. С полей собирался уро-

жай, рынки возобновили свою деятельность, торговля вновь начала разрастаться.

Но Константин был заинтересован не только в материальном благополучии своих подданных, и как только финансовое состояние империи улучшилось, он начал оказывать осторожное покровительство своей новой вере. Языческие жертвоприношения были отменены, сакральная проституция и ритуальные оргии объявлены вне закона, храмовые богатства были конфискованы на постройку христианских святынь. Распятие на кресте было запрещено, и даже гладиаторские бои отменили в пользу менее жестоких гонок на колесницах. Константин уже объединил империю под своим началом и теперь намеревался так же объединить христианство.

Но как только было достигнуто политическое единство империи, ей стала угрожать новая смертельно опасная ересь. Она родилась в Египте, где молодой жрец по имени Арий стал учить, что Христос не имел полностью божественной природы и таким образом не был равен Богу-отцу. Подобное учение било в самое сердце христианской веры, отрицая ее главный догмат, согласно которому Христос являлся воплощенным Словом Божьим. Но Арий был блестящим оратором, и люди начали стекаться к нему, чтобы послушать его речи. Церковь была застигнута врасплох; нависла угроза раскола.

Периодически преследуемая и еще недавно вынужденная вести подпольное существование, церковь была децентрализованной конфедерацией не связанных друг с другом местных общин-конгрегаций, рассеянных по всей империи. Как преемник Святого Петра, римский епископ пользовался особым уважением, но не обладал действительным контролем — и, как свидетельствуют послания святого Павла в Новом Завете, разные общины проявляли сильное стремление к выбору собственного пути. Без реально действующей иерархии и организационной структуры у церкви не было возможностей, чтобы решительно ответить уче-

нию Ария, в результате разногласия вскоре обострились до предела.

Для солдатского склада ума Константина довольно характерно, что он полагал, будто может просто приказать враждующим фракциям примириться. Совершенно недооценив накал страстей, он с болезненной наивностью написал епископам в Египет, сказав, что их отличия «несущественны», и попросив их работать вместе и жить в согласии. Он полагал, что проблема с христианством состоит лишь в нехватке твердой руки. Когда стало ясно, что епископы ничего поделать не смогут, Константин пошел на крайние меры. Епископы ходили на старых сенаторов Римской республики — они вечно спорили, но никогда не приходили к решению без нажима извне. К счастью, Август решил для империи эту проблему, позволив сенаторам продолжать говорить, но оказывая на них влияние своим присутствием, когда нужно было решить дело. Теперь спасение Церкви стало задачей Константина. Под его бдительным надзором Церкви следовало говорить единогласно — а сам он позаботится о том, чтобы мир услышал этот голос.

Объявив о великом Соборе, Константин пригласил участвовать в нем каждого епископа в империи и лично оплатил стоимость дороги и проживания. Когда несколько сотен священнослужителей прибыли в азиатский город Никею, император собрал их в главном храме и 20 мая 325 года начал заседание эффектным призывом к единению. Константин не был особенно уверен, чья сторона в споре возобладает, пока не определился явный победитель, и намеревался выказывать поддержку тем, на чьей стороне окажется большинство.

Собор начал с обсуждения вопросов меньшей важности — таких, как выяснение истинности крещения еретиками и установление официального расчета времени Пасхи, и только потом перешел к злободневному вопросу о соотношении Отца и Сына. Первоначально

все шло гладко, но когда настало время сформулировать символ веры, обе стороны отвергли компромисс, и собор оказался под угрозой срыва.

Главная проблема заключалась в том, что предлагаемое слово для описания Христа на греческом было *homoiusios*, то есть «подобный сущностью» по отношению к Отцу. Разумеется, это Арий придерживался позиции, что два члена из Троицы были подобны, но не равны, а прочие епископы активно против этого возражали. Увидев, что сторонники Ария остались в явном меньшинстве, Константин выступил против них и предложил свое решение. Выбросив «i», он изменил слово на *homousios*, что означало «одной сущности», «единосущный» с Отцом. Ариане были огорчены таким явным неодобрением их взглядов, но в присутствии императора (и его солдат) не посмели выказать свое неудовольствие. Арианские епископы начали колебаться, а когда Константин уверил их, что равенство с Отцом может быть истолковано в «божественном и мистическом» смысле, они склонились перед неизбежным. Константин позволил им уйти — чтобы они толковали *homousios*, как им заблагорассудится, — и ариане покинули собор, чтобы вернуться в свои дома, сохранив достоинство. Ария осудили, его книги сожгли, и целостность Церкви была восстановлена.

Никейский Символ веры, принятый под надзором Константина, был больше, чем простым изложением веры. Он стал официальным определением того, что означает «быть христианином», и определил, во что верят истинная (православная) и всеобщая (католическая) церкви. Даже сейчас он может быть услышан во всех протестантских, православных и католических церквях, тусклым отблеском тех времен, когда христианство стало единым. На Востоке, где существовала Византийская империя, Никейский Собор определил взаимоотношения между церковью и светской властью. Епископы могли самостоятельно принимать решения

по церковным вопросам, а делом императора было проведение их в жизнь. Константин был мечом церкви, искореняющим ересь и охраняющим веру от раскола, схизмы. Понятие «целостности» до некоторых пределов пытались изменить наследники Константина, но основополагающий принцип оставался неизменным. Долгом императора было слушать голос всей церкви; что же этот голос говорит, оставлялось на усмотрение епископам.

Теперь, когда оппоненты Константина — и военные, и церковные — были повержены к его ногам, он решил возвести памятник, подобающий его славе. Он уже украсил Рим, завершив внушительную базилику и поместив внутрь нее свою гигантскую сорокафутовую статую. Теперь он добавил к этому несколько церквей и пожертвовал дворец на Латеранском холме, чтобы тот стал храмом для римского патриарха — папы. Впрочем, в Риме толпилось слишком много языческих призраков, и они не могли быть просто спрятаны за тонким христианским фасадом, дабы город стал величественным центром христианской империи. Кроме того, Рим уже не был тем городом, что раньше, и империя больше не вращалась вокруг него.

Расположенный вдалеке от границ империи, Рим давно перестал быть ее подлинной столицей и только изредка посещался недолговечными императорами III века. В интересах военной целесообразности Диоклетиан настоял, чтобы двор путешествовал вместе с ним, заявив, что столица империи находится не в определенном городе, но там, где пребывает император. Этим он только высказал вслух то, что давно уже было неприятной правдой. Не способные обосноваться за милю от опасных границ, императоры избирали свои собственные пути, и имперская власть следовала за ними. Сам Диоклетиан, занятый делами в Никомедии, посетил Вечный город лишь однажды, а его реформы и вовсе низвели Рим к положению лишь символически важных задворков.

Константин решил дать колеблющейся империи новые корни и начать все сначала. Позднее он, как обычно, заявит, что это божественный голос привел его в древний город Византий — но очевидно, что для выбора места никакие видения не были нужны. Имевшая возраст примерно в тысячу лет, греческая колония располагалась в наиболее удобном месте, на границе западной и восточной частей империи. Обладая великолепной глубоководной гаванью, город мог контролировать доходные торговые пути между Черным и Средиземным морями, которые приносили лес и янтарь с далекого севера, масло, зерно и пряности с востока. С трех сторон окруженный водой, город обладал настолько хорошей естественной защитой, что можно только удивляться, как основатели близлежащих колоний не увидели превосходства этого великолепного акрополя. Впрочем, самым главным для Константина было то, что пологие склоны Византия свидетельствовали о его окончательной победе над Лицинием, в которой он наконец обрел свою цель.¹¹ Не было лучшего места, чтобы возвести памятник своему величию.

Сопровождаемый придворными, которые всегда держатся поближе к находящимся у власти, Константин взобрался на один из холмов Византия и окинул взглядом простую греческую колонию, которую собирался преобразовать в мировую столицу. Ей предстояло стать больше, чем просто очередным имперским городом; она должна была стать центром владычества Христа на этой земле, живым сердцем христианства. Он выбрал место с семью холмами, напоминающими о знаменитых семи холмах Рима, и на этом месте, свободном от языческого прошлого, собирался построить

¹¹ Связь Константина с этим городом восходит к 292 году, когда он со своей матерью Еленой были захвачены в качестве заложников императором Галерием.

Nova Roma — Новый Рим, что позволит преобразовать империю на восточный, христианский лад.

Желание возвести город в течение своей жизни не было простым проявлением гордыни. Рим строился не за один день, но у Ромула не было ресурсов Константина. Император был владельцем всего цивилизованного мира, и он твердо решил сделать невозможное, но закончить свой шедевр. Ремесленники и средства со всей империи были направлены на этот проект, и город вырос чуть ли не за одну ночь. Склоны холмов, некогда заросшие травой, вскоре украсились банями и колоннами, университетами и форумами, величественными дворцами и ипподромами. Сенаторов, желающих оставаться поближе к власти, восток вскоре привлек новыми блестящими возможностями, здесь они были осыпаны почестями и заняли места в новом расширенном Сенате.

Впрочем, сюда стремились не только богатые люди. Константинополь был новым городом, не засоренным еще столетними традициями и голубой кровью, а следовательно, в нем была возможна необычайная социальная мобильность. Возможность продвижения по социальной лестнице была доступна бедноте, которая прибилась к Босфору, а достаточное количество зерна обеспечивало пищу более чем двум сотням тысяч жителей. Доступность воды обеспечивалась общественными хранилищами-цистернами, многочисленные гавани изобиловали рыбой, а широкие проспекты вели к площадям, украшенным прекрасными скульптурами, что были собраны со всей империи.

Мощь города была осязаемой — однако, несмотря на ее блеск и молодость, Новый Рим родился уже старым. Знаменитая змеевидная колонна, посвященная победе греков над персами в 479 до н.э., была доставлена сюда из города Дельфы, египетский обелиск из Карнака установлен на ипподроме, а на форуме устано-

вили статуи всех известных людей, начиная от Александра Великого и заканчивая Ромулом и Ремом. Все это придало городу весомость, связывающую его со знакомыми древними традициями — и, как надеялся Константин, обеспечивало городу непревзойденный авторитет.

Император уже дал жителям своего нового города хлеб, а теперь должен был удостовериться, что им хватает и зрелищ. Были назначены официальные инстанции, чтобы наблюдать за празднествами, финансировать дорогостоящие гонки на колесницах, раздавать одежду и деньги зрителям.¹²

Созванный народ ожидала целая череда развлечений, каждое из которых было еще более зрелищным, чем предыдущее. Грациозные гимнасты выступали с дикими животными или удивляли толпу, прохаживаясь по тросу, натянутому высоко над землей, медведей заставляли бороться друг с другом, а размалеванные артисты радовали публику живыми пантомимами и непристойными песнями. После представлений довольные сенаторы и собранные сановники, занимающие мраморные скамьи, что ближе всего были расположены к беговым дорожкам, могли присоединиться к гражданам из всех сословий в новой огромной бане, которую император торжественно открыл на центральной площади города. У самых состоятельных, разумеется, были собственные бани в своих имениях, рассыпанных между триумфальными арками, что обрамляли Мезе, главную транспортную магистраль города — но даже они не могли не признать явной роскоши новых публичных зданий Константина.

Город, которому суждено было стать империей, был официально открыт 11 мая 330 года, но хотя Констан-

¹² Это было начало тех самых знаменитых «синих» и «зеленых» партий, что вскоре заняли главенствующее положение на ипподроме и сыграли огромную роль во время правления Юстиниана.

тин и назвал его Новым Римом, он всегда был известен как Константинополь — в его честь.¹³

Празднования были настолько пышными, что только хозяин всего известного мира мог позволить себе подобное. Они завершились странным сочетанием христианских и языческих служб. В сопровождении жрецов и астрологов человек, объявивший себя защитником христианского мира, проследовал к центру своего форума и остановился перед высокой колонной, которую он воздвиг в свою собственную честь. Это высокое сооружение было увенчано подходящей золотой статуей, позаимствованной в храме Аполлона и подправленной так, чтобы иметь большее сходство с Константином. Коронованная нимбом с семью лучами (которые, по слухам, содержали гвозди, использованные в распятии Христа), эта впечатляющая фигура уверенно взирала на восходящее солнце, размышляя о славном будущем, которое однажды настанет. У подножия колонны император руководил торжественной церемонией, посвящающей город богу, в то время как наиболее священные предметы, какие можно было найти в языческом и христианском прошлом, закапывали в землю под этой колонной. В момент, указанный астрологами, реликвии были помещены в громадные порфиновые цилиндры, привезенные из египетской пустыни, и зарыты в землю под колонной. Таинственный плащ Афины, топор, с помощью которого Ной построил свой ковчег, корзины, из которых было накормлено пять тысяч людей — все это в нелепом сочетании лежало там на протяжении столетий.¹⁴ Посколь-

¹³ Начиная с 232 года и вплоть до падения империи более чем тысячу лет спустя, граждане Константинополя каждый год 2 мая собирались на Ипподроме, чтобы отметить годовщину рождения города.

¹⁴ Предполагается, что все эти предметы до сих пор находятся там. Со временем, когда колонна сама по себе стала чем-то вроде реликвии, каждый Новый год (1 сентября) люди собирались вокруг нее и пели гимны.

ку дело касалось его души, Константин предпочел действовать наверняка.

До конца своего правления Константин пытался поддерживать политическую и религиозную гармонию. Под его твердой рукой вернулось прежнее благополучие, но временами его твердость граничила с гневливостью. Недовольный популярностью своего сына Криспа, император обвинил его в попытке соблазнить его мачеху Фаусту. Не дав сыну ни малейшего шанса доказать свою невиновность, Константин казнил его, а затем приказал убить Фаусту, обварив ее горячей водой в ее же ванной. Он пролил столько крови для объединения империи под своим руководством, что не мог допустить соперничества — особенно в своей собственной семье.

Но в том, что касалось его взаимоотношений с церковью, его решительность куда-то девалась. Утомленный богословскими спорами, Константин заботился только о том, чтобы христиане были объединены под его рукой, что вылилось в традицию поддерживать ту из сторон, что на тот момент представлялась ему более влиятельной.

Главным затруднением было то, что Собор — даже такой значительный, как Никейский — мог определить доктрину, но не мог изменить умонастроения простых людей, составляющих церковь. Арий мог быть объявлен еретиком группой епископов, но это никак не умаляло его популярности как оратора, и он находил теплый прием повсюду на Востоке, где люди продолжали переходить на его сторону. Египетской пастве был дан новый епископ — Афанасий, пламенный сторонник основного церковного направления, но прихожане оставались верны проповедям Ария.

Если бы Константин твердо придерживался решений своего Никейского собора, все могло бы закончиться благополучно, под жестким давлением верховной власти ересь Ария вскоре бы выдохлась. Но Констан-

тин решил, что общественное мнение переметнулось на сторону Ария, поэтому он изменил свою позицию и вынес приговор Афанасию. Когда осужденный прибыл в Константинополь с просьбой пересмотреть его дело, император был так потрясен его ораторским мастерством, что снова изменил свое решение и на сей раз осудил Ария. К этому времени жители Александрии уже достаточно намучились, пытаясь понять, кого из двух епископов они все-таки должны слушать.

Дела шли все хуже. Арий сделал все возможное, чтобы не обращать внимания на свое отстранение от должности. Он основал свою собственную церковь, и большая часть александрийцев вскоре поддержала его. Константин ответил попыткой обложить их налогами, чтобы призвать к повиновению, объявив, что каждый объявивший себя приверженцем арианства будет платить больше. Это не возымело особенного эффекта, и вскоре группировка сторонников Ария при дворе уговорила нерешительного императора поменять мнение еще раз. Афанасия уже привычным образом отстранили от должности и отправили в отставку. Из-за колебаний Константина ситуация запуталась окончательно и продолжала ухудшаться даже после зловещей смерти Ария¹⁵.

У Константина уже не было сил разбираться с запутанными религиозными вопросами, и очень скоро его ум обратился к мыслям о военной славе. В дни его молодости христиане собирались под его знаменами, когда им угрожал Лициний — так что, возможно, другая военная кампания вернет церковную жизнь в спокойное русло. Подыскивая подходящего противника, он остановил взгляд на Персии, заклятом враге Рима. Персидский царь Шапур II как раз вторгся в Армению,

¹⁵ Согласно официальной версии, прогуливаясь по константинопольскому форуму, Арий внезапно почувствовал желание облегчиться. Как только он пристроился позади колонны, его кишки выплеснулись наружу вместе с печенью и почками, и он умер почти мгновенно.

и кампания по завоеванию и христианизации огнепоклонников-персов была весьма кстати.

Между двумя империями не было любви, и у Шапура II имелось что ответить. Крашенная кожа римского императора все еще висела в персидском храме, а захваченные римские штандарты все еще украшали его стены. Пришло время отомстить за эти оскорбления. Собрав армию, Константин выступил в поход сразу после пасхи 337 года, но дошел только до Хеленополиса (современный Херсек) — города, названного в честь его матери. Здесь он почувствовал себя слишком плохо, чтобы продолжать поход. Воды ближайшего горячего источника не улучшили его состояния, и к моменту, когда он достиг предместий Никомедии, он уже знал, что умирает.

Император всегда соблюдал осторожность в отношениях с религией, откладывая свое крещение до последнего — ведь посвящение богу в последнюю минуту, снимающее все грехи, подарит ему верную возможность войти в рай «с чистого листа». Теперь же, чувствуя приближение последнего вздоха, он отбросил императорские регалии и облачился в белые одежды новообращенного христианина. До самого конца колеблясь между сторонами Никеи, он в конце концов выбрал арианского епископа Евсевия, чтобы принять крещение. Спустя несколько дней, 22 мая, первый христианский император скончался.

Даже в смерти он сумел показать свое величие. Он получил звание «равноапостольного» — хотя явно полагал себя выше апостолов, — а его погребение не оставляет сомнений в том, кем он считал себя. В отличие от обычных римских традиций кремации, его похоронили в роскошном саркофаге в пышной Церкви Апостолов, построенной им в Константинополе. Вокруг его гробницы располагались двенадцать пустых гробниц, по числу апостолов, а он сам, как Христос, занимал положение в центре. Это был последний пропагандистский

ход от человека, который представлял свои грубые и корыстные действия как боговдохновенные деяния. Несмотря на то, что он убил свою жену и старшего сына, его почитают как святого — довольно впечатляющее достижение для человека, который считался языческим богом и был крещен еретиком.

Но если отвлечься от непривлекательности его характера, немногие правители в истории внесли в нее такой вклад. Он пришел, когда и империя, и ее религия пребывали в расколоте и безнадежно противоречивом состоянии, и в обеих случаях восстановил порядок, который мог хорошо послужить и той, и другой. Его ограниченное понимание христианства усугубило разногласия между ними — но принятие им христианской веры стало культурным потрясением и привело к широкомасштабным и долговременным изменениям в обществе. На Западе он заложил феодальные принципы средневековой Европы, сделав крестьянский труд наследственным, а на Востоке вера, которую он исповедовал, стала связующей силой его империи на следующую тысячу лет. Со временем город, который он основал, стал великим бастионом христианства, что защищал молодую Европу от бесчисленных азиатских нашествий.

К моменту смерти Константина преобразования, которые начались еще с Диоклетиана, стали приносить свои плоды. Старая Римская империя начала отходить в прошлое. Столица на Босфоре была построена по латинскому образцу, ее бюрократия и стиль управления перекликались с тем, что было в Риме — но будучи пересаженным на восточную почву, этот Новый Рим уже начал меняться. В нем начинала приживаться греческая, христианская культура.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ОТВЕТНЫЙ УДАР ЯЗЫЧЕСТВА

.....

Скажи царю, что прекрасного дома бога на земле больше не существует, и источники, говорившие когда-то, замолчали и высохли. Ни обители не осталось у бога, ни крова, ни пристанища. Лавр прорицателя больше не цветет в руках.

Уилмер. К. Райт, «Юлиан», книга III

Империя могла глубоко измениться, но ее жители обычно не обращали внимания на перемены. Они называли себя римлянами в начале правления Константина и продолжали называть себя так спустя 1123 года, когда Кон-

стантинополь наконец-то пал. Вечером 22 мая 337 года они сознавали лишь то, что правление Константина, длившееся 31 год, закончилось. Его правление продолжилось дольше всех со времен Августа и возвестило о великих переменах. Христианство нанесло свой первый удар в войне против язычества за душу империи — но война не была окончена.

Несмотря на свою внушительную репутацию защитника веры, Константин оставил после себя мир, который ни в коем случае нельзя было назвать христианским. Строго говоря, Римская империя все еще официально оставалась языческой, и государство продолжало отпускать деньги на содержание храмов и священнослужителей старой языческой религии. Константин всего лишь легализовал христианство — но с самого начала было ясно, что это только первая ласточка. Многие в империи со страхом наблюдали за растущим могуществом этой странной новой веры; писатели и историки сетовали на упадок традиционных ценностей. Старые боги заботились о Риме тысячу лет, и моралисты зловеще пророчили, что пренебрежение ими принесет только несчастье. Языческие храмы все же были полны, несмотря на набитые битком церкви, и множество людей молилось о появлении защитника старых богов, который спас бы империю от бессилия перед христианством. Всего лишь спустя двадцать четыре года после смерти Константина такой правитель появился.

Одной из причуд судьбы стало то, что последний языческий император был представителем первой христианской династии в империи. Наверное, никого не удивит, что Константин уделил очень мало внимания выбору того, кто унаследует за ним престол. Проявив свою обычную озабоченность самим собой, он оставил детальные указания касательно своих похорон, но не озаботился назначить преемника. Каждый из трех его выживших сыновей (с прискорбной нехваткой ориги-

нальности все они были названы разными вариантами имени «Константин») полагал, что станет императором, итогом чего стало бы неудобное тройное разделение империи. Констанций II, наиболее способный из сыновей, принял меры предосторожности, убив всех, в ком текла хотя бы капля крови его отца и до кого он мог дотянуться, пощадив лишь своего двоюродного брата Юлиана — и только потому, что в свои пять лет он не представлял серьезной опасности.

Резня могла бы предотвратить дальнейшее уменьшение размеров владений каждого правителя: хотя империя и была огромной, она все же была недостаточно велика, чтобы вместить в себя троих людей с колоссальным самомнением. В результате они начали борьбу почти немедленно. Рожденные в роскоши дворца, они были воспитаны армией слуг, с рождения окружены надоедливými дворцовыми церемониями. Их обучали толпы наставников, льстили вниманием куртизанки — и у них оставалось мало времени или возможностей, чтобы укрепить братские связи, что, мягко говоря, обусловило печальные семейные тенденции. Не прошло и трех лет, как старший сын вторгся во владения самого младшего, и империя снова забилась в судорогах гражданской войны.

Пока сыновья Константина были заняты устранением друг друга, их кузен Флавий Клавдий Юлиан, более известный потомкам как Юлиан Отступник, проводил свое детство под формальным домашним арестом, читая греческих и римских классиков. Будучи по характеру спокойным, серьезным и склонным к наукам юношей, он был полностью удовлетворен пребыванием в своей уютной ссылке и не выказывал никакого желания присоединиться к своей семье на опасной имперской сцене. Когда ему исполнилось девятнадцать, Юлиан успешно получил разрешение на путешествие, чтобы продолжить свои занятия. Следующие четыре года он провел в путешествиях от Пергама до Эфеса,

сидя у ног философов и очаровываясь классической эпохой. Ко времени, когда он достиг Афинской школы, он уже втайне отрекся от христианства и обратился в разновидность язычества под названием неоплатонизм. Скрывая свое отступничество под маской благочестия, он уверял своих обеспокоенных учителей, что его вера сильна как никогда — несмотря на то, что он познакомился с многими языческими культами.

Юношеские путешествия Юлиана были внезапно прерваны. Констанций II пережил своих братьев и объединил римский мир под своим владычеством, но обнаружил, что у империи слишком много врагов, чтобы справиться с ними в одиночку. Пока он укреплял свою власть, его семья казалась угрозой, которую следовало устранить или нейтрализовать как можно быстрее. Но теперь, когда он укрепился на престоле и на его плечи легли тяжелые государственные заботы, кровное родство представлялось лучшим зарокон верности. Варвары захватили Галлию, и кому-то нужно было остановить их, но Константин II был скован необходимостью справиться с вечной угрозой Персии. Поиски кого-то подходящего из своей семьи были довольно тяжелыми, поскольку он неплохо преуспел в уничтожении почти всех родственников. Однако все еще имелся один подходящий кандидат. Надеясь, что во время своих длительных занятий Юлиан усвоил добродетель прощения, Констанций II вызвал своего молодого кузена в Милан.

Юлиан, вероятно, был бы рад провести всю жизнь в тихих исследованиях, но не подчиниться приказу императора было невозможно. Остановившись только для того, чтобы посетить древние развалины Трои, он с тревогой предстал перед своим кузеном. Последний член семьи, появившийся перед Констанцием II, был казнен, и узнав о вызове, Юлиан не был уверен в том, что он закончит лучше. Но возведенный в ранг цезаря бывший школяр получил распоряжение отправиться в Галлию, чтобы восстановить порядок на рубежах Рей-

на. Для выполнения этой тяжелой задачи ему выделили лишь 360 человек, которые (как он сухо заметил) «знали только, как молиться», но не как сражаться.¹⁶

Юлиан едва ли был впечатляющим командиром. Нескладный и несколько неуклюжий, он никогда в жизни никем не руководил и подвергался осмеянию при дворе. Хаос на Западе отпугнул даже такого опытного военачальника, как Констанций II, и похоже, требовались годы, чтобы исправить положение. Никто не возлагал особенных надежд на нового цезаря, серьезно и замкнутого.

Обряженный в неудобную военную форму, бывший студент собрал свои книги и 1 декабря 355 приступил к своей малообещающей миссии. Против всех ожиданий, он стал прекрасным полководцем. За пять лет военной кампании он усмирил провинцию, взял двадцать тысяч готских пленников, вытеснил варваров и даже четырежды пересек Рейн, чтобы громить алеманнов на их собственной территории. Отослав захваченного германского короля, закованного в цепи, в Константинополь, на зиму победоносный младший император вернулся в Париж.

Такие отважные подвиги были последним, о чем хотел бы слышать Констанций II. Юлиан покинул его неуклюжим студентом, тихим, не представляющим угрозы юнцом, над которым потешался весь двор, но каким-то чудом превратился в опытного полководца и руководителя, которого обожала и армия, и местные жители. Он не выказал никаких признаков неповиновения, но Констанций II в свое время повидал слишком много претендентов, чтобы просто расслабиться и ждать предательства. Чем скорее эта новая угроза будет

¹⁶ Истинный римлянин, Юлиан пришел в отвращение и от германского пива, которое в огромных количествах поглощали местные жители. Обращаясь к вызвавшему его неудовольствие напитку, он писал: «Я не признаю тебя; я знаю только сына Зевса [т.е. Диониса]. Он пахнет нектаром, а ты воняешь козлом».

устранена, тем лучше. Объявив, что нуждается в деньгах и войсках Юлиана для кампании против Персии, Констанций II в письме потребовал от своего кузена, чтобы он собрал налоги с Галлии и немедленно передал половину своих войск для кампании в Персии.

Требования императора достигли Юлиана зимой 359 года и были встречены с ужасом и недоверием. Многие из солдат Юлиана вступили в кампанию под прямым условием, что их никогда не отправят на восток, и мысль о том, чтобы пройти тысячи миль и сражаться под другими знаменами, в то время как их семьи будут подвергаться набегам варваров, вызвала странный бунт. Окружив ночью дворец Юлиана, солдаты провозгласили его августом и умоляли бросить вызов Констанцию II¹⁷. После объявления о том, что Зевс дал ему знак, Юлиан наконец согласился. Поднимая его на щитах по старому германскому обычаю, солдаты охрипли от крика, снова разрывая римский мир между двумя правителями.

Миру не суждено было долго оставаться расколотым. Действия Юлиана очевидно означали войну, поэтому он прекратил притворяться христианином и разослал во все крупные города Греции и Италии манифесты, в которых объявлял о своем намерении возродить язычество. Вести об ужасающем отступничестве разлетелись по всему Западу, но не достигли Тарса, где Констанция II сразила серьезная болезнь. Юлиан исключительно удачно выбрал время для своего мятежа. Констанций великодушно назвал Юлиана своим наследником и распустил врачей. Несколько дней спустя сорокалетний император умер, и бразды правления в Римской империи снова перешли к язычнику.

¹⁷ Ирония здесь состоит в том, что солдаты, которые восстали из-за перспективы отправки на юг, в конечном итоге последовали за Юлианом в Константинополь и затем в Персию — прекрасный пример того уважения, которое император внушал людям, находящимся в его подчинении.

Юлиан услышал о смерти своего кузена, когда был на адриатическом побережье, и поспешил в столицу так быстро, что возникли слухи, будто у его колесницы выросли крылья. Первый император, рожденный в Константинополе, прибыл в свой родной город 11 декабря и был встречен громоподобными приветствиями. Почти все население города высыпало на улицы и шумно приветствовало Юлиана, по свидетельству очевидца — «как если бы он спустился с небес»¹⁸. Сенаторы спешили поздравить его, в то время как ликующая толпа заполонила улицы, веселясь и аплодируя. О новом молодом императоре большинство из них знало только по слухам, шепотом рассказанным историям о его военных успехах, что просочились с пограничья. Уверенно шествующий по городу, он при первом взгляде казался похожим на самого Юлия Цезаря, вернувшегося, чтобы повести империю к новому Золотому веку.

Впрочем, вид с трона вовсе не был таким радужным. Куда бы Юлиан ни посмотрел тем ярким декабрьским днем, повсюду он видел пороки, распутство и безусловный упадок. Во время правления сыновей Константина расцвело безудержное взяточничество, чревоугодие и разнообразные злоупотребления. Имперские должности покупались и продавались с пугающей легкостью, и даже армия размякла и потеряла дисциплину. Нарочитое выставление напоказ благополучия скрывало упадок за роскошным фасадом, внешняя эффектность заменила собой эффективность.

Убежденному реакционеру Юлиану было нетрудно увидеть источник всех бед империи.¹⁹ Август носил

¹⁸ Marcellinus Ammianus, W. Hamilton, ed. and trans. [Аммиан Марцелин, под ред. и в переводе В. Гамильтона, «Поздняя Римская империя (354–378 гг. н.э.).»]. New York: Penguin Classic, 1986.

¹⁹ В своем стремлении повернуть время вспять Юлиан взял за привычку присутствовать среди сенаторов, пока они совещались — как

простые одежды и назывался «первым гражданином». Теперешние императоры расхаживали в шелковых одежаниях, расшитых драгоценностями, и скрывались от своих людей за евнухами и клубами благовоний. Когда-то они обсуждали со своими полководцами вопросы завоевания мира, а теперь проводили время с поварами, обсуждая все более замысловатые кулинарные изыски. Хуже всего было то, что они отбросили старые римские военные добродетели долга и чести и приняли христианство с его женскими чертами мягкости и всепрощения. Не удивительно, что и императоры, и армия стали слабыми и изнеженными. Осмотрев Большой дворец Константинополя, Юлиан основательно проредил надоедливую прислугу, сотнями увольняя цирюльников, поваров, управляющих и домашних слуг, которые избаловали его предшественников на троне.

Впрочем, эти судороги были только симптомами упадка империи. Настоящим источником заразы, как это представлялось императору, было христианство. Гонения очевидно не возымели действия в прошлом, и он не видел в них необходимости и теперь. Внутренние распри десятилетиями истощали церковь, и все, что ему нужно было теперь сделать — это позволить распряму уничтожить ее окончательно. Издав эдикт о веротерпимости, Юлиан предложил всем ссыльным христианам вернуться в их дома, и приготовился смотреть, как арианская и никейская группировки растерзают друг друга. Он был уверен, что язычество — более совершенная религия, и если дать людям возможность выбирать, они добровольно вернутся к ней. После скорого снятия запрета на языческие обычаи, он объехал всю империю, заново открывая храмы и совершая столько жертвопри-

это делал Август, — утверждая, что даже он не стоит выше закона. Впрочем, он не намеревался возвращаться дальше, к коллегияльным принципам правления времен поздней Республики. Одержимый стремлением уничтожить христианство, он в результате стал одним из самых деспотичных императоров.

ношений, что его пораженные подданные прозвали его «Мясником».

Все было напрасно. Язычество, о котором у его бывших адептов остались только тусклые воспоминания, истощило свои силы, и никакие государственные поощрения не могли вернуть его. В нетерпении Юлиан решил усилить давление и объявил, что при назначении на государственную службу предпочтение будет отдаваться язычникам, а не христианам. Когда это не возымело желаемого эффекта, он объявил, что применение силы против христиан не будет наказуемо. После того, как над несколькими епископами была свершена расправа, император обострил конфликт еще сильнее, запретив христианам преподавать в государственных школах.

К этому времени большинство лучших философов и учителей были христианами, и лишение их гражданских прав стало серьезным ударом по всем сословиям Византии. Даже друзья Юлиана полагали, что он зашел слишком далеко, и обычно превозносящий его биограф Аммиан Марцеллин назвал его действия «жестокими мерами, которые следует предать забвению в вечном молчании»²⁰. Но все эти драконовские меры, жертвоприношения животных и гневные письма, призывающие его языческих подданных вернуться к своей вере, не оказали никакого эффекта. Требовалось что-то еще.

Константину удалось обратить империю в христианство после победы в битве на Мильвийском мосту, и Юлиан думал, что сможет все переменить с помощью выдающейся победы во имя язычества. Подходящий враг легко обнаружился в лице враждебной Персии, которая даже сейчас нападала на города Востока²¹.

²⁰ Marcellinus Ammianus, W. Hamilton, ed. and trans [Аммиан Марцеллин, под ред. и в переводе В. Гамильтона, «Поздняя Римская империя (354–378 гг. н.э.)»]. New York: Penguin Classic, 1986.

²¹ Персы грабили все на своем пути на окраинах империи, но не смог-

Кампания против нее слишком сильно затянулась. Знаменитый дядя Юлиана хотел, чтобы великая победа над персами стала высшим достижением в его карьере, и теперь Юлиану предстояло завершить эту задачу — но не для того, чтобы возвысить христианство, а затем, чтобы уничтожить его.

Весной 362 года он отправился в путь к Антиохии, блистающему метрополису Востока, чтобы спланировать там свою кампанию. Когда он прибыл в город, жители встретили его с распростертыми объятиями. Привыкшие к блеску и роскоши императорского двора, они вскоре были горько разочарованы аскетическими привычками императора и его бесконечными осуждающими речами, в которых он упрекал их за недостаток веры. Резкое уменьшение популярности и с трудом подавляемое недовольство народа, впрочем, ничуть не действовало на Юлиана, и он продолжал свои попытки возродить язычество. К Дельфийскому оракулу были отправлены посланники с поручением испросить жрецов о предсказании. В Дельфах располагался самый известный оракул в римском мире, и его жрицы, жующие лавровые листья и вдыхающие дым, передавали послания Аполлона более чем тысячу лет. Но древний мир ушел, и ответ, что дал оракул, был последним зафиксированным в истории. «Скажи царю, — сказала жрица, — что прекрасного дома бога на земле больше не существует, и источники, говорившие когда-то, замолчали и высохли. Ни обители не осталось у бога, ни крова, ни пристанища. Лавр прорицателя больше не цветет в руках».²² Это была подходящая эпи-

ли взять и разграбить важный римский город Нисибис. Благодаря молитвам местного епископа, на помощь жителям пришли полчища комаров и москитов, которые искусали хоботы персидских слонов и тем привели их в бешенство.

²² Wilmer. C. Wright, «Julian: Volume III» [Уилмер К. Райт, «Юлиан». Том III]. Cambridge: Harvard University Press, 2003.

тафия — если бы он только понимал это — для попытки Юлиана вновь обратить империю в язычество.

Впрочем, император упрямо отказывался признавать свое поражение. Если невозможно возродить язычество, тогда следует сокрушить христианство. Христос предрек, что Иерусалимский храм не будет восстановлен до скончания веков, и чтобы опровергнуть это и выставить Христа ложным пророком, Юлиан приказал восстановить храм. Вскоре начались работы, но землетрясение (а также, согласно христианским источникам, «гигантские клубы пламени») разрушило фундамент, заставив перепуганных мастеров отказаться от проекта.

Страсти накалялись день ото дня, и настроения в Антиохии стали опасно мятежными. Дела не улучшились, когда император нанес визит в знаменитый храм Аполлона, чтобы осмотреть его. С отвращением узнав, что на его территории погребены христианские мученики, Юлиан бестактно приказал, чтобы тела были немедленно извлечены из земли. Всплески негодования прокатились по городу, и порядок был восстановлен только после того, как Юлиан решительно арестовал и казнил нескольких зачинщиков. Несколькими неделями спустя поклонники язычества оставили в храме без присмотра горящие свечи, и все здание охватил пожар, в котором оно сгорело дотла. Возложив вину за поджог на христианское население города, Юлиан закрыл их церкви и конфисковал золотую утварь, используя ее, чтобы заплатить солдатам, которых он собирал.

После произошедшего город был на грани восстания. Юлиан потерял поддержку даже своих языческих сторонников. Его открыто высмеивали на улицах из-за его бороды и антихристианских действий; каждый день обе стороны все ближе подходили к критической точке²³. Наконец в марте 363 года великая армия Юлиана

²³ Константин и его сыновья, задавая имперскую моду, брились на-

была готова, и ко всеобщему безмерному облегчению он отдал приказ выступать на восток.

Поход против Персии нес на себе все признаки трагедии еще до своего начала. Несмотря на цену, экзальтированный молодой император был полон решимости стяжать славу, что позволит обновить истрепанный штандарт его религии в ненужной и бессмысленной войне. Все шло не так, как было задумано, но Юлиан упрямо стоял на своем. Персы оказали слабое сопротивление, делая все возможное, чтобы убраться с пути превосходящих византийских сил, но местные жители запрудили реки, чтобы помешать армии, и лишь к середине лета Юлиан достиг персидской столицы Ктесифона. Галльские войска Юлиана не были привычны к жаре, а высокие стены Ктесифона нельзя было взять без долгой осады. Из-за жгучего солнца, постоянных быстрых нападений неприятеля и слухов о приближении большой персидской армии Юлиан неохотно согласился отказаться от своей затеи.

В течение семи дней армия отступала, подвергаясь непрерывным нападениям внезапно осмелевшего врага. Потом, утром 26 июня, персы неожиданно атаковали. Показывая свою обычную храбрость, Юлиан выскочил из шатра и бросился в самую гущу битвы, не задержавшись, чтобы подобающе облачиться в доспех. В сражении он был ранен копьем в бок. Его люди бросились к нему, подняли с того места, куда он упал. Копье быстро вытащили, сразу хлынула кровь, и его отнесли обратно в шатер. Рану обработали вином, но наконечник копья задел печень, и Юлиан знал, что ранение смертельно. В своем шатре, слыша уже затихающие звуки битвы, он

чисто, но Юлиан, возможно, в честь императора-философа Марка Аврелия, гордо носил бороду. В Антиохии он проводил время за написанием двух книг: «Misopogon» и «Против христиан». Первая, чье название означало «Ненавистник бороды», содержала едкие нападки на жителей Антиохии, а вторая была убийственной критикой христианства.

закрыв глаза и перестал бороться. Зачерпнув в горсть собственную кровь, он швырнул ее по направлению к солнцу, и, согласно легенде, умер со словами: «Vicisti Galileae»²⁴.

Слова эти были более мудрыми, чем мог себе представить умирающий император. Старая религия была дезорганизованной и децентрализованной, изящной старинной безделушкой для образованной знати. Она не могла состязаться с христианством, которое обращалось к сердцам и умам простонародья, а ее запутанная система богов и ритуалов делала ее слишком противоречивой, чтобы ее приверженцы могли объединиться на этой основе. Даже будь Юлиан жив, он не мог бы изменить этого — старый мир, который он так полюбил в молодости, безвозвратно ушел. Безнадёжно романтичный и обескураживающе упрямый, император тщетно расточал свою энергию и воображение, пытаясь оживить отжившую свое религию за счет той, что определит путь империи на тысячу лет вперед. Рим и его многобожие определенно остались в прошлом, и даже языческие сторонники Юлиана были смущены его многочисленными жертвоприношениями. Как холодно заметил один из них: «Возможно, и к лучшему, что он умер. Вернись он с востока, вскоре нам стало бы не хватать домашнего скота»²⁵.

По иронии судьбы, его тело доставили в Тарс, родной город святого Павла, и последний языческий император был похоронен здесь со всеми своими грандиозными обещаниями, которых он не выполнил. С его смертью династия Константина закончилась, и олимпийские боги отправились на декоративные мозаики и причудливые картины на дворцовых полах, чтобы развлекать скучающих императоров.

²⁴ «Ты победил, Галилеянин» — отсылка к победе христианства.

²⁵ Marcellinus Ammianus, W. Hamilton, ed. and trans [Аммиан Марцелин, под ред. и в переводе В. Гамильтона, «Поздняя Римская империя (354—378 гг. н.э.)»]. New York: Penguin Classic, 1986. P. 298.

Впрочем, обширная языческая литература классической эпохи не исчезла. Она слишком глубоко укоренилась в римской культуре, слишком переплелась с интеллектуальным мышлением, чтобы ее можно было легко отбросить. Будущее было за христианством – но ни один человек, считавший себя римлянином, не мог целиком отвергнуть классическую эпоху. В отличие от своих западных родственников, отцы ранней византийской церкви признавали преимущества языческой философии, объясняя это тем, что в ней содержатся важные догадки, и внимательное прочтение позволит отделить зерна нравственных уроков от шелухи языческой религии²⁶. Византийские университеты, от Константинополя до знаменитой Афинской академии, сохраняли и совершенствовали классический стиль на протяжении всей истории империи, и даже в Патриархальной академии (Patriarchal Academy) в Константинополе преподавался курс, который включал в себя изучение литературы, философии и научных текстов античности. Такой подход резко контрастировал с западным, где волны варварских нашествий подорвали цивилизацию и разрушили связи с классическим прошлым. И в интеллектуальном отношении, и в могуществе будущее принадлежало Востоку; отныне править миром предстояло Византии.

²⁶ Самым известным представителем этого подхода был святой Василий Великий (Кесарийский), один из отцов церкви IV века, который написал трактат под названием «К юношам о том, как получать пользу из языческих сочинений».

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ВАРВАРЫ И ХРИСТИАНЕ

.....

Из всех проблем, с которыми столкнулась Римская империя в конце IV века, самой серьезной была варварская угроза. Со времен Августа римские армии привыкли остерегаться темных германских лесов и леденящих кровь криков над замерзшим Рейном. Почти три сотни лет варвары оставались за пределами империи, лишь время от времени совершая налеты на пограничные земли, но главным образом их сдерживали неустойчивость их кратковременных союзов и страх перед римской армией.

Впрочем, ко времени смерти Юлиана Отступника положение стало меняться. С востока явилась новая устрашающая сила — дикие гунны, столь жестокие, что

испуганные германские племена ринулись через границу, не обращая внимания на охраняющие ее ослабевшие имперские войска. Впрочем, на сей раз они пришли как поселенцы, а не завоеватели, и нуждались в землях, а не в золоте.

Приток новых людей, не желающих ассимилироваться, спровоцировал кризис идентичности в Римской империи, подведя трещавшую во швам империю к критической точке. Под давлением обстоятельств пришлось заново определить, что означает быть римлянином, и тем почти разрушить классический мир.

Особый дух Рима заключался в его концепции гражданства — тем более удивительной, что она родилась в эпоху, когда гражданство чаще всего ограничивалось принадлежностью к определенным городам. Греция V века до нашей эры, так поражавшая своим блеском Средиземноморье, по существу представляла собой лоскутное полотно городов-государств, и при всем своем величии никогда не сумела бы превратить спартамца в афинянина или наоборот. Надежно запертые за своими стенами, города были не способны к обновлению, и после нескольких ярких поколений блеск их быстро померк. В отличие от греков, римляне вывели концепцию гражданства за тесные пределы одного города, распространив ее со своими легионами. Афины, при всей своей выдающейся исключительности, оставались всего лишь городом; Рим стал целым миром.

Несмотря на давние традиции ассимиляции, на людей по ту сторону границ римляне посматривали с пренебрежением. Эти люди за пределами сферы влияния Рима не обладали гражданством — следовательно, считались варварами и дикарями независимо от того, насколько развитыми они были в действительности. Разумеется, самые проникательные из римлян сознавали, что их собственные предки когда-то были такими же варварами, как и теперешние племена за Рейном, и ничуть не сомневались, что несколько сто-

летий в плавильном котле империи превратят их всех в римлян.

Впрочем, последняя волна пришельцев сильно отличалась от прежних. Для империи никогда не составляло труда впитать в себя новых людей, и иммигранты, как правило, становились для нее источником силы. Но времена переменились. Теперь империи приходилось защищаться, и германские племена, пересекающие ее границы, хотели земли, а не культуры. Они приходили на своих собственных условиях, не желая, чтобы Рим поглотил их, говорили на своих языках и сохраняли свои родные обычаи. Приток новой крови более не был источником силы, как когда-то. Для многих людей, видящих, как тысячелетние традиции отходят в прошлое, пришельцы представлялись пугающей волной, что угрожала захлестнуть империю.

Даже в лучшие времена было непросто переварить настолько интенсивный приток приезжих; к несчастью для империи, наплыв иммигрантов пришелся на время, когда трон занимали чрезвычайно недальновидные правители. Со времени смерти Юлиана они сильно измельчали. Его непосредственный преемник однажды ночью оставил в своем шатре горящую жаровню и задохнулся после каких-то восьми месяцев своего правления. Его смерть оставила трон двум довольно неотесанным братьям, которых звали Валентиниан и Валент. Они разделили империю между собой и постарались укрепить ее осыпающиеся границы. Старший из братьев, Валентиниан, одиннадцать лет удерживал Запад единым, в то же время пытаясь сдерживать влияние молодого дерзкого Валента, но из-за полной неспособности держать себя в руках его хватил удар прямо посередине характерной для него гневной речи. Его шестнадцатилетний сын Грациан унаследовал трон, но был слишком молод, чтобы отстоять свои права, что позволило находчивому Валенту стать главной фигурой в имперской политике.

На фоне явного недостатка государственных деятелей на имперской сцене визиготы и остроготы испросили разрешения селиться на римских территориях. Они покинули холодные земли Германии и Скандинавии и пришли в поисках новых земель, которыми, как казалось, изобиловала плодородная Восточная Империя. Они обещали обеспечивать войска в обмен на землю, и император любезно согласился, позволив двумстам тысячам готов пересечь границу страны и со всем скарбом заселиться в их новые дома во Фракии.

Теоретически замысел Валента пополнить истощенную римскую армию силами германцев и одновременно вновь заселить разоренные земли был превосходным, но на деле он был обречен с самого начала. У восточных правителей не было возможности справиться с таким ошеломляющим наплывом иммигрантов, и Валент даже не прилагал к этому усилий. Партии продовольствия, обещанные готам, часто прибывали сгнившими или такого низкого качества, что едва годились в пищу. Местные торговцы обманывали прибывших новичков, а некоторые магистраты даже начали похищать их и продавать в рабство. Доведенные до крайности, готы подняли мятеж.

Валент, чья недалёковидная политика послужила основной причиной катастрофы, написал своему племяннику Грациану письмо с планом организовать совместную кампанию и в августе 378 года выступил по Эгнатиевой дороге с армией размером в сорок тысяч человек, чтобы преподать пришельцам урок. Когда он приблизился к лагерю готов возле Адрианополя²⁷, то получил ошибочное донесение, согласно которому у готов было только десять тысяч бойцов. Валент решил атаковать сразу же, не проверив, соответствуют ли сведения истине. Поддавшись безрассудному желанию не делить с Грацианом славу в победе над готами, он бросился впе-

²⁷ Нынешний турецкий город Эдирне. (Прим. ред.)

ред со всем своим войском. Это оказалось чудовишной ошибкой. День выдался не по сезону жарким, и римляне, изнуренные долгим переходом, страдали от жажды и были не в состоянии сражаться эффективно. Конница остготов смела их, с легкостью разбив их ряды и отрезав все пути к отступлению. К концу побоища Валент, две трети его армии и миф о непобедимости Рима были растоптаны окровавленными копытами готских лошадей.

Это была самая ужасная катастрофа за четыреста лет, открывшая путь для вторжения любому варварскому племени с границ империи. Восточное правительство было поставлено на колени, армия разбита вдребезги, а император мертв. Больше не боясь римских войск, готы бесчинствовали по всему Востоку, нападая на его главные города и угрожая даже Константинополю. Перепуганные сельские жители покидали свои поля, прячась от приближающихся полчищ среди холмов, и наблюдали, как ужасающие чужеземцы уничтожают их дома и предают труды их жизни огню. Жители городов сгрудились за стенами и молились о спасении, но после смерти Валента имперские власти безмолвствовали. Если бы спаситель не явился в ближайшее время, могущественная Римская империя не выдержала бы напряжения и исчезла.

Безнадежные ситуации обычно пробуждают величие, в казалось бы, обычных людях, и в час нужды удалившийся от дел полководец пришел, чтобы спасти империю. Его звали Феодосий, и хотя ему было лишь немного за тридцать, он уже обладал обширной военной подготовкой. Рожденный в Испании в военной семье, он уже в молодости приобрел первый опыт, усмирив восстание в Британии и проведя кампанию в области нижнего Дуная. Ко времени поражения под Адрианополем во всей империи не нашлось бы лучшего военачальника, и западный император Грациан возвел его в ранг императора, поручив ему восстановить порядок в восточной части империи.

Задача эта была практически невыполнимой, и не было недостатка в людях, твердящих ему об этом — но Феодосий приступил к делу с удивительной энергией и целеустремленностью. Чтобы возместить потерю почти двадцати тысяч ветеранов, он начал широкомасштабную мобилизацию, забирая на военную службу всех годных мужчин — даже тех, что наносили себе увечья в надежде избежать этого. Когда и этих мер оказалось недостаточно, чтобы набрать необходимое число людей, он прибег к опасному прецеденту привлечения к военной службе готов-перебежчиков, усилив ряды армии варварскими войсками. Риск оправдался, и в 382 году, после долгих суровых сражений, Феодосий вынудил готов подписать мирный договор с Римской империей. Подтвердив предыдущую договоренность, Феодосий позволил готам селиться на римских землях в обмен на то, что они предоставят римской армии двадцать тысяч людей. Это продолжило неоднозначную практику, согласно которой на территории империи селился независимый народ — но Феодосий мог поздравить себя с тем, что ему удалось предотвратить крушение Востока и одновременно решить проблему нехватки людей в армии. Разумеется, некоторые возражали против подобной «варваризации» армии, вслух высказывая опасения в том, что такая сильная германская составляющая в войсках станет еще большей угрозой, чем та, которой удалось избежать, но в свете политических реалий их голоса были едва слышны. В конце концов, иммигранты всегда были источником силы для империи, и некоторые из ее величайших императоров происходили с таких разнообразных территорий, как Африка или Британия. Даже Испания, родная земля Феодосия, когда-то считалась варварской — а теперь она была столь же римской, как и Италия Августа.

Люди утешали себя таким образом, но у этих варваров не было причин становиться римлянами, и они так никогда и не стали ими. Готы, присоединившиеся

к имперской армии, служили под началом своих собственных командиров, говорили на своем языке и придерживались своих собственных обычаев. У них не было причин вливаться в общество, так что они остались нероманизованными, на положении полуавтономной группы в пределах империи. Спустя поколение они полностью подчинят себе правительство и ввергнут Европу в жуткий хаос Темных веков. Хотя в то время Феодосий не мог этого знать, он подписал смертный приговор Западной Римской империи.

Классическая империя превратилась в средневековую Европу не только под давлением варваров. В дополнение к соглашению с готами 382 год ознаменовал начало окончательной победы христианства в империи. Весьма характерно, что все началось с ужасной болезни. Отправившись в Фессалоники, Феодосий заболел настолько серьезно, что приближенные опасались за его жизнь. Как и все христианские императоры, он откладывал свое крещение, надеясь смыть все свои грехи в последний момент и чистым предстать перед небесным судьей. Был вызван местный епископ, и после торопливой церемонии умирающий император был крещен. К огромному изумлению окружающих, император полностью оправился от болезни, и ко времени, когда он достиг Константинополя, он стал совершенно другим человеком. Как некрещеный христианин, Феодосий мог позволить себе не прислушиваться к голосу совести, поскольку мог рассчитывать на крещение в последний момент, которое смыло бы с него все дурное, совершенное им. Теперь он был полноправным членом церкви, но все же не ставил себя выше духовной власти епископов. Больше он не мог высокомерно отдать приказ казнить невинных или игнорировать ересь, которая разрывала церковь. Его священным долгом было возродить и мирскую, и церковную власть. Пренебречь чем-то одним означало подвергнуть свою душу опасности.

Почти каждый император после Константина — даже Юлиан, пусть и на свой лад — поддерживал ересь Ариана, и эта имперская опека только способствовала разногласиям внутри церкви. Намереваясь раз и навсегда положить этому конец, Феодосий созвал великий церковный собор в Константинополе и предложил явным образом осудить арианство. После некоторых размышлений епископы так и поступили, однозначно подтвердив тем самым решение Никейского собора и дав Феодосию официальное разрешение выступить против ереси. Император принялся за дело с решительностью, какой никогда не проявлял Константин. Ариан вынудили покинуть их церкви, и без имперской поддержки их конгрегации скоро исчезли. Во всей империи только готы упрямо оставались арианами, но хотя вскоре они и подчинили себе Запад, они никогда не предпринимали серьезных попыток обратить своих христианских подданных. После шестидесяти мучительных лет борьбы спорам с арианами наконец пришел конец.

Дела с церковью были улажены, и Феодосия убедили погасить догорающие угольки язычества. Хотя оно глубоко укоренилось в империи, для большинства жителей язычество давно уже сводилось к набору освященных веками традиций без какого-либо значимого религиозного наполнения. Но поскольку храмы представляли собой общественную собственность, они продолжали содержаться на общественные средства, и тот неудобный факт, что христианский император финансирует языческие ритуалы, ужасал истового советника императора, епископа Амвросия Медиоланского.

Уже не в первый раз епископ пытался заручиться поддержкой императора, чтобы искоренить последние следы древней религии. Несколькими годами ранее епископ убедил императора Грациана в том, что не пристало христианскому императору носить титул *Pontifex Maximus* — главного жреца государственной религии, — побудив Грациана явиться в римский Се-

нат и публично заявить, что он отказывается от этого титула²⁸. К несчастью для Амвросия, Грациан вскоре был убит, и недовольные сенаторы постарались возродить свою религию, посадив на трон язычника. Феодосий вскоре устранил этого человека, объединив империю под своим руководством – но этот случай убедил епископа, что язычество является опасной силой, которую необходимо немедленно устранить. В то время довольно снисходительный Феодосий не обращал внимания на его громогласные проповеди, но столкновение между ними было неизбежно.

Все началось, когда одного из военачальников Феодосия убили во время мятежа в Фессалониках. Чтобы наказать город, разъяренный император запер семь тысяч горожан на ипподроме и расправился с ними. Услышав эти новости, Амвросий глубоко опечалился и отправился во дворец, дабы сказать Феодосию, что вне зависимости от причины вызванного недовольства христианский император не должен убивать невинных людей. Когда Феодосий, полностью уверенный в своем праве поступать таким образом, не обратил на него внимания, Амвросий усилил давление, запретив императору причащаться или входить в церковь до тех пор, пока тот не раскается. После нескольких месяцев без причастия, что угрожало его душе, Феодосий сдался. Одетый во власяницу, посыпая голову пеплом, он публично принес извинения и подчинился епископу. В отличие от времен абсолютной власти Диоклетиана как языческого правителя, теперь стало очевидно, что есть пределы, которые

²⁸ Хотя Грациан был последним императором, использующим титул *Pontifex Maximus*, это звание не исчезло во тьме времен. В 590 году папа Григорий I принял его в качестве «главного священнослужителя христианства», откуда мы и получили титул «понтифик». В буквальном переводе оно означает «строитель мостов», поскольку великий понтифик строит мост между миром богов и миром людей. Константин сохранил этот титул, поскольку видел себя «епископом епископов» – титул, которым до сих пор пользуется папа римский.

не может преступить христианский император — даже назначенный богом. В первой схватке между церковью и государством победа осталась за церковью²⁹.

Феодосий был должным образом наказан и занял более жесткую позицию против последних остатков язычества. Олимпийские игры, проводившиеся в честь богов последнюю тысячу лет, были отменены, а Дельфийский оракул официально запрещен. Вечный огонь в храме Весты на римском Форуме был погашен и девственные весталки распущены, заставив негодующих горожан ожидать ужасных последствий и небесной кары. Впрочем, такие протесты были теперь редкими. Несмотря на то, что большую часть столетия язычество еще подавало признаки жизни, оно уже очевидно отжило свое³⁰. Христиане торжествовали, и завершающий удар был нанесен в 391 году, когда Феодосий сделал его единственной религией в Римской империи.

Несмотря на историческую важность своих действий, Феодосий никоим образом не был революционером. Сделав христианство государственной религией, он всего лишь поставил точку в изменениях, начатых еще на Мильвийском мосту. Христианство настолько переплелось с римским образом жизни, что и для варваров, и для римлян «быть христианином» и «быть римлянином» по существу означало одно и то же. Христианские богословы восприняли интеллектуальные традиции классического прошлого и присвоили их. Климент Александрийский описал церковь происте-

²⁹ Спустя семьсот лет папа Григорий VII в точности воспроизведет ситуацию с Генрихом IV Германским. Результат снова был тем же. Генрих смиренно с трудом прошел по глубокому снегу, босиком, чтобы доказать свою покорность.

³⁰ Языческие храмы в акрополе Константинополя сохранились до начала VI века, а языческие практики продолжались и позже. Только в 692 году церковь сочла необходимым запретить крестьянам взывать к Дионису во время отжимания винограда и использовать медведя (или других животных) для предсказания будущего.

кающей из двух рек — библейской веры и греческой философии, а Тертуллиан остроумно заметил: «Seneca saepe poster» — «Сенека часто наш», то есть один из нас.

Даже церковные и придворные церемонии стали зеркально отражать друг друга. Клирики и придворные облачались в пышные одеяния; продуманные процессии и сладкоголосые хоры возвещали начало служб, благовония и свечи несли как знак почета. У двора был император, у церкви — епископы, и всем им оказывались равные внешние знаки почтения. Во всем присутствовало успокаивающее единообразие, знакомые черты, что убеждали каждого празднующего в божественном порядке. Даже государственная пропаганда несла на себе этот отпечаток. На ипподроме Феодосий воздвигobelisk, чье основание было украшено резными изображениями его самого в окружении подчиненных — подобно тому, как Христа изображали вместе с учениками. Все граждане, от самых образованных до неграмотных, легко могли понять, что царство небесное отражается здесь, на земле.

В Риме не было сомнений, что провидение благосклонно к империи. Даже экономика в последний век стала налаживаться. Относительная политическая стабильность позволила снова накапливать состояния. Торговцы в безопасности развозили свои товары по великим римским дорогам, а корабли снова рассекали воды Средиземного моря. Земледельцы доставляли свою продукцию в крупные города, где их ожидали возродившиеся рынки. Может быть, Римская империя и не была столь же процветающей, как когда-то, но ее жители все же могли надеяться, что золотые дни еще могут вернуться.

Впрочем, на горизонте уже появились тревожащие знаки. Основная часть налоговых средств собиралась со знатных семей, и финансы их были истощены. Поскольку все больше и больше из них оставляло свою ношу и вступало в ряды духовенства или принимало

монашество в пустынях Египта и Малой Азии, власти ответили усилением налогового бремени на бедные и работающие слои населения. Последующие правительства увеличивали налоги и пытались прикрепить крестьян к земле. Это вызывалось интересами нормального функционирования государства, но в итоге обернулось для многих нищетой. Запад в особенности страдал от непомерных налогов, и хотя Восток всегда был богаче, теперь они и вовсе казались принадлежащими к двум разным мирам.

Как долго так будет продолжаться, вопрошали проныцательные, прежде чем расстояние между Римом и Константинополем станет настолько большим, что его уже нельзя будет преодолеть?

ГЛАВА ПЯТАЯ. УЖАСНЫЕ ВЕСТИ С ЗАПАДА...

.....

Феодосий был достаточно сильным правителем, чтобы контролировать германское население империи — но те, кто наследовал ему, оказались куда слабее, и варвары вскоре проникли почти на все уровни управления. Даже армию было не узнать; традиционная римская пехота уступила место варварской кавалерии, а дисциплинированные когда-то легионы теперь представляли собой удивительную разнородную смесь, в которой каждая группа носила свою форму и говорила на своем языке.

Императоров исправно короновали на Востоке и на Западе, но реальной властью обладали люди, командующие

неповоротливыми армиями. Целый ряд незначительных варварских вождей занимал в Константинополе выдающееся положение, назначая марионеточных императоров и в своем желании удержать власть упуская шанс возродить имперскую мощь. Не обращая внимания на врагов, расплотившихся на границах, недалекие правители Константинополя с ужасом и отвращением взирали на выдающегося военачальника по имени Стилихон, по происхождению наполовину вандала, который служил слабому императору Гонорию, но был настоящим хозяином Рима. На беду всего римского мира, они упрямо видели в нем своего истинного врага.

Западу, сражающемуся сейчас за свою жизнь, несказанно повезло, что у него был Стилихон. Зима 406 года выдалась самой холодной на памяти живущих, и далеко к северу от Рима Рейн полностью замерз. Германские варвары, жаждущие тепла и богатств Средиземноморья, хлынули сквозь хлипкие границы, заполонили Галлию и ворвались в Испанию. Стилихон выдвинулся к Рейну из Северной Африки, усмиряя по пути восстания и выгоняя захватчиков. Дважды он защищал Восток, отбрасывая врага, и дважды его клеймили врагом государства в награду за его труды. Если бы две половины государства были способны отбросить разногласия и объединиться перед лицом возникшей перед ними угрозы, они могли бы отдалить наступление Темных веков на несколько столетий — но Восток был поглощен мелкими ссорами и больше опасался влиятельного Стилихона, чем варваров. Когда новый король вестготов по имени Аларих объединил готов и разрушительно прошелся по Востоку, взаимное недоверие между двумя правительствами было настолько велико, что вместо того, чтобы сразаться с Аларихом, Константинополь поддержал его вторжение в Италию.

Стилихон обладал достаточными силами, чтобы защитить Запад от готов — но, несмотря на всю свою

доблесть, он был никудышным политиком. Слишком занятый сражениями за империю, он годами игнорировал вероломство двора Равенны и ядовитые интриги Рима, полагая, что верное служение государству защитит его. Однако Сенат состоял из людей, что носили громкие имена, но имели мало власти, презирали его и глубоко возмущались тем обстоятельством, что выскочка-полуварвар обладает властью большей, чем они. С тех пор как Стилихон уничтожил «Книги Сивилл», консервативные сенаторы-язычники возненавидели его с пугающей силой³¹. Когда Стилихон пришел к ним и потребовал предоставить четыре тысячи фунтов золота, чтобы откупиться от вестготов, сенаторы пришли в негодование.

Не удивительно, что Стилихон решил подкупить Алариха вместо того, чтобы вести против него войну. Полководец годами сражался в безнадежной битве, чтобы сохранить целостность Запада, но его изможденная и обнищавшая армия не могла находиться в нескольких местах одновременно. С такими войсками, и без того сражающимися на пределе своих сил, заплатить вестготам было единственным разумным решением — но для сенаторов, укрывшихся в безопасности Рима, оно представлялось неоправданным унижением³². В настолько взвинченной обстановке одному из них не составило труда убедить слабого императора Гонория, что подобным постыдным предложением Стилихон опорочил честь Рима и должен быть казнен. Стража, немедленно

³¹ «Книги Сивилл» были сборником пророческих стихов, купленным легендарным последним царем Рима Тарквинием Гордым. Несмотря на то, что подлинник был уничтожен в огне в V веке н.э., копии их сохранились в укрытии под храмом Аполлона на Палатинском холме. В особо критические моменты сенат сверялся с ними, чтобы определить, какие религиозные церемонии требуются для предотвращения катастрофы.

³² Говорят, один из них даже заметил: «Non est ista pax sed pactio servitutis» — «Это не мир, а рабство».

высланная, чтобы арестовать его, вывела потрясенного Стилихона из церкви, которую он посетил, и безнаказанно убила его вдаль от его солдат.

Сенату недолго оставалось злорадствовать. С уходом великого защитника Запада Италия осталась беззащитной перед ужасными готами. За какие-то месяцы перевалив через Альпы, торжествующий Аларих выстроил свои войска перед воротами древней столицы империи. Граждане Рима отказывались верить своим глазам, полагаясь на внушительную репутацию города, что некогда правил миром. Они дерзко заявили готам, что каждый житель города будет сражаться до смерти, прежде чем хоть один варвар войдет в него. Аларих только рассмеялся их хвастовству, проворчав: «Чем гуще трава, тем легче косить». Он послал свою армию на штурм стен, и в конце августа 410 года случилось невероятное. Впервые за восемьсот лет враждебная армия вторглась в Рим.

Сенату, наблюдающему, как готы растекаются по семи холмам, оставалось винить только себя. За три дня варвары разграбили Вечный город, вломившись даже в усыпальницу Августа и рассыпав священный прах. Когда первая волна грабежей схлынула, мародерство уже не были особенно жестоким, но его глубокое воздействие ужасающе отозвалось во всех уголках империи. Св. Иероним писал из Вифлеема: *«Ужасные вести донесли с запада... Голос застывает у меня в горле... Город, который владел целым миром, теперь повержен»*³³.

Шок от зрелища города, который мнился несокрушимым, но был отдан на милость варваров, вдребезги разбил западное представление о империи как о божественно устроенном государстве. Это стало первой значительной трещиной в миропонимании Востока и

³³ Charles Chistopher Mierow, «The Letters of St. Jerome» [«Письма св. Иеронима»]. Westminster: Newman Press, 1963.

Запада. Находясь в безопасности, Восток в конечном счете оправился от удара и снова обрел веру во все-ленские и божественные притязания империи. Но на Западе подобные взгляды были уже невозможны. Рим обнаружил свою смертную сущность, и ни одно правительство или государство по эту сторону рая не могло считаться ниспосланным свыше. Христиане считали себя скорее не гражданами, а скитальцами, странствующими по миру, что не был их родным домом, и любая империя — будь то земли Рима или Константинополя — была преходяща. Сначала такое расхождение верований казалось незначительным, но вскоре оно вылилось в громадные культурные различия, которые раскололи старую империю надежнее, чем это могли сделать любые варвары.

Римляне могли найти некое мрачное удовлетворение в том факте, что Аларих недолго наслаждался своим торжеством. Спустя несколько месяцев после своей победы варварский король скончался от горячки — но непоправимый ущерб репутации империи уже был нанесен³⁴. Легионы оказались бессильны, и ни один город более не был в безопасности от варварских волн, захлестывающих империю.

Восточный император Феодосий II был так обеспокоен, что немедленно приказал возвести вокруг Константинополя новые мощные стены. Имевшие сорок футов в высоту и шириной в шестнадцать футов, эти укрепления из камня и кирпича должны были надежно охранять город от всяких вторжений следующую тысячу лет. Разграбление Рима оставило глубокий шрам в душе римлян — но оно также послужило причиной возведения самых впечатляющих защитных сооружений в античной или средневековой истории. Империя не

³⁴ Он был похоронен со своей добычей в русле реки, которая для этой цели нарочно была отведена в сторону. Когда его тело предали земле, те, кто копал его могилу, были убиты, а река снова пущена по своему руслу, чтобы навеки скрыть место упокоения завоевателя Рима.

слишком часто жила в мире, но по крайней мере укрепления ее столицы были надежными.

Запад не мог позволить себе подобной роскоши. Гонорий сбежал, едва готы были замечены вдалеке, и как только слабость Рима обнаружилась, он официально перенес столицу в более безопасную Равенну. Но даже в новом городе западный император был бессилён остановить упадок и мог только наблюдать, как одна за одной отпадают провинции. Вестготы и франки захватили Галлию, в Испании полыхали мятежи, саксонские захватчики кишели в Британии. Обеспокоенные британцы написали Гонорию, умоляя о помощи — но ответ, который они получили, со всей ясностью показал, что Западная империя потерпела неудачу. «Позаботьтесь о себе сами» — посоветовал император³⁵. Едва ли он мог поступить иначе; имперская армия повсюду отступала, и Британия была предоставлена самой себе в долгой и тщетной борьбе с саксами³⁶. Рим все еще располагал богатствами Северной Африки, но ко времени, когда Гонорий наконец скончался от отека легких в 423 году, вандалы вырвали большую часть этих земель из-под его контроля.

Восточные правители делали все, что было в их силах, чтобы помочь своим погибающим соседям, но у них возникли собственные проблемы с ужасающим новым врагом. Явившаяся из степей Центральной Азии дикая необузданная орда гуннов вломилась на территорию империи, уничтожая все на своем пути и сея смерть и

³⁵ Подобный совет был вполне в духе довольно жалкого Гонория. Когда ему сообщили, что Рим пал, он сначала подумал, что что-то случилось с его ручным петухом по имени Рома и — испытал облегчение, узнав что это всего лишь город подвергся разграблению.

³⁶ Саксонские орды, вторгшиеся в Британию, почти истребили в ней классическую цивилизацию — но прежде чем это произошло, романизированный британский правитель все же предпринял последнюю отчаянную попытку противостоять захватчикам. Он потерпел неудачу, но его деяния легли в основу легенды о короле Артуре.

ужас повсюду, где проходила. В отличие от других народов, пренебрежительно именуемых в империи варварами, гунны были варварами в полном смысле этого слова. Они носили туники, сшитые из шкурок полевых мышей, никогда не мылись и не меняли одежды, спали на своих конях под открытым небом и ели пищу сырой. Для людей в империи эти поразительные дикие орды представлялись чем-то вроде ужасного божьего наказания, а их внушающий страх предводитель по имени Аттила был известен всей Европе как «Бич Божий».

Легко разделавшись с посланными навстречу ему войсками, Аттила разграбил все крупные города от Черного до Мраморного моря и добился унижительных для Константинополя мирных соглашений, согласно которым он мог пересекать границу по своему желанию. Поскольку полностью запуганные власти империи обещали ему ежегодно две тысячи фунтов золота, чтобы снискать его расположение, Аттила казался достаточно удовлетворенным, дабы оставить империю в покое. Но спустя несколько месяцев весь римский мир услышал пугающие известия о том, что гунны снова выступили в поход. В этот раз, впрочем, римлянам было некого винить, кроме себя. Чтобы избежать насильственного брака с отталкивающим римским сенатором, сестра императора Гонория глупо отослала Аттиле письмо с приложенным кольцом, в котором просила его о помощи. Имела она в виду брак или нет, но великий хан предпочел истолковать это как предложение и известил испуганного императора, что он идет, «чтобы взять то, что принадлежит ему по праву».

Вторгшись в Галлию, Аттила дал волю своей орде, а командующие разобщенных римских армий могли только беспомощно взирать на это³⁷. Теперь ничто уже

³⁷ Жители небольшого города Аквилеи спаслись от приближения Аттилы в безопасности ближней лагуны. Осознавая, какую отличную защитную позицию она обеспечивает, они решили остаться на месте, основав город, что впоследствии стал могущественной Венецианской республи-

не могло спасти древнюю столицу империи, и объятые ужасом горожане вглядывались в горизонт и молились, чтобы Аттила повернул в сторону. Долгое отсутствие императоров из Рима образовало вакуум власти, и поскольку ни один из светских лидеров не оказался на высоте положения, все больше и больше мирских обязанностей переходило к единственному лидеру, оставшемуся в городе — папе. Когда прибыл Аттила, не было ни могучих войск, ни величественных императоров, чтобы защитить город от его гнева; один только папа римский Лев I с трудом вышел ему навстречу. Там, в пыли военного лагеря, понтифик, вооруженный только своим интеллектом, встретился с варварами, чтобы предотвратить давно ожидаемое нападение.

Записи их разговора не сохранилось — но, что бы ни сказал ему Лев, Аттила развернул свои войска и покинул Италию, неожиданно оставив Рим невредимым³⁸. Он задержался достаточно, чтобы прибавить к своему гарему еще одну юную невесту и провести ночь в пиршестве и обильных возлияниях. Когда он не появился на следующее утро, его воины ворвались в его спальню и там нашли его мертвым. За ночь у него лопнула артерия, и Бич Божий скончался от знаменитого носового кровотечения. Исполнив песни в честь «ужаса мира», его люди похоронили вождя в трех гробах — золотом, серебряном и, наконец, железном. Рыдая от горя, они разорвали на себе одежды и расцарапали лица в честь человека, перед которым склонялись короли и императоры. Далеко на востоке

кой. На ее старейшем острове, Торчелло, сохранилось грубое каменное кресло, который местные жители называют «Троном Аттилы».

³⁸ Аттила был известен своим исключительным суеверием. Возможно, хитроумный Лев попросту напомнил, как печально закончилось завоевание Рима для последнего предпринявшего это человека (Алариха).

императору приснился сломанный лук, и он понял, что могучий Атила мертв. Империя могла вздохнуть с облегчением.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПАДЕНИЕ РИМА

Смерть великого врага заставила римлян громко ликовать, но не устранила истинной угрозы. Валент пропустил варваров через границы, Феодосий позволил им остаться, и теперь они превратили обоих сыновей Феодосия в марионеточных императоров. На тот момент варваров устраивало действовать из-за трона — но сколько времени еще должно пройти, прежде чем они решат править самостоятельно? Если императоры в скором времени не смогут обрести самостоятельность, империя развалится на множество мелких варварских королевств.

Западный император Валентиниан III попытался нанести удар первым. Во-

одушевленный уходом гуннов, он опрометчиво решил убить своего варварского соправителя, Флавия Аэция. Он сделал это своими руками, наивно предполагая, что свобода может быть куплена всего лишь одним ударом меча. Однако гнет варваров нельзя было сбросить так легко. Смерть одного человека не уменьшила варварского влияния, а Валентиниан не сделал ничего, чтобы внушить преданность своим людям. В начале следующего года двое из людей Аэция среди бела дня зарубили императора на глазах его безучастной охраны.

Это убийство повергло Рим в волнение, и в этом хаосе вдова Валентиниана приняла ужасное решение — обратиться за помощью к вандалам. Обрадованные возможностью напасть на город, причиняющий столько беспокойств, варвары немедленно явились с огромной армией и потребовали открыть ворота. В третий раз за сорок лет древняя столица оказалась во власти своих врагов, и хотя папа римский Лев снова вышел, чтобы просить о милосердии, в этот раз его позиция была куда более уязвимой. Как схизматики-ариане, вандалы не имели ни малейшего желания слушать папу, но после длительных переговоров согласились пощадить жизни жителей города. Две недели они грабили город, методично обдирая все ценное, что могли найти, даже медь с крыш соборов³⁹. Когда ничего уже не осталось, они покинули разгромленный город со своей добычей, вдобавок прихватив с собой императрицу и ее дочерей, и отправились в свою североафриканскую столицу Карфаген⁴⁰.

После превратностей предшествующих пары лет последнее разграбление уже не производило такого шокирующего впечатления, как первое, но оно все-таки

³⁹ В современном слове «вандализм» мы все еще можем услышать отголосок ужаса римлян перед масштабами того разграбления.

⁴⁰ Численность населения Рима не могло достигнуть имперского максимума вплоть до XII века.

продемонстрировало выжидавшему восточному двору опасность попыток избавиться от доминирования варваров. Аспар⁴¹, сарматский военачальник, который в то время контролировал Константинополь, надеялся, что его подданные хорошо усвоили этот урок⁴².

Арианство Аспара не давало ему возможности захватить трон самостоятельно, но он нашел послушную марионетку в лице мягкого и безопасного помощника по имени Лев. Аспар попросту короновал его и усадил на трон, чтобы самому править с жердочки за троном⁴³.

В качестве марионетки Лев был идеальным выбором. Уже довольно пожилой, в свои пятьдесят шесть лет он был неприметным услужливым человеком; у него имелось две дочери, но не было сына, чтобы унаследовать за ним трон. Его правление обещало быть коротким, без непредсказуемых наследников, которые могли бы бросить вызов военачальнику, и он мог послужить отличным проводником власти Аспара. Варварский военачальник обладал отличными связями, великолепной репутацией и лично контролировал половину армии. Даже если бы Лев захотел сместить своего генерала, шансы его были невелики. Обладая только громким титулом, император не мог представлять собой угрозу власти Аспара.

Уверенный в собственной безопасности, Аспар не

⁴¹ Имеется в виду Флавий Ардаур Аспар (ум. 471) – военачальник, консул и сенатор Восточной Римской империи. Происходил из влиятельного рода Аспаров-Ардауриев, имевшего аланские корни. Его отец был военным магистром и консулом 427 года при императоре Феодосии, сам Аспар отличился в кампаниях Феодосия против узурпатора Иоанна, захватившего власть на Западе после смерти императора Гонория, а затем в кампаниях против вандалов в Северной Африке. (*Прим. ред.*)

⁴² Сарматы были иранским полукочевым племенем, которое со временем обосновалось в современной Грузии, на территории Осетии.

⁴³ Лев был первым императором, которого короновал патриарх, привнеся таким образом элементы христианства в церемонию коронации. Спустя пятнадцать столетий этот обычай все еще в ходу.

понимал, насколько фатальным был его просчет. У Льва были и способности, и, что более важно, воля к власти, и он не собирался долго оставаться подставным лицом. Новый император не был настолько безрассуден, чтобы сразу же выступить против своего господина. Убийство Аспара, даже будь оно возможно, только приблизило бы его собственную безвременную кончину. В любом случае, там где был низвергнут один повелитель, другой тут же поднимется ему на смену. Льву было нужно решение, которое раз и навсегда позволило бы избавиться от варварского господства, а для этого ему нужно было нанести удар по истинному источнику власти Аспара — его контролю над армией.

В поисках военного противовеса своему чрезмерно сильному полководцу Лев нашел превосходного кандидата в лице человека по имени Тарасикодисса. Тот был вождем сурового горного народа исавров с юга Малой Азии, и поскольку он не был родом из столицы, его продвижение полностью зависело от императора. Придя в столицу с небольшой группой людей, Тарасикодиссе удалось найти доказательство измены сына Аспара, дав этим императору возможность высказать публичное порицание своему варварскому господину. В награду Тарасикодисса получил руку дочери Льва и пост, равный посту Аспара. Получивший внезапное уважение исавр милостиво эллинизировал свое имя, изменив его на более приемлемое «Зенон», и вскоре стал любимцем политической элиты Константинополя.

Поскольку Аспар был унижен и принужден обороняться, Лев временно получил возможность определять политику империи самостоятельно. Сознывая, что западная часть империи находится на грани краха, он замыслил амбициозный план помочь ей, завоевав королевство вандалов в Северной Африке. Возвращение провинции Западной империи оказало бы большое влияние и на ее платежеспособность, и на репутацию — и что более важно, наказало бы вандалов за разграбление

Рима. Тот факт, что это также увеличило бы растущую силу и репутацию Льва было, само собой, лишь дополнительной выгодой, и император не намеревался считаться с затратами. Полностью опустошив восточную сокровищницу, он потратил сто тридцать тысяч фунтов золота, чтобы собрать и снарядить тысячу кораблей с четырьмя сотнями тысяч солдат.

Чтобы командовать одной из самых больших армий вторжения, какие когда-либо собирались, Лев выбрал одного из худших командиров в истории. Его звали Василиск, и все его достижения сводились к тому, что он был шурином Льва. Против любого другого полководца у вандалов не было бы шанса — но под командованием Василиска огромные возможности обернулись не менее впечатляющим провалом. Высадившись за сорок миль от Карфагена, Василиск за пять дней каким-то образом ухитрился потерять свой флот и почти полностью погубить свою армию. Ударившись в панику посреди сражения, жалкий военачальник бросил остатки своей великой армии на произвол судьбы и сбежал в Константинополь.

Достигнув Константинополя, Василиск благоразумно укрылся в Софийском Соборе, который вскоре окружила разозленная толпа, требующая его головы. Лев тоже едва сдерживался, но своевременное вмешательство императрицы Верины спасло Василиска, и Лев не обезглавил его, а всего лишь сослал во Фракию. Из-за его некомпетентности Восток остался незащищенным, а Запад лишился последней надежды. Но на этом вред, причиненный Василиском, не закончился; даже изгнанный и впавший в немилость, он еще вернется, чтобы доставить новые неприятности империи.

Единственным положительным моментом в этой катастрофе было то, что она позволила Льву окончательно освободиться от своего варварского полководца. Поскольку Аспар фактически стоял во главе армии, на него довольно несправедливо возложили ответствен-

ность за поражение, и его репутация резко упала. Увидев в этом свой шанс, Лев заманил Аспара во дворец, где его тихо убили за запертыми дверями, чтобы никто не пришел ему на помощь⁴⁴. Этот ход был более чем бесчестным, но Лев наконец-то обрел свободу. Зенон стал самым влиятельным полководцем в армии, и он был полностью верен короне. Преодолев все трудности, Лев освободил престол из-под варварского контроля.

Впрочем, ему недолго пришлось наслаждаться своей победой. Тремя годами спустя, в 474 году, Лев умер от дизентерии, и трон перешел к его зятю Зенону. Новый император довольно достойно справился со своим стремительным взлетом, но его соотечественникам-исаврам успех ударил в голову, и теперь они действовали всем на нервы, расхаживая по Константинополю с таким важным видом, как будто он им принадлежал. Вдобавок ко всем неприятностям, новому императору пришлось иметь дело с довольно неприятными родственниками. Семья Льва никогда не могла полностью смириться с фактом, что провинциальный выскочка сделал столь стремительную карьеру, а Верина, супруга императора Льва, с самого начала была против брака своей дочери с неотесанным исавром. На протяжении нескольких лет мать-императрица относилась к зятю с ледяным презрением, но оно сменилось неприкрытой ненавистью, когда ее единственный внук — семилетний сын Зенона — умер от болезни. Всю оставшуюся жизнь она винила убитого горем Зенона за смерть мальчика и делала все, что было в ее силах, чтобы испортить ему жизнь.

Немногим менее опасным врагом, чем Верина, был ее никчемный брат Василиск, который никогда не позволял собственной некомпетентности мешать своим мечтам и теперь интриговал, чтобы занять трон. Он

⁴⁴ Все проделали дворцовые евнухи, но Лев приобрел прозвище «Мясник».

кардинально подорвал доверие к себе своим позорным командованием во время экспедиции против вандалов в Африке, но это никак не сказалось на его непоколебимой уверенности, что именно он должен сидеть на троне. Он был убежден, что со временем ошибки прошлого забудутся, и хотя Василиск никогда не был особенно близок со своей сестрой, он был готов объединиться с нею против общего врага.

Мстительные брат с сестрой тем или иным образом заручились поддержкой недовольного исаврийского полководца по имени Илл и втроем составили план по свержению своего ненавистного родственника.

Однажды, когда Зенон занял председательское место на Ипподроме, Верина послала к нему встревоженного вестника, чтобы тот сообщил ему, что с одобрения Сената народ восстал против него. Зенон вырос далеко от суетливой жизни столицы и при всех своих успехах никогда не чувствовал себя как дома в этом космополитичном городе. Он очень хорошо осознавал недостаток популярности, и рев толпы, окружающей его, был почти неотличим от какофонии мятежа. Не потрудившись проверить, действительно ли его граждане восстали против него, ужаснувшийся император покинул Ипподром и отбыл в свою родную Исаврию с горсткой сторонников и остатками золота казны.

Теперь Константинополь принадлежал Верине, вдохновительнице восстания, и она намеревалась незамедлительно короновать своего любовника — но выяснилось, что свергнуть императора куда проще, чем создать нового. Армия могла и пальцем не шевельнуть, чтобы помочь Зенону, но она отказалась передавать трон неизвестному, чьим единственным достижением было то, что он спал с Вериной. Только представитель императорской семьи мог стать императором, и армия обратилась к единственному возможному кандидату — Василиску. Невероятным образом человек, который практически собственноручно уничтожил военную мощь Востока

своей бездарной африканской кампанией, теперь был провозглашен армией верховным правителем Римской империи.

Вскоре новый император доказал, что его способности руководителя не уступают его полководческому искусству. Первым делом он разрешил истребить всех исавров в городе — несмотря на то, что исаврийская поддержка была значимой в его притязаниях на трон. Затем он обернулся против своей сестры, наградив ее участие в мятеже тем, что казнил ее любовника, а ее вынудил отойти от дел. Смертельно оскорбив соучастников по заговору, Василиск отправил войска, чтобы уничтожить Зенона и тем самым укрепить свои позиции на троне. Выбирая генерала для этой важнейшей операции, Василиск непостижимым образом остановился на исаврийском полководце Илле, совершенно не отдавая себе отчета, что учиненная им недавно в столице резня исавров делает Илла не слишком подходящим кандидатом для сражений с его земляками.

Конечно, Илл отправился напрямик к Зенону и перешел на его сторону, убеждая беглого императора немедленно вернуться в Константинополь и потребовать обратно свой трон.

Тем временем Василиск был занят старательным разрушением всех позиций, еще оставшихся у него в столице. Назначив своим личным духовным наставником некоего Тимофея с сомнительным прозвищем «Элур» («Проныра»), он позволил этому человеку угворить себя попытаться заставить церковь принять еретическое учение о том, что Христос не имел человеческой природы. Когда в ответ патриарх завесил черным иконы в Софийском Соборе, раздосадованный император объявил, что упраздняет константинопольский патриархат. Это решение было столь оскорбительным для верующих, что вызвало массовые мятежи и даже заставило местного святого по имени Даниил Столпник спуститься со своего столпа в первый раз за тридцать

лет⁴⁵. Вид святого, принародно грозящего пальцем Василиску, устранил угрозу вере, но мало способствовал росту популярности императора.

К тому времени, когда пришло известие о приближении Зенона с большим войском, настроения в столице уже были на грани мятежа. Василиск самоуверенно пообещал оборонять город, но никто больше не желал тратить силы на его защиту. Сенат открыл ворота, и жители высыпали на улицы, приветствуя торжественно вошедшего в город Зенона. Василиск со своей семьей укрылся в храме Святой Софии, но был выдворен оттуда после того, как патриарх получил от Зенона обещание, что не будет пролито ни одной капли крови. Верный своему слову, Зенон отослал низвергнутого императора в Каппадокию, где его бросили в пересохший колодец и оставили умирать от голода.

Всего два года прошло с той ужасной ночи, когда Зенона вынудили бежать из города, но в его отсутствие мир изменился безвозвратно. В момент слабости Константинополя угасающие угли Западной империи потухли окончательно. Варварский полководец по имени Одоакр, устав от чехарды марионеточных императоров, решил самостоятельно править Италией. Проложив себе путь в Равенну, где юный Ромул Августул уже съелся от страха, Одоакр в последний момент решил пощадить его жизнь, взамен отослав юного императора в изгнание⁴⁶. 4 сентября 476 года Ромул Августул по-

⁴⁵ Столпники были христианскими аскетами, которые пытались избежать мирских соблазнов, забираясь на столпы, чтобы в буквальном смысле удалиться от искушений. Эти отшельники пользовались безмерным уважением, и хотя эта практика вышла из моды в VII веке, столпников еще можно было найти в восточных пустынях вплоть до XII века.

⁴⁶ Имя Августул означает «маленький Август», что верно в отношении и его возраста, и значимости. Некоторые писатели саркастично называли его «маленькой немилостью», но есть что-то символическое в том, что имя последнего императора Рима было составлено из имен

корно сложил с себя корону и скипетр и отправился со своей семьей на поселение в Кампанию. Хотя никто не считал Августула настолько важной личностью, чтобы зафиксировать в хрониках, где и когда он умер, его отречение от престола знаменовало конец Западной Римской империи.

Вряд ли в то время кто-либо обратил внимание на этот переломный момент в истории. Варварские вожди, низвергающие императоров, стали для римских граждан печальной повседневностью, и для большинства жителей бывшей империи утро 5 сентября 476 года ничем не отличалась от прочих дней их жизни. Государственные учреждения и суды действовали, как и обычно, торговцы и ремесленники продолжали путешествовать по широким римским дорогам, и ничто не указывало на то, что с прошлым покончено.

Но на самом деле (несмотря на более поздние утверждения об обратном) Римская империя не кончилась. Совершенно законный император сидел на своем троне на Востоке, а обломки, оставшиеся от западных владений, отошли к Южной Франции, чтобы поддерживать мерцающую силу империи в живых так долго, как только возможно⁴⁷. Единственная существенная перемена заключалась в том, что Одоакр не хотел назначать нового императора. Он благоразумно счел, что нет необходимости обременять себя хлопотами правления посредством марионеточного императора, если можно на словах уверить Константинополь в своей преданности и править самостоятельно.

Отправив на Восток западные имперские регалии с

основателя этого города и его первого императора. По странной иронии судьбы, то же самое окажется верным и для Восточной империи, чьим последним императором был Константин XI.

⁴⁷ Строго говоря, у Запада все еще был даже законный император в лице низвергнутого Юлия Непота, которого за год до того сместил отец Ромула Августула.

письмом, поздравляющим Зенона с возвращением трона, Одоакр просил только о разрешении править Западом от своего имени. Конечно, восточный император не собирался узаконивать варварского диктатора — но вряд ли он имел возможность заняться освобождением западного трона, когда его собственный был столь шаток. Разумно уклонившись от прямого ответа, Зенон позволил Одоакру продолжать этот фарс и сосредоточился на наведении порядка в своем собственном доме.

Не удивительно, что Василиск оставил Восток в беспорядке. Вдобавок к тому, что он сделался безнадежно непопулярным, за последние два года на троне бестолковый император сумел нанести смертельную обиду остготам, которые сейчас свирепствовали на Балканах. Зенон временно решил эту проблему, подкупив их могущественного короля Теодориха и призвав его на государственную службу. Но, успешно подавив несколько восстаний, Теодорих заскучал и снова занялся своим любимым делом — грабежами. Зенону отчаянно нужно было быстро найти решение, и к счастью для империи, он нашел выход, поистине ниспосланный свыше.

Молчаливое согласие Востока убедило Одоакра, что он может делать все, что пожелает, не опасаясь возмездия, и вскоре несносный варвар перестал притворяться верным вассалом и начал называть себя «Королем Италии». Войска империи были слишком слабы, чтобы призвать варвара к ответу за это очевидное оскорбление, но умный император увидел в этом возможность разделаться с двумя проблемами империи одновременно. Послав за неистовым королем готов, Зенон предложил ему увести весь его народ — мужчин, женщин, детей — в Италию и править там от лица императора. Таким образом Теодорих получил официальное разрешение править страной более многообещающей, чем опустошенные Балканы — причем вполне законно, — а Восток смог отомстить Одоакру, не потеряв ни одного

своего солдата. Что важнее всего, Константинополь избавился от готов навсегда.

За пять лет Теодорих разгромил Одоакра и привел его в повиновение, обеспечив Италии желанный мир и удивительно эффективное управление. Он процарствовал тридцать три года, и хотя был свободен даже от слабого имперского контроля, к концу его жизни единственным ликом на его монетах был лик восточного императора.

Зенон не прожил достаточно долго, чтобы убедиться в успешности своей стратегии. Его здоровье, судя по всему, серьезно ухудшалось, он лишь успел увидеть смерть от болезни своего единственного сына и наследника, прежде чем сам умер от дизентерии. После такого бурного царствования его подданные не могли не вспоминать его с раздражением; в лучшем случае их отношение к императору было двойственным, хотя он заслуживал лучшего.

Унаследовав империю в ее худшие дни, Зенон смог провести корабль государства через все бури, которые уничтожили Запад, и оставил империю более сильной, чем нашел ее. Именно из-за того, что он цепко держался за власть, Восток прошел свое первое серьезное испытание, и варварское ярмо было сброшено навсегда. Устои империи пошатнулись, но выстояли и готовы были теперь восстановить свою мощь.

Разумеется, у империи было еще много проблем, с которыми предстояло справиться. Годы хаоса и слабости оставили свой отпечаток практически на всех слоях общества, торговля была задавлена тяжелыми налогами, а имперская казна все еще не оправилась после провальной африканской кампании Льва. Впрочем, наследие Зенона обеспечило престолу надежную основу, и в следующие тридцать лет империя пережила небывалый подъем. Взятничество и коррупция были искоренены, деньги собирались более эффективно, а налоги в целом снизились. Торговля, освобожденная от гнета

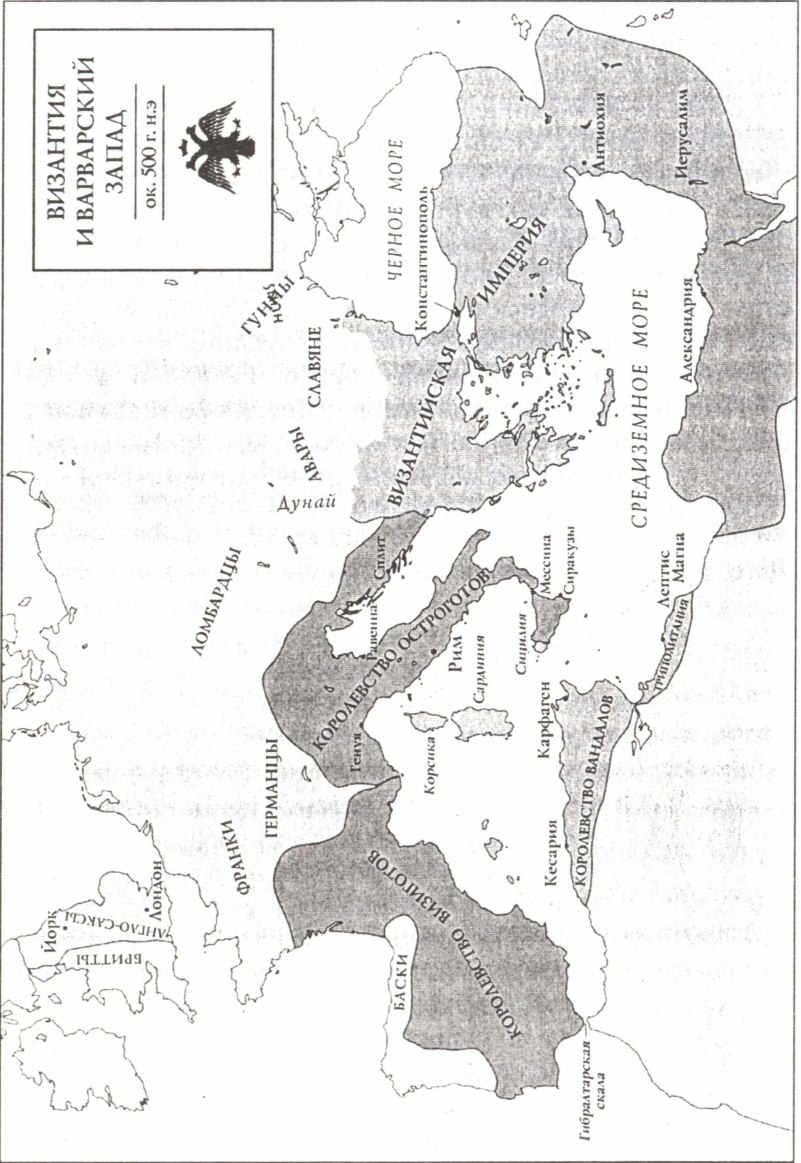
непомерных налогов, снова расцвела, изобилие вновь вернулось в города и на рынки империи.

Вслед за экономическим подъемом увеличилось население, и благосостояние империи вышло на невиданный прежде уровень. Память о превратностях V века стала забываться как дурной сон, когда новое поколение византийских владык приняло бразды правления. Впервые со времен Диоклетиана империи не угрожали серьезные военные или политические проблемы; несмотря на нестабильность предшествующих веков, она не потеряла ни дюйма своей территории.

Полностью уверенная в себе, империя была сильна, находилась в безопасности и была готова к взрывному росту. Нужен был только император, который был бы способен помыслить об этом.

**ВИЗАНТИЯ
И ВАРВАРСКИЙ
ЗАПАД**

ок. 500 г. н.э.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ВОСХОЖДЕНИЕ ПЕТРА САВАТИЯ

.....

Семидесятилетний старик, занявший трон Константинополя в 518 году, едва ли олицетворял собой тот ветер перемен, что пронесся над Восточной империей. Но все же он был живым свидетельством вертикальной социальной мобильности, которая была возможна в римском мире VI столетия. Жизнь Юстина началась в маленьком крестьянском доме во Фракии, и юность он провел за выпасом тех немногих овец, что могли себе позволить его родители. Когда ему исполнилось двадцать, он покинул свою нищую родину и отправился в Константинополь. У ничего не было при себе ничего, кроме одежды, что была на нем,

и нескольких сухарей в заплечном мешке. Прибыв в город, он нашел себе место в армии и благодаря здравому сочетанию усердной работы и способностей постепенно дослужился до звания командующего дворцовой гвардией. Благодаря этой должности он удачно занял место во главе единственных войск в столице, и когда наследник Зенона скончался, Юстин счел себя идеально подходящей кандидатурой для захвата власти. Проведя несколько военных демонстраций и щедро одарив каждого солдата фунтом серебра, чтобы заручиться их поддержкой, он с готовностью был провозглашен Августом жителями Константинополя.

На первый взгляд, Юстин едва ли мог считаться удачным вариантом правителя. Малообразованный и уже пожилой, он не обладал опытом административной службы и казалось совершенно не был подготовлен к бремени государственных дел. Однако у него было одно значительное преимущество — его талантливый племянник Петр Савватий.

Петр родился за тридцать шесть лет до этого, в последние годы царствования Зенона. Он покинул свой родной скучный македонский городок, чтобы испытать удачу в столице, где его дядя так быстро приобретал влияние. Распознав в племяннике выдающиеся способности, Юстин официально усыновил его и обеспечил ему лучшее образование из возможных⁴⁸. Петр Савватий смог глубоко ознакомиться с классическими текстами в интеллектуальной атмосфере столицы. Он был столь тронут великодушием своего дяди, что в благодарность принял его имя и с тех пор был известен просто как Юстиниан.

Хорошо осознавая новую силу и благосостояние империи, Юстиниан был намерен придерживаться более

⁴⁸ Юстиниан родился около 482 года в деревне Таурисий близ крепости Бедерианы в Верхней Македонии и был усыновлен Юстином только в апреле 518 года, незадолго до смерти императора, то есть в возрасте 45 лет. (Прим. ред.)

активной зарубежной политики. Варварские королевства, которые унаследовали западную часть империи, слишком долго безнаказанно щеголяли своей независимостью. В прошлом императоры Константинополя были слишком озабочены тем, чтобы удержаться на троне, и не могли отвлекаться на что-то еще — но сейчас стабильность была восстановлена, и звезда империи снова вошла в зенит. Пришло время избавить западную часть империи от власти хаотично сменяющихся варварских правителей. Никогда больше римская гордость не должна быть попрана пятой диких варваров. Настало время вернуться на Запад.

Первым шагом Юстиниана в деле отвоевания земель было восстановление отношений с папским престолом. Отношения между Римом и Константинополем были довольно напряженными из-за недавней ереси, учившей, что Христос имел природу божественную, но не человеческую⁴⁹. Все патриархи и соборы воспротивились ей, но священники и монахи Востока упорствовали и в этом вопросе намеревались стоять на своем. Устав от бесконечных богословских измышлений, папа разорвал все отношения с востоком, надеясь заставить своих восточных братьев признать ошибочность их воззрений⁵⁰. Юстиниан не имел возможности исправить дело за один раз, но мог заложить для этого фундамент. Назначив в министры надежных христиан, Юстиниан уговорил своего дядю отослать папе римскому письмо,

⁴⁹ Известная под названием «монофизитство» («единая природа»), эта ересь вела родословную от нескольких епископов, которые стойко защищали церковь от учения Ария. Они так решительно противились положению о низшей, человеческой природе Христа, что их слишком занесло в противоположную сторону.

⁵⁰ Папа Феликс III на самом деле отлучил от церкви патриарха Константинополя, но поскольку ни у кого не хватало смелости, чтобы привести приговор в исполнение, было найдено сомнительное решение: письмо с объявлением об анафеме незаметно для патриарха прикололи к его одеянию.

в котором содержалась просьба о преодолении раскола, чтобы церковь снова могла стать единой. Удовлетворенный тем, что восточная половина церкви отбросила свои заблуждения, папа немедленно согласился.

Потеплевшие отношения между папой и императором громом отозвались в варварских королевствах Запада, особенно в Италии Теодориха, где проницательный король готов хорошо отдавал себе отчет, что правит Италией только потому, что Константинополь озабочен другими делами. Теодорих знал о слабости своей позиции как арианина в стране с христианским населением. Если его подданные найдут общий язык со своими единоверцами в Константинополе, королевство Теодориха будет обречено. Вслед за духовными победами явятся армии — а Рим при всем своем упадке еще не забыл об имперской славе. Король несколько не сомневался, что если империя снова обратит внимание на город своих прародителей, граждане Рима откроют ей ворота.

Если у Теодориха были шпионы в Константинополе, они могли принести ему утешительные известия о том, что Юстиниан, путеводная звезда имперской политики, все больше был занят происходящим на ипподроме. Как и в любом городе любой эпохи, в Константинополе были свои спортивные фанаты, которые время от времени занимались хулиганством и полагали успех любимой команды делом более важным, чем собственная жизнь. Называемые «синими» и «зелеными» (по цветам, которые они носили, чтобы продемонстрировать поддержку тем или иным кумирам), эти группировки состояли в основном из молодежи и представителей нижних слоев общества, у которых не было других способов дать выход своей активности. Появляясь на ипподроме, чтобы посмотреть на гонки колесниц, они сидели в своих секциях, выкрикивая умеренно оскорбительные лозунги и пытаясь заглушить крики противника.

Большая часть императоров и их семей сохраняла разумный нейтралитет во всем, что касалось буйных цирковых фракций, оказывая лишь небольшую поддержку тем из них, которым действительно симпатизировали. Но Юстиниан с характерным для него пренебрежением к традициям даже не пытался скрывать своей горячей поддержки синих.⁵¹

День скачек был для императора больше, чем просто развлечением. Обширная сеть сторонников среди синих позволяла Юстиниану держать руку на пульсе города и быть в курсе возможности общественных беспорядков. Никогда не было недостатка в людях, желающих втереться в доверие к наследнику престола, предоставляя ему информацию. Одной из них была знаменитая танцовщица по имени Македония, которая познакомила Юстиниана с прекрасной Феодорой, в прошлом актрисой. Будучи дочерью зрителя медвежьего зверинца и актрисой, она была примерно на двадцать лет моложе Юстиниана и выросла на сцене — то есть подвизалась в профессии, которая в VI веке считалась синонимом проституции⁵². Пропасть, разделявшая их, была столь

⁵¹ В данном случае автор серьезно упрощает ситуацию. «Синие» (венеты) и «зеленые» (прасины) были вполне сформировавшимися политическими партиями, спортивные же соревнования стали скорее поводом для проявления их активности. Буйные фанаты (стасиоты) являлись лишь молодежным крылом партий, слабо контролируемым и склонным к дебошам. Синие отражали интересы землевладельческой аристократии, зеленые — городских ремесленников и купцов; в целом их вполне можно считать аналогом британских тори и вигов. Императоры естественным образом принадлежали к «тори», то есть синим. Вдобавок здесь примешивалось личное отношение императрицы Феодоры: ее отец был зрителем зверинца прасинов-зеленых, но когда он умер, жадное руководство партии отказалось выплачивать пенсию вдове с маленькими детьми. (*Прим. ред.*)

⁵² Сама Феодора отметилась в особенно непристойных представлениях с участием гусей. Впрочем, этим подробностям ее жизни мы обязаны пламенным сочинениям Прокопия, у которого было достаточно причин ненавидеть ее, потому стоит воспринимать их с боль-

огромной, а актерство осуждалось настолько явно, что даже существовал закон, запрещающий людям ранга сенатора вступать в брак с актрисами. Трудно было найти менее подходящую пару для будущего императора – но Юстиниан с первого взгляда безумно влюбился в Феодору.

Несмотря на разницу в их социальном статусе, они великолепно подходили друг другу. Необыкновенная энергия и ум Феодоры не уступали таковым у Юстиниана, и вскоре эти двое стали неразлучны. Чтобы жениться, Юстиниан легко преодолел правовой запрет. Надав на дядю, чтобы тот внес поправки в раздражающий закон, он вскоре вступил в брак со своей возлюбленной, после чего обратил свой грозный взор на внешнюю политику.

Императора Юстина полностью устраивали рекомендации своего выдающегося племянника, и Византия

шой долей скептицизма. (Прим. авт.)

Прокопий Кесарийский обладал великолепным слогом и безусловной эрудицией, он вращался в самых высоких придворных кругах и знал много того, что оставалось сокрытым от других. Естественно, что он является основным источником информации для всех историков, описывающих эпоху Юстиниана. К сожалению, достоверность его сочинений крайне сомнительна. То, что он писал официально («История войн Юстиниана», «Трактат о постройках»), отличается неумеренно льстивым тоном по отношению к императору – зато в «Тайной истории», писавшейся «в стол», он, по выражению из советской академической «Истории Византии» (вообще-то широко использовавшей обличительные инвективы Прокопия), *«обрушивает на правителей ушаты грязи, вскрывает не только их действительно ужасные преступления, но порою приписывает им такие немыслимые пороки, которые могут быть только плодом фантазии, питаемой глубокой ненавистью»*. (См.: История Византии. В трех томах. Том 1. М.: Наука, 1967. С. 24). В целом можно согласиться с мнением, что *«Его оппозиционность выражала настроения узкого круга недовольных аристократов и высших государственных чиновников, фрондировавших против неугодного им императора и при этом стремящихся показать, будто они пекутся о благе всех подданных, угнетаемых Юстинианом»* (там же, с. 25). (Прим. ред.)

уверенно начала наступление. Недовольные, подавленные притеснениями чужеземных тиранов, внезапно обнаружили могущественного союзника в лице Константинополя, и их эмиссары стали стекаться в столицу. Великолепие и авторитет новой власти вовлекали окружающие государства в сферу влияния Византии, и одна дипломатическая победа следовала за другой. Цари, уставшие подчиняться деспотической Персии, стали уходить из-под ее владычества, присягая в верности Константинополю, несмотря на яростные протесты персидского царя. Честолюбивые замыслы Юстиниана простирались до самой южной оконечности Аравийского полуострова, где иудейский царь Йемена⁵³ недавно истребил своих христианских подданных, бросая их во рвы или предавая огню. Предложив христианскому царю Эфиопии⁵⁴ помощь транспортными судами для переброски войск через Красное море, Юстиниан убедил его вмешаться и отомстить за катастрофу. В течение двух лет трон Йемена занял царь-христианин, а империя получила доступ к торговым путям от Красного моря до Индии.

Большая часть этих успехов дорого обошлась Персии, и раздосадованный персидский царь послал свои войска на территорию современной Грузии, чтобы предотвратить измену прочих вассалов. Это неуклюжее мероприятие побудило раздраженного Юстиниана к более откровенным действиям, и он убедил своего дядю отправить византийские войска для вторжения в персидскую Армению. Эти войска не представляли со-

⁵³ Точнее – Химьяра, расположенного на территории современного Йемена. Здесь постоянно шла борьба между провизантийской и проперсидской партией. Первая пользовалась поддержкой христиан-монофизитов, вторая – иудеев, поэтому политическая борьба то и дело выливалась в жесткое религиозное противостояние. (*Прим. ред.*)

⁵⁴ Калебу, монофизитскому правителю Аксума – огромного эллинистического государства, занимавшего почти всю территорию Восточной Африки. (*Прим. ред.*)

бой значительной силы и были примечательны одним-единственным человеком, которого Юстиниан выделил из своей личной охраны. В тот момент он был никому не известным солдатом — но вскоре прославится как самый выдающийся полководец в истории империи. Как и Юстиниан, он происходил из простонародья, но скоро царства и цари будут трепетать при одном имени Велизария.

К концу 526 года, когда два старинных врага постепенно приступали к военным действиям, здоровье Юстина начало серьезно ухудшаться, и Сенат просил его короновать Юстиниана как императора. Он так и поступил первого апреля 527 года — торжественная церемония больше походила на формальное представление, чем на обычную коронацию. К концу лета Юстин скончался от старой военной раны, и Юстиниан с Феодорой остались единственными правителями Римской империи.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. НИКА!

.....

Новая императорская чета едва ли могла сильнее отличаться от предшествовавших. Оба они были молоды — он на четвертом десятке, она на втором — и даже если никогда не были особенно популярны, по крайней мере, они дали населению глоток свежего воздуха. Коронация представляла собой экстравагантное действие, не похожее на все виденное в дни скупого Анастасия, и нашлись те, кто хотел бы видеть в этом знак начала нового Золотого века.

Юстиниан, несомненно, отличался от большинства прочих людей, занимавших императорский трон. Единственный из всех византийских правителей он мыслил с поистине имперским размахом, не в силах смириться с усечен-

ным вариантом Римской империи, в которую не входил сам Рим. С юности он впитал классические взгляды, согласно которым как на небесах есть один бог, так и на земле — один император. Его власть как единственного христианского императора была абсолютной, и обязанностью его было отражать небесный порядок. Это был его священный долг, и тот факт, что половина империи находится в руках варваров-еретиков, означал для него оскорбление, которого он не мог снести. Империя должна была вновь стать единой, а множеству грандиозных общественных проектов, реализованных в ней, надлежало пережить века свидетельством великолепия его царствования.

Конечно, такие амбициозные замыслы нуждались в финансировании, и хотя два бережливых предшественника Юстиниана оставили казну полной до краев, он уже доказал, как быстро он может опустошить сокровищницу. Шестью годами ранее он истратил тридцать семь сотен фунтов золота, чтобы оплатить праздничное убранство пышных игр, устроенных в честь его консульства, а на второй год своего царствования он уже развернул грандиозную строительную программу, согласно которой начало возводиться не менее восьми соборов. Юстиниан обладал многими добродетелями — но умеренность и экономность в их число явно не входили.

Средства на все эти проекты неизбежно черпались из налогов, и Юстиниану сильно повезло, что под рукой у него был беспощадный человек по имени Иоанн Каппадокиец, который, казалось, был способен выжать деньги даже из камня⁵⁵. Необразованный и лишенный всякого обаяния, Иоанн усовершенствовал налоговую систему, прикрыл в ней лазейки и преследовал коррупцию с собачьей целеустремленностью. Его излюбленной

⁵⁵ Он происходил из Кесарии Каппадокийской и был назначен Юстинианом на должность префекта претория. (*Прим. ред.*)

мишенью стали богатые, которые долго избегали своих обязанностей с помощью льгот и привилегий — теперь он был твердо намерен терзать тех, кто по его мнению, пытается уклониться от своего долга. Раздосадованная знать принялась громко протестовать — но император не проявил к ней никакого сочувствия.

Сам будучи выскочкой, Юстиниан не собирался терпеливо относиться к патрициям, которые задирали перед ним свои длинные носы, и не был намерен щадить их нежные чувства. По его мнению, знать всегда была бедствием для империи. Она постоянно боролась за власть с императором и заполонила чиновничий аппарат, постоянно пытаясь удержать в руках свои привилегии. Теперь настало время испробовать новые подходы, не отягощенные устаревшими представлениями об обветшалых традициях. Чтобы заслужить благосклонность императора, требовались выдающиеся качества, а не древние имена, и новый властитель собирался окружить себя прагматичными людьми, которые могли бы преодолеть косность императорского двора. Иоанн Каппадокиец великолепно начал реформировать бюрократическую систему, и если знать в процессе этих реформ пыталась сопротивляться — тем хуже для нее.

В любом случае, император уже был занят своим следующим проектом. Он приблизил к себе выдающегося юриста по имени Трибониан, который казалсяходячей энциклопедией римского права. Это само по себе производило глубокое впечатление, поскольку тогдашнее римское право представляло собой запутанное собрание почти тысячелетних и часто противоречивых прецедентов, особых исключений и взаимоисключающих толкований, ни одно из которых нигде не было записано. С характерной для него амбициозностью Юстиниан решил упорядочить право, устранив из него все противоречия и повторы, и составить первый всеобъемлющий кодекс законов в истории империи. Выдающийся юрист Трибониан отлично подходил для этой

работы, и он занялся ею с наслаждением и поразительной быстротой. Всего лишь за четырнадцать месяцев он явил свету новый кодекс⁵⁶ — верховный закон для всех судов в государстве и основу для большинства правовых систем в современной Европе⁵⁷. Правовые школы открывались от Александрии до Бейрута, и Константинопольский университет вскоре стал выпускать ученых-юристов, которые распространили этот кодекс по всему Средиземноморью.

Однако эти великолепные достижения дорого обошлись императору. Трибониан и Иоанн стали одними из самых ненавидимых людей в империи, и тот факт, что Трибониан был известным корыстолюбцем, да к тому же варваром, положения не облегчал. Если бы император прислушался к тому, что говорит народ, он бы услышал предвещающий беду ропот несогласия. Раненое самолюбие влиятельной знати требовало отмщения, а простые люди, страдающие от тяжелых поборов, стали задаваться вопросом: не станет ли жизнь намного проще, если трон займет другой человек?

Юстиниан был слишком занят внешней политикой, чтобы заметить сгущающиеся тучи на домашнем горизонте. В 528 году наконец разразилась война с Персией, и он полностью ушел в реорганизацию восточной армии. Старейший персидский царь выслал огромное войско,

⁵⁶ Конечно же, одному человеку такая работа была просто не под силу. В действительности над кодексом работала комиссия из десяти опытейших юристов и администраторов, формальным главой которой был бывший квестор дворца, патрикий Иоанн. Трибониан являлся лишь членом этой комиссии, хотя, по сути, представлял в ней самого императора. Работа над кодексом была начата 13 февраля 528 года, а закончена 7 апреля 529 года, однако текст кодекса известен нам только во второй, значительно исправленной редакции, опубликованной 16 ноября 534 года и официально введенной в действие 29 декабря того же года. (*Прим. ред.*)

⁵⁷ Довольно интересно, что этот же кодекс лежит в основе законодательства штата Луизиана.

чтобы разгромить римлян — но Велизарий разбил его, очередной раз продемонстрировав свои таланты, а вдобавок смог захватить часть персидской Армении. Это была первая очевидная победа в противостоянии с Персией на памяти живущих, и прозвучала она как призыв к возрождению империи.

Эта победа также имела следствием падение царя вандалов в Африке. Годами он с все большим трудом сохранял равновесие, но недавнее торжество византийской армии сделало его позицию почти несостоятельной. С одной стороны, ему приходилось задабривать Юстиниана, чтобы держать войска империи подальше, но слишком много усилий, направленных на ублажение Византии, неизбежно вызывали обвинения в предательстве со стороны собственных подданных. Большинство вандалов опасались за свою независимость и хотели, чтобы их правитель занял жесткую позицию, но царь выбрал именно этот момент, чтобы выпустить новую серию монет с ликом императора. Эта несвоевременная попытка снискать расположение восточного двора стоила ему трона. При поддержке разъяренной вандальской знати кузен короля Гелимер сверг его и занял трон Карфагена.

С самого начала Гелимер дал понять, что не позволит Константинополю запугать себя. Когда Юстиниан прислал письмо с протестом против незаконного захвата власти, Гелимер велел ему не вмешиваться в чужие дела и изящно напомнил, что последний византийский поход против его королевства завершился полным провалом. Если византийцам так не терпится получить обратно их земли, заявил он, пусть придут и возьмут их. Мечи вандалов всегда готовы к встрече.

Юстиниан был несколько разочарован сменой вандальских королей, поскольку был абсолютно уверен, что при правильном дипломатическом нажиме возможно вернуть Северную Африку в римскую сферу влияния, не потеряв ни одного солдата. Но воинственная пози-

ция Гелимера тоже вполне подходила для этого. Это высокомерное письмо явилось оскорблением, на которое следовало ответить — тем самым оно весьма помогло имперской пропаганде и обеспечило превосходный предлог для вторжения. Вандальские захватчики слишком долго грабили римскую землю и пренебрежительно относились к Константинополю. Теперь они должны узнать, что бывает, если дразнить римскую волчицу.

Был только один человек, которому можно было доверить африканскую кампанию, но Велизарий сейчас сражался с Персией. В 531 году ему удалось разбить превосходящую персидскую армию и добиться прекращения военных действий. Удача не оставляла его: эта битва поставила точку в войне. Несколько дней спустя потерявший силу духа персидский царь скончался, оставив наследником молодого, но сообразительного сына по имени Хосров. Чтобы укрепить свою власть, новому царю отчаянно был нужен мир, и он поспешно согласился заключить «вечный мир», что развязало руки Велизария⁵⁸. Казалось, ничто теперь не может воспрепятствовать завоеванию Северной Африки.

Но едва Велизарий прибыл в Константинополь, как разразилась совсем другая война. Пока Юстиниан мечтал о славе в Африке, обстановка в столице накалилась до предела. Народ был недоволен растущими налогами и увеличивающейся коррупцией, настроения достигли точки кипения, когда император строго ограничил привилегии синих и зеленых, чтобы справиться с растущим насилием в этих группировках. Юстиниан не только позволил своим чиновникам обирать народ с помощью жестоких налогов, но теперь еще и вмешался в спортивные игры. Чтобы разрядить обстановку, на январские

⁵⁸ «Вечным» этот мир назывался потому, что, в отличие от большинства соглашений с Персией, он не был ограничен сроками и не оговаривал временного промежутка, после которого могли быть возобновлены военные действия. К сожалению, «вечность» продолжалась только восемь лет.

иды были назначены игры — но когда зрители увидели Юстиниана, занимающего свое обычное место, дело приняло опасный оборот. В анонимности толпы кто-то расхрабрился и насмешливо выкрикнул императору сожаление, что отец Юстиниана когда-то появился на свет. Стадион отозвался одобрителем ревом⁵⁹. Когда Юстиниан в ярости спросил, не сошли ли они с ума, чтобы так к нему обращаться, толпа рассвирепела и хлынула из ипподрома, желая ломать и крушить.

Юстиниан поспешно отступил в Великий дворец, и после нескольких часов бунта имперской охране удалось взять контроль над ситуацией. Семерых зачинщиков арестовали и приговорили к смерти⁶⁰, но собравшаяся на казнь огромная толпа лишала исполнителей присутствия духа, и два последних повешения сорвались. Первая попытка оказалась достаточно неловкой, поскольку веревка лопнула, а оба казнимых, как выяснилось, еще дышали. Но когда палачи попытались еще раз, рухнул уже весь эшафот. Разумеется, такое событие собрало еще большую толпу, и в поднявшейся неразберихе несколькими монахам из расположенного неподалеку монастыря святого Конона удалось увести осужденных в безопасное место⁶¹.

⁵⁹ И опять автор несколько упрощает: изначально к императору обратился вождь фракции прасинов на стадионе, предъявив ряд политических обвинений в адрес соперников-венетов, а также требование отставки спафария Калоподия. Разговор велся через императорского глашатая и был слышан всему стадиону. Слово за слово — дискуссия перешла на повышенные тона и закончилась взаимными религиозными обвинениями в ереси; лишь за тем в ход пошли прямые оскорбления. (*Прим. ред.*)

⁶⁰ Автор ошибается: было арестовано семеро зачинщиков беспорядков (как венетов, так и прасинов), но к казни приговорены лишь трое. (*Прим. ред.*)

⁶¹ В церковь святого Лаврентия, пользовавшуюся правом убежища. По обычаю преступник, у которого оборвалась веревка, получал право на помилование, поэтому действия монахов просто соответствовали традиции. (*Прим. ред.*)

Командующий имперской гвардией⁶² сомневался, стоит ли их преследовать, опасаясь, что если он силой ворвется в священное здание, это лишь подстегнет мятеж. Поэтому взамен он предпочел взять монастырь измором. Если этот план предполагал ослабить напряжение, то привел к строго обратному результату: огромная толпа быстро окружила солдат и громко потребовала, чтобы эти двое человек — один из синих, один из зеленых — немедленно были помилованы. Вид тяжеловооруженных солдат, осаждающих монастырь, для народа был олицетворением тирании, нарушением всех данных властью обещаний. Коронация Юстиниана давала надежду на императорскую щедрость, на хлеб и зрелища, на просвещенное правление сторонника синих, который был одним из них и разделял их страстное увлечение. Однако теперь люди обнаружили, что их император столь же суров, как и его предшественники, а угрозы в адрес безоружных монахов сделали его в глазах народа худшим из тиранов.

Юстиниан пытался сгладить обстановку, объявив новые игры, но когда тремя днями спустя Ипподром открылся для гонок колесниц, настроения только ухудшились. Когда император прибыл, чтобы занять свое место в императорской ложе, обычный шум толпы сменился оглушительным ревом. Традиционным занятием синих и зеленых были попытки заглушить друг друга выкриками «Nika!» («Победа!»), сопровождающими имя их любимого возничего, но к концу гонок болельщики объединились против императора.⁶³ Трид-

⁶² Эпарх Эвдемон, твердый сторонник императора — 14 января требование его отставки стало одним из главных пунктов ультиматума, предъявленного Юстиниану. (*Прим. ред.*)

⁶³ И опять автор упрощает: в действительности соглашение о совместных действиях обеих партий было достигнуто уже накануне, 12 января. Судя по всему, руководство венетов пошло на этот ход, рассчитывая использовать городские низы, чтобы поставить императора под контроль сенатской аристократии, а в крайнем случае — заменить человеком из

цать тысяч плотов в унисон выкрикивали единственное слово, изливая свою прежде сдерживаемую ярость на Юстиниана в жутком крещендо. Какое-то время император пытался противостоять этому ужасающему звуку, хотя земля почти содрогалась под ним, но осязаемая ярость угрожала сбить его с ног. Он был всего лишь человеком, одинокой фигурой против гнева толпы, и он разумно убрался в укрытие императорского дворца, захлопнув за собой двери.

Толпа высыпала на улицы, ища возможность дать выход своей неудовлетворенности. Обнаружив, что дворец неприступен, горожане начали штурмовать городские тюрьмы, пополняя свои ряды освобожденными преступниками. Юстиниан снова выслал имперскую гвардию, но на этот раз ситуация окончательно вышла из-под контроля. Женщины швыряли из окон на головы стражи горшки и кровельную черепицу, а толпа воздвигала на улицах баррикады. Хулиганы подожгли торговые лавки, и вскоре ветер распространил огонь, отчего ближайший госпиталь сгорел дотла со всеми пациентами внутри.

Порядок мог быть восстановлен, если бы знатные семьи сплотились вокруг трона — но они всегда считали Юстиниана претенциозным выскочкой и в любом случае ненавидели его за деятельность Иоанна Каппадокийца. По их мнению, император всего лишь пожал то, что сам посеял. Это была прекрасная возможность заменить его на человека из среды знати.

Снабдив мятежников оружием, патриции присоединились к мародерам на улицах, равнодушно глядя, как половину города пожирает пламя. На следующий день толпа вернулась на Ипподром и потребовала немедленной отставки ненавистных Трибониана и Иоанна

своей среды. Во всяком случае комит Марцеллин передает, что на следующий день, с началом восстания, именно городская знать раздавала мятежникам подарки и оружие. (*Прим. ред.*)

Каппадокийца. Не на шутку обеспокоенный Юстиниан сразу же согласился на эти требования⁶⁴, но теперь ситуацию контролировали аристократы, и они не соглашались на меньшее, чем его отречение от престола.

Разгоряченные моментом, ни патриции, ни чернь не были вполне уверены, как следует действовать дальше. Половина из них хотела подождать, пока Юстиниан не сложит с себя венец, в то время как вторая половина хотела поторопить события, взяв штурмом его дворец. Наконец поднялся один из сенаторов и настоял на немедленных насильственных действиях⁶⁵. Если позволить императору спастись бегством, предостерегал он, тот рано или поздно вернется во главе армии. Единственное, что можно сделать — это одержать над ним верх и убить его, прежде чем он ускользнет. Этот совет был признан лучшим, и толпа с готовностью стала взбираться по стенам императорского дворца.⁶⁶

Шум был оглушительным, и внутри дворца советни-

⁶⁴ В этот же день, 13 января, Трибониан был заменен патрикием Василидом, а Иоанн — патрикием Фокой; оба были ставленниками Сената и удостоились похвалы от Прокопия Кесарийского. Более того, утром 18 января, отчаявшись подавить восстание, Юстиниан явился на ипподром и через глашатая объявил призыв к примирению, поклявшись на Евангелии, что объявляет амнистию бунтовщикам и признает себя единственным виновником беспорядков. Однако даже этот не оказало воздействия на лидеров восстания, желавших уже не менее чем смены императора. (*Прим. ред.*)

⁶⁵ Это был сенатор Ипатий, племянник прежнего императора Анастасия, уже коронованный как новый император. (*Прим. ред.*)

⁶⁶ И здесь автор неверно излагает события: на совещании руководства восставших 18 января (на котором присутствовали лидеры венецов и часть сенаторов), вопреки призывам Ипатия, было решено отказаться от активных действий и подождать, пока Юстиниан сам покинет столицу — тем самым лишив себя легитимности. На штурм дворца по собственной инициативе отправился лишь сравнительно небольшой отряд прасинов числом в 200—250 человек: именно поэтому штурм и потерпел неудачу. (*Прим. ред.*)

ки Юстиниана пытались перекричать ужасный грохот. Путь в гавань все еще был свободен, и большинство приближенных убеждало испуганного императора покинуть город, пока еще есть время. Юстиниан уже был готов отдать приказ снаряжать корабли, когда Феодора, которая держалась в стороне, пока мужчины спорили, поднялась и заставила их замолчать, возможно, самыми красноречивыми словами в византийской истории. *«Меня не заботит, пристало или нет женщине давать смелый совет испуганным мужчинам, — сказала она, — но в минуту крайней опасности остается лишь слушаться совести. Каждый, кто был рожден на свет, рано или поздно умрет; и как император может позволить себе стать беглецом? Если ты, государь, желаешь спасти свою шкуру, ты сможешь сделать это без труда. Мы богаты, рядом море, в нем наши корабли. Но сначала подумай, не пожалеешь ли ты, оказавшись в безопасности, о том, что не предпочел смерть? Что же до меня, я остаюсь верна старому высказыванию: царская порфира — лучший саван»*⁶⁷.

После этих слов, прозвучавших поверх приглушенного рева толпы снаружи, уже очевидно нельзя было и помыслить о побеге, и к Юстиниану и его советникам вернулась необходимая сила духа. Если он хотел спасти свой трон, нужно было переходить в наступление — но войска, расположенные в городе, уже показали, что на них нельзя положиться. Впрочем, оставались и другие варианты. Недавно прибыла большая группа скандинавских наемников, и, к небывалой удаче, Велизарий, величайший полководец в истории Византии, как раз пребывал в городе, ожидая отправки в Африку.

⁶⁷ Феодора — или, возможно, историк Прокопий, передавший эти слова — неправильно процитировала здесь известную максиму, высказанную однажды сиракузским тираном Дионисием Старшим: «Власть — лучший саван». Учитывая, как все обернулось, большинство жителей Константинополя скорее всего сочли бы эту разницу несущественной. Procopius, *The History of the Wars. The Persian War Books I & II* [«История войн. Война с Персией», тома I и II] (New York: Cosimo, 2007)

Быстро взяв на себя командование ситуацией, Велизарий собрал своих людей и вышел на улицы. Большинство мятежников все еще находилось на Ипподроме, где они громко требовали смерти Юстиниана, не зная о перемене настроений во дворце и об опасности сосредоточения в одном месте. Пожилой евнух по имени Нарсес, который командовал личной охраной императора⁶⁸, заблокировал выходы из ипподрома, а Велизарий со своими людьми ворвался внутрь, застав разъяренную толпу врасплох. Сначала толпа в бешенстве бросилась на хорошо вооруженных солдат, но у них не было шансов против мечей и доспехов солдат Велизария, и гневные крики вскоре сменились воплями умирающих. Когда убийства наконец прекратились, ипподром был похож на жуткий склеп, где тела тридцати тысяч жителей лежали там же, где они упали. Восстание «Ника» закончилось, мародеры тщательно обыскивали тела погибших в поисках ценностей, и зловещая тишина опустилась на Константинополь, изредка нарушаемая только грохотом рушащихся горящих зданий.

Юстиниан был потрясен массовыми беспорядками, и хотя вскоре уже почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы восстановить в должности ненавистных министров финансов и юстиции, далее он внимательно следил, чтобы те не злоупотребляли своим положением в отношении простых людей. Впрочем, с аристократами вышел другой разговор. Их высокомерие и непоколебимая вера в то, что только выходец из знати может занимать трон, были непростительны, и

⁶⁸ В византийском обществе евнухи занимали важное место. Их положение лишало их права занимать трон, из-за чего они пользовались исключительным доверием высших придворных. В мире постоянно изменяющихся союзов и непрекращающихся интриг евнухи были преданными, безукоризненными слугами и обладали значительной властью. Хотя официально эта практика не одобрялась, отцы часто оскопляли своих младших сыновей, чтобы обеспечить им выгодную карьеру на государственной службе.

он решил, что после мятежа его победа над ними станет окончательной. Девятнадцать сенаторов были казнены, их просторные дворцы снесли, а тела выбросили в море. Сбежавшим аристократам повезло немногим больше. На них натравили Иоанна Каппадокийца, и тот приложил все усилия, чтобы конфисковать их состояния в пользу государства. До конца царствования Юстиниана они были слишком озабочены своим спасением, чтобы причинить ему какой-то вред.

Победа над знатью обозначила и другое резкое расхождение с Западом, что станет важным в будущих столетиях. В децентрализованных и нестабильных варварских королевствах не было никого, кто мог бы противостоять все увеличивающейся власти аристократии, и достижения отдельных сильных королей исчезали сразу же, как они сходили со сцены. Крупная землевладельческая знать столетиями ослабляла власть многочисленных королей, топя любое потенциальное единство в море мелочных ссор. Бедняки, как всегда, оказались меж двух огней, раздавленные хваткой феодалов и еще сильнее привязанные к своей земле. По контрасту Константинополю удалось, к величайшей своей выгоде, почти полностью держать аристократию под контролем, обеспечивая гражданам удивительную по тем временам степень социальной и экономической мобильности, что немало способствовало процветанию и силе империи.

Знали они об этом или нет, у жителей Византии было достаточно причин быть благодарными своему императору. А после мятежей они поняли, что должны выучить и другой урок. Мудрый правитель будет искать расположения своего народа — но это не означает, что он занимает трон по милости своих подданных. Очевидно, что императоров нельзя было назначать и смещать так легко, как им представлялось, и трупы на ипподроме свидетельствовали об опасности попыток пренебрежительного обращения с Юстинианом. Само

здание оставалось закрытым для игр еще несколько лет, возвышаясь в скорбной тишине памятником людям, понесшим здесь наказание. Никогда больше неистовство ипподрома не омрачало царствование Юстиниана⁶⁹.

⁶⁹ На самом деле ипподром возобновил свою работу через 20 лет — в 537 году, а еще через десять лет на нем опять были отмечены столкновения фанатских группировок. (*Прим. ред.*)

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О СТРОЕНИЯХ И ГЕНЕРАЛАХ

.....

Едва ли это было благоприятным началом для того, что стало византийским Золотым веком. Три дня густой дым висел над разоренной столицей, пожары догорали на улицах. Мятежники оставили за собой шлейф разрушений. Главные ворота императорского дворца, здание Сената, общественные бани, многочисленные дома и дворцы сгорели дотла. Центр города лежал в обугленных руинах; огонь затронул даже Софийский собор и расположенную неподалеку церковь святой Ирины. Константинополь выглядел так, будто по нему прошла опустошительная орда варваров — и понимание того, что именно его жители нанесли

городу такой ущерб, нависало над улицами, как черное облако.

Обозревая нанесенный урон из окон своего дворца, Юстиниан тем не менее видел не катастрофу, а прекрасную возможность. Разрушение устранило обломки прошлого, расчистив путь для новой амбициозной строительной программы, которая должна была превратить город — и всю империю — в блистательный центр цивилизации.

Никогда прежде жители Римской империи не видели подобной строительной кампании, проводившейся с такой скоростью. Тауресий, скучный городишко, в котором родился Юстиниан, был перестроен и стал называться Юстиниана Прима⁷⁰; повсюду росли больницы и бани, усиливались и оборонные сооружения. Были построены мосты над могучими реками, а вдоль основных магистралей расположились постоянные дворы, чтобы имперские гонцы могли менять здесь лошадей.

Самые впечатляющие работы, впрочем, остались на долю Константинополя. Новое роскошное здание Сената, оснащенное сливочно-белыми мраморными колоннами и покрытое превосходной резьбой, выросло возле центральной площади города взамен старого, сгоревшего. Были воздвигнуты три статуи варварских королей, склонившихся перед высокой колонной, увенчанной конной статуей Юстиниана в полном военном облачении⁷¹. К западу от своей колонны Юстиниан построил крупное подземное водохранилище, чтобы питать многочисленные фонтаны и бани и обеспечивать свежей водой всех жителей города. Константинополь блистал новыми постройками, но для императора

⁷⁰ Собственно, это имя получила не деревня Тауресий, а включивший ее город Бедериана. (*Прим. ред.*)

⁷¹ Юстиниан предпочел быть изображенным в персидской одежде, что символизировало победу Велизария на Востоке. К сожалению, ни колонна, ни статуя не сохранились.

это было только начало. Теперь он занялся проектом, который должен был превзойти все остальное.

Без сомнения, собор святой Софии был самым важным строением из тех, что были разрушены во время восстания. Изначально построенный Константином II, чтобы проводить здесь таинство святого причастия, он был уничтожен более ста лет назад во время восстания, когда талантливый оратор и церковный реформатор Иоанн Златоуст был изгнан в Грузию⁷². Спустя одиннадцать лет император Феодосий II восстановил храм, воссоздав его унылый облик, и большая часть жителей города полагала, что вскоре вновь увидит привычные очертания собора. Но Юстиниан не намеревался следовать избитым замыслам предшествующих веков. Это был шанс переделать собор на новый лад, соответствующий его видению империи. Этот замысел был без малого революционным, в равных долях сочетающим искусство и архитектуру, и должен был стать долговечным памятником самому императору, воплощенным в мраморе и кирпиче.

Спустя месяц с небольшим после восстания «Ника» началось строительство великого памятника правлению Юстиниана. Выбрав двух архитекторов, у которых воображения было больше, чем опыта, император велел им создать строение, подобного которому нет нигде в мире. Одного только размера было недостаточно — в империи имелось множество величественных памятников и огромных скульптур. Требовалось нечто другое, соответствующее рассвету нового золотого века. Стоимость не должна вас волновать, сообщил император архитекторам, но все должно быть сделано быстро. Ему было уже за пятьдесят, и он не собирался допустить, чтобы его наследник нанес последний мазок на созданное им полотно и объявил его своим.

⁷² Имеются в виду беспорядки 404 года, вызванные отставкой и ссылкой константинопольского архиепископа Иоанна Златоуста. (*Прим. ред.*)

Архитекторы не подвели. Отвергнув классическую форму базилики, которая использовалась на протяжении трехсот лет, они выступили с дерзким и новаторским замыслом⁷³. Создав самый большой безопорный свод в мире, они утвердили его на квадратном основании и распределили его вес на ряд нисходящих полусводов и куполов. В постройку собора были вложены богатства всей империи. Каждый день из Египта доставляли золото, из Эфеса — порфир, из Греции — толченый белый мрамор, из Сирии и Северной Африки — поделочный камень. Даже старая столица обеспечивала материал для новой: колонны, некогда стоявшие в римском храме Солнца, были увезены, чтобы украсить возводящуюся церковь.

Здание возводилось со скоростью, от которой захватывало дух. Архитекторы разделили своих людей на две части, разместив одну на южном конце, а другую на северном. Подстегиваемые присутствием императора, который ежедневно посещал место стройки, две команды соревновались между собой, возводя здание с лихорадочной скоростью. В конечном счете с момента закладки первого камня и до завершения строительства прошло всего пять лет, десять месяцев и четыре дня — значительное достижение для любой эпохи, особенно если принять во внимание отсутствие современных механизмов⁷⁴.

В первый раз войдя в просторную внутреннюю часть собора святой Софии через огромные ворота, предназначенные для императора и патриарха, Юстиниан был потрясен видением небес, воплотившихся в каждом из-

⁷³ Оба архитектора — и сам Юстиниан — почти наверняка обдумывали свой новаторский замысел еще до восстания «Ника». Результат их первой попытки (хотя и гораздо меньшего размера) все еще можно увидеть недалеко от Церкви святых Сергия и Бакха.

⁷⁴ Для сравнения: чтобы восстановить Вестминстерский собор, потребовалось тридцать три года, Собор Парижской богородицы — более сотни лет, а Дуомо во Флоренции — около двухсот тридцати лет.

ящном изгибе и каждой широкой арке⁷⁵. Гротообразный внутренний свод, имевший сто семь футов в высоту и раскинувшийся почти на четыре акра, был украшен простыми крестами и полностью покрыт золотом, так что казалось, будто он парит над землей, как если бы был «подвешен на золотой цепи, спадающей с самого неба». Свечи и лампы, размещенные на верхних галереях, неземным сиянием заливали внутреннее пространство храма, отбрасывая мягкие отсветы на великолепные мозаики. От пола поднимались разноцветные колонны, покрытые замысловатым орнаментом в форме завитков и глубокими рельефными узорами в виде сложных монограмм Юстиниана и Феодоры. Напротив входа в собор был расположен огромный пятидесятифутовый иконостас с большими серебряными дисками с гравировкой, изображающей Марию, Иисуса и святых. Далее располагался высокий алтарь, содержащий непревзойденную коллекцию реликвий, начиная от молотка и гвоздей Страстей Христовых и заканчивая погребальной плащаницей Иисуса. Даже деревянная обшивка огромных царских врат⁷⁶ не была похожа ни на что в мире, поскольку состояла из древних обломков Ноева ковчега. Изумленный Юстиниан остановился в молчании, упиваясь открывшимся ему ошеломляющим видом. Так продолжалось долго, а потом те, кто стоял близко к императору, услышали шепот: «Соломон, я превзошел тебя!»

Праздное хвастовство было не в привычке императора, и он не оставлял своего великого замысла исправить неловкую ситуацию с Римской империей, в которую не входил Рим. Поскольку после восста-

⁷⁵ В отличие от западных соборов, форма свода Софийского собора позволяла обозревать все его внутреннее пространство от любой из его семи дверей.

⁷⁶ У автора — «imperial doors», что красиво, но неточно. (*Прим. ред.*)

ния «Ника» в стране установился относительный мир, император мог сосредоточиться на своем плане отвоения потерянных земель. Как и следовало ожидать, нашлось множество людей, твердивших ему о невозможности осуществить задуманное. Главным среди них был Иоанн Каппадокиец, который, как и любой не зря поедающий свой хлеб казначей, рассматривал эту затею с финансовой точки зрения и полагал, что она экономически нецелесообразна. Он слишком хорошо помнил катастрофу африканской кампании Василиска, которая подорвала имперскую экономику на следующие шестьдесят лет. Убеждая Юстиниана не рисковать ресурсами империи в ненужной военной кампании, он добился резкого сокращения размера армии, посланной с Велизарием. С одной стороны, это гарантировало, что империя уцелеет в случае неудачи похода; но с другой — маленький размер армии увеличивал возможность неудачи, которой предполагалось избежать. Впрочем, это мало занимало Юстиниана — его вера в способности своего полководца была несокрушимой.

В конце лета 533 года Велизарий выступил в поход с восемнадцатью тысячами человек, и что более важно для потомков — со своим личным секретарем Прокопием, который вел отчет о событиях, при которых лично присутствовал. Армии, прибывшей в Сицилию, чтобы пополнить припасы, сразу же улыбнулась удача: выяснилось, что флот вандалов отсутствовал, поскольку был занят подавлением мятежа на Сардинии — поддавшись на уловку, осторожно подброшенную Юстинианом. Велизарий воспользовался возможностью и действовал быстро. Высадившись на берег страны, которая сейчас называется Тунисом, и не обнаружив тут ни одного вандалского солдата, византийцы получили землю, которая сама была готова упасть им в руки.

Долгие годы правители вандалов настраивали против себя африканское население своими попытками обратить его в арианство. После многочисленных раз-

рушительных мятежей параноя варваров дошла до того, что они снесли стены своих городов, чтобы не позволить бунтующим подданным восстать снова. Таким образом Велизарий, прибывший в Африку, обнаружил, что города лишены укреплений, а их жители приветствуют его как освободителя.

За пятьдесят шесть лет до этого Василиск мешкал со своими кораблями, пока вандалы не разбили его наголову, но Велизарий, располагавший всего лишь десятой частью войск, бывших у Василиска, направился прямо к Карфагену — единственному из всех вандалских городов, сохранившему стены. Его целью было заставить Гелимера выйти наружу и нанести быстрый мощный удар, пока неожиданность была на его стороне. Но когда он был всего в десяти милях от города, его лазутчики сообщили, что большое войско вандалов поджидает его впереди в тщательно подготовленной засаде. Казалось, самым благоразумным в этой ситуации был стратегический отход на нейтральную территорию, но Велизарий не терпелось схватиться с Гелимером. Доверившись своему чутью, великий полководец решительно двинулся вперед.

Большинство опытных войск Гелимера сейчас отсутствовало, сражаясь в Сардинии, поэтому король вандалов совершил ошибку, пополнив свои ряды неопытными новобранцами. Это помогло ему собрать армию внушительного вида, но поскольку она была слишком большой, чтобы ею мог эффективно командовать один человек, ему пришлось разделить командование над ней со своим братом. К несчастью для вандалской Африки, неопытный брат Гелимера оказался полностью некомпетентен в военном деле и совершил грубую ошибку, в результате чего весь его фланг был уничтожен византийским авангардом. Гелимер пытался спасти положение, бросившись в атаку — но его войска бежали, едва завидев внушающих страх гуннских союзников Велизария, в своем поспешном отступлении

смяв ряды собственной пехоты. Каким-то образом Гелимеру удалось сплотить свои войска, но как только его превосходящие силы стали теснить византийцев, он наткнулся на тело своего брата и обезумел от горя. Отказавшись двигаться с места, пока тело не будет должным образом похоронено, Гелимер потерял темп, и внезапной решительной атакой Велизарий разбил армию вандалов.

Путь к Карфагену теперь был свободен, и победивший полководец с триумфом вошел в ликующий город, захватив дворец Гелимера как раз вовремя, чтобы поспеть на пир, подготовленный для короля вандалов. Население города, вышедшее на улицы, чтобы приветствовать его, бросало цветы перед его лошадью и размахивало ветвями. Некоторые опасались грабежей и разрушений, как это случилось в последний раз, когда римская армия захватила Карфаген⁷⁷ — но Велизарий дал строгие распоряжения своим людям. Это был не захват, но освобождение. Возвращение Риму бесценной провинции, проведенной больше столетия под гнетом варваров, было проведено торжественно и радушно: не было ни чванства, ни контрибуций. Еда закупалась по справедливым ценам, а за соблюдением дисциплины строго следили.

Армия завоевателей не задержалась надолго. Опытные войска Гелимера вернулись из Сардинии, и теперь разъяренный король со своим оставшимся братом⁷⁸ выступил в поход, чтобы отбить свою столицу. Перекрыв акведук, который обеспечивал город свежей водой, вандалы вынудили Велизария покинуть город, чтобы встретиться с ними лицом к лицу. Выбрав широкую

⁷⁷ Это произошло в 146 года до н.э., в конце Третьей Пунической войны, когда Сципион Эмилиан сжег город дотла, продал население в рабство и засыпал руины солью.

⁷⁸ Законом, вернувшимся с армией ветеранов после подавления мятежа на Сардинии. (*Прим. ред.*)

равнину, которая не давала преимуществ ни одной из сторон, Велизарий повел свои войска в решающее сражение этой войны.

Две стороны сошлись друг против друга, истекая потом под пылающим солнцем Северной Африки. Поначалу сильно уступающая в числе, но более дисциплинированная византийская армия, совсем неощутимо начала теснить вандалов. Гелимер бросился вперед, пытаясь ободрить своих людей, но тут история повторилась: в жестоком бою его брата убили у него на глазах. Парализованный горем, король остановился, и его колеблющиеся войска были полностью разбиты атакой византийцев. Теперь вандалы думали только о бегстве; барахтаясь в общей неразберихе, люди с трудом прокладывали себе путь к отдаленным горам, возвышавшимся над пыльной африканской равниной. Тысячи из них погибли в схватке, обагрив поле битвы варварской кровью, прежде чем усталый Велизарий не отозвал погоню.

Победа подорвала силы вандалов так основательно, что они практически исчезли с исторической сцены. Гелимер уцелел, сбежав в горы и продолжая бороться, но когда зима закончилась, он понял, что его дело безнадежно, и сдался. Велизарий с триумфом вошел в светливый город Гиппон и обнаружил там как огромную казну Гелимера, так и похищенные сокровища Рима.

Через несколько месяцев пали Сардиния, Корсика и Гибралтар, довершив выдающуюся победу. Вандальское королевство было уничтожено менее чем за год, и мир, наблюдавший за этим, сделал соответствующие выводы. Империя возвращалась, чтобы вернуть свое.

Оставив в Африке заместителей, чтобы они покончили с сопротивлением, Велизарий собрал трофеи и наиболее значимых пленников и отплыл в Константинополь. Юстиниан с восторгом приветствовал своего полководца. Ошеломляющее возвращение земель Северной Африки подтверждало возможность его завет-

ной мечты о воссоединении империи. Велизарий доказал всем сомневающимся их неправоту и обеспечил безмерное уважение и империи, и императору. Юстиниану нужно было тем или иным образом выразить свою благодарность, и в своей обычной манере он выбрал самую причудливую награду. Велизарию, объявил он, будет дарован триумф.

Это было высшей наградой, которую мог получить римский полководец, хотя с 19 года до н.э. триумфа не удостоивался никто за пределами царствующей семьи. Однако для Юстиниана, преклонявшегося перед историей Рима, это было лишь очередным свидетельством того, что его правление знаменует собой возвращение славы старой империи.

Молодой полководец шел к ипподрому сквозь восторженные толпы, его лицо было окрашено красным, и яркое солнце сверкало на его доспехах. Согласно традиции, рядом с ним находился раб, державший золотой венок над его головой и шептавший ему на ухо: «Помни, ты всего лишь человек»⁷⁹. Вслед за ним под развевающимися знаменами вандалского королевства шел Гелимер, его семья и самые доблестные вандалские воины. За ними почти бесконечной чередой следовали обозы с военными трофеями: троны из цельного золота, колесницы, украшенные драгоценными камнями, серебряная менора, которую Тит присвоил в Иерусалиме в 71 году н.э., и сокровища, которые вандалы похитили из Рима. Вошедшую на Ипподром громадную процессию жители приветствовали стоя, а высоко над ними Юстиниан и Феодора восседали на троне в императорской ложе. Шум толпы стал оглушительным, когда с Гелимера сорвали его королевские одежды и заставили преклониться в пыли перед императором. Лежа ниц посреди символов своей былой славы, по-

⁷⁹ Изначально это было предосторожностью против мятежа, чтобы переменчивая лесть толпы не доходила до ушей героя дня.

верженный на колени король прошептал строки из Экклезиаста: «Суета сует, и все суета».⁸⁰

Как бы Велизария ни хотелось остаться в Константинополе и насладиться наградой за свой поход, у императора уже было для него новое задание. В представлении Юстиниана отвоевание Северной Африки всего лишь вымостило дорогу к куда более важному и символически значимому завоеванию Италии, и не было причин его откладывать. Приказав флоту быть готовым незамедлительно, император послал Велизария с двадцатью пятью сотнями человек на завоевание Сицилии, в то время как другой полководец повел основную армию в Северную Италию сухопутным путем через Далмацию.

Время вторжения было превосходно рассчитано. Власть готов пользовалась достаточной поддержкой среди рядовых итальянцев, но главной трещиной в этой поддержке была религия.⁸¹ Церковь долго была проводником римской культуры и гражданских ценностей — духовенство все еще носило аристократические римские мантии (которые теперь назывались ризами), даже когда их паства уже восприняла варварскую манеру одеваться. Это проводило жирную черту различия между носителями цивилизации и варварами. Вне зависимости от взаимоотношений со своими подданными, готы оставались арианскими еретиками, которые никогда не могли рассчитывать на полное принятие.

Было очевидно, что Италия достаточно созрела, и пора ее срывать — но сперва Велизария нужно было

⁸⁰ Гелимеру были пожалованы земли в Галатии и Малой Азии — и предписано отправиться туда в качестве частного лица. Его плененные солдаты были раскассированы по войскам, стоявшим на персидской границе. (*Прим. ред.*)

⁸¹ Но при всем этом зловонные готы все же были именно варварами. Культурные итальянцы обожали жаловаться на их дикие музыкальные вкусы, нелепые штаны [сами наследники римской культуры ходили без штанов — *прим. ред.*] и сальные волосы.

завоевать Сицилию. Это он проделал в своем обычном блестящем стиле, быстро пройдя сквозь остров. Единственным местом, где он натолкнулся на сопротивление, был Палермо; тогда, направив корабли прямо на городские стены, полководец велел своим людям высаживаться прямо туда. Внезапное падение Сицилии полностью лишило духа Теодахада, короля остготов⁸². Когда к нему явился посол от императора, король в ужасе предложил добровольно сдать Италию. В этот момент казалось, что самые древние земли империи будут возвращены так же быстро, как и Африка.

К этому дело и шло — но, к несчастью для обитателей полуострова (и дальнейшей истории Запада), византийский полководец, двигавшийся через Далмацию, выбрал именно этот момент, чтобы провалить наступление, и был убит в третьестепенной битве. Поскольку у войска не было приказа двигаться дальше без командующего, солдаты разбрелись по зимним квартирам и отказались трогаться с места без дальнейших указаний. Византийская угроза внезапно стала куда менее впечатляющей, и Теодахад успокоился. Сожалея о том, как поспешно он согласился капитулировать, он бросил имперских посланников в тюрьму и приготовился

⁸² Теодахад был мужем Амалсунты, проримски настроенной дочери Теодориха, правившей после смерти отца от имени своего малолетнего сына Аталариха. Именно она разрешила Велизария использовать Сицилию в качестве базы для действий против Северной Африки. Поддержанный готской знатью, Теодахад почти сразу же после воцарения в 534 году арестовал свою супругу и сослал ее на остров Маршано на Больсинийском озере, где она через полгода была задушена в бане. Именно это убийство стало поводом для выступления византийцев против остготов, поэтому на Сицилии, где были сильны позиции сторонников Амалсунты, имперским войскам не было оказано почти никакого сопротивления. В 536 году трусливый Теодахад согласился сдать византийцам Италию за поместье и 1200 либр золота ежегодной ренты — но отказался от этого обещания после поражения византийской армии Мунда в Далмации и известиях о мятеже Стозы в Северной Африке. (*Прим. ред.*)

к сопротивлению, собрав армию так скоро, как только мог. Возможность быстрой победы была безвозвратно потеряна, и Италия, еще блистающая на закате классической эпохи, теперь погрузилась во тьму гибельной войны. Эта область останется кровавым полем боя еще многие столетия.

Византийское наступление замедлилось и окончательно захлебнулось, когда даже Велизарий в Сицилии столкнулся с проволочками. Когда он уже был готов отправиться в южную Италию, его настигла весть, что в Африке разгорается серьезное восстание. Прошли месяцы, прежде чем полководец добрался туда и подавил его, а вернувшись — обнаружил своих людей на грани мятежа. Ко времени, когда он их утихомирил, уже начался август, и сезон, пригодный для военных кампаний, закончился.

Промедление раздражало Велизария не меньше, чем его людей, и в начале следующего года он пересек Мессинский пролив, твердо намереваясь наверстать упущенное время. Теодахад не позаботился отстроить готские укрепления, и почти все города на юге стремительно пали один за другим. Каждая победа еще сильнее ослабляла боевой дух остготов — но это также означало, что часть своего войска Велизарию требуется оставлять позади. Ко времени, когда полководец достиг Неаполя, его армия была слишком мала, чтобы взять штурмом практически неприступный город. Впрочем, кроме прямого приступа, оставалось еще много способов проникнуть в город, и изобретательный ум Велизария вскоре позволил ему найти один из них.

Один из его людей забрался на старый акведук, чтобы выяснить, как тот устроен, и обнаружил небольшой неохраняемый проход, что вел за городские стены. К сожалению, он был недостаточно большим для человека в доспехах, но Велизарий знал, как это обойти. Шумно атаковав другой участок стены, он воспользовался грохотом сражения, чтобы замаскиро-

вать звуки, с которыми его люди расширяли отверстие. После того, как работа была закончена, Велизарий с готовностью отступил и ждал до наступления ночи, а затем послал шестьсот человек по этому проходу и начал общую атаку. Охрана быстро оказалась перебита, ворота были открыты, и за какие-то часы самый важный город готов на юге оказался в руках византийцев.

Падение города заставило паникующих готов убить своего бесхребетного короля и покинуть Рим, отступив в почти неуязвимую Равенну. Избрав энергичного знатного человека по имени Витигес своим новым королем⁸³, готы занялись укреплениями в своей новой столице, оставив всего четыре тысячи человек для невозможной задачи по укомплектованию людьми и защите обветшалых разваливающихся стен. Спустя несколько недель под стены Рима прибыл Велизарий.

Грозная слава имперской армии бежала впереди нее, и ко времени, когда первые византийцы были замечены у стен Рима, гарнизон готов уже убедил себя, что сопротивление бесполезно. Благодаря осторожным переговорам, заблаговременно проведенным великим полководцем, папа Сильверий уже пригласил Велизария в город, и готы думали только о спасении своих жизней. Пока византийцы вступали в город через Ослиные ворота, на другом конце города гарнизон готов поспешно уходил по старой Фламиниевой дороге.

Первый раз за последние шестьдесят лет Римская империя получила контроль над своей древней столицей. Ее жители с гордостью приветствовали возвращение своей старинной славы и кричали: «Никогда боль-

⁸³ Витигес был известен своей храбростью на поле боя – но, на счастье византийцев, оказался плохим полководцем и еще худшим дипломатом. Желая придать своей власти характер законного наследования, он женился на Матасунте, дочери Амаласунты и внучке Теодориха, однако новая королева разделяла проримские симпатии матери. Вдобавок свадебные торжества отняли то самое время, которого не хватило для подготовки отпора Велизарию. (*Прим. ред.*)

ше северные дикари не осквернят могилу Цезаря!»⁸⁴ Ключи от Рима вместе с захваченным вождем готов были отосланы в Константинополь, где они во всем своем великолепии были выставлены напоказ перед тронном Юстиниана.

Это был выдающийся год, но Велизарий слишком хорошо понимал, что война не окончена. Всего лишь с горсткой людей он смог завоевать Сицилию, южную Италию и Рим — но успех Византии был по большей части иллюзорен. Когда Витигес осознает, что грозный Велизарий держит Рим всего с пятью тысячами человек, весь поход окажется под угрозой провала. Триумфальный вход в Рим обернулся отчаянной попыткой починить его стены до того, как Витигесу станет известна правда.

Когда хозяин Равенны обнаружил, что уступил почти половину своего королевства столь малым силам противника, он пришел в гнев, и через три месяца крупная армия готов уже стояла перед воротами Рима. В момент прибытия они чуть было не поймали Велизария и тем самым едва не завершили только начавшуюся битву. После того, как Мильвийский мост был укреплен башней, полководец выехал из города, чтобы обозреть вражеские позиции. Он был уверен в своей безопасности, поскольку полагал, что готы не смогут пересечь Тибр достаточно быстро, чтобы он чем-то рисковал. К несчастью, стража, отвечающая за защиту башни, бежала, едва завидев неприятеля, и готы безнаказанно хлынули через мост. Велизарий внезапно оказался окружен их арьергардом и отрезан от Фламиниевых ворот. Хорошо заметный на своей гнедой лошади, он пытался проломиться сквозь вражеские ряды и вырваться из кольца, в то время как римские перебежчи-

⁸⁴ Edward Gibbon, *The Decline and Fall of the Roman Empire* [История упадка и разрушения Римской империи], v. 4. New York: Random House, 1993.

ки указывали на него готам. Велизарий сражался с отчаянной смелостью, криком подбадривая своих людей и подгоняя шпорами свою лошадь. Готы, удивленные яростью его атаки, отступили, и Велизарий со своими людьми смог проскользнуть в город.

С лицом, покрытым кровью, пылью и потом, с голосом, сорванным от крика, командующий был почти неузнаваем и был вынужден снять шлем, чтобы пресечь слухи о своей смерти. После того, как он успокоил своих людей, уставший командир лично посетил каждый пост, заряжая войска своим оптимизмом. Только когда он убедил себя, что большего сделать нельзя, он позволил своей жене увести себя, чтобы наконец поспать.

Не зная о том, насколько близка была победа, Витигес приказал перекрыть все десять акведуков, ведущих в Рим, каждый из которых более тысячи лет снабжал водой городские фонтаны, водопровод и водяные мельницы, которые обеспечивали город мукой. Велизарий вышел из положения с помощью рек, которые протекали через город — обеспечив таким образом устойчивое снабжение мукой и хлебом — и приготовился к новой атаке. Витигес построил огромные башни, чтобы проломить стены Рима, и спустя несколько недель привел их в действие. Сражение было безнадежным, поскольку готы атаковали сразу две секции стены. Снова и снова они были близки к победе, но Велизарий, казалось, присутствовал во всех местах одновременно, стреляя со стен и рубя штурмовые лестницы. К концу дня более тридцати тысяч готов были мертвы, а башни Витигеса превратились в дымящиеся развалины. Впрочем, глядя со стены, было трудно увидеть просвет в море вражеских солдат. Велизарий знал, что отразить дальнейшие атаки подобного рода будет невероятно трудно, и поспешно написал Юстиниану письмо с просьбой о подкреплении.

Военачальник просил людей уже не в первый раз, и сначала Юстиниан просто не обратил на это внима-

ния. Велизарий покорил Африку всего лишь с горсткой людей, неоднократно являя чудеса изобретательности, позволяющие кампании продолжаться, и император привык недооценивать значение людей и материальной поддержки, необходимых для завоевания Италии. Но здесь было и кое-что другое — легкая тень беспокойства в его супруге, грызущий страх, что в действительности все обстоит не так, как кажется. Феодора начала подозревать, что постоянные просьбы о большей армии были всего лишь уловкой. Разумеется, враждебных варваров можно разбить с уже имеющимися войсками. Вероятно, полководец готовится обнажить меч против своего господина. В конце концов император послал подкрепление в несколько тысяч человек, но Феодора не оставила своих подозрений. Этого полководца нельзя было упускать из виду.

Новые люди склонили чашу весов в пользу Велизария, и вскоре полководец почувствовал себя в достаточной безопасности, чтобы перейти в наступление. Во времена Средневековья осада зачастую дороже обходилась осаждающей армии, чем осажденной. Вынужденный переносить тяготы военной жизни под открытым небом, страдая от недостатка в провизии и пытаясь избежать болезней в условиях антисанитарии, Витигес вел безнадежную борьбу и понимал это. Даже земля, на которой располагался его лагерь, была истощена. Уже давно она превратилась в море грязи, и его людям приходилось забираться в поисках пищи все дальше и дальше. Это делало его чрезвычайно уязвимым для контрударов, и каждая успешная вылазка все хуже влияла на их душевную настрой.

Настроения в лагере готов не улучшились, когда Витигес получил весть, что передовому отряду византийцев удалось выскользнуть из города и захватить город Римини, что находился всего в тридцати трех милях от Равенны. Для короля готов вся эта борьба была напрасной тратой сил, и опасность, которой подверглась

его новая столица, стала последней каплей. Проклиная ветра, что занесли в Италию такого врага, раздраженный король приказал отступить. Но и тогда готам не дали уйти с миром. Каким-то образом догадавшись о времени ухода, Велизарий с громом вышел из-за своих стен и обратил паникующее войско Витигеса в позорное бегство.

С бегством последнего гота Витигес, вероятно, утешал себя тем фактом, что Италия не сталкивалась с людьми вроде Велизария с тех времен, как Ганнибал пересек Альпы более семи веков назад. Всего с тысячей человек византийский военачальник покорил королевство, что насчитывало сотни тысяч и за два года сумел сокрушить его военную мощь. Через пять лет он с не на много большим количеством людей покорил Африку и Италию, подчинив их воле империи.

Трудно сказать, на что был бы способен Велизарий, будь у него подходящая армия и пользуйся он большей степенью доверия. Испания и Галлия, ждущие завоевания, находились в соблазнительной близости; вероятно, был шанс возродить и саму Западную империю. Если бы имперская власть была восстановлена таким образом, можно было бы избежать опустошительных Темных веков — или как минимум смягчить их разрушительность.

К несчастью для империи, случая проверить это так и не представится. Выдающиеся успехи Велизария посеяли в душе Феодоры семена зависти и недоверия, и плоды их были печальными. Велизарий был слишком молод, слишком талантлив и слишком популярен, чтобы ему можно было доверять.

Когда Юстиниан получил еще одно письмо с просьбой о подкреплении, он послал в ответ семитысячное войско и человека по имени Нарсес, чтобы тот присмотрел за блистательным полководцем. Нарсесу было хорошо за шестьдесят, и он отлично подходил для этого задания. Будучи тем самым евнухом, который помог Велизарии

подавить мятеж «Ника», он, без сомнения, был самой могущественной фигурой при дворе и пользовался неизменным доверием из-за своего положения, которое не давало ему возможности претендовать на трон.

Подкрепления были встречены с радостью, но Юстиниану следовало предвидеть, что присутствие пожилого евнуха подорвет авторитет Велизария и сведет военные достижения практически на нет. Полководцы, которые стремились к быстрому продвижению по карьерной лестнице, поняли, что император сейчас благоволит Нарсесу; прошло немного времени, и командиры разделились на тех, кто сохранил верность Велизария, и тех, кто переметнулся к евнуху. Единственным решением было разделить и без того небольшое войско пополам. Пока Нарсес сдерживал основные силы готов, Велизарий зачищал Северную Италию.

Двигаясь со своей обычной скоростью, он прошелся по северу, освобождая итальянские города от владычества готов. Большинство городов с готовностью открывали ворота, чтобы избавиться от своих угнетателей-еретиков и воссоединиться с империей. Военачальник был только рад способствовать им — но это вело к уже знакомой проблеме перекачивания людей из его гарнизонов в города по мере того, как накапливались одержанные победы. Когда архиепископ Милана стал умолять Византию о помощи в освобождении его города, у Велизария осталось только три сотни человек. Он продолжал действовать, пока архиепископ миланский не открыл ворота, и вырезал гарнизон готов.

Легкость, с которой пал Милан, была приятна византийцам, но в то же время спровоцировала яростную реакцию короля готов. Милан был жемчужиной в короне Витигеса, самым большим городом в Италии, и когда он услышал новости о его захвате, то послал армию в тридцать тысяч человек, чтобы вернуть его.

Каким-то образом осажденным защитникам удалось послать весть Велизария, он приказал двум бли-

жайшим генералам освободить город от осады, и тогда опасность разделенного командования получила ужасное подтверждение. Скорее всего, командиры, которым было поручено освобождение города, опасались за свою карьеру, а потому отказались сдвинуться хотя бы на шаг без одобрения Нарсеса. Пока они колебались, Милан умирал. Отчаявшиеся защитники города были вынуждены есть собак и мышей; будучи на грани голодной смерти, они наконец оставили борьбу и согласились сдать готам. Условия оказались чудовищными. Милан должен был стать предостережением остальной Италии, примером, который бы показывал, чем оборачивается сопротивление силе оружия готов. Женщин и детей согнали в одно место и продали в рабство, мужчин убили на месте, а город был сожжен до основания.

Ужасающая судьба одного из самых прекрасных городов в Италии была тем более трагичной, что ее можно было с легкостью предотвратить — но она хотя бы убедила Юстиниана в том, насколько недальновидно недооценивать авторитет Велизария. После этого случая Нарсеса поспешно отозвали. В итоге командование Велизария никто больше не оспаривал, и он был твердо намерен нанести удар, который положит конец всей войне. Войска Витигеса все еще имели значительное превосходство, но теперь король боялся византийского военачальника и не отваживался выходить за стены Равенны. Если бы Велизарию удалось взять город со всеми загнанными туда врагами, война была бы окончена в один день.

Известие о том, что ужасная византийская армия уже в пути, повергло Витигеса в панику, и единственное, о чем он мог еще думать, — как сохранить свой трон. За несколько недель до этих событий до него дошла весть, что персидский царь Хосров угрожал войной окраинам Византии, и теперь Витигес отправил безнадежное письмо персидскому монарху в надежде зару-

читься поддержкой извечного врага империи. Если бы персов удалось убедить вторгнуться на Восток, угроза могла бы заставить Юстиниана отозвать своего внушающего страх полководца, что спасло бы припертого к стенке короля готов.

Хотя посланники Витигеса были схвачены и убиты задолго до того, как они достигли Персии, удача все же улыбнулась готам. После восьми лет борьбы Хосров наконец укрепился на персидском троне и не нуждался в приглашении готов, чтобы начать войну. Силы византийцев на востоке были значительно истощены итальянской кампанией, и в любом случае он был полностью уверен, что без Велизария они окажутся легкой добычей. Разумеется, оставался еще незначительный вопрос «вечного мира» с империей, который он подписал лично — но Хосров был не из тех, кто позволяет неудобному клочку бумаги помешать ему взять должное и достигнуть славы. Послав войска в Сирию, персидский царь мобилизовал свою армию, намереваясь полностью воспользоваться тем обстоятельством, что империя занята делами на Западе.

Витигес надеялся, что персидской угрозы, висевшей в воздухе, будет достаточно, чтобы испугать Юстиниана и заставить его преждевременно свернуть итальянскую кампанию. Никто не знал, как долго продлится осада Равенны, и император не мог позволить себе держать своего лучшего полководца прикованным к осаде практически разбитого врага, когда персы свободно разгуливают на Востоке. Единственным решением было договориться с Витигесом. В обмен на половину готской казны Юстиниан соглашался оставить за готами все их земли к северу от реки По.

Когда два посланника, несущие условия Юстиниана, достигли лагеря Велизария, полководец пришел в ужас. Витигес был разбит, а Равенна находилась на грани падения. В ярости полководец попытался урезонить имперских посланников, но они не могли послушаться

повеления императора. Осознав, что все бесполезно, Велизарий склонил голову перед неизбежным, но отказался подписать соглашение. Он не желал оставлять свое имя под такими позорными условиями, и поскольку на это не было приказа императора, он отказался, молчаливо выказав этим неповиновение.

Его знаменитая удача снова спасла положение. Опасаясь очередной уловки со стороны Велизария, король готов не поверил, что предложение было искренним, и отослал его обратно в византийский лагерь, сказав, что не будет принимать соглашение во внимание, пока его не подпишет сам Велизарий. В ответ полководец хитроумно заявил, что не подпишет соглашения, прежде чем Юстиниан прямо не прикажет ему этого, чем вынудил имперских послов проделать долгий путь обратно в Константинополь, чтобы получить ответ императора. Временно отделавшись от надоедливой парочки, Велизарий дал готам понять, что других предложений не будет, и это заявление убило последнюю надежду Витигеса. Послав вестников, чтобы они тайно проникли в византийский лагерь под покровом ночи, готский король сделал заманчивое предложение: если Велизарий примет корону возрожденной Западной Римской империи, ворота Равенны будут открыты, и готы склонятся перед ним.

Немногие смогли бы оценить преимущества ситуации лучше, чем Велизарий. За добрых пять лет он прошел Италию вдоль и поперек, и если бы готы объединились под его началом, ни на Западе, ни на Востоке не нашлось бы силы, способной остановить его. Такие возможности оказались бы неодолимым искушением для большинства из его командиров — но преданность Велизария была непоколебима. Притворно согласившись на условия Витигеса, он вступил в Равенну в мае 540 года и принял капитуляцию готов. Улицы заполнили ликующие готы, не знающие об обмане. Написав в Константинополь, Велизарий уведомил Юсти-

ниана о своих действиях, объявив, что война окончена, и Италия снова принадлежит Римской империи. Выдающаяся победа была одержана без единой капли крови, и Велизарию должно было быть интересно, получит ли он триумф или даже большую награду.

Он полагал, что способ, которым он завоевал Равенну, отличается от тысяч других завоеваний только в мелочах, но принятие готской короны — даже в виде уловки — было непростительным преступлением, которое пробудило в императрице Феодоре дремавший до того страх. С этих пор между ними начнется война, а Феодора была не из тех, с кем легко помириться.

Впрочем, эти предзнаменования еще не омрачали мыслей полководца. В следующем месяце до него добрались запыхавшиеся посланники с вестями о вторжении Хосрова и призвали его в Константинополь. Собрав всю готскую казну и изрядно удивленного Витигеса с его семьей, Велизарий повиновался приказу. Готы не понимали, что их предали, пока корабли не вышли из гавани.⁸⁵

Военачальник прибыл на Восток и обнаружил его в полном беспорядке. Хосров сделал все возможное, чтобы за время своего четырехмесячного рывка продвинуться к Антиохии, третьему по величине городу в Византии. Племянник императора Герман, который отвечал за защиту Сирии, предложил персам огромную взятку, если они покинут территорию Византии, но увяз в деталях переговоров и раздосадованно бросил город на произвол судьбы. Шесть тысяч солдат, ответ-

⁸⁵ По традиции лишенный короны Витигес получил титул патрикия и земли в Малой Азии. Через два года он умер, и его супруга, красавица Матасунта, сыгравшая большую роль в капитуляции Равенны, стала женой упомянутого ниже наместника Сирии патрикия Германа. Равенна не была разграблена — но все готы были выселены из города и со своим имуществом депортированы на восток империи. Впрочем, готское сельское население в основном осталось на своих местах. (Прим. ред.)

ственных за защиту протяженных стен, благоразумно бежали при приближении огромной армии захватчиков, и персы вошли в город.

Городское ополчение синих и зеленых безуспешно пыталось сопротивляться захватчикам, но оказалось бессильно против профессиональной персидской армии. Резня была ужасающей. Солдаты двигались по улицам, грабя и поджигая все на своем пути, и когда все ценное было разграблено, Хосров сжег город и продал его население в рабство.

Персидский царь с самого начала не ошибался относительно слабых мест Византии и с готовностью продолжил свои действия против Сирии. Впрочем, ко времени прибытия персов положение дел радикально изменилось, и успехи Хосрова резко прекратились. Испуганный персидский гонец предстал перед Великим царем и захлебываясь, посоветовал монарху бежать. «Я повстречался с полководцем, который превосходит всех других людей!» — сообщил он. Велизарий явился на Восток.

Прибытие великого полководца взбодрило войска и сразу повысило боевой дух. Новости о пребывании Хосрова в Сирии дошли до Велизария, но он не собирался дожидаться царя. Раз персы вторглись в империю, он собирался ответить тем же. Не было ничего лучше небольшого грабежа, чтобы заставить персов бежать домой. Едва только Хосров вторгся на территорию империи, как, к своему ужасу, обнаружил, что Велизарий уже выжег весь обратный путь к столице Ктесифону. Все выглядело так, что война с Персией будет закончена одним ударом.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. YERSINIA PESTIS

.....

Хосров бросился домой, отчаянно стремясь защитить свою столицу, но византийское вторжение так и не состоялось. 541 год, как выяснилось, был вершиной для царствования Юстиниана и для Византийской империи. На западе Велизарий вернул Африку и Италию под контроль империи; на востоке он отбросил персов и теперь был близок к завоеванию их столицы. Безмерные богатства вандальской и готской сокровищниц добавили блеска поражающим воображение строениям по всей империи. Антиохия была восстановлена, а в Константинополе блистала жемчужина имперской короны – собор Святой Софии, архитектурное чудо века. Готы

избрали нового короля по имени Тотила, но их королевство было на грани краха, и когда персы были повержены, казалось, что ни один враг не сможет выстоять перед мощью византийской армии. Однако когда Велизарий отплыл в Ктесифон, такой враг явился.

Портовый город Пелузий, затерянный в восточном углу дельты Нила, был свидетелем многих великих вторжений античной эпохи, начиная с Александра и заканчивая Марком Антонием. Август Цезарь когда-то стоял под его стенами, и Помпей Великий был убит рядом с его воротами — но самыми впечатляющими его завоевателями стали гызуны. Ко временам Юстиниана у них уже сложились с городом долгие и сложные отношения. В VIII веке до н.э. Синнахериб и ассирийцы были вынуждены уйти отсюда, когда полевые мыши погрызли тетиву их луков и ремни щитов. Персидский царь Камбис II -- несомненно хорошо знавший историю — в VI веке до н.э. взял город, выпустив впереди своей армии кошек, которые рассеяли крошечных врагов. Впрочем, гызуны были только отброшены, но весной 540 года они вернулись.

Прибывшие на кораблях из портов Нижнего Египта крысы принесли с собой зараженных блох, проникли в город, и ужасная *Yersinia Pestis* начала свое чудовищное шествие по миру. Самое известное ее явление произойдет в XIV веке, когда ее с содроганием будут поминать как «черную смерть», но вспышка VI столетия, хотя и вспоминаемая куда более смутно, была, возможно, даже более страшной. Болезнь как пожар распространялась по Александрии, основному поставщику зерна в империи, а оттуда перекинулась и на прочий мир.

Зараженные не вызвали особой настороженности, и болезнь распространялась с ужасающей скоростью. Если она поражала легкие, возникали болезненные опухоли у лимфоузлов, и смерть наступала в течение недели; если она попадала в кровь, по всему телу появлялись черные пятна, и жертве оставалось жить не

больше дня. Никто не знал причин заразы или того, как она передается — соответственно, не было и очевидной защиты от нее. Передвигаясь с людьми и кораблями, чума поражала наиболее плотно населенные области, порой унося до трех четвертей населения.

В Константинополе болезнь беспрепятственно свирепствовала четыре месяца, убивая по десять тысяч человек ежедневно. Мертвых было столько, что вскоре кладбища были переполнены, и тела пришлось сваливать в пустующий замок до тех пор, пока гниющие трупы не начали переваливаться через стены. Обезлюдивший город полностью замер, не в силах поддерживать ритм обычной жизни в настолько напряженной ситуации. Торговля почти прекратилась, фермеры бросали свои поля, и немногие оставшиеся работники прилагали все силы, чтобы сбежать из пораженного болезнью города. Когда чума наконец утихла, на смену ей пришли голод и нищета.

Поначалу бедствие не затронуло Велизария, находившегося далеко на персидских рубежах. До него доходили рассказы об ужасной болезни, но он мало что мог поделать с ситуацией, кроме как решить персидскую проблему как можно скорее. Впрочем, вскоре на восток пришли новости, радикально меняющие ситуацию: заболел сам Юстиниан.

Византийская армия погрузилась в хаос. Юстиниан не назвал наследника, а Феодора годами нашептывала ему в уши ядовитые мысли, настраивая против армии. У войсковых командиров не было никаких сомнений, что если император сейчас умрет, она назначит наследника, не советуясь с ними. Они единогласно признали Велизария лучшим кандидатом в императоры и поклялись не соглашаться ни с каким решением Феодоры, принятым без их участия и одобрения.

Будучи бездетной, императрица прекрасно понимала, насколько малы ее шансы на власть. После нескольких месяцев, в течение которых она самостоятельно

правила страной, вряд ли кто-то испытал большее облегчение чем она, когда Юстиниан неожиданно пошел на поправку. Именно тогда, еще сильнее укрепив ее позицию, до нее дошло известие о том, что решили командиры на востоке. Разгневавшись из-за того, что они посмели оспаривать ее власть, она немедленно приказала Велизария явиться в столицу. Кого-то другого он мог бы и одурачить своими уверениями в преданности — но она всегда знала, что он вероломно вожделеет трона. Последние возмутительные события только подтвердили худшие из ее подозрений.

Впрочем, в каком бы бешенстве ни была Феодора, она хорошо знала грань, которую не стоит переходить. Императоры и императрицы лишались власти, если народ начинал негодовать, и сама она едва не стала изгнанницей во время восстания «Ника». Велизарий отличался от прочих — любовь к нему народа была настолько велика, что если бы она бросила его в тюрьму, это скорее всего стоило бы ей трона. Поэтому, как бы сильно она ни желала казнить полководца, ей пришлось удовольствоваться отстранением его от командования, конфискацией его имущества и отправкой его в опалу.

Выздоровевший Юстиниан обнаружил, что империя вокруг рушится. Около четверти населения Средиземноморья погибло, и потеря такого количества потенциальных солдат и налогоплательщиков серьезно подорвала экономику государства. Единственным утешением было то, что Персия страдала не меньше. Стремясь воспользоваться уязвимым положением врага, Хосров вторгся на территорию Византии — но добился только того, что заразились и его люди, а по его возвращении и вся Персия.

Положение Запада было еще хуже. Без Велизария византийский поход захлебнулся с пугающей скоростью. И, увы, за большую часть провалов Юстиниан мог винить только себя. Испугавшись могущества пол-

ководца, который всегда был ему предан, он решил, что ни один человек не будет верховным командующим, и разделил руководство итальянской кампанией ни больше ни меньше чем между пятью командирами. Это безрассудное решение разделило скудные ресурсы Византии между вздорными некомпетентными полководцами, которые почти сразу же принялись спорить вместо того, чтобы завершить покорение земель.

Вряд ли слабость империи могла проявиться в худшее время. Готы наконец-то нашли себе достойного короля в лице блистательного Тотилы, и он был намерен вывести свое королевство из безнадежной ситуации, которую создал его предшественник. Легко обойдя неповоротливых византийцев, Тотила ворвался в Италию, обещая жителям избавление от высоких имперских налогов и конец непрерывной войны. Ранее Велизария чествовали в Риме как освободителя – но теперь именно готы несли римлянам освобождение.

За год Тотила свел на нет большую часть сделанного Велизарием, и злополучные византийские полководцы письмом известили Юстиниана, что они больше не в состоянии защищать Италию. Земли, отвоевание которых потребовало стольких усилий, уже почти ускользнули из рук, и понимание этого подвигло Юстиниана на действия. Не обращая внимания на протесты жены, он снова призвал Велизария.

Едва ли полководец заслуживал его немилости, но рядом с Феодорой Юстиниан не мог до конца поверить своему старому другу, и полководец был отослан в Италию всего с четырьмя тысячами людей. Прибыв на место, Велизарий обнаружил, что ситуация практически безнадежна. Его солдаты испытывали глубокое уныние, командиры пали духом, а население сочувствовало Тотиле и откровенно враждебно относилось к византийцам. О том, чтобы открыто выступить против готов, не было и речи; удержать эти города в повиновении империи можно было только чудом.

Каким-то образом Велизарий смог удержать центр Италии, но каждый новый день приносил только новые беды. Нападения варваров на границы становились все более настойчивыми, а войска, которые еще не сбегали, чтобы защитить свои дома, были готовы скорее перейти на сторону Тотилы, чем сражаться с ним. С самого начала чумы они не получали регулярной оплаты, и победа готов стала казаться неизбежной. В огромных количествах теряя людей и опасаясь, что вскоре он будет уже не в состоянии защитить Рим, Велизарий отправил императору письмо, в котором с горечью описывал плачевную ситуацию и умолял прислать подкрепления: *«Солдаты, уже направленные на места... разочарованы, охвачены смятением и всего боятся; при виде врага они оставляют своих лошадей и бросают оружие на землю... Если бы войну можно было выиграть только присутствием Велизария, такая подготовка к войне была бы выше всех похвал... Но если ты желаешь завоеваний, то должен сделать нечто большее»*⁸⁶. Удивительно честное письмо Велизария имело целью сообщить, что он сможет переломить ситуацию, только если ему дадут его старых опытных воинов.

С самого начала его запрос был обречен на неудачу. Посланник, которому было поручено доставить письмо, предпочел приятно провести время в столице вместо того, чтобы сразу пойти во дворец. Только добившись благосклонности одной женщины и женившись на ней, он испросил аудиенции у императора и исполнил поручение. Второе препятствие было куда более серьезным. Феодора не собиралась позволять воссоединиться Велизарию и его ветеранам, да к тому же попросту не было денег, чтобы снарядить новое войско. Некоторые подкрепления все-таки удалось наскрести и отослать — но как всегда, их было слишком мало, и прибыли они слишком поздно.

⁸⁶ Edward Gibbon, *The Decline and Fall of the Roman Empire*, v. 4. New York: Random House, 1993.

Без существенной помощи Константинополя у Велизария не было надежды собрать достаточно людей, чтобы разбить готов, и новая война зашла в безнадежный тупик. Рим переходил от одной армии к другой и постепенно превратился в обезлюдевшие и почти полностью заброшенные развалины⁸⁷. В 548 году Велизарий уже настолько отчаялся, что послал в Константинополь с просьбой о помощи свою жену Антонину. Чума несколько утихла, дела, казалось, стали налаживаться по всей империи, и полководец надеялся, что теперь найдутся и деньги, и люди, с помощью которых можно будет остановить вторжение готов. К тому же у него было достаточно причин полагать, что его жена окажется лучшим посланником, чем тот, которого он посылал в последний раз. Будучи близкой подругой Феодоры, она могла бы обойти все бюрократические препоны, вставшие у нее на пути, и быстро добиться приема у императора. Прибыв в город, Антонина была готова встретиться со своей подругой — но ее встретили только черные траурные занавеси и Юстиниан, убитый горем. Феодора умерла.

Благодаря ей императору удалось выстоять в отчаянные дни восстания «Ника» — но для роли фактической правительницы империи она оказалась крайне неподходящей. Убежденная, что Велизарий столь же озабочен политикой, как и она сама, Феодора настроила своего мужа против единственного человека, который мог воплотить в жизнь его замыслы о возвращении потерянных земель. Хуже того — пока Юстиниан умирал в своей постели, она сочла своим личным долгом восстановление в империи монофизитства⁸⁸, дав новую

⁸⁷ Историк Прокопий, который, вероятно, присутствовал при этом, довольно неправдоподобно утверждал, что уцелело только пятьсот жителей.

⁸⁸ Монофизитство — учение, согласно которому природа Христа была исключительно божественной, а не человеческой.

жизнь ереси, споры о которой уже почти прекратились. Один этот шаг, чрезвычайно ослабив лояльность большей части Сирии и Египта, причинил больше вреда, чем любая варварская армия. Столетием позже, когда явится новый враг, его встретят как освободителя от религиозных гонений Константинополя, и большая часть Востока навсегда покинет сферу влияния Рима.

Тяжело переживая утрату, Юстиниан в 549 году вызвал Велизария в Константинополь и встретил его как брата. Обняв усталого полководца, который так верно служил ему все эти годы, он поселил его в роскошном дворце и даже воздвиг бронзовую статую в его честь. Велизарию было неловко от таких почестей, и вскоре он предпочел отойти в тень, но немногие люди в империи заслуживали большей славы. Не будь его, обширные завоевания Юстиниана были бы невозможны, и у куда более маленького государства не было бы возможности выстоять в бурях следующих столетий.

Пока Велизарий оставался в Константинополе сторонним наблюдателем, Тотила осадил Рим, и городской гарнизон, обнищавший и деморализованный, уставший от вкуса конины, открыл ему ворота, посопротивлявшись лишь для вида. Когда древняя столица пала — с начала войны уже в четвертый раз перейдя в другие руки, — Юстиниан наконец убедился, что Италию можно завоевать, только доверив единое командование одному командиру. Призвав к себе старого евнуха Нарсеса, он снарядил большую армию и поручил ее придворному.

Нарсес, которому в то время было уже за семьдесят, был странным выбором на роль верховного командующего — особенно если учесть, что весь его военный опыт заключался в его участии в подавлении мятежа «Ника», когда он вырезал несколько сотен безоружных людей, и еще в том, что именно из-за него Велизарий потерял Милан двенадцать лет назад. Но Нарсес был искусственным дипломатом, который всю жизнь провел,

скользя по опасным водам придворной политики, и немногие люди в империи обладали такими обширными связями. Как полагал император, возраст — не главное. Ему самому было около семидесяти, и он полагал, что если возраст нисколько не уменьшил его энергии, то же самое верно и для его нового полководца.

Нарсесу досталось все снаряжение, в котором было отказано его предшественнику, чтобы он мог одержать победу, которая должна была принадлежать Велизарии. Отплыв с армией, чей размер почти в десять раз превышал данную великому полководцу, Нарсес забрал с собой деньги, причитавшиеся многострадальному византийскому гарнизону. Прибыв в Италию, он принялся щедро раздавать золото, и люди стали стягиваться под его знамена, увеличивая ряды его войска.

Стоило только последнему транспортному судну выйти из имперской гавани, как в Константинополь прибыли два посланника, принеся императору интригующую весть. Они явились из вестготской Испании и рассказали об растущих там беспорядках и римском восстании против варварского короля. Под командованием выдающегося лидера по имени Атанагильд мятежники захватили Кордову и теперь просили империю помочь им взять Севилью.

Любой другой человек пожелал бы этим людям удачи и отверг эту смехотворную идею. Ресурсы империи были почти истощены, армии увязли в опасных трясиных Италии, и последнее, что было нужно Византии — это связываться с отдаленной провинцией, расположенной за сотни миль от и без того чрезмерно растянутых линий связи и снабжения. Однако Юстиниан не устоял перед искушением и немедленно согласился. Испания была последним королевством, где римским христианским населением правил варвар, король-арианин, так что византийцам легко было представить себя защитниками веры. Юстиниан полагал, что народ Испании неминуемо восстанет против своих еретических повели-

телей, обеспечив тем самым превосходную стартовую позицию для завоевания остального полуострова.

Те, кто считал Нарсеса слишком старым и немощным, чтобы возглавлять вторжение, были потрясены выбором человека, которому Юстиниан доверил поход в Испанию. Почти девяностолетний Либерий обладал обширным военным опытом, и, несмотря на свои годы, превосходно подходил на роль командующего. Возглавив армию всего в несколько сотен человек, хитроумный полководец вскоре подчинил себе испанцев. Высадившись в Испании, он вскоре пришел на помощь Атанагильду и захватил Севилью, но когда предводителя восстания объявили королем, и тот нервно попросил византийцев удалиться, полководец наотрез отказался. Блестяще организовав партизанскую войну, он сумел натравить романизированное население их арианских хозяев и с боем вернуть империи весь юг Испании.

В тот же самый месяц, когда отплыл Либерий, Нарсес начал свой долгий поход на Рим. Тотила рассмеялся, когда услышал, что евнух ведет имперскую армию и позволил франкским варварам войти в северную Италию, надеясь, что они справятся с неприятностью за него. Впрочем, готы вскоре обнаружили, что в слабом теле Нарсеса таился острый ум: он без усилий уклонился от франков, обойдя их вдоль побережья.

Возле старого римского города под названием Буста Галлорум Нарсес застиг Тотилу врасплох и в кровопролитной битве разбил армию готов, попутно убив их короля. Обнищавший Рим открыл византийцам ворота, и в качестве символов своего триумфа Нарсес отправил в Константинополь ключи от города — вместе с украшенной драгоценными камнями короной Тотилы, золочеными доспехами и окровавленной одеждой.

Пока победоносный Нарсес был занят уничтожением остатков готов в Италии, Юстиниан начал готовиться к завоеванию Испании, но вернувшаяся чума нарушила его планы. Она свирепствовала шесть месяцев,

опустошая и без того еле живую империю, и императору пришлось отказаться от планов дальнейших завоеваний. Как будто символизируя трудности, с которыми столкнулись византийцы, в тот же год от землетрясения в Софийском соборе обрушился свод над алтарем. Весь собор был построен за шесть лет — хотя сейчас казалось, что это было целую вечность назад, — но теперь нехватка денег была столь острой, что отремонтировали его только через пять лет.

Все денежные средства, которые еще могла производить империя, шли на поддержание безопасности, что было первоочередной целью. В то время попросту не осталось людей, чтобы встать на смену погибшим или умершим от чумы, поэтому Юстиниан до предела сократил войско, в противостоянии с противником полагаясь больше на золото, чем на сталь. В начале его правления армия насчитывала более полумиллиона человек; к концу в ней осталось всего лишь сто пятьдесят тысяч. Поскольку протяженность границ увеличилась почти вдвое, поредевшая армия не могла эффективно охранять их все сразу. В 559 году опасная затея Юстиниана сыграла с ним злую шутку, когда отряд гуннов пересек неохраняемую границу и оказался в тридцати милях от Константинополя.

Благодаря своим мощным укреплениям город был вне опасности, но для императора, покорившего королевства готов и вандалов, было унижительно отсиживаться за стенами, пока небольшое войско варваров разоряло предместья. К несчастью для Юстиниана, под рукой у него не было армии, чтобы наказать этих бесстыжих дикарей, но в городе все же был удалившийся от дел полководец. Как и много раз в прошлом, император призвал Велизария и поручил ему последнюю задачу.

Десять лет прошло с тех пор, как полководец последний раз участвовал в сражении, но обычного своего блеска он не утратил. На скорую руку собрав армию из

нескольких сотен стражников, ветеранов и добровольцев, он разгромил гуннов в тщательно подготовленной засаде и даже сумел отогнать захватчиков обратно к границам. Вид непобедимого полководца, снова разметавшего все на своем пути, воскресил в императоре старые страхи, которые дремали в нем со смерти Феодоры. Испытав довольно неприятную вспышку ревности, император резко отстранил Велизария от должности и принял на себя командование армией. Великий полководец, которому шел только шестой десяток, вежливо отошел в сторону, снова спокойно наблюдая, как другой человек присваивает победу, которой он добился.

Возможно, методы Юстиниана внешне не были такими же воодушевляющими, но они определенно действовали. Подкупив гуннов, чтобы они ушли, император спровоцировал враждебное племя на вторжение в их родную землю. Едва ли это можно назвать блестящей победой – но были причины, чтобы отпраздновать ее. В империи наконец наступил мир.

Так продолжалось до конца правления Юстиниана. Велизария он больше не призывал, но тот прожил достаточно долго, чтобы увидеть, как Нарсес разбил войско франков у Вероны, положив тем самым конец долгой и кровопролитной войне. Возможно, полководец нашел некое удовлетворение в том, что увидел окончательное воплощение замысла своего государя. Должно быть, многим приходило в голову, что хотя Нарсес и водрузил победное знамя, именно труды Велизария сделали возможным воплощение мечты Юстиниана. Несмотря на все это, верность полководца была непоколебима, и свое унижение он переживал молча, предпочитая остаться преданным слугой человека, который мог лишиться власти, если бы только Велизарий пожелал этого⁸⁹. Юстиниан пережил его только на восемь

⁸⁹ Император мог относиться к Велизарию сколь угодно пренебрежительно – но простой народ никогда о нем не забывал. Восемь веков

месяцев и 14 ноября 565 года умер во сне в почтенные восемьдесят три года.⁹⁰

Немногие императоры так усердно трудились на благо своей страны и были ей настолько преданы. Более того, вид Юстиниана, глубокой ночью бродящего по лабиринтам коридоров Большого дворца, был настолько привычен для слуг императора, что они дали ему прозвище «Неспящий».

За тридцать восемь лет, что он провел на троне, было значительно усовершенствовано управление, право и экономика; все это наложило на столицу такой четкий отпечаток, что он не исчез до сих пор. Юстиниан прибавил к империи больше земель, чем любой император, за исключением Траяна и Августа. Всякая его попытка завоевания новых территорий оказывалась удачной, в итоге ему снова удалось превратить Средиземное море в «римское озеро». Города от Антиохии до Рима были пышно украшены, а в центре всего это великолепие возвышались золотые купола Святой Софии. Созданные так, чтобы пережить века, они по сей день остаются самым ярким воплощением мечты императора, способным мгновенно перенести наблюдателя на пятнадцать веков назад, мимолетно явив Византию времен ее величия.

Возможно, человеческие недостатки Юстиниана мешали ему доверять своему великому военачальнику, но это всего лишь отдалило приближение успеха. Одержанные Велизарием победы были поистине впечатляющими; народы трепетали при его имени, заносчивые короли и враждебные военачальники склонялись перед ним. Но в конце концов его великие замыслы прова-

спустя люди Константинополя все еще пели песни и сочиняли стихи, прославляющие жизнь полководца.

⁹⁰ Большой частью того, что нам известно о Юстиниане и Велизарии, мы обязаны перу великого историка Прокопия. По странной иронии судьбы, все три византийских гиганта ушли в один и тот же год.

лились — не по чьей-то злой воле, а из-за прибытия зараженной крысы.

Со временем стало ясно, что Юстиниан был не провозвестником новых славных времен, а мимолетным проблеском прошедших. Никогда больше подобный мечтатель не будет управлять империей, и никто другой, чьим родным языком была бы латынь, уже не займет место на троне. Несмотря на все бесстрашие и энергию Юстиниана, дни старой Римской империи ушли безвозвратно. Об этом позаботилась бубонная чума, за свое чудовищное нашествие уничтожив четверть населения и сделав невозможным обладание отвоеванными Юстинианом землями. Новые территории должны были обогатить и обезопасить империю — но вместо этого на фоне свирепствующей болезни их границы раздвинулись именно в то время, когда у империи не хватало ни людей, ни денег, чтобы защитить их. Чтобы сохранить настолько расширившуюся империю в условиях острой нехватки ресурсов, Византия нуждалась в способностях и энергии Юстиниана и Велизария вместе взятых — но второй раз Византия так и не получает подобного подарка.

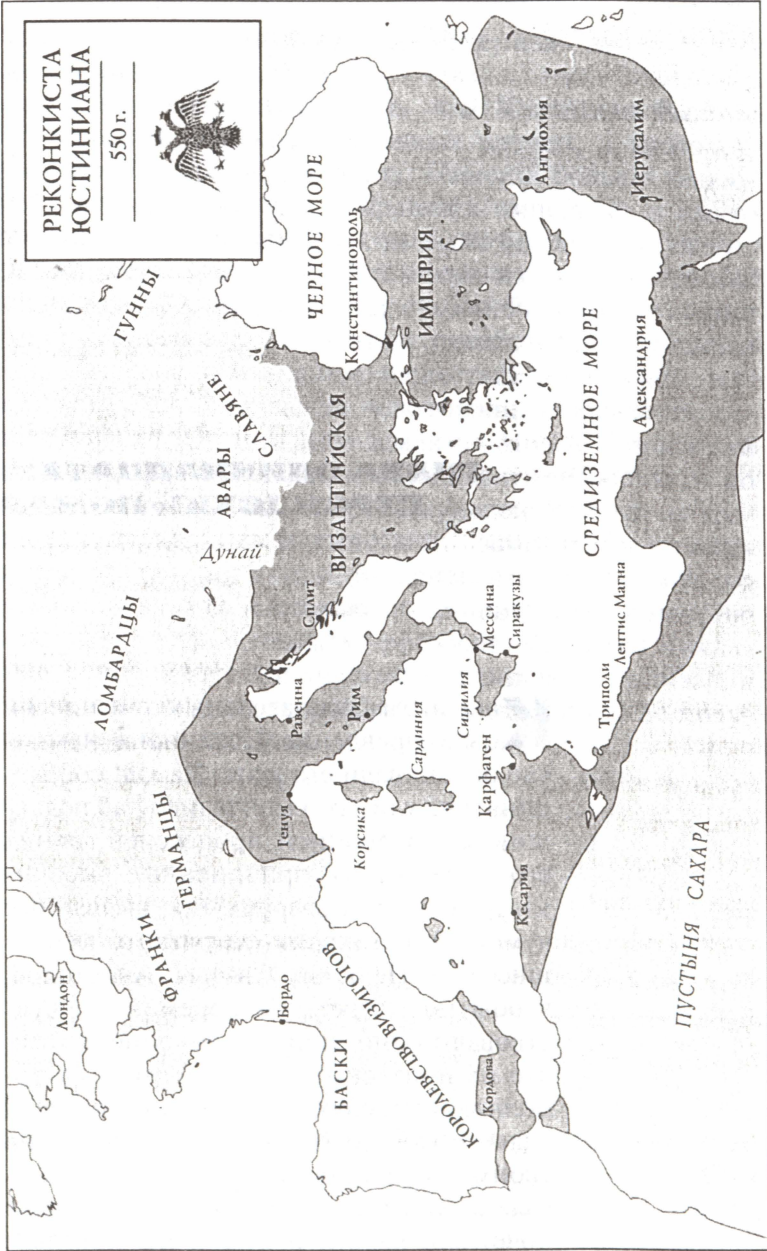
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. ПЕРСИДСКИЙ ПОЖАР

.....

Каким бы блистательным внешне ни было правление Юстиниана, немногие оплакивали его уход. Народ, собравшийся на улицах и молчаливо наблюдавший за похоронной процессией, винил его за несчастья, причиненные высокими налогами, и разрушения, вызванные чумой. Аристократы-интриганы, набившиеся в Церковь Святых Апостолов, чтобы посмотреть на церемонию, чувствовали одно лишь облегчение оттого, что их притеснитель был мертв — а исполняющие службу священники были рады похоронить человека, чья жена своим вмешательством так способствовала разногласиям внутри церкви. Даже почетный караул рядом с его тяжелым

РЕКОНКИСТА
ЮСТИНИАНА

550 г.

порфи́ровым надгробием вряд ли мог любить человека, который так часто задерживал жалование армии.

Но несмотря на все трудности империи, ее бывший правитель преуспел в том, чтобы сделать Византию сияющим маяком цивилизации. Архитектурное торжество собора Святой Софии было бы невозможно без успехов в математике, и вскоре появилась процветающая школа, занимавшаяся дальнейшим совершенствованием в этой области. Начальное образование в Византии было доступно для обоих полов, и благодаря стабильности правления Юстиниана практически все слои населения были грамотными. По всей стране университеты продолжали традиции Аристотеля и Платона, которым было уже больше тысячи лет, а труды великих ученых античности собирались как в публичных, так и в частных библиотеках.

По контрасту с этим великолепием старые западные провинции под владычеством варваров быстро скатывались в жестокий хаос Темных веков, а воспоминания о развитой городской жизни там постепенно меркли. Грамотность стремительно приходила в упадок, поскольку борьба за выживание сделала образование непозволительной роскошью, и без участия церкви она бы исчезла окончательно. В церкви грамотность все еще ценилась, и отдаленным монастырям удавалось сохранять знания. Но по всему Западу торговля едва теплилась, города уменьшались, а величественные общественные здания постепенно разрушались без ремонта.

Восток, напротив, оставался преуспевающим центром торговли — обширной сетью процветающих городов, связанных не имеющей себе равных системой римских дорог. Торговцы, везущие пряности и рулоны шелка с Дальнего Востока и янтарь с отдаленного севера, сновали по оживленным дорогам между шумными портами. Мастера создавали удивительные изделия с эмалью и золотой филигранью, драгоценности и украшения. На берегах Малой Азии и Греции умелые

собиратели добывали маленьких моллюсков, из которых получали роскошный пурпур, а в Константинополе возникло новое производство шелка, находящееся в ведении государства⁹¹. И в больших, и в маленьких городах профессионалы делились на гильдии, студенты собирались в университетах, а разносчики доставляли товары хозяйкам, которые не желали выходить из дома в уличную толчею.

Дни пиров и торжеств предоставляли высшим условиям достаточно возможностей для роскошных приемов, а те, кто был победнее, довольствовались развлечениями, предлагаемыми винными магазинами, ресторанами и небольшими театрами. Сельская жизнь продолжала журчать с той же размеренностью, как и многие века раньше. Фермеры возделывали сады и виноградники, разбросанные по всей сельской местности, а прочие деревенские жители общинами работали на земельных угодьях. По вечерам работники возвращались с полей к своим женам и детям, где их ждал ужин из хлеба, овощей и каши, часто с добавлением омлета и разных сыров. Более состоятельные люди могли добавить к этому зайчатину или птицу, соленую свинину и колбасы, виноградные листья, фаршированные с корицей, изюм и пирожки с начинкой из орехов и меда или варенья. В отличие от варварского обычая намазывать хлеб жиром животного происхождения, у византийцев было принято макать пищу в оливковое масло, и трапеза их обычно состояла из свежей рыбы, фруктов и разных вин. О человеке можно судить по его столу, говорили они.

Но к VI веку на горизонте стало появляться все

⁹¹ Перевозка шелка с Дальнего Востока была одновременно дорогой и медленной – но, к счастью для империи, два монаха отрыли секрет жизненного цикла шелкопряда и сумели тайно вывезти несколько личинок из Китая. Обрадованный Юстиниан немедленно высадил в столице шелковицы, чтобы обеспечить гусениц едой, и с этого началось самое прибыльное производство Византии.

больше тревожных знамений. Торговцы, промышленники и мелкие землевладельцы, составляющие средний класс, постепенно исчезали, поскольку войны и восстания подрывали торговлю. Природные бедствия и проходившие войска, отнимающие продукты, осложняли жизнь земледельцев, зачастую приводя к тому, что они занимали деньги без надежды их вернуть. Все больше бедняков пытались уйти со своей земли, чтобы скрыться от кредиторов, а оставшиеся продавали себя в рабство, чтобы рассчитаться с долгами. Маленькие фермы постепенно исчезали, жадно поглощаемые крупными землевладельцами из числа знати. Из-за сократившейся налоговой базы и влиятельных земельных магнатов, пользовавшихся значительными налоговыми поблажками, правительство было вынуждено пойти на необычайно суровые меры, чтобы наполнить казну — но и эти жесткие действия почти не дали результата. Хронически нуждаясь в деньгах, императоры, правившие после Юстиниана, не спешили облегчить положение своих подданных и оставались глухи к их жалобам.

Рост искусства и наук, достигший своей высшей точки в царствование Юстиниана, также начал замедляться по мере того, как исчерпывались ресурсы империи. Для роскошных строений или неспешных исследований не было ни времени, ни денег; все средства направлялись на основные нужды проживания — но и это только консервировало проблемы. Войны Юстиниана по отвоеванию земель оттеснили на задний план его дипломатическое искусство, а тщеславные императоры, наследовавшие ему, рассматривали войну скорее как первое, а не последнее средство. Они полагали, что непобедимость означает высокий авторитет, и слишком часто ввергали империю в разрушительные конфликты, которых можно было избежать. Для бедных фермеров, чья жизнь состояла в земледелии, не имело большого значения, носят ли армии, топчущие их землю, византийскую форму или нет. Конечный результат всегда

был один и тот же: у них пропадал домашний скот, их продукты отбирали, а поля разоряли. Они испытывали мало симпатии к далеким правителям Константинополя и были счастливы отдать свою поддержку первому же претенденту на трон, пообещавшему им лучшую жизнь. Восстания становились обычным делом, и императоры обнаружили, что удержать в повиновении такую разнообразную и внутренне расколотую страну невозможно.

Юстиниан гордился тем, что его империя простирается от Атлантики до Черного моря — но когда дни его славы минули, империя столкнулась с непреодолимой проблемой. Территория, завоеванная в его походах, включила в себя сильно различающиеся между собой земли Северной Африки, Италии и Испании, составив из них неустойчивую смесь, и поскольку эти новые территории были связаны между собой только слабыми дорогами, их мало что объединяло с остальной империей. Великое объединение римского мира трещало под тяжестью чумы, иноземных вторжений и религиозной напряженности, и ее окраины неуклонно отдалялись от центра в Константинополе.

Чтобы сохранить целостность, тяжеловесное государство нуждалось в мудром правителе — но императоры, которые занимали трон Византии в конце VI века, были недалекими людьми, не обладающими ни умом, ни могуществом Юстиниана, и были совершенно не способны воссоздать хрупкое равновесие, необходимое для сохранения мира с многочисленными недругами империи. Слишком часто они решали свои проблемы, отменяя непопулярные, но необходимые решения Юстиниана для сиюминутного удовлетворения толпы, и эта близорукая политика поставила империю на грань краха всего за одно поколение. История знает не так много более наглядных примеров опасных решений, принятых из-за сиюминутных интересов.

К концу VI века завоевания, что обошлись такой дорогой ценой, были бездарно растрачены, и империя

стала отступать по всем фронтам⁹². В Константинополе страдающий слабоумием узурпатор по имени Фока завладел тронном без всяких на то законных оснований, а Балканы утонули в потоке славянских захватчиков. Армии, находящиеся на пределе сил, были деморализованы и дезорганизованы, необходимость сражаться за невнятное и продажное правительство не вызывала у солдат никакого воодушевления. Любое богатство, избежавшее жадных рук сборщиков налогов, исчезало в бездонных карманах варварских полчищ, которые стали появляться с угнетающей частотой. Беженцы заполнили города, торговля почти прекратилась, некогда плодородные поля теперь были в руинах и заросли сорняками. Империя утратила свою силу, стала зыбкой и ненадежной, и воспоминания о блеске ее прошлого почти померкли.

Чуть ли не единственной областью в империи, которую не затронула разруха, было благополучное побережье Северной Африки. Там, под теплым солнцем, торговцы продолжали в безопасности ходить по водам своих гаваней, а земледельцы собирали урожай с плодородных пшеничных полей. Провинция была совсем далеко от бурь мятежей и постоянных беспорядков, которые так серьезно подорвали благополучие империи, и некоторые люди в Константинополе начали видеть в ней единственный шанс на спасение. Питая отвращение к

⁹² Завершив отвоевание Италии, старый командир Юстиниана Нарсес был отозван с вопиющей бестактностью. Жена преемника Юстиниана насмеялась над девяностолетним евнухом, послав ему вместе с письмом об отстранении золоченую прялку. «Раз ты не мужчина, — намекало это послание, — то иди прясть шерсть с женщинами». Придя в гнев от бессмысленного оскорбления после того, как он отдал служению империи всю жизнь, Нарсес проворчал, что «завяжет ей такой узел, который она никогда не распутает». Готовясь удалиться в отставку в Неаполь, он злорадно пригласил в Италию лангобардов (то есть «длиннобородых»). В итоге полуостров смог снова объединиться лишь во время Рисорджименто в XIX веке.

своему кровавому императору, Сенат тайно написал наместнику Северной Африки, предлагая ему встать во главе армии и избавить империю от ее кошмаров.

Когда письмо дошло в Карфаген, наместник ознакомился с ним с большим интересом. Самого его более чем устраивало его настоящее положение, и в любом случае он полагал себя слишком старым, чтобы куда-то кидаться, и потому послал с африканским флотом своего сына Ираклия, чтобы он захватил трон вместо него.

Молодой человек понимал, что действовать надо быстро. Каждый день промедления приближал конец империи. Пока правительство в Константинополе было занято тем, чтобы в ужасной бойне очистить свои ряды от предполагаемых раскольников, персидский царь Хосров II воспользовался моментом для вторжения. Сталкиваясь только с формальным сопротивлением лишённой силы духа имперской армии, персы быстро опустошили Месопотамию и Армению, ворвавшись глубоко в центральные области Византии и даже прощупывая Египет. Вскоре сигнальные огни армии персов можно было увидеть со стен Константинополя. Вместе с паникой, распространившейся по городу, вернулась и чума, неся с собой грозное пророчество о конце света.

Именно в этот момент, когда население города было в крайнем возбуждении, Ираклий прибыл в столичную гавань на борту своего внушительного флагманского корабля. На его глазах толпа в Константинополе расправилась с его предшественником Фокой и протащила изуродованное тело узурпатора по улицам города. Осторожно пробираясь сквозь разграбленный дворец, Ираклий критически присматривался к своей разрушающейся империи. Она лишилась почти половины своей территории, а на той, что осталась, царили нищета и безнадежность. Но корни государства были глубоки, и у Ираклия начал созревать план действий. Время старой империи прошло — в этом он был уверен. Он намеревался создать нечто новое: империю, которая

была бы обращена в будущее. Византия никогда уже не будет прежней.

Толпа, что бурлила вокруг императорского дворца под ярким октябрьским солнцем 610 года от Рождества Христова, желая посмотреть на своего нового императора, не совсем понимала, чего ожидать. Император явился словно бы из ниоткуда — как Афина из их старых языческих мифов, которая взрослой вышла из головы Зевса. Он словно излучал ауру успеха и несомненно обладал впечатляющей внешностью. Всего лишь тридцати шести лет, золотоволосый, в ослепительно сверкающих доспехах, он выглядел настоящим императором, словно новый Ахиллес, появившийся в самый тяжелый для Византии час. Энергичный и способный к упорной работе, Ираклий обладал редким талантом вселять в людей веру даже в самых тяжелых обстоятельствах, и он всецело отдался делу восстановления империи.

Ему пришлось столкнуться с огромными препятствиями. Хваленая имперская армия беспомощно рассыпалась перед врагами, и Греция утонула под наплывом славян. Беженцы наводнили Константинополь, и вскоре с ними пришли вести слишком ужасные, чтобы в них поверить. Сначала их передавали только недоверчивым шепотом, но вскоре они распространились как пожар: Иерусалим взят персами, и Крест Господень теперь оказался в руках огнепоклонников из Ктесифона⁹³. Все мужчины Иерусалима были убиты, а женщин и детей продали в рабство.

Империя не знала подобных ударов со времен разграбления Рима вестготами. Всемогущий господь очевидно отвернулся от империи, позволив язычникам

⁹³ Крест был найден в Святой Земле матерью Константина Великого, святой Еленой, и считалось, что это тот самый крест, на котором был распят Иисус.

забрать самую священную из ее реликвий, и теперь Византия расплачивалась за свою гордыню. Сопrotивление персам провалилось, испуганные жители спешили убраться с дороги ужасного войска. Поскольку не было сил, способных остановить его, персидский царь радостно повернул к Египту и в 619 году сумел разграбить провинцию, лишив империю главного источника зерна. На этом закончились шесть веков бесплатного хлеба. С этого момента жителям Константинополя пришлось ввозить пшеницу из Фракии — и платить за нее наравне с остальными. Конец был уже близок, персы подошли к самым воротам, поэтому Ираклий принял стратегически здравое решение: оставить Константинополь и перенести столицу в свой родной Карфаген в Северной Африке. По крайней мере, так он заявил публично. Когда ужаснувшиеся жители стали умолять его остаться, он благоразумно согласился, но поставил условие: горожане должны поклясться выполнить все, что он от них потребует.

Похоже, что Ираклий хорошо усвоил уроки последних пятидесяти лет. Он пришел к власти на волне популярности, но не собирался править, полагаясь на случайность. Состояние империи было чудовищным, и он знал, что выход из него будет труден и займет много времени. Его военный опыт был совсем небольшим, у него не было ни ветеранов, ни обученных войск, а кроме того — не было денег. Империя была банкротом, не способным даже выплатить жалованье своим солдатам, и не могла позволить себе нанять дорогостоящих наемников. Если имелась малейшая надежда на восстановление державы, Ираклию нужны были деньги, и чтобы получить их, он впервые обратился к церкви.

Теоретически патриарх и император были двумя руками одной божественной воли, духовным лидером и светским воплощением царства божьего на земле — но их взаимоотношения слишком часто оборачивались мягким противостоянием, поскольку каждый пытался

не допустить вмешательства другого в свои дела. Император руководствовался политической необходимостью и мечтал о сговорчивых епископах, а церковь, всегда настороженно относившаяся к императорам, прилагала все усилия, чтобы те помнили о своем месте. Задачей императора было не принимать церковные решения, а продвигать их в жизнь, и патриархи ревниво оберегали церковные советы от любых намеков императорского вмешательства. Соответствие этим четко очерченным ролям требовало постоянной бдительности — но порой она делала невозможным доверительное сотрудничество церкви и государства.

Когда Ираклий встретился с патриархом Сергием и обрисовал ему ужас ситуации, патриарх отозвался немедленно, предоставив императору богатства церкви и бессчетное количество золотой и серебряной утвари. Это производило особенное впечатление, поскольку Ираклий, нарушив несколько предписаний (не говоря уже о законах), недавно женился на своей племяннице Мартине. Тактично закрыв глаза на это неудобство в свете исключительности ситуации, патриарх сделал денежное пожертвование, временно решив финансовые проблемы империи.

Такое сотрудничество было бы невозможно на Западе, где папа лишился императора, и различия между церковной и светской властями безнадежно стерлись. Вынужденный носить и корону, и папскую тиару, папа вышел на историческую арену, и церковь вступила в прямое соперничество с государством. С тех пор европейские короли активно боролись с папским вмешательством в их дела, а церковь пыталась противостоять мирской суетности, поддерживая в то же время свое влияние. Борьба между духовной и светской властями определит основное противоречие западной истории, в результате чего Восток, где сохранилось изначальное разделение ролей, будет выглядеть абсолютно чуждым Западу.

Сотрудничество между церковью и государством могло решить финансовые проблемы императора, но ничем не способно было помочь несчастным обитателям Восточной империи. Фермы продолжали гореть, людей все еще убивали или уводили в рабство, и не было армии, которая бы вышла из Золотых Ворот, чтобы защитить страдающий народ. Люди были предоставлены самим себе, могли выживать только своими силами и лишь винить ужасных персов и императора, который, казалось, предал своих подданных.

Но Ираклий о них не забыл. Он придерживался своих планов и не собирался торопиться. Имперская армия была крайне ослаблена и деморализована, и послать ее против персов означало бы погубить ее окончательно. Следовало тщательно перестроить и реорганизовать вооруженные силы, и только когда эта задача будет выполнена, он сможет повести их на защиту империи.

Десять долгих лет Ираклий упорно сопротивлялся мольбам своего страдающего народа, воинственно настроенным политикам в правительстве и постоянным попыткам персов вызвать его на бой. За стенами Константинополя он был в безопасности и не собирался рисковать всем в битве, пока не будет абсолютно к ней готов.

Весной 622 года все приготовления наконец завершились. Тот факт, что, несмотря на ужасающие территориальные потери, все эти долгие годы не раздавалось призывов к свержению императора и не находилось желающих захватить трон, было настоящим доказательством умения Ираклия вселять надежду в людей. Конечно, все еще присутствовало определенное беспокойство — но уверенность императора была непоколебима и действовала на людей заразительно. Армия, которую он наконец вывел из Золотых Ворот, поддавалась его воодушевлению и в своих блестящих доспехах с гордостью готова была отправиться на защиту соотечественников.

Контроль над морем, которого Византия никогда не теряла, был огромным преимуществом империи, и

Ираклий воспользовался им в полной мере. Высадившись в Иссе, где Александр Великий почти тысячу лет назад уничтожил старую Персидскую империю, он неожиданно атаковал врага. Битва была исключительно рискованным мероприятием. Ираклий знал, что если он проиграет, империя обречена, но он был готов рискнуть всем — даже своей беременной женой Мартиной, которую взял с собой. Противостоящим ему персидским войском командовал прославленный полководец, завоевавший Египет, но победил именно неопытный Ираклий. Дрогнув под стремительной атакой византийцев, персы, по словам одного из источников, бросились врассыпную «как стадо коз». Боевой дух взлетел до небес. Оказалось, что персы не такие уж непобедимые.

Пока армия зимовала в Каппадокии, Ираклий поддерживал солдат силой своего духа, проводя ежедневные тренировки и вселяя в них уверенность. Он говорил им, что они достойны уважения, сражаясь за правое дело против язычников, которые сжигают их посевы, убивают их сыновей и уводят в рабство жен. Этой весной они должны отомстить. Вторгшись в современный Азербайджан, центр зороастрийского огнепоклонничества персов, обретшая новые силы византийская армия отомстила за Иерусалим, предав огню великий храм огнепоклонников и разграбив место, где родился Заратустра.

Персидский царь Хосров II был близок к панике. Но в ту же весну у него начал вызревать новый план. Персидская империя была обширной, и Ираклий сейчас углубился в ее территорию дальше, чем любой из римских командиров до него. Византийская армия, уступая численностью персам и находясь далеко от дома, была не готова к войне на истощение — и царь мог бы выгодно использовать это обстоятельство. Собрав армию размером в пятьдесят тысяч человек, Хосров II поручил командование полководцу по имени Шахин, приказав ему уничтожить Ираклия и предупредив, что в случае неудачи его ждет смерть. После этого, уверенный в

том, что византийцы будут остановлены, персидский царь связался с аварскими варварами и предложил им свою поддержку в нападении на Константинополь.

Ираклию предстояло принять самое трудное решение за всю его карьеру. Если он поспешно повернет назад, чтобы защитить столицу, то упустит отличную возможность выиграть войну и тем самым перечеркнет все труды последних пяти лет. С другой стороны, если он останется, Константинополь может пасть из-за недостатка защитников. В итоге он решил разделить армию на три части. Первая как можно быстрее отправлялась защищать Константинополь; вторую он поручил своему брату Феодору, чтобы тот разобрался с Шахином; третью и самую маленькую он оставил себе, чтобы удержать Армению и Кавказ, и вторгнуться в почти беззащитную Персию.

Ираклий свято верил в защитников Константинополя и, чтобы ободрить их, послал им целую лавину писем, во всех подробностях описывая правила успешной обороны. Вооруженные письмами императора и зная, что правитель не оставил их на произвол судьбы, жители не теряли присутствия духа, несмотря на довольно устрашающее зрелище восьми тысяч варваров, собравшихся под стенами. Каждый житель города с готовностью занимал свое место на укреплениях или подносил припасы солдатам на стенах, а патриарх каждый день совершал обход городских стен с иконой Богоматери в руках, которая считалась защитницей города и, как говорили, вселяла страх в сердца варваров⁹⁴.

Похоже, город действительно находился под божественной защитой. День за днем осадные орудия безуспешно пытались разрушить стены. Постепенно напряженность в рядах атакующих стала расти, расшатывая

⁹⁴ Эта икона была известна как «Одигитрия» и была самой священной реликвией в Византии. Написанная, по преданию, самим святым Лукой, она попала в Константинополь в V веке и была помещена в специально построенный для нее монастырь.

союз варваров и персов. Когда пришли вести, что византийская армия под командованием брата Ираклия Феодора обрушилась на Шахина и полностью разбила персидскую армию, удрученные авары сдались⁹⁵. Их могущественные осадные орудия оказались бесполезными, как и союзники-персы, и каждая их хитрость встречала немедленный отпор. Аварам стало ясно, что город действительно находится под божественной защитой, а значит — непобедим. Разобрав свои орудия, авары напоследок подожгли несколько церквей и поспешили убраться подальше от этих проклятых стен.

Казалось, что для персов все потеряно. Всего несколько лет назад самая малость отделяла их от завоевания Константинополя, а теперь их армии были разбиты и отступали по всем фронтам. Последняя отчаянная попытка остановить Ираклия была предпринята недалеко от древнего города Ниневия, но в кровавой битве, продолжавшейся одиннадцать часов, император разгромил персидскую армию, убив в поединке ее командующего.

Жестокое разграбление Ктесифона, последовавшее за битвой, поставило в войне точку. Было захвачено столько добычи, что солдаты Ираклия не могли унести ее всю, и большую ее часть пришлось предать огню. Хосров II призывал женщин и детей защитить его — но теперь его повсюду винили за бедствия, обрушившиеся на Персию, и никто не желал сражаться за царя⁹⁶. Яростно обернувшись против своего монарха, армия и народ подняли мятеж, и суд их был страшен. Хосров II

⁹⁵ После битвы Шахин покончил с собой, чтобы избежать гнева своего ужасного повелителя — но Хосров II приказал погрузить его тело в соль и доставить в столицу. Когда тело военачальника прибыло, царь сек его кнутом до тех пор, пока оно не стало неузнаваемым.

⁹⁶ Манеры Хосрова II определенно не способствовали укреплению его авторитета. После одной из битв он послал своему побежденному полководцу женское платье, спровоцировав тем самым немедленный мятеж.

был брошен в крепость со зловещим названием «Башня Тьмы», где ему давали лишь столько пищи и воды, чтобы продлить его агонию. Когда он достаточно настрадался, его вытащили оттуда и заставили смотреть, как его детей убивают у него на глазах. После того, как последний из его отпрысков был убит, его мучения наконец подошли к концу, когда его неторопливо расстреляли из луков.

Эта война подкосила силы персов, и новый царь Шахрвараз немедленно запросил мира, отдав все завоеванные земли, освободив пленников и вернув Животворящий Крест. Чтобы доказать свою покорность, он пошел даже на то, чтобы сделать византийского императора опекуном своего сына. Ираклий одним махом вернул все потерянное за долгие годы упадка. Долгая борьба с персами закончилась; больше никогда они не потревожат Византийской империи.

Сенат восторженно наградил своего блистательного императора титулом «Сципион», и когда тот приблизился к столице, все население города высыпало ему навстречу, ликуя и размахивая ветвями оливы⁹⁷. Распевая хвалебные песни, люди внесли императора в город, следуя через Золотые Ворота за Животворящим Крестом в процессии со слонами, которых в столице видели первый раз в жизни. Проследовав к собору Святой Софии, горожане смотрели, как их победоносный император воздвигает крест над алтарем. Это случилось спустя шесть лет после того, как Ираклий покинул город — но теперь он восседал на троне во всей своей славе. Он сумел выхватить империю из пасти безвременья и положить конец власти Персии. Крест Господень был спасен, а враги его сокрушены. Воистину начиналась новая эпоха.

⁹⁷ Сципион Африканский, величайший из военных героев Римской республики, победил могучего Ганнибала и положил конец Второй Пунической войне.

Ираклий вернул империи ее былую славу, и по крайней мере внешне она вновь напоминала классический мир античности. Греческий или итальянский путешественник мог пройти от Гибралтарского пролива через Северную Африку и Египет до Месопотамии, чувствуя себя как дома. Области различались между собой, но все города были несомненно римскими, язык — греческим, а культура эллинизированной. Большинство городов имели одну и ту же знакомую планировку, где роскошные бани всегда были готовы принять путников, чтобы те могли смыть пыль с усталых ног, окрестности были усеяны акведуками и амфитеатрами. Может, жизнь стала чуть более беспокойной и неясной — но по большей части она не отличалась от тех времен, когда римляне впервые прибыли сюда со своими могущественными легионами и заложили основы архитектурного стиля.

Но имелись и значительные отличия. Даже в образованных кругах немногие теперь говорили на двух языках. Латынь всегда считалась неподходящим языком для изощренных дискуссий, особенно богословских, и за столетия постепенно вышла из употребления. Западные власти, составляя письма на Восток, прибегали к разговорникам с местными греческими выражениями, но никто не заботился отвечать им тем же. Культурное влияние было исключительно односторонним, и хотя греческая мысль все еще влияла на Запад, на Востоке классические латинские сочинения Вергилия, Горация и Цицерона оставались не переведенными и были мало кому известны. Ко времени Ираклия лишь немногие понимали архаичный язык, на котором были написаны имперские законы, и император, который ставил военную эффективность превыше всего, упразднил старые атрибуты латинской империи. Греческий стал официальным языком, и соответственно были изменены даже имперские титулы. Все императоры, начиная с Августа и заканчивая Ираклием, назывались цезарями и авгу-

стами, но после него они были известны только как василевсы — то есть именовались греческим словом, обозначающим «царь»⁹⁸. Разрыв с прошлым был разительным, но он назревал уже давно. Теперь империя стала полностью греческой, и через поколение латынь исчезла навсегда.

Весной 630 года Ираклий совершил паломничество в Иерусалим, пешком дойдя до Константинового храма Гроба Господня, чтобы вернуть священному городу Животворящий Крест. Он высоко вознесся на волне народной любви — но вскоре обнаружил, что его победа над персами повлекла за собой знакомую угрозу религиозных распрей. Сирия и Египет всегда оставались за монофизитами, и их воссоединение с империей означало, что богословские споры разгорятся с новой силой. Такое положение дел делало империю уязвимой, чем мог воспользоваться следующий враг — но там, где дело касалось веры, даже покоритель Персии не мог приказать своим упрямым и независимым подданным жить в согласии.

Империя сильно пострадала в войне с Персией, потеряв в сражениях более двухсот тысяч человек, а теперь разрывалась изнутри. Несмотря на недавнюю победу, времена благополучия минули. Слишком много городов было разграблено и много ферм сожжено, чтобы жизнь вошла в обычную колею. Возможно, со временем вернулась бы стабильность, и торговцев с работниками можно было бы убедить вернуться к своим занятиям — но долгая мучительная война между Персией и Византией истощила силы обеих империй. Ценой великой победы Ираклия стала ослабевшая и уязвимая империя, и единственным утешением стало том, что Персия находилась даже в худшем положении. Однако

⁹⁸ После своей победы над персами Ираклий сначала принял их титул «царь царей» — но, немного поразмыслив, остановился на более скромном «василевс».

в 662 году, когда Ираклий начал свою великую кампанию, появился новый враг — бесконечно более опасный, нежели Персия.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. ТЕРРИТОРИЯ ВОЙНЫ

.....

«Мечом я смою свой позор».

Абу-Таммам, арабский поэт IX века

Жаркие пустыни Аравийского полуострова никогда не представляли собой ни особого интереса, ни особой угрозы для Византии, и не было причин предполагать, что такое положение дел когда-нибудь изменится. Населенные враждебными друг другу кочевыми племенами, эти земли вряд ли могли угрожать государству даже меньшему, чем огромная Византийская империя. Однако в 622 году пустыни резко оживились, поскольку человек по имени Мухаммед,

вынужденный переселиться из Мекки в Медину, принял за объединение окрестных племен. Вдохновляя последователей своим религиозным пылом, Мухаммед разделил мир на «дар аль-ислам» (территорию ислама) и «дар аль-харб» (территорию войны). Теперь долгом последователей новой веры был священный джихад, согласно которому следовало силой оружия увеличивать земли ислама.

За пять лет исламские армии были брошены в бой и хлынули из пустыни с пугающей скоростью.⁹⁹ Едва ли для вторжения можно было выбрать лучшее время. Горящие жаждой завоеваний арабские армии обнаружили, что обе великие империи этого региона истощены и находятся на грани краха. Изувеченная Персидская империя не смогла оказать достойного сопротивления. Ее царь Йездигерд III обращался за поддержкой и к Византии, и к Китаю — но никто не мог оказать ему реальной помощи, и падение его было стремительным. За год его усталые армии были разгромлены, и следующие десять лет персидский царь провел, скитаясь из одной местности в другую, пока кто-то из местных жителей не убил его ради денег.

Мухаммед умер от лихорадки в 632 году — но ничто, казалось, не может утолить жажду его солдат, желающих новых земель. Не задержавшись даже, чтобы переварить Персидскую империю, к 633 году они пересекли заброшенные границы Византии и обнаружили, что земля сама готова упасть им в руки. Константинополь, занятый постоянными войнами с Персией, никогда не был способен справиться с ересью монофизитства, и когда пришли мусульмане, они обнаружили, что местное население готово встретить их с радостью. Для го-

⁹⁹ Как бы ни относиться к работам Л. Н. Гумилева, но описываемому явлению (а также неожиданному возрождению Восточной Римской империи за несколько веков до того на фоне полного упадка Запада) не отыскивается никаких иных объяснений, кроме теории пассионарности. (*Прим. ред.*)

нимых монофизитов был хорошо понятен ислам с его строгим монотеизмом — а арабы, по крайней мере, были семитами, как и сами монофизиты. Лучше было подчиняться своим двоюродным арабским братьям, чем императорам-еретикам в далеком Константинополе: ведь к ереси всегда относятся более непримиримо, чем к просто чужой вере. Оказав лишь символическое сопротивление, монофизиты смотрели, как арабские армии врываются в Сирию, грабят Дамаск и осаждают Иерусалим.

Могущественный некогда император, покоривший Персию, бросился бы на защиту Палестины — но с тех пор Ираклий сильно сдал. Он уже страдал от болезни, которая впоследствии убьет его, его широкие плечи поникли прежде времени, от золотых волос осталось только несколько седых прядей. Как и его империю, от физической и эмоциональной гибели его отделял только шаг. Некогда поднявшийся до вершин славы, теперь он вынужден был смотреть, как рушится дело его жизни.

Прибыв в Иерусалим, император перенес Крест Господень с того места, куда он поместил его шестью годами ранее, и вернулся в Константинополь, предоставив обреченный город его судьбе. Оставив патриарху неблагоприятную задачу сдать Святой Город, Ираклий последний раз удрученно вступил в свою столицу, терзаемый мыслью, что бог отвернулся от него. Жители города были склонны согласиться с ним, — и скоро отыскивали причину несчастий империи. Все это из-за того, шептались они, что брак Ираклия с его племянницей Мартиной был кровосмесительным. Она понесла от своего мужа девятерых детей, но лишь трое из них оказались здоровыми, прочие же умерли во младенчестве или имели уродства. Было очевидно, что бог оставил их, и Мартина, никогда не пользовавшаяся народной любовью, превратилась в одну из самых ненавидимых женщин в городе.

Ираклий, оставивший империю в час ее нужды, окончил свои дни в мучениях, покинутый своими друзьями и придворными, которые так громко восхваляли его во времена триумфа. Спустя несколько лет после падения Иерусалима он скончался и был похоронен рядом с телом Константина Великого в императорской гробнице в церкви Апостолов.

Правление Ираклия окончилось на печальной ноте, и вряд ли его подданные оплакивали смерть императора. В его правление огромные территории империи достались новому ошеломляющему врагу, а умирающий правитель ничего не мог поделать, чтобы помешать этому. Потрясенные византийцы, ужаснувшиеся катастрофе, ждали от Константинополя помощи — но обнаружили, что их сломленный властитель лишь мучительно ожидает конца.

Но как бы плохи ни были дела империи на момент смерти Ираклия, без него положение было бы и во все отчаянным. Если бы он не явился, чтобы свергнуть Фоку, империя стала бы легкой добычей для персов, и к моменту появления исламской волны из Аравии ничто бы не защитило от нее Европу. Однако, пользуясь достижениями проницательности Юстиниана и полководческого искусства Велизария, Ираклий превратил Константинополь в оплот, сдерживающий исламскую агрессию, перенаправив наступление мусульман в далекие пустыни Северной Африки и отдалив их вступление в Европу. В начале его правления одна славная победа следовала за другой, и если бы он умер после победы над Хосровом II, когда Персидская империя была повержена и Животворящий Крест возвращен в Иерусалим, его подданные помнили бы его как одного из величайших императоров, когда-либо занимавших византийский трон.

В его правление произошли события, ставшие поворотной точкой для большей части Ближнего Востока. Тысячу лет эти земли были эллинизированными

и управлялись сначала язычниками, а потом христианами. Они многое привнесли в классическую цивилизацию, подарив ей немало прекрасных императоров, богословов, святых и поэтов. Но после арабского вторжения все переменялось. Арабский язык вытеснил греческий в качестве *lingua franca*, а ислам заменил собой христианство. Вырванные из средиземноморской сферы влияния, эти земли начали ориентироваться на Дамаск и затем Багдад, а не на Рим и Константинополь¹⁰⁰. Более чем тысячелетнему образу жизни резко и внезапно пришел конец. Жизнь на Ближнем Востоке никогда уже не станет прежней.

Из пяти императоров, правивших после Ираклия, только один был старше шестнадцати, когда вошел на трон, и все они погрязли в борьбе с влиятельными группировками, которые пытались обрести власть. Каждое последующее поражение подрывало власть императоров и уменьшало их возможности. Если бы на троне был император более сильный, чем умирающий Ираклий, и способный в 633 году противостоять арабскому вторжению, последующая история Ближнего Востока могла пойти совсем по-другому. Но Ираклий был тяжело болен, а императоры-подростки, которые наследовали ему, не могли достаточно твердо держать бразды правления, чтобы успешно противостоять исламскому наступлению. К середине VII века возможность сдерживать угрозу исчезла: арабское завоевание уже нельзя было остановить. Испуганные византийцы, зывая о божественной помощи, ходили со своими свя-

¹⁰⁰ Справедливости ради надо заметить, что арабы эпохи Халифата активно переводили греческих авторов (в первую очередь Аристотеля) и развивали греческие науки — в первую очередь алгебру и астрономию. В X веке халиф Мамун даже отправил в пустыню Синдхар специальную экспедицию, чтобы методом триангуляции с пеленгом на Полярную звезду измерить длину окружности земного шара. (*Прим. ред.*)

тыми иконами вокруг стен города — но мусульманское наступление продолжалось, уничтожая наследие столетий римского правления и оставляя империю глубоко потрясенной. Многие видели в этом ужасную божественную кару, и казалось, что душевные силы Византии парализованы.

Чтобы защитить протяженные границы, была отправлена неповоротливая имперская армия, но казалось, что арабов остановить невозможно. Непроходимая пустыня всегда позволяла византийцам чувствовать себя в безопасности, но теперь она превратилась в ужасную слабость для империи. Ориентируясь по звездам в лишенной характерных черт местности, арабы при необходимости резали своих верховых верблюдов, чтобы утолить жажду их кровью, и неожиданно возникали позади оборонительных рубежей империи. Всякий раз, когда византийская армия пыталась дать им бой, арабы снова растворялись в пустыне, чтобы возникнуть в другом месте. Только однажды имперская армия попыталась преследовать их. В 636 году она проследовала за мусульманской армией до притока реки Иордан, где потерпела ужасающее поражение. Те, кто выжил в начале сражения, попытались сдаться, но были убиты на месте. Наблюдающий эту картину мир Средиземноморья сделал страшный вывод: тем, кто сопротивляется мечу ислама, пощады не будет.

Утративший мужество из-за быстроты и жестокости натиска арабов, христианский Восток практически прекратил сопротивление. Спустя восемь лет после завоевания Иерусалима арабы вторглись в Египет, и при виде мусульманских войск Александрия, в которой располагался один из пяти великих патриархов церкви, сдалась добровольно. Вскоре христиане-диссиденты, которые впустили завоевателей, обнаружили, что их новые хозяева отличаются куда меньшей терпимостью, чем предполагал отвергнутый ими традиционный режим — но было слишком поздно. На-

родное восстание изгнало мусульманский гарнизон, но тот вернулся вместе с армией. Прокладывая путь в город, мусульманские войска до основания разрушили стены, сожгли то, что оставалось от библиотеки, и перенесли столицу в Аль-Фустат – маленькую деревню в тени пирамид, что позже станет Каиром¹⁰¹. Только воды Средиземного моря еще казались препятствием, способным остановить арабов, бывших обитателями пустынь. Но они учились очень быстро. Навигация на море не слишком отличалась от ориентирования в пустыне, за десять арабы построили флот и нанесли сокрушительное поражение прежде непобедимому византийскому флоту.

Столкнувшись с неослабевающими атаками, власти в Константинополе ударились в панику и переместились на Сицилию, оставив Восток на произвол судьбы. Это обескураживающее действие оставило византийцев в горечи и недоумении, но, к счастью, наступление арабов было прервано гражданской войной¹⁰². Затем исламский мир отвлекся на завоевание

¹⁰¹ Великая Александрийская библиотека до того была серьезна повреждена по крайней мере дважды: в первый раз – когда Юлий Цезарь вошел в город, второй – столетия спустя, когда христианская толпа пыталась сжечь «фонд некромантии и колдовства». Ко времени, когда явились арабы, впечатляющее хранилище знаний античного мира представляло собой только тень себя прежнего. Завоеватель, халиф Омар, нанес ей удар милосердия, при этом, согласно апокрифической истории, сказал: *«Если эти книги не содержат учения Корана, они бесполезны и должны быть уничтожены; если книги содержат учение Корана, они излишни и должны быть уничтожены»*.

¹⁰² Эта война и донныне разделяет исламский мир. Сторонники могущественного полководца Муавии убили халифа Али, когда тот молился в мечети в Центральном Ираке. Не признающие Муавию и считающие, что лишь потомки Али могут быть халифами, называются шиитами – а те, кто принял его как халифа, именуются суннитами. В настоящее время Ирак является преимущественно шиитским государством.

Афганистана¹⁰³ — но ко времени, когда византийский император с опаской вернулся в свою резиденцию в Константинополе, мусульманский победитель в гражданской войне заявил, что собирается уничтожить Римскую империю. Завоевание продолжилось. Сицилийский город Сиракузы, еще недавно столица римского мира, был жестоко разграблен в 668 году, а на следующий год арабская армия практически уничтожила византийские силы в Северной Африке, оставив всю провинцию беззащитной для вторжения.

Однако арабы были более заинтересованы в том, чтобы добить империю, нежели в дальнейших завоеваниях пустынного африканского побережья, и вскоре их удар был направлен против самого Константинополя. Перенеся столицу в Дамаск, халиф ежегодно наносил удары по Новому Риму, прошупывая его защиту. Наземные укрепления были практически несокрушимы, но город был уязвим со стороны моря, а гавань его охранял только деморализованный имперский флот. Арабский флот неоднократно демонстрировал свое превосходство; мусульманам удалось даже захватить остров напротив Константинополя, в то время как византийцы могли только мрачно за этим наблюдать. В 674 году арабы захватили Родос — гордого обладателя одного из семи чудес света античного мира¹⁰⁴. В тот же самый год они захватили Тарс, место рождения святого Павла. Это казалось ужасным подтверждением того, что бог отвернулся от византийцев.

¹⁰³ К тому времени на территории современного Афганистана располагалась эллинистическая Бактрия — последний осколок империи Александра Великого, где все еще чеканили монеты с профилем Зевса. (*Прим. ред.*)

¹⁰⁴ Великий Колосс, внушительная статуя бога солнца, лежала там, где она обрушилась во время землетрясения, произошедшего девятьсот лет назад. Победоносный арабский командующий разбил ее и продал по частям. В ней было столько бронзы, что потребовалось девятьсот верблюдов, чтобы вывезти все куски.

Три арабских флота сошлись у столицы, но во времена великих кризисов герои появляются из неожиданных источников. Константинополь спас сирийский беженец по имени Каллиник из Гелиополиса. Он изобрел чрезвычайно горючую жидкость под названием «греческий огонь», которой можно было поливать вражеские корабли с ужасающим результатом¹⁰⁵. Даже вода была бессильна против чудовищного воспламенения, только помогая распространять огонь. Снаряды с ветошью, пропитанные этой жидкостью, можно было метать на большие расстояния, сжигая все, с чем они соприкасались. Арабский флот был уничтожен ужасным новым оружием, и воды Золотого Рога были забиты горящими кораблями¹⁰⁶.

Константинополь был спасен, но прочая империя быстро распадалась. Теперь арабский меч обратился против Африки, в 697 году уничтожив Карфаген и используя его как плацдарм для наступления на Италию и Сардинию. К 711 году мусульманские армии

¹⁰⁵ Состав «греческого огня» был государственной тайной и охранялся настолько тщательно, что даже сейчас мы не знаем точно, из чего он изготавливался. Можно предположить, что это была разновидность жидкого углеводорода с низкой плотностью, типа сырой нефти. Его изобретение предвосхитило достижения современных химиков на добрые двенадцать столетий. (*Прим. авт.*)

Судя по всему, главным секретом «огня» был собственно загуститель, превращавший жидкость в вязкую смесь, аналог напалма, которую можно было метать из пневматических устройств на расстояние в пару десятков метров. Без загустителя такая смесь становилась просто горючей жидкостью для начинения метательных снарядов — подобные снаряды с нефтью использовались и много столетий спустя, продолжая для солидности именоваться «греческим огнем», но уже не достигали той эффективности. Вновь загуститель для огнеметной смеси был изобретен лишь в начале XX века. (*Прим. ред.*)

¹⁰⁶ Золотой Рог — узкий залив в западном берегу Босфора, образующий обширную гавань у южной части Константинополя.

закончили шестисотмильный марш-бросок по Африке, и армия вторжения под руководством одноглазого полководца по имени Тарик вторглась в Испанию, разбив лагерь в тени огромной скалы, что с тех пор стала носить его имя¹⁰⁷.

Теперь у Арабской империи было больше земель, ресурсов и богатств, чем у Византии, и ее войска ждали только приказа, чтобы приступить к окончательному уничтожению оппонента. В том же самом 717 году мусульманская экспедиция вторглась во Францию, а огромная армия в две тысячи кораблей вновь отправилась в плавание, чтобы захватить Константинополь.

Но в столице снова нашелся неожиданный герой — на этот раз сирийский пастух по имени Конон. Появившись в городе за месяц до прибытия флота мусульман, он искусно воспользовался политическим кризисом, чтобы захватить трон, и был коронован как Лев III. В равной степени бегло говорящий на арабском и греческом, новый император обладал острым умом и обширным опытом сражений с арабами. Воспользовавшись самой суровой зимой на памяти живущих, войско Льва легко обошло армию мусульман по льду, в то время как его огненные корабли уничтожили арабский флот, а ужасные холода выморозили и домашний скот, и людей. Голодным, не способным похоронить своих мертвецов в промерзшей земле мусульманам пришлось поедать плоть своих погибших товарищей, чтобы остаться в живых. Весной пришла оттепель, но в условиях антисанитарии она лишь принесла болезни в лагерь осаждающих — и когда Лев убедил племя болгар напасть на злополучных мусульман, их командующий в отчаянии сдался. Этот поход обернулся для мусульманских войск полной катастрофой. Менее чем половине армии вторжения удалось вернуться в Дамаск, а из всего огромно-

¹⁰⁷ Джебель-аль-Тарик (гора Тарика), более известная как Гибралтар.

го флота только пять кораблей уцелело, чтобы увидеть свои родные берега¹⁰⁸.

¹⁰⁸ Остальные пали жертвой греческого огня и зимних бурь, а некоторые постигла ужасная судьба: они сгорели в извержении вулкана, когда проходили мимо острова Тира.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. РАЗРУШИТЕЛИ ИКОН

.....

Льва III чествовали как гиганта времен Юстиниана, посланного небом спасителя империи — но его правление лишь показало, какие шрамы оставили на империи арабские завоевания. Потери Византии были чудовищными. Менее века назад она была господствующей силой в Средиземноморье, простираясь от Испании до Черного моря, гордым и уверенным в своих силах вместилищем христианской культуры и цивилизации. Божественный порядок небес отражался здесь, на земле, а всемогущий император вершил правосудие именем бога. Все переменялось в мгновение ока. Ошеломляющий враг вырвался из песков пустыни и смел все

на своем пути. Две трети территории империи были смыты их потоком, и половина населения исчезла. Арабские налетчики грабили оставшиеся земли, а города лишь смутно походили на то, чем они были в более счастливые времена. Целые народы спасались бегством от неопределенности городской жизни и отступали в более подходящую для обороны безопасность горных областей, островов или других труднодоступных мест. Беженцы, доведенные до нищеты и отчаяния вторжениями мусульман, бродили по улицам Константинополя, и благополучие города иссякло. Некогда могущественная империя съезжилась до пределов Малой Азии, и теперь была беднее, менее населена и гораздо слабее, чем соседний халифат.

Византийскому миру были нанесены глубокие раны. Армии самозваного пророка столкнулись с христианской империей, чей император был мечом в деснице бога — и все же отступали именно воины под знаменами Христа. Всего за восемь лет мусульмане завоевали три из пяти великих патриархатов христианской церкви — Александрию, Антиохию и Иерусалим — и ни молитвы, ни иконы, ни сталь не смогли остановить их. Надменный халиф захватил самый священный город христианства и построил здесь Купол Скалы, похваляясь, что ислам вытеснил христианство. Используя для украшения здания работу византийских мастеров, он добавил сюда надпись, гласящую, что Иисус был только пророком, и завершавшуюся зловещим предупреждением для христиан воздерживаться от иных высказываний.

Византийцы ответили тем, что поместили изображение Христа на свои монеты — отчасти чтобы снова добиться божественной милости, отчасти чтобы досадить арабам, которые широко пользовались этими монетами. Но имперские армии по-прежнему терпели поражение за поражением. Для империи, которая стала христианской после такого убедительного довода, каким стала победа на Мильвийском мосту, подобные

бедствия подрывали самые основы миропорядка. Почему, спрашивали себя обескураженные граждане, Господь позволил произойти такому несчастью?

Для Льва III ответ был очевиден. Христос лишил их своей защиты, и повинны в этом были священные иконы, которые столь почитались многими жителями империи. Изначально являвшиеся вспомогательным средством в молитве, теперь иконы обожествлялись до такой степени, что грань между почитанием и слепым поклонением стерлась. При крещении иконы могли приниматься в крестные родители, верующие обращались к ним в молитвах с просьбами о заступничестве. Люди на улицах благодарили икону Богородицы за избавление от мусульман, и с большинством икон теперь обращались с благоговением, подозрительно схожим со старым языческим поклонением идолам. То, что изначально было средством, предназначенным приподнять завесу между мирским и божественным, теперь стало очевидным нарушением второй заповеди. Библейские израильтяне разгневали бога, поклоняясь золотому тельцу — и вот теперь империя, как когда-то избранный народ, который скитался в пустыне сорок лет, была наказана за грех идолопоклонства.

Священным долгом императора было положить конец злоупотреблениям, которые очевидно разгневали бога, и в 725 году Лев III взшел на кафедру Святой Софии, чтобы обратиться к людям, столпившимся в церкви, с горячей проповедью, обличавшей самый злостный грех. Мусульмане с их строгим запретом всех изображений человека, указал он, одерживают победу за победой — в то время как византийцы поражены ересью и гnevят бога, молясь о спасении раскрашенными дощечками. Немногие из паствы могли не согласиться с императором, и еще меньше было тех, кто мог поспорить с утверждением, что дела империи обстоят ужасно. Однако Лев лишь начинал. Пришло время провести реформы не только на словах.

Главные ворота Большого дворца, выстроенные Юстинианом после восстания «Ника», были величественным сооружением из бронзы. Серия мозаик, прославляющая триумф великого императора и его полководца Велизария, украшала внутреннюю часть их центрального свода, а прямо над дверьми возвышалась великолепная золотая икона, изображающая Христа, что заставляла казаться незначительным все вокруг нее. Обращенная к Софии и видимая с любой точки огромной центральной площади, она была самой знаменитой иконой в городе, а рука фигуры на ней, воздетая в жесте всеобщего благословления, служили напоминанием о долге праведного императора. Однако для Льва она была теперь всего лишь символом, свидетельствующим о болезни, которая преследовала империю, и он отдал приказ о ее немедленном уничтожении.

Проповеди императора могли пользоваться большой поддержкой, но зрелище того, как христианские солдаты варварски и безнаказанно разрушают изображение Христа, оказалось непереносимым. Группа женщин, оказавшихся поблизости, пришла в такую ярость, что напала на солдат и расправились с ответственным за это деяние. Полномасштабного восстания удалось избежать только после того, как дворец серьезно угрозил собравшейся толпе оружием. Зато мятежи прокатились по сельской местности, а в Греции появился претендент, который заявил, что сбросит нечестивого императора с трона и восстановит должное почитание икон.

К счастью для Льва, его победы обеспечили ему достаточное уважение армии, чтобы он был способен легко сокрушить мятежников. Но на Западе он не был столь же удачлив. Прикрытая империей от арабского вторжения, Западная Европа наблюдала за всеми этими спорами вокруг икон с ужасом и растерянностью. Гордясь своим художественным наследием, она не видела

причин для вывода, что картины и скульптуры представляют собой помеху вере. В частности, папа был раздосадован тем, что император вмешивается в вопросы христианской доктрины и оказал свою горячую поддержку разгневанному населению Италии. Имперский управитель Равенны был убит, города по всему полуострову выходили из-под византийской власти. Народ избрал бы другого императора — если бы папа не отказался от этой идеи при мысли о грядущем возмездии со стороны империи¹⁰⁹.

Когда подобная гроза разразилась вокруг Льва из-за уничтожения единственной иконы, еще можно было ожидать, что он изменит свою позицию. Но император был твердо убежден в своей правоте и отказался сдавать назад. Издав предписание, осуждающее изображения, он приказал, чтобы все святые иконы и реликвии были немедленно уничтожены. Сам подав тому пример, он собрал со всего города реликварии, ризы и церковную утварь и прилюдно их уничтожил. Когда папа в послании ему раздраженно заметил, что светскому владыке следовало бы оставить суждения о церковных доктринах тем, кто действительно в этом разбирается, Лев послал два военных корабля, чтобы арестовать понтифика. В море они пошли ко дну, освободив церковь от созерцания ареста одного из ее наиболее могущественных епископов. Напряжение только возросло, когда папа нанес ответный удар, пообещав отлучение от церкви всякому, кто уничтожит икону.

На Востоке, где тысячи изображений были разбиты или разорваны, слова папы возымели небольшой эффект; но на каждое уничтоженное изображение приходилась дюжина спасенных. Почти в каждом доме были свои иконы, начиная от простых, нарисованных

¹⁰⁹ В Венецианской лагуне ужаснувшиеся жители восстали и выбрали себе вождя — дюка или дожа. Так родилась Венецианская республика — то союзник, то смертельный враг империи.

на обычном дереве, и заканчивая искусными изображениями, отделанными эмалью и гравированным металлом; с ними жители не были готовы расставаться так легко. Однако Лев не собирался довольствоваться полумерами: его солдаты прошли по городу, конфискуя иконы и закрашивая мозаики, украшающие стены церквей. Монастыри пытались сопротивляться — в особенности могущественный Студийский монастырь, находящийся внутри городских стен; но монахи мало что могли поделать. Сотни их бежали со своими драгоценными иконами в дикие земли Каппадокии, где вырубили тайные церкви в мягкой скальной породе и стали ждать, когда общественное мнение отстранит их жестокого императора от власти.

Но общественному мнению было трудно спорить с результатами. Лев прогнал арабов от стен Константинополя, и когда в 740 году он разбил другую мусульманскую армию, казалось, что бог в самом деле доволен и одобряет очищение империи от идолопоклонников. Но этот аргумент обернулся против императора уже в следующем году, когда землетрясение — всегда воспринимавшееся дурным знаком — сотрясло столицу. Но Лев уже умирал — в начале лета он скончался от водянки, завещав дело своему сыну.

Он спас Византию от завоевания мусульманами и оказался первым императором за последние пятьдесят лет, который умер в своей постели. Но империя, которую он оставил после себя, была опасно разобщенной. Споры вокруг иконоклазма (то есть разрушения икон), которые он начал, будут бушевать добрую половину века и в итоге вынудят богословов заняться вопросами, которые всегда оставались на периферии сознания: где именно должна проходить грань между почитанием и идолопоклонничеством? Проливают ли свет на веру материальные изображения божественного, позволяя предыдущим поколениям говорить об их вере — или оскверняют веру, подменяя резными идо-

лами? В какой-то момент судьба западного искусства, по сути, висела на волоске.

Была некоторая надежда, что сын Льва III, Константин V, разрешит этот вопрос – но он оказался даже более неистовым, чем его отец. С детства впитавший ненависть к иконам, он стал самым яростным иконоборцем из всех, что занимали византийский трон. Он считал, что церковь загнивает от поклонения идолам, и потребовал, чтобы все духовенство принесло клятву не почитать иконы. Новый император был столь тверд в своем убеждении, что один только Христос заслуживает поклонения, что даже упоминание титулов вроде «святой» или «праведный» – хотя бы в форме присловья – вызывало у него приступ ярости. Его ненависть к оказывающим сопротивление монахам была столь сильной, что порой он окунал их бороды в масло и поджигал их. Когда патриарх воспротивился такой жестокости и отказался давать клятву, император высек его и бросил в темницу, а затем подверг его унижению, заставив проехать вокруг ипподрома на шелудивом осле.

Объявив войну могущественным монастырям своей империи, Константин вынуждал монахов и монахинь вступать в брак, конфисковал церковное имущество и селил имперские войска в монастырских зданиях. Император также держал на службе богословов, которые должны были выступать в его поддержку, но и сам был весьма образованным человеком, способным самостоятельно отстаивать свои взгляды. Он часто указывал, что великий святой IV века Василий Кесарийский осуждал поклонение образам, когда писал, что поклонение изображениям императора столь же плохо, как и поклонение императору¹¹⁰. Однако Константину

¹¹⁰ Западная Европа пережила свой вариант иконоборчества во время протестантской Реформации в XVI веке. Чтобы оправдать разрушение изображений, самые радикальные протестанты цитировали тех же самых отцов церкви, что и их византийские предшественники.

V было недостаточно старых цитат, чтобы придать вес своим требованиям; он желал, чтобы на его войну против икон было дано официальное разрешение. Мнение церкви по данному вопросу безнадежно расходилось с экстремистскими взглядами императора, и казалось, что никто не поддержит его — но нашлись и другие способы разрубить этот узел. Созвав великий собор всех церквей, Константин V заполнил его своими сторонниками и не позволил, чтобы на нем были представлены другие мнения. Неудивительно, что собор объявил о всецелой поддержке позиции императора. Иконы, реликвии, мощи и молитвы святым признавались разновидностями идолопоклонства и соответственно осуждались. Даже самые жестокие преследования императора теперь опирались на поддержку церкви, и публичные казни тут же набрали ход. Те, кто отказался принять иконоборчество, были избиты, изувечены и даже насмерть побиты камнями на улицах — все с молчаливого одобрения двора.

Константин V был способен вести свою борьбу с такой яростью, поскольку он, как и его отец, обладал огромным преимуществом: военные успехи обеспечили ему любовь народа. Даже новое появление чумы — последняя зафиксированная вспышка Черной Смерти в Константинополе вплоть до XIV века — не смогло подорвать его успех. В девяти блестяще проведенных кампаниях Константин V разгромил болгар и восстановил контроль над истощенными Балканами. Воспользовавшись локальным превосходством над слишком разбросанными и внутренне разобщенными силами мусульманам, император выгнал их из Малой Азии и даже смог восстановить некоторое подобие контроля над Кипром¹¹¹.

¹¹¹ Контроль над этим греческим островом переходил от христиан к мусульманам с конца VII века, и в итоге Константин заставил арабов признать совместный с империей контроль над островом. Эта ситуация — странно превосхитившая сегодняшнее положение на Кипре — в

Нежданные победы были встречены с понятной радостью — но даже самые ревностные сторонники Константина с тревогой наблюдали за ущербом, причиненным его религиозной политикой. Безнадежно расколовшись между теми, кто почитал иконы и теми, кто желал их уничтожить, Византия была глубоко не уверена в себе и трещала по швам. Хуже того, яростная война Константина с иконами отпугнула Запад именно в тот момент, когда сила Византии зависела от его лояльности. Сохранявший лояльность императору — который считал его еретиком — папа в Риме мог только наблюдать, как лангобарды уничтожают имперское правительство в Равенне. Мощь Византии сократилась до последнего бастиона на задворках Италии, и даже тут выглядела уязвимой. После почти восьми столетий цезари наконец были изгнаны из своей древней столицы: никогда больше нога римского солдата не ступит в Вечный Город.

В поисках нового покровителя, способного защитить его от лангобардов, папа обнаружил прекрасного кандидата в лице франкского короля Пипина Короткого. Ответив на призыв, Пипин прибыл в Италию, уничтожил лангобардов и взял контроль над тем, что впоследствии станет Папской областью¹¹². Константинополь был унижен этими событиями — а моральный ущерб, нанесенный империи, был даже хуже, чем потеря территорий.

В лице Константина V империя наконец обрела сильного и одаренного императора на троне, и только из-за его фанатизма остановилась всего за шаг до окончательного выздоровления. Как наследник Константина

конец концов разрешилась в пользу империи, и Кипр оставался в руках Византии до тех пор, пока Ричард Львиное Сердце не захватил его в конце XII века.

¹¹² Нынешний Ватикан — последнее из того, что осталось от этой области.

Великого, он теоретически был мирским главой христианства. Все граждане старой Римской империи — даже те, кто находился под властью переменчивых варварских королевств Запада — присягали ему на верность и, по крайней мере в теории, всегда признавали его власть. Под давлением политических реалий они могли признавать мелких местных королей, но на небесах был только один бог, а на земле — только один император. Для тех, кто оказался в завоеванных мусульманами землях, положение дел виделось еще яснее. Большая часть населения там все еще была христианской, и эти люди мечтали о том времени, когда вернется император и освободит их из неволи. Они были настолько преданы Константинополю, что арабы называли их «церковью императора» и жили в постоянном страхе, ожидая массовых мятежей. Требовался только сильный лидер, способный нанести ответный удар и удовлетворить страстное желание столь многих восстановить империю, которая разделяла бы ценности истинной веры.

Но вместо того, чтобы воспользоваться такой возможностью, Константин V растратил ее впустую. Его жестокие репрессии отсекали Малую Азию от более широкого христианского сообщества внутри имперских границ¹¹³. Оставшиеся на Востоке с отвращением отвернулись от обезумевшей империи — а те, кто жил на Западе, начали сомневаться в имперских притязаниях на всемирную власть. Они еще не осмеливались требовать равенства с Константинополем, но этот день был уже не за горами. Возможность объединить христианский мир под покровительством возрожденной

¹¹³ К счастью для всех нас, христиане в оккупированных мусульманами восточных землях протестовали против иконоборчества. Некоторые из самых прекрасных икон, что уцелели в этих спорах, пришли к нам из коптских монастырей, которые в VIII веке в безопасности располагались за пределами империи.

империи ушла навсегда. В своем гневе на иконы Константин и его отец лишились на это морального права. Никогда уже мир не будет прежним.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ. КРОШАЩАЯСЯ ИМПЕРИЯ

.....

Ко времени смерти Константина V, которая случилась 14 сентября 775 года, Византийская империя казалась полностью обессиленной. Постоянные потрясения, внутренние и внешние, оставили свой отпечаток на всех сторонах общества. Под давлением со всех сторон дела шли все хуже. Записи уже велись не столь точно, семейные родословные, которые гордо оберегались со времен Римской республики, стали отмирать, а старая традиция сенаторских званий почти исчезла. Большинство городов резко сократились в размерах, и поредевшее население ютилось в руинах их былого величия. Традиционная городская планировка исчезла почти

полностью, широкие улицы и роскошные общественные здания уступили место запутанным узким улочкам и наспех построенным домам. Крупные здания беспрепятственно превращались в руины, а если их стены все-таки чинили, то использовался не камень из давно заброшенных каменоломен, а материал из более ранних построек.

Даже самые важные города демонстрировали явные признаки упадка. Афины, некогда бывший крупнейшим городом Греции, сошли до провинциального городка с населением в несколько тысяч жителей, бедствующих в тени Акрополя. Сам Константинополь, хотя у него все еще оставался его ипподром, театры и бани, позволил своему акведуку оставаться в неисправном состоянии более века.

Морская торговля была по-прежнему сильной, и на рынках столицы все еще можно было найти пряности из Индии и шелка из Китая — но в эти спокойные времена торговцы уже не могли позволить себе пользоваться опасными наземными маршрутами, и большая часть внутренних районов страны вернулась к бартерной системе торговли. Поскольку городское население уменьшилось в размерах, а нападения врагов следовали со всех сторон, общество стало чрезвычайно военизированным. Государственные земли были переданы армии, чтобы меньше платить ей, и политические должности для большей эффективности тоже сплошь и рядом передавались военным. Итогом стало появление чрезвычайно мощной политической силы, которая вмешивалась в управление с пугающей частотой. За столетие, прошедшее с момента смерти Ираклия, не менее чем восемь императоров были возведены на трон армией, а граница между гражданскими и военными властями безнадежно размылась.

Образование, как и многое другое, тоже пало жертвой тревожных времен. В столице все еще имелись частные учителя, а также начальные и средние школы, ад-

министративные и военные должности все еще можно было получить согласно заслугам — но для всестороннего обучения в век войн и разрушений у большинства просто не было времени. Грамотность пришла в упадок, а вместе с ней и квалификация чиновников. Под неослабевающим давлением военных катастроф и хаоса в обществе такие области, как философия и литература, по большей части оставались без внимания как роскошества более мирных времен.

По мере того, как уменьшалась ценность образования, византийская культура увядала и гнила. Каждое следующее поколение было менее образованным, чем предыдущее, менее способным понять истинную ценность обучения, и вскоре упадок стал прогрессировать. В начале VIII века пришлось выпустить закон, запрещающий портить старые книги, выбрасывать их или варить из них духи; к середине столетия императоры жаловались, что не могут найти сведущих чиновников, которые разбирались бы в праве. Своими иконоборческими разрушениями Константин V только усугубил упадок, объявив войну монастырям и сделав все возможное, чтобы уничтожить труды тех, кто не был с ним согласен. Поэтому монастырская образованность тоже пребывала в плачевном состоянии.

К моменту смерти императора-иконоборца общественное мнение обернулось против него. Окружающая его аура военных побед еще долго после его смерти обеспечивала ему популярность у армии — но в глазах большинства византийцев он был презренным тираном, чудовищем, заслуживающим только забвения. Они дали ему прозвище *Copronymos* — «дерьмоименный», а через столетие после его смерти его имя уже было настолько ненавистным, что толпа вломилась в усыпальницу императора, сожгла его кости и выбросила пепел в море.

Его сын, Лев IV, напротив, был куда более уравновешенным человеком. Он также поддерживал иконо-

борчество, но пытался смягчить допущенные его отцом перегибы. Если бы он прожил дольше, ему, возможно, удалось бы снизить напряженность, но, к несчастью для империи, он умер после каких-то пяти лет царствования. Вся власть перешла к его грозной супруге, женщине, господствовавшей над ним в жизни и полностью затмившей его после смерти.

Константин V выбрал невесту для своего сына, устроив всеимперский конкурс красоты. Он остановил свой выбор на Ирине, невероятно привлекательной сироте из Афин. Для главного иконоборца это был поразительно неудачный выбор. Ирина, выросшая на Западе, была страстной сторонницей икон, ни во что не ставила своего свекра и втайне считала восстановление иконопочитания делом своей жизни. Ее муж пытался обуздать ее, но спустя месяц после того, как он наконец-то запер ее во флигеле дворца, император умер — а Ирина распустила сомнительные слухи, что его смерть стала следствием божественного воздаяния. Поверили в это жители Константинополя или нет, они со скрипом признали Ирину регентшей при десятилетнем сыне, Константине VI. Таким образом трон оказался у одного из самых жадных до власти правителей в долгой византийской истории. Молодая императрица не ведала жалости к тем, кто стоял у нее на пути, и твердо намеревалась удержаться у власти, чего бы ей это ни стоило.

Следующие одиннадцать лет она правила железной рукой, тщательно смещая иконоборцев со всех важных постов и заменяя их своими сторонниками. К несчастью для империи, большинство ее лучших солдат и чиновников были иконоборцами, и их устранение нанесло огромный ущерб имперской армии. Солдаты, уже два года ее правления противостоявшие массивному исламскому вторжению, деморализованные и вымотанные, просто начали переходить на сторону противника и присоединяться к арабам. Унизительный

и дорого обошедшийся мир, который пришлось купить Ирине, серьезно повредил ее популярности. Все настойчивей стали звучать голоса, требующие, чтобы она отказалась от регентства.

Однако военные неудачи и уменьшившаяся общественная поддержка мало что значили для Ирины. Она сосредоточилась на том, чтобы восстановить иконопочитание, и спокойно продолжала осуществлять свою политическую программу. Какими бы могущественными ни были императоры-иконоборцы, им не хватало полноты церковной власти, и попытка Константина V с организацией Вселенского собора никого не могла ввести в заблуждение. Ирина собиралась поставить вопрос об иконоборчестве перед всей церковью, будучи уверена, что весомость ее единогласного решения навсегда поставит крест на движении иконоборцев. Спешно были отправлены посланники к патриархам Александрии, Антиохии, Иерусалима и Рима с приглашением посетить то, что должно было стать восьмым и последним великим Вселенским церковным собором.

Он собрался в месте проведения первого собора, состоявшегося 462 год назад — в просторной церкви Премудрости Божьей в Никее, и его результаты вряд ли могли кого-то удивить. Иконоборчество было осуждено, но верующих предостерегли против превращения почитания икон в культ. Империя восприняла эти новости с облегчением, веря, что долгий кошмар наконец-то закончился. Иконоборчество шло на убыль десятилетиями, и только рвение императора поддерживало его. Когда оно было осуждено, в его защиту не раздалось ни единого голоса.

Религиозная победа должна была стать для Ирины ее высшим достижением, после которого ей следовало покончить с регентством и передать властные полномочия своему сыну. Традиционно регентство оканчивалось, когда подопечному исполнялось шестнадцать, а Константину VI сейчас было уже за двадцать. Однако

целью Ирины всегда была именно власть, а не что-то другое, и она не собиралась слагать ее в пользу своего жалкого сына. Константин VI был человеком достаточно слабым, чтобы им можно было с легкостью манипулировать, и все могло пройти гладко, если бы Ирина умерила свое честолюбие. Увы, подобные ограничения были чужды ее природе. Убрав лик своего сына с имперских денег, она стала выпускать монеты, на обеих сторонах которых имелось только ее изображение¹¹⁴. Не удовольствовавшись этим бессмысленным оскорблением, она издала императорский декрет, в котором объявила себя старшим императором — имеющим, таким образом, верховенство над Константином VI. Когда несколько полководцев стали возражать, требуя, чтобы трон получил законный император, Ирина в гневе казнила их, а ее обескураженного сына жестоко избили и бросили в тюрьму.

Вряд ли императрица могла разрешить ситуацию худшим образом. Даже успешный император дважды подумал бы, прежде чем восстанавливать против себя армию — а в военном отношении Ирина была на грани катастрофы. Из-за бесконечных чисток эффективность армии во время ее правления катастрофически снизилась, а лояльность войск оказалась слабой. В последние два года империя потерпела серьезные поражения от арабов, болгар и франков — и у народа неизбежно возобновились давние подозрения, что иконоборцы, возможно, были правы. В рядах армии вспыхнул мятеж. Вскоре разъяренные толпы заполонили улицы Константинополя, требуя от Ирины отречься от трона в пользу своего сына. В одну ночь преобразившись из узника в народного героя, Константин VI перенесся из

¹¹⁴ Как раз перед тем, как разгорелись споры об иконах, в традицию империи вошло помещать на монетах изображение Христа. Поскольку Ирина восстановила почитание икон, от нее ожидали, что она отметит это событие своими монетами — но тщеславие возобладаало над благочестием.

тюремной камеры на трон, а Ирина была помещена под домашний арест в одном из ее многочисленных дворцов.

Но Константин VI не принимал активного участия в событиях до того, как был брошен в тюрьму, не обратился он к делам и на троне. Не обладающего ни крупницей честолюбия молодого принца устраивало, как жизнь идет сама по себе, и вскоре он доказал, что ни к чему не пригоден. Когда арабская армия вторглась на территорию империи, он сразу же испугался, согласившись на переговоры о мире — что обещало быть одновременно и унижительным, и чрезвычайно дорогостоящим.

В итоге обвинения в трусости заставили его самого выйти на поле боя, но при виде врага он потерял мужество и ударился в панику, окончательно запятнав тем свое имя. Катастрофа убедила его вернуть власть своей матери; приняв это ужасное решение, он выступил с войском, чтобы потерпеть другое катастрофическое поражение от рук болгар. Недовольная имперская гвардия составила заговор, чтобы избавиться и от Ирины, и от ее никчемного сына — но сведения об этом каким-то образом просочились наружу. Крайне испуганный император повел себя чрезвычайно агрессивно, приказав отрезать языки виновным.

Эта бессмысленная жестокость стоила Константину VI последних остатков поддержки армии, и Ирина приняла решение избавиться от своего жалкого сына раз и навсегда. Константин уже возлагал на своих солдат вину за поражение от болгар, и ей не составило труда убедить его наказать неудачливые войска, вытатуировав слово «предатель» на лице тысячи человек, выбранных из числа солдат. Как Ирина и рассчитывала, это действие привело к тому, что императора теперь поносили больше всех людей в городе. Лишившись всех друзей и союзников, Константин VI теперь оказался беззащитен перед своим самым грозным врагом.

В мае 797 года умер маленький сын Константина, и пока император горевал, Ирина нанесла удар. Когда он ехал домой с Ипподрома, несколько человек из ее дворцовой стражи выскочила из кустов и попыталась схватить его. Императору удалось сбежать в доки, но вскоре его схватили там и притащили в Большой дворец. Там, в той самой комнате, где он родился двадцать шесть лет назад, он по приказу Ирины был ослеплен настолько жестоко, что умер.

Занятая государственными делами, Ирина никогда не была для него настоящей матерью. Как и всех имперских наследников, его взрастили армии нянек и наставников, и у него было слишком мало времени, чтобы за период взросления сблизиться с обоими своими родителями. Тем не менее столь подлое убийство глубоко потрясло империю. Ирина нарушила материнские узы, которые считал священными каждый гражданин, начиная от высокопоставленного патриция и заканчивая последним конюшим. Она утратила часть своей человечности, и хотя ее подданные позволили ей править дальше, они уже не могли оказывать ей уважения.

Ирина первой из женщин правила Римской империей не как регент или императрица, а как полновластный император, но ей недолго пришлось наслаждаться этим положением. Чувство вины лишило ее части сил, и когда арабы почуяли слабость и нахлынули снова, она немедленно предложила им огромный выкуп, который империя не могла себе позволить. Стараясь укрепить свою слабеющую популярность, она предприняла поездку в золоченой колеснице, в которую были запряжены прекрасные белые лошади, бросая в толпу золотые монеты. Собравшейся народ принял деньги, но его любовь нельзя было купить так легко. Все были хорошо осведомлены, что из-за обещанной ею дани сарацинам сокровищница была почти опустошена, и то, что она швыряла остаткам толпы, только усилило общее презрение к ней. Единственной неожиданностью ста-

ло то, что восстание, когда оно наконец разразилось, имело в истоке не недовольного византийца, а варвара с далекого Запада.

Неприятности начались в Риме, где папа Лев III терял в популярности с каждым днем. Он происходил из крестьянской семьи, и за это его ненавидели влиятельные семьи римских сенаторов, которые полагали, что папская тиара должна оставаться уделом знати. Ненависть патрициев была столь глубокой, что в 799 году они подослали банду, приказав ей подстеречь папу на улице во время его прогулки, выдавить ему глаза и вырвать язык. К счастью для понтифика, в пылу драки нападающие всего лишь оставили его без сознания, не повредив его зрению и речи.

Тайно покинув город, пока те, кто на него напал, не исправили своей ошибки, Лев бежал ко двору франкского короля и стал ждать, пока страсти не улягутся. Осознав, что папа находится вне досягаемости, его враги попытались сместить его, обвиняя во всех грехах, начиная от пьянства в общественном месте и заканчивая прелюбодеянием. Из безопасности своего убежища Лев яростно отрицал все обвинения, но было ясно, что обе стороны зашли в тупик. Следовало провести определенного рода суд, но это было сопряжено с опасными затруднениями. Кто обладает правом судить наместника Христа?

Разумеется, это был император Константинополя, глава христианства в миру. Однако Ирина не только опорочила себя, убив своего сына, но еще и была женщиной, а следовательно, в глазах Запада не имела права быть судьей. Лев нуждался в защитнике, и он обратился за помощью не к Востоку, а к куда более близкой силе франков.

Хотя королевству франков не было и столетия от роду, оно уже обладало яркой историей. Его основатель, Карл «Молот» Мартелл, разбил мусульман в битве при

Туре, надолго остановив наступление когда-то непобедимых арабов на Западную Европу. Пока византийцы ссорились между собой по поводу иконоборчества, его сын Пипин Короткий пришел на помощь папе, за что был коронован и награжден рангом патриция лично благодарным понтификом. Однако в полную силу королевство франков вошло при прославленном сыне Пипина.

Для человека, вошедшего в историю под прозвищем «короткий», у Пипина был примечательно высокий сын. Названный Карлом, как и его дед, он имел рост в шесть футов и четыре дюйма¹¹⁵, а душой был столь же высок и широк, как и телом. К 800 году он превратил унаследованное им относительно небольшое королевство в самое могущественное государство Западной Европы — в империю, равной которой не было на Западе со времен древнего Рима.

Перевалив через Альпы по призыву папы, в декабре 800 года Карл Великий (или Шарлемань, как он вскоре станет известен в мире и в истории) спустился в Италию и выступил в защиту Льва. Папа поклялся на Евангелии в своей невиновности, и с франкским королем, чья фигура маячила позади, собравшееся духовенство приняло его клятву. Два дня спустя, когда Карл коленапреклоненным стоял на рождественском богослужении, Лев поднял с алтаря украшенную драгоценными камнями корону и возложил ее на голову Карла, объявив пораженному собранию, что Карл теперь «священный римский император» — и вдобавок заявил, что тот происходит от библейских израильских царей. Эти слова ударной волной разошлись по возбужденной толпе. После четырех веков, проведенных в безвременье, на Запад вернулся император.

В Темные века жизнь в Европе слишком часто бывала короткой и жестокой — но наследники остатков

¹¹⁵ То есть 185 см.

Западной Римской империи были твердо убеждены, что так будет не всегда. Белые мраморные руины древнего Рима, разбросанные от Британии до Сицилии, служили постоянным напоминанием о времени, которое было до того, как свет цивилизации сменился темнотой. Люди страстно мечтали о дне, когда империя снова возродится из пепла, как феникс, и вернет в мир должный порядок. Теперь, в рождественский день на заре IX века, папа Лев III объявил им, что такой день настал.

Акт коронации был изумительным по своей самонадеянности. Возложив корону на голову Карла, Лев подразумевал, что истинную корону Римской империи может дать только он — то есть, сделав это, он с той же легкостью может совершить и обратное¹¹⁶. Церковь, твердо заявил папа Лев, представляет собой высшую власть по сравнению с государством. Подобное заявление било в самое сердце власти Византии, поскольку если Карл был истинным римским императором, то очевидно, что Ирина — или любой другой, сидящий на константинопольском троне — таковым не является. Одним махом Лев создал соперничающую империю, что не только осмеливалась претендовать на равенство с потомками цезарей, но и заявляла, что трон Константинополя занят самозванцами, не более чем ложными претендентами на трон августа.

Разумеется, Лев не обладал ни малейшими полномочиями для помазания нового императора, но чтобы упрочить свою позицию, он предъявил документ, который, возможно, стал самой скандальной подделкой Средних веков — «Дар Константина»¹¹⁷. Согласно этому

¹¹⁶ Это предостережение не прошло даром для проницательного Карла, но дело было сделано, и разгневанный монарх уже ничего не мог изменить. Тысячу лет спустя, когда пришло время для коронации Наполеона, тот принял меры, чтобы короновать себя самостоятельно.

¹¹⁷ Вероятно, этот документ был написан за несколько десятилетий

документу, папа Сильвестр чудесным образом исцелил императора Константина от проказы, и благодарный император «отступил» в Византию, оставив папе не только власть в Западной Европе, но и право передать корону тому, кого он сам выберет. Латынь, на которой был составлен этот документ, слишком явно относилась ко временам более поздним, чем те, которыми он был датирован. Но образование на Западе пребывало в таком упадке, что этот документ использовался для подтверждения папских претензий еще шестьсот лет.

Новости о коронации были восприняты в Константинополе с ужасом. Точно так же, как на небесах есть один бог, так и на земле может быть только одна Римская империя и один император. Ирина могла быть не самым удачным правителем — но это не означало, что неграмотный варвар может претендовать на то, чтобы занимать трон наравне с нею. Кошунственная коронация была публичным оскорблением правильного мироустройства, и то, что эту церемонию провел папа, только усугубляло подрыв основ мироустройства.

Настроения несколько не улучшились, когда в начале следующего года послы неотесанного франка прибыли в Константинополь с поразительным сватовством, предложив Ирине руку императора. Империя снова объединится под единым началом, заявили они, а Ирина сможет править как новая Феодора и над Востоком, и над Западом. Для шокированных византийских придворных еще большим оскорблением, чем самонадеянность варварских посланников, стал тот факт, что Ирина, похоже, серьезно задумалась над этим предложением. Поскольку в своих владениях она пользовалась всеобщей ненавистью и чувствовала, как вокруг сдвигаются стены, это предложение казалось ей отличным выходом.

до того, как его использовал Лев. Он оставался привычным оружием в папском арсенале до тех пор, пока в 1440 году гуманист Лоренцо Валла не доказал окончательно, что это фальшивка.

Впрочем, ее подданные не намеревались позволить Ирине вручить империю варварскому претенденту. Чтобы избавиться от потерявшего доверие монарха, они действовали быстро, Ирина же почти не оказала сопротивления. Всю жизнь крепко державшаяся за власть, теперь она потеряла ее буквально в мгновение ока. Группе патрициев не составило особого труда сместить ее с трона и арестовать. Послушно сидя под стражей во дворце, которым она распоряжалась еще совсем недавно, Ирина тихо ждала, пока собравшийся на Ипподроме народ провозглашал императором одного из ее министров финансов, а затем покорно отправилась в ссылку на остров Лесбос в Эгейском море.

Свержение Ирины положило конец не только прежнему режиму. Ее правление было последним, когда в христианском мире существовал единый и неоспоримый мирской глава, его конец знаменовал окончательное крушение старого римского мира. Империя Ирины слабо походила на гордое государство Августа, и различия заключались в чем-то большем, нежели пустая сокровищница и разрушенная экономика, ставшие результатом ее недалёковидных попыток купить народную любовь. Старый порядок сохранялся на Востоке еще долго после того, как его свет покинул Запад, но результатами набегов и чумы стала тяжкая разруха, в то время как беспрестанные атаки мусульманских армий войск отняли у империи Испанию, Сирию, Палестину, Египет и Северную Африку.

То, что началось с сокрушительного наступления ислама, закончилось коронацией Карла Великого. Византия подверглась чудовищному давлению, как внутреннему, так и внешнему, и каждый слой общества претерпел необратимые изменения. Византия больше не властвовала над Средиземноморьем, раскинувшись по теплым берегам, что дали ей жизнь. Последние следы классической империи Константина и Юстиниана исчезли под обломками правления Ирины, и враги,

наседавшие со всех сторон, угрожали самому существованию Византии. Слишком поздно было пытаться исправить нанесенный вред. Византии предстояло приспособиться к новой ситуации или исчезнуть.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. ПЕРЕМЕНЫ К ЛУЧШЕМУ

.....

Словно для того, чтобы подчеркнуть опасность положения Византии, на заре IX века появилась новая смертельная угроза. Великий полководец пересек Карпаты и объединил племена болгар от Трансильвании до Дуная, выковав тем первую великую Болгарскую империю. Известный только под именем «Крум», ужасный хан разметал посланные против него византийские армии, убил одного императора и сумел стать причиной свержения другого¹¹⁸.

¹¹⁸ Тело императора Никифора опознали по его пурпурным сапогам и отволокли в шатер Крума, где хан радостно отрезал ему голову и насадил ее на кол в качестве свидетельства своей победы. После нескольких дней публичного надругательства

Почти не встречая сопротивления, его солдаты атаковали богатые города вокруг Черного моря, захватывая в плен всех их жителей и угрожая полностью наводнить Балканы. Казалось, даже Константинополь был готов пасть перед не знающим поражений завоевателем — но его стены подтвердили свою прочность, и разочарованным болгарам пришлось удовольствоваться тем, что они сравнивали с землей предместья и убили все живое, что не успело убраться с их дороги.

К счастью для империи, опасность Крума, как Атиллы до него и Чингисхана после, в большей степени основывалась на силе его личности, а не на какой-либо могущественной основе, и после смерти хана возглавляемая им мощь улетучилась так же быстро, как и возникла. Однако унижения, которые пришлось претерпеть с такой неожиданной стороны, глубоко поразили напуганных жителей империи и привели к повторному возрождению иконоборчества. Что бы ни творили императоры-иконоборцы, в военном отношении они всегда оказывались эффективны — а теперь именно этой доблести крайне недоставало империи. Менее чем через десять лет после смерти Ирины толпа прервала службу в Церкви апостолов, вломившись в богато украшенную мраморную усыпальницу Константина V и умоляя великого иконоборца восстать из мертвых и снова повести византийские армии к победе.

Однако, к несчастью для империи, предание огню произведений искусства мало способствовало усилению армии. После нескольких десятилетий относительного покоя халифат возобновил наступление, и имперская армия на деле показала, что не способна остановить его. В 826 году мусульманские войска высадились на Крите, навязали ислам сопротивляющемуся населе-

он очистил череп от гниющей плоти и оправил его в серебро. В истинно варварской манере он не просто использовал этот сосуд как кубок для питья, но и принуждал пить из него прибывавших с визитом византийских дипломатов.

нию и превратили столицу острова Кандию в самый оживленный невольничий рынок в мире. К 838 году мусульмане вторглись в Малую Азию, разграбили город Аморий и заживо сожгли его жителей в городской церкви, где те заперлись, поймав себя в ловушку¹¹⁹. На следующий год была покорена большая часть западной Сицилии, одновременно мусульмане вступили в Италию, захватив Тарент и использовав «каблук» итальянского сапога как базу для дальнейших атак на земли, где ныне располагается Хорватия. Имперское правительство было настолько встревожено, что отправило к западному императору Людовику Благочестивому своих послов, умоляя о помощи. Но до возникновения идеи крестовых походов оставалось еще более двухсот лет, и просьбы ни к чему не привели.

Игнорируя все более явные свидетельства обратного, императоры упрямо продолжали настаивать, что иконоборчество — это единственный способ вернуть имперской армии божественную милость. Один император даже лично руководил избиением двух палестинских монахов, которые отказались уничтожить свои иконы, и когда после недели подобного обращения их все же не удалось заставить переменить свое мнение, он велел вытатуировать на их лицах оскорбительные стихи и изгнал монахов в Анатолию. Но подобные неуклюжие меры никогда не были особенно действенны в вопросах, касающихся веры, и без аргумента в виде победы, способного подкрепить иконоклазм, тот не имел силы. Большинство византийцев понимали, что они напрасно уничтожили свои иконы и подавили свое чувство прекрасного. Менее чем через тридцать лет, в 843 г., иконоборчество снова бесславно исчезло. В первое воскресенье Великого поста того

¹¹⁹ Помимо того, что этому городу принадлежала честь быть местом зарождения текущей династии, Аморий был прославлен как родина греческого баснописца Эзопа.

года прекрасная и блистательная императрица Феодора официально прекратила последний значительный византийский раскол, проведя общий церковный совет и благодарственную службу в Софийском соборе¹²⁰. Художники снова взяли за свои кисти, молотки и резцы и продолжили попытки изобразить божественное в красках, дереве и камне. Хотя прошло несколько лет, прежде чем первая икона появилась в великой церкви Святой Софии, ее открытие показало, что годы гонений не умалили силы византийского искусства¹²¹.

Если не принимать во внимание военные неудачи, в IX веке появились ободряющие признаки того, что империя медленно восстанавливает свои силы. Уменьшившись после военных потерь, она сократилась до ядра, состоявшего из Малой Азии, Фракии и Греции, но эти территории были сильными и сплоченными. Религиозное инакомыслие по большей части исчезло вместе с беспокойными землями Сирии и Египта, и небольшое имперское правительство действовало достаточно эффективно вне зависимости от того, кто сидел на троне. Были открыты новые золотые прииски, вскоре заполнившие до краев обедневшую сокровищницу, и вслед за этим неожиданным изобилием возникло богатое сословие торговцев.

Еще более обнадеживающим стало возрождение образования, которое, что довольно неожиданно, разгорелось из угасающих углей иконоборчества. Попытки поддержать ту или иную сторону в споре ссылками на неясные цитаты более ранних отцов церкви вылились

¹²⁰ Это событие все еще ежегодно отмечается восточной церковью как «Торжество Православия».

¹²¹ В наши дни ее все еще можно видеть в соборе — навсегда запоминающееся изображение Богоматери с младенцем-Христом, восседающей на небесном троне и печально вззирающей с высоты на то место, где когда-то располагался алтарь.

в изучение того, как их можно опровергнуть. Во время правления императора Феофила в середине IX века учителя содержались за счет государства, открывались скриптории, а константинопольский университет обзавелся новыми факультетами права и философии¹²².

Это являло собой примечательный контраст с Западом, где церковь медленно распространяла сохраненные ею крупницы учености. Средневековая западная мысль, хотя и довольно оживленная, была отрезана от своего богатого исторического наследия; ей пришлось дожидаться Ренессанса, чтобы вновь опереться на античные знания. Однако восточные школы могли следовать своим философским и литературным традициям, поскольку те не пострадали. За несколько лет обновленная интеллектуальная слава Византии стала настолько велика, что халиф даже попросил, чтобы ученого специалиста послали в Багдад. Император, скорее всего приняв мудрое решение, отказал ему в разрешении уйти, взамен устроив его в столице, чтобы продолжить бурное развитие. Прибодренные новыми веяниями любопытства, придворные историки снова взялись за перо, знатная молодежь вернулась к изучению классики, и византийская ученость, которая пребывала почти что в спячке со времен правления Ирины, расцвела снова. Армии Феофила могли быть рассеяны в Малой Азии, но он взял свое в культурном возрождении, покаяя сердца подданных своим стремлением к справедливости¹²³.

¹²² Стандартный курс обучения в Византии практически не менялся с V века по XV. Обычно он включал в себя риторику, занятия математикой и философию, и для лучших студентов знание наизусть всей «Илиады» не было чем-то из ряда вон выходящим.

¹²³ Когда его войска оказались неэффективными, Феофил в попытке произвести впечатление на халифа направил в Багдад посла, чтобы тот раздал жителям города тысячи золотых монет. К сожалению, от императорского золота вышло столь же мало прока, как и от его армии.

В эпоху, когда император выглядел неприступной фигурой — человеческим представителем бога на земле, — Феофил был удивительно близок к своим подданным. Страстный поклонник гонок на колесницах, однажды он принял участие в соревновании под знаменами синих и восхитил толпу своими умениями¹²⁴. Однако самой удивительной для жителей Константинополя привычкой императора было то, что он тайно прогуливался по улицам столицы, расспрашивая тех, кто ему встречался, об их заботах и следя за тем, чтобы торговцы устанавливали справедливые цены на свои товары. Раз в неделю, сопровождаемый ревом труб, он верхом проезжал из одного конца города в другой, приглашая всех, у кого были жалобы, встретиться с ним. Остановившие его могли рассчитывать на то, что их с вниманием выслушают независимо от того, насколько могущественной была другая сторона в споре. Одна из таких историй повествует о вдове, которая приблизилась к императору и сделала шокирующее заявление, что тот самый конь, на котором сидит император, был украден у нее старшим магистратом города. Феофил должным образом рассмотрел дело и когда обнаружил, что вдова была права, он приказал выпороть магистрата, а своим наблюдающим подданным сказал, что справедливость — это величайшая добродетель императора¹²⁵.

Однако доступность не означала, что император собирается хоть на дюйм поступиться своей царственностью, и он вложил золото в строительную программу,

¹²⁴ Разумеется, это действие было несколько подпорчено тем фактом, что фракциям дали строгие указания позволить императору выиграть.

¹²⁵ Эта страсть к справедливости сделала Феофила легендой еще при жизни, и вскоре о нем стали ходить многочисленные апокрифические истории (возможно, включая и эту). Спустя триста лет его репутация все еще была такой, что византийский автор сатирического «Тимариона» описал его как одного из судей загробного мира.

равной которой не было со времен Юстиниана¹²⁶. Предпочтения всех императоров были дорогостоящими, но Феофил посрамил большую часть своих предшественников. В приступе активности стены вдоль Золотого Рога были укреплены, построен новый величественный летний дворец, а Большой Дворец был полностью отреставрирован впервые за почти триста лет¹²⁷. Это последнее достижение привлекло внимание историков той поры, оставивших восторженные отчеты о работе. Прямо на их глазах Феофил превратил беспорядочно расположенное нагромождение зданий, которые составляли Большой дворец, в резиденцию, достойную императора IX века¹²⁸. Подобная реконструкция назревала давно. Изначально построенный Септимием Севером во II веке, дворец бессистемно дополнялся последующими императорами, которые строили приемные залы, жилые помещения, церкви, бани и административные корпуса до тех пор, пока хаотично разбросанные строения не стали угрожать занять всю юго-восточную оконечность города.

Феофил навел в Большом дворце долгожданный порядок, убрав мешающие стены и неиспользуемые комнаты и соединив его здания ровными коридорами. Пло-

¹²⁶ Феофил редко отступал от своих экстравагантных манер. Когда пришло время выбрать себе жену, он устроил грандиозный смотр невест, наградив победительницу золотым яблоком, весьма искусно исполненным – на нем была изображена сцена, отсылавшая к суду Париса.

¹²⁷ Не удивительно, что последним императором, существенно расширившим дворец, был Юстиниан. Отблеск его оригинальной работы до сих пор проглядывает в остатках обширного мозаичного покрытия пола, обнаруженного в начале XX века. Заполненная странным сочетанием христианских и языческих символов, жестокими сценами охоты и фантастическими виньетками, эта мозаика остается одним из самых прекрасных образцов искусства античного мира, уцелевших до наших дней.

¹²⁸ Строящиеся занимали площадь в более чем четыре с половиной акра.

шадки для поло, построенные Феодосием II четыреста лет назад, когда этот император привез царский спорт из Персии, были расширены, и фонтаны, питаемые подземными водохранилищами, вскоре украсили собой изящные аллеи и висячие сады. Кремовые мраморные ступени вели к овеваемым ветерком палатам, лес розовых и порфириновых колонн поддерживали изысканные апсиды, и серебряные двери вели в комнаты, полные великолепных мозаик. Однако истинная роскошь была припасена Феофилом для не имеющего себе равных тронного зала. Ни одно другое место в империи — а возможно, и во всем мире — не было так расточительно украшено золотом или похвалялось такой внушительной демонстрацией богатства. Позади золотого трона располагались деревья из кованого золота и серебра, дополненные украшенными драгоценными камнями механическими птицами, что заливались песнями, стоило тронуть рычаг. Свернувшись у подножий деревьев, из-под каждого подлокотника грозно смотрели львы и грифоны, которые выглядели так, будто готовы вскочить в любой момент. Для неподготовленных послов это должно было стать пугающим опытом — по сигналу императора золоченый орган начинал играть оглушительную музыку, птицы принимались петь, а львы ревели и дергали хвостами. Редкий гость мог не исполниться благоговения после такого представления.

Но нигде растущая уверенность империи не проявилась так отчетливо, как в религиозной сфере. Мало было вещей столь же унижительных для византийского религиозного склада ума, как все более настойчивые претензии папы на то, что голос римского епископа единственный может определять церковную политику. Четыре других патриарха христианского мира традиционно подчинялись наследнику святого Петра, но решения по важным вопросам веры всегда решались общим согласием, по контрасту с растущим авторитаризмом западной столицы. В прошлом Востоку и Западу удава-

лось скрывать свои растущие разногласия вежливыми отношениями на расстоянии, но сейчас в воздухе витали новые воинственные настроения. Когда папа послал франкских миссионеров, чтобы обратить славян, патриарх Фотий ответил на это, отправив своих людей, замечательных братьев-монахов Кирилла и Мефодия.

У людей папы было преимущество, но они оттолкнули от себя славян, настаивая, что все службы должны вестись на латыни, даже если их новообращенные не понимают из нее ни слова. Кирилл и Мефодий, напротив, приступили к работе, немедленно начав изучение славянского языка, и обнаружив, что тот не имеет собственной письменности, Кирилл создал таковую¹²⁹. Западные епископы выражали резкое недовольство, считая, что только иврит, греческий и латынь являются подходящими языками для святой литургии, но Кирилл возразил им, сказав что как божий дождь равно идет над всеми, так и все языки достаточно хороши, чтобы славить его¹³⁰. Болгарский хан, на которого произвели впечатление новые свободы, обещанные Фотием (и в любом случае не желая входить в подчинение Риму), отправился в Константинополь, чтобы быть крещеным в Софийском соборе, и Болгария вошла в культурную сферу влияния Византии, в которой остается и по сей день. Позволив византийской культуре отделиться от греческого языка, Фотий распространил влияние империи далеко за ее пределы и неизмеримо укрепил узы, которые удерживали вместе многообразный византийский мир. Более шести веков пройдет, прежде чем латынь будет подобным образом смещена с трона на Западе.

Добавление славян в имперскую культурную сфе-

¹²⁹ Кириллический алфавит, используемый сегодня большей частью славянского мира, назван в его честь.

¹³⁰ Папа Адриан II уловил идею и позволил братьям спокойно работать, потребовав только, чтобы месса сначала читалась на латыни, а потом уже на местном языке.

ру влияния увеличило авторитет империи, но тогда же прозвучала и тревожная нотка. Открыто соперничая с Римом за Балканы, Константинополь вывел противоречия между Востоком и Западом на поверхность, а отношения с папой всегда было легче разорвать, чем восстановить. У обеих разделенных культурно сторон было что припомнить друг другу, и когда взаимные подозрения и ненависть наконец принесли плоды, им несомненно предстояло оказаться горькими.

Однако все это было делом грядущих веков. Империя была снова уверена в себе и, по всей видимости, готова к захватывающему росту. Не хватало только способного действовать императора. Люди, занимавшие трон в IX веке, хотя и жили красочной жизнью, в большинстве своем были несведущи в военном деле¹³¹. Несмотря на свои религиозные и культурные достижения, они никогда не могли полностью вытащить империю из военного кризиса. Это может показаться невероятным, но первые запинаящиеся шаги к выздоровлению были предприняты при содействии императора по имени Михаил Пьяница.

Как на то намекает его имя, фигура Михаила была не особо многообещающей, но у него имелось огромное преимущество в виде его прозорливого дяди. Пока император, оправдывая свое прозвище, пил в столичных тавернах, его дядя Варда вел империю к ее первым

¹³¹ В канун Рождества 820 года император Лев V приговорил претендента на трон Михаила II к смерти довольно эксцентричным способом — приказав привязать его к обезьяне и бросить в печи, которыми отапливали императорские бани. Прежде чем казнь состоялась, сторонники Михаила переоделись в монахов и пробрались в императорский дворец, чтобы напасть на императора. Как сообщают, Лев защищался более часа, вооруженный только тяжелым металлическим крестом, которым он яростно отбивался от своих противников, прежде чем наконец сдаться перед их клинками. Пожалуй, это была самая непрезентабельная коронация в истории Византии: Михаила II поспешно вытащили из темницы и короновали, когда тюремные цепи все еще сковывали его ноги.

значительным победам над мусульманскими войсками. Под его руководством византийская армия впервые с VII века пересекла Евфрат, а морской флот совершил дерзкий набег в Египет. Когда эмиры Месопотамии и Армении ответили вторжением на территорию империи, Варда поймал их в ловушку и убил эмиров и большую часть их людей.

Эти победы значительно прибавили к репутации Варды, и поскольку никто не мог сказать, как долго еще продержится императорская печень, большинство предполагало, что когда Михаил наконец скончается, одаренный дядя станет его преемником. Конечно, все еще оставалась ничтожная возможность, что император назначит своим наследником другого человека, но хотя у Михаила было много фаворитов, большинство из них стали таковыми из-за их любви к веселой компании, а не за государственные таланты. Между тем Варду полностью устраивало позволять своему непутевому племяннику веселиться, а самому спокойно править империей если не от своего имени, то по факту.

Однако трудность со слабыми императорами состояла в том, что они колебались от каждого мимолетного ветерка, и Михаил вскоре поддался чарам грубого армянского крестьянина по имени Василий Македонянин¹³². Изначально Василий привлек внимание императора особенно впечатляющей демонстрацией силы в состязании по борьбе, и поскольку в глазах Михаила это было такой же хорошей причиной для продвижения, как и другие, молодой армянин был взят на имперскую службу. Для своенравного императора это стало ужасной ошибкой. Василий был умен, амбициозен — и вместе с

¹³² Несмотря на свое имя, ни Василий, ни кто-либо из его семьи, насколько нам известно, никогда и ногой не ступал в Македонию. Еще в молодости захваченный в плен болгарским ханом Крумом, он жил вместе с македонскими пленниками и таким образом получил свое прозвище. По этой и многим другим причинам, династия, которую он основал, никак не могла называться Македонской.

тем пугающе жесток. Варда предупредил своего племянника, что Василий «лев, который пожрет их всех», но Михаил не прислушался к его предостережению. В течение года Василий лично убил Варду, и Михаил, окрыленный тем, что избавился от своего могущественного дяди, наградил своего жестокого любимца титулом соимператора. Спустя несколько месяцев Михаил тоже был мертв; его жестоко убили после обычной для него долгой ночи возлияний. Накинув лошадиную попону на тело императора, чтобы скрыть растекающуюся кровь, Василий верхом направился в Большой дворец, рассчитывая захватить его до того, как кто-то сможет возразить. Едва ли ему стоило об этом беспокоиться: Михаил Пьяница давным-давно промотал то достоинство, что у него когда-то было, и никто ни слова не сказал против его убийства. Когда следующим утром солнце взошло над тихой столицей, бывший крестьянин уже стал единоличным правителем Римской империи. Как ни невероятно, начался золотой век.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. СЛАВНАЯ МАКЕДОНСКАЯ ДИНАСТИЯ

.....

Придя к власти обогранным кровью настолько, что этого устыдился бы и Макбет, Василий, казалось, был обречен на опасное правление. Жестокий путь, которым он добыл себе корону, был вопиюще незаконным, и это действительно оказалось серьезной помехой для будущих представителей его династии. Но средневековый мир был удивительно изменчивым местом, и большинство византийцев были вполне готовы извинить сомнительный путь к власти, если он приводил к эффективному правлению. В конце концов, великое добро порой могут совершить и злые люди. Михаил опорочил свой титул, а пьянство

все равно довело бы его до преждевременной смерти, если бы не вмешался Василий. Напротив, новый император — пусть даже и убийца — мог оказаться светочем разумного управления. Почти два века спустя выходец из его семьи все еще сидел на императорском троне.

По восточным меркам Василий был необразован — но он был достаточно проницателен, чтобы распознать возможности для возрождения Византии. Византия уже не была широко раскинувшейся империей античности: то, что поднялось из-под обломков арабских завоеваний, было куда более маленьким и компактным государством с границами, защищать которые стало значительно проще. Но глубинная основа государства пережила годы смуты и теперь снова явилась из темноты с не уменьшившейся внутренней силой.

Хотя у Василия не было нужды — или желания — возвращаться к обширным границам времен Юстиниана, он хотел вернуть империи ее место под солнцем. Было ясно, что эта цель не может быть достигнута без сильных войск, но если армия еще была достаточно крепкой, то флот находился в ужасающем состоянии — факт, ставший очевидным спустя несколько месяцев после того, как новый император взял власть: арабские пираты легко разделились с византийским флотом и захватили остров Мальта.

Как у любой средиземноморской державы, сила империи зависела от сильного флота, и оставить его в подобном плачевном состоянии означало навлечь на себя дальнейшие беды. Распечатав сокровищницу, Василий израсходовал все деньги на полную реконструкцию флота. Он построил передовые для своего времени корабли и прочесал всю империю, чтобы найти подходящих людей в судовые команды.

Восстановленные морские силы должны были стать острием копья великого наступления Василия. В прошлом веке проводились только отдельные кампании против мусульман, и теперь настало время для согласо-

ванной атаки. После многих лет агрессивной экспансии халифат пребывал в упадке, расколотым и крошащимся дальше, у него уже не было сил оказывать прежнее давление на Византию. Теперь настало время для военного похода. Арабский флот следовал по пятам за византийским, и нельзя было упустить подобную возможность. Гордо прибыв в Саронический залив, новый флот немедленно показал свою силу, когда пришли вести, что пираты с Крита разбойничают в Коринфском заливе. Не желая тратить время, чтобы обойти вокруг Пелопонесского полуострова, изобретательный византийский адмирал Никита Орифа¹³³ перетащил свои корабли через перешеек шириной в четыре мили, в сохранности доставив их в залив как раз вовремя, чтобы отправить пиратов ко дну.

Окрыленный победой, Василий начал большое наступление. Его флот прошелся через Кипр, вскоре вернув остров империи, а затем имперские войска проложили себе путь в северную Месопотамию, уничтожив злополучную арабскую армию, вставшую у них на пути. На следующий год Василий повернул на запад, очистив от мусульман Далмацию и захватив итальянский город Бари. В 876 году он распространил влияние Византии на Ломбардию, заложив тем самым основание для возрождения всей Южной Италии.

Пока его армии двигались от одной победы к другой, Василий направил свою непомерную энергию на внутригосударственные дела. Он считал, что нет лучшего подтверждения упадка Византийской империи, чем недостаточное строительство в столице. Старые храмы позорно ветшали и разрушались, а государственные здания начинали являть несомненные признаки упадка. Разослав рабочих по столице, император развер-

¹³³ Никита Орифа занимал должность *друнгария* императорского флота. Однако мы оставили авторский термин «адмирал» как вполне корректный, ибо он появился примерно в это же время и в этом регионе — как *амир аль-бахр*, то есть «владыка на море». (Прим. ред.)

нул широкомасштабную программу по переустройству Царицы городов. Каменные крыши пришли на смену деревянным, стены были восстановлены и укреплены, а новые замечательные мозаики вернули церквям их бывшую славу.

Однако самые большие усилия Василий приберег для своей личной резиденции в императорском дворце. Богато украшенные резьбой колонны зеленого мрамора с толстыми желтыми прожилками поддерживали своды, крытые золотом; огромные портреты императора и его семьи были выложены в роскошных мозаиках. Большие имперские орлы украсили пол, а стеклянные мозаичные плитки, полные золота, искрились над ними.

Прямо к востоку от этих палат вознеслась новая величественная церковь, официально посвященная четырем святым, но более известная под довольно неприятным названием «*Nea Ekklesia*» — «Новая церковь». Более дерзновенного строения не украшало горизонт со времен, когда Юстиниан закончил возведение Софийского собора. Бесчисленные ангелы и архангелы смотрели с его нисходящих сводов, а внутренние помещения были усеяны не имеющими цены самоцветами. Эта церковь должна была стать самым главным архитектурным сооружением Василия, вечным напоминанием о великолепии македонской династии.

Император настолько сосредоточился на том, чтобы закончить эту постройку, что когда пришли вести о том, что арабы осаждают Сиракузы — последний значительный оплот Византии в Сицилии, — он отказался отправить флот ему в помощь, вместо того предпочтя использовать боевые корабли на транспортировке мрамора для его церкви. Сиракузы пали, но постройка Новой Церкви была завершена¹³⁴.

¹³⁴ К сожалению, текстовые описания — все, что сохранилось от этой величественной церкви. После падения города в 1453 году турки использовали ее как хранилище для пороха, и нет ничего удивительного в том, что в итоге однажды она взлетела на воздух.

Византия с очевидностью снова обрела опору под ногами, а вдобавок к восстановлению власти и престижа империя теперь вступила в эпоху поразительного культурного возрождения. Все началось с блистательного патриарха Фотия, который практически в одиночку возродил в империи любовь к классической римской и греческой литературе¹³⁵. Последовал всплеск интеллектуальной деятельности, и Василий приступил к новому амбициозному проекту перевода кодекса Юстиниана на греческий. Для императора, которому самому не хватало образования, это стало бы значительным достижением — но Василию так и не представилось случая завершить свой проект. Его любимый старший сын Константин, которого готовили к наследованию трона, внезапно скончался, и Василий был сражен глубоким горем, от которого так более и не оправился.

Печаль Василия еще более усугубляло то обстоятельство, что смерть сделала прямым наследником его второго сына, будущего Льва VI. В силу довольно запутанных обстоятельств Василий был женат на любовнице своего предшественника, и многие (а особенно сам Василий, которому было лучше это знать) подозревали во Льве ребенка Михаила Пьяницы. Мысль о том, что этот мальчик скоро унаследует трон, который должен был достаться Константину, подталкивала его на крайние меры. Когда император обнаружил, что пятнадцатилетний Лев завел любовницу по имени Зоя, он жестоко избил подростка, запер его во флигеле дворца и выдал Зою замуж за кого-то еще. Впрочем, это никак не повлияло на их роман — как только Лев вышел из

¹³⁵ Заядлый читатель, Фотий сделал многочисленные заметки о рукописях, бывших в его распоряжении. В этих первых в истории книжных обзорах он оставил нам замечательное собрание своих мыслей о прочитанном. К несчастью, большинство работ, которые он отрецензировал, не сохранились до наших дней — но его обзор дал нам редкую возможность подробнее узнать о некоторых блистательных, но утраченных византийских шедеврах.

заточения, он возобновил отношения с Зоей. Разгневанный император бросил Льва в тюрьму и как-то раз даже угрожал выколоть мальчику глаза, чем глубоко потряс придворных.

Отцу Зои в конце концов удалось уговорить императора освободить Льва, указав, что поскольку ему уже за семьдесят, держать наследника трона в немилости означает навлечь на империю ужасы споров о престолонаследии. Василий с неохотой уступил, они с сыном примирились, но мало кто верил, что это продлится долго. Под тяжестью своего горя император становился все более непредсказуемым, зачастую на него накатывали приступы безумия. Он никогда не выказывал ни малейших колебаний в том, что касалось устранения неудобных людей, и Лев был полностью уверен, что обстоятельства сложатся не в его пользу, если император протянет еще долго. Впрочем, Василий всегда славился своей физической мощью, и в семьдесят четыре года не подавал признаков угасания. Возможно, природу следовало поторопить.

Спустя месяц после примирения со Львом император умер. Официальная версия гласила, что он был убит во время несчастного случая на охоте. Этот совершенно неправдоподобный рассказ упоминал огромного оленя, который протащил императора по лесу шестнадцать миль. Еще более подозрительным было то обстоятельство, что отец Зои — человек, несомненно не пользовавшийся императорской милостью — почему-то возглавил спасательный отряд.

Полная мера участия в этом Льва, конечно, была погребена прошедшими годами, но в чем бы ни состояла правда, большинство жителей было готово закрыть глаза на туманные обстоятельства ради многообещающего девятнадцатилетнего наследника. Несколько дней спустя Лев VI вступил в управление империей. Первым делом он извлек останки Михаила Пьяницы из его убогой гробницы и перезахоронил их в роскошном

саркофаге в Церкви Апостолов. Наконец-то убитый император мог покоиться с миром – его смерть была отомщена. Что же до Василия, то начало его правления было запятнано постыдным убийством, и возможно, есть некая справедливость в том, что оно закончилось тем же. Впрочем, при всей своей жестокости он оставил империю неизмеримо более сильной и в военном, и в культурном отношении, и у страны было достаточно причин, чтобы оплакать его.

Подросткам в Византии и раньше доводилось выходить на передний план, но никто из них не был настолько прекрасно подготовлен к своей роли, как Лев VI. Обаятельный и обладавший легким характером, император мог похвалиться образованием более всесторонним, чем у любого другого правителя со времен Юлиана Отступника, а также соответствующим интеллектом. Его правление было отмечено возвращением классической архитектуры, взрывом литературной активности и новым гуманистическим духом. Через несколько недель после вступления на трон он уговорил церковь назначить патриархом своего младшего брата Стефана. Таким образом духовная и мирская власти сосредоточились в одной семье, впервые в имперской истории дав императору возможность без помех осуществлять контроль над церковью и государством. Правя в удивительное время внутреннего мира и благоденствия, Лев смог сосредоточиться над величайшей неоконченной работой Василия – рекодификацией римского права.

Более трех с половиной веков прошло с тех пор, как Юстиниан навел порядок в хаотичной законодательной системе римского права, и его свод законов крайне нуждался в пересмотре. За прошедшие годы скопились тысячи новых правовых решений, добавив тома к кодексу, который и без того понимался с трудом, поскольку был написан на латыни – малопонят-

ном мертвом языке, доступном теперь только редким знатокам старины. Всего за два коротких года императору удалось решить монументальную задачу перевода этого беспорядочного скопления норм, систематично привести их в порядок и опубликовать первый из шести томов, в котором все нормы содержались в систематизированном виде. Обнародование законченной работы принесло императору прозвание «Лев Мудрый»; его чествовали как величайшего законодателя со времен Юстиниана (обстоятельство, которое изрядно досадило бы его предшественнику). Однако те, кто ждал от него, что он поведет армию к столь же блистательным победам, вскоре разочаровались. Молодой император был любовником, а не бойцом, и то, что он станет намного более успешен во внутренних делах страны, чем во внешней политике, казалось, было неизбежно.

Византия никогда не испытывала недостатка во врагах, но к началу правления Льва казалось, что по крайней мере северо-западные границы империи пребывают в относительной безопасности. Там болгарский хан Борис принял христианство, и многие в Константинополе стали надеяться, что ужасный призрак Крума изгнан раз и навсегда. Эти настроения только укрепились, когда Борис отрекся от престола в пользу своего младшего сына Владимира и смиренно удалился в монастырь. Но вскоре после его ухода Владимир предпринял попытку восстановить язычество, угрожая тем свести на нет всю тяжелую работу, проделанную его отцом. Продемонстрировав серьезную нехватку традиционной для монахов уравновешенности, разгневанный Борис ослепил Владимира и вместо него посадил на трон его младшего брата Симеона. Наблюдавшие за всем этим византийские сановники вздохнули с облегчением, получив у власти столь дружелюбную кандидатуру. Было широко известно, что Симеон вырос в Константинополе и вдобавок явля-

ется убежденным христианином. Разумеется это был человек, который хорошо понимал цивилизованный мир и мог признать преимущества хороших отношений с империей.

Скорее всего, так бы и произошло, если бы Лев на практике подтвердил свое прозвище — но он самым неразумным образом решил поднять импортные пошлины на болгарские товары, не обратив никакого внимания на протесты Симеона. Раздосадованные болгары немедленно начали вторжение, захватив империю врасплох. За каких-то несколько недель они захватили Фракию и начали грабежи. К несчастью для Льва, все его войска были заняты войной на Востоке, поэтому он прибег к испытанному способу и созвал союзников, чтобы они постояли за него. Византийские посланники поспешно отправились к мадьярам — воинственному племени, жившему к востоку от Болгарии — и предложили им ударить в тыл болгарам. У зажатого в клещи Симеона не было иного выбора, кроме как отказаться от своих планов и просить о мире. Лев отправил своих посланников, чтобы составить условия договора, и отправился разбираться с арабами, уверенный, что наказанные болгары усвоили урок.

Может, Лев и был доволен своей работой, но Симеон не намеревался мириться с таким положением вещей. Император его перехитрил, но болгарский хан был способным учеником и быстро перенял византийскую тактику. Когда последний византийский отряд скрылся с глаз, отправившись по дороге в Константинополь, он обратился к собственным союзникам — печенегам, тюркскому племени, которое находилось в кровной вражде с мадьярами. Атакованные со всех сторон, мадьяры были вынуждены просить мира, позволив Симеону снова беспрепятственно вторгнуться во

Фракию¹³⁶. Византийская армия безуспешно пыталась сопротивляться, но была быстро разбита, и Льву пришлось заключить унижительный и дорогостоящий мир.

Император плохо справился с ситуацией и тогда, когда Таормина — последний византийский оплот на Сицилии — была завоевана мусульманами в 902 году. Казалось, что империя снова близка к прежнему положению слабой и бессильной. К счастью для Льва, его военачальники сберегли его военную репутацию на Востоке, где оказывали постоянное давление на распадающийся халифат. В следующие десять лет произошел новый всплеск активности: византийские армии изгнали мусульман из Западной Армении¹³⁷, уничтожили арабский флот и дошли до самого Евфрата. Разумеется, случались и редкие неудачи. Масштабная морская экспедиция по завоеванию Крита закончилась неудачей, а в 904 году землетрясение сравняло с землей стены Фессалоник — второго по важности города в империи. Его жители в спешке бросились чинить стены, но прежде чем работа была закончена, прибыл арабский флот, и сарацины ворвались в незащищенный город. Целую неделю мусульмане грабили Фессалоники, убили всех старых и больных, а остальных пленников отвезли на свои оживленные невольничьи рынки. За разграбление Фессалоник византийские армии отомстили в следующем году, превратив арабский город Тарс в груды дымящихся руин, но немногие в Константинополе обратили на это внимание. Вся столица была захвачена перипетиями личной жизни императора.

¹³⁶ Поскольку печенеги препятствовали возвращению мадьяр на родину, те осели на плодородных равнинах центральной Венгрии, где и живут по сей день.

¹³⁷ Имеется в виду Киликийская Армения — государство, лежавшее в северо-восточном углу Средиземного моря, приблизительно в районе нынешней турецко-сирийской границы. (*Прим. ред.*)

Лев никогда не был по-настоящему счастлив с женщиной, на которой Василий вынудил его жениться, когда он был подростком, и обрел утешение в объятиях своей давней любовницы Зои. Не удивительно, что императорская чета не смогла произвести наследника, и когда в 898 году императрица умерла, Лев радостно призвал Зою в столицу. Имелось небольшое препятствие в виде мужа Зои, но тот умер очень вовремя, и двое любовников поспешно поженились. Однако счастье их продлилось недолго: подарив мужу дочь, Зоя умерла от горячки после всего двух лет замужества. Лев был раздавлен горем. Не только его любовь покинула его — он так и не смог обзавестись наследником, и последствия этого были поистине ужасны. Его брат Александр был к тому времени безнадежным распутником, совершенно не способным продолжить род, и смерть Льва означала бы конец династии. Казалось, что империя обречена на все ужасы гражданской войны.

Третьи браки — по крайней мере на Востоке — строго запрещались церковью, но поскольку на кону стояло будущее империи, патриарх неохотно вынес решение, позволяющее Льву выбрать другую жену¹³⁸. Он избрал поразительно красивую женщину по имени Евдокия, и спустя год она забеременела. Придворные астрологи уверили императора, что это будет мальчик, и он был вне себя от радости, когда их предсказания оказались верными. Но оказалось, что несчастья буквально преследуют Льва VI: его смущенные подданные могли только покачать головами, когда Евдокия скончалась

¹³⁸ Развод, как правило, не одобрялся церковью — но иногда в порядке исключения на него давалось специальное разрешение. В частности, известны случаи, когда несчастливую супружескую пару запирали в доме на неделю, и если это не приводило к выполнению супружеских обязанностей, им даровался развод на основании взаимной ненависти.

при родах, а ребенок умер спустя несколько дней. Теперь каноническое право нельзя было нарушить так просто.

Лев оказался в затруднительном положении. Он отчаялся произвести сына, но сам же он и кодифицировал закон, запрещающие множественные браки. Глубоко сожалея о громоподобных проповедях, которые он обращал против тех, кто «погряз в разврате» четвертого брачного союза, Лев осторожно прозондировал позицию нового патриарха, Николая — но получил суровый ответ, что четвертый брак будет «хуже, чем прелюбодеяние». Решив, что это как раз тот случай, когда он может совершить небольшое прелюбодеяние, он нашел себе удивительно красивую любовницу по имени Зоя Карбонопсина¹³⁹.

Лев был изобретательным человеком и знал, что при небольшом давлении он скорее всего сможет договориться о другом браке, но поскольку это несомненно был его последний шанс, не было смысла что-то предпринимать, пока она не родит сына. Зоя забеременела, и обрадованный император перевел ее в особые дворцовые покои. Украшенные порфиrowыми колоннами и увешанные пурпурными шелками — цвет, предназначенный исключительно для императоров — эти покои назывались Порфирными или Багряными. Только дети императоров могли рождаться в ней, и с того дня сын Льва мог носить гордое прозвище «*Porphyrogenitus*» — Багрянородный. Лев не скрывал, что намеревается оставить мальчику трон, и на всякий случай, чтобы кто-то не понял его неправильно, нарек его Константином VII, чтобы способствовать увеличению его значимости¹⁴⁰.

¹³⁹ Имя Карбонопсина означало «угольноокая» и отсылало к черте, что поражала большинство современников Зои. По всем отзывам она была одной из самых прекрасных женщин, когда-либо живших в Византии.

¹⁴⁰ Согласно обычаю мальчика называли в честь его деда, то есть в дан-

Лев наконец получил наследника, но поскольку он не был женат, мальчик был незаконнорожденным, и никакое хитроумное именование не могло этого изменить. Несмотря на весь окружающий его пурпур, Константин VII был некрещеным — как ни парадоксально, крещение ребенка, рожденного в четвертом браке, особо запрещалось теми самыми законами, что кодифицировал сам Лев. Если император не сможет сделать Константина признанным при жизни, все его усилия пропадут впустую, а империя будет обречена на конфликты вокруг престолонаследования. Обратившись к патриарху Николаю, Лев приложил все возможные усилия, горячими мольбами и толикой шантажа сумел добиться соглашения: он прогонит Зою из дворца и обязуется больше никогда с ней не видеться — а в обмен Николай окрестит Константина в Софийском соборе.

Зоя быстро собрала свои вещи, была проведена должная церемония, но Лев не собирался выполнять свою часть сделки. Спустя три дня после крещения Зоя тайно вернулась во дворец, и услужливый капеллан обвенчал ее с императором.

Когда вести о поступке Льва стали известны, в церкви разгорелись яростные споры. Разъяренный патриарх отказался признать этот брак и запер двери, когда император попытался войти в Софийский собор. Впрочем, Лев снова перехитрил своих противников. Когда церковные двери захлопнулись перед его лицом, он спокойно вернулся во дворец и обратился с письмом к папе. Он был хорошо осведомлен, что на варварском Западе, где смерть была слишком привычным событием, важные церковные деятели придерживались более прагматичных взглядов на вдовцов и повторное вступление в брак. Более того, мудро обратившись к папе, когда его

ном случае — Василием, но имя «Константин» было более престижным и, что более важно, императорским.

собственный патриарх во всеуслышание заявил о своей позиции, Лев дал понтифику прекрасную возможность укрепить папское верховенство. Папа, справедливо полагал он, не упустит такой возможности.

Вооруженный сдержанным одобрением папы, Лев действовал быстро. Патриарха арестовали по обвинению в заговоре и вынудили подписать акт отречения от сана. На замену ему Лев выбрал мягкого человека, который в принципе возражал против женитьбы, но готов был разрешить ее в конкретном случае в обмен на соответствующие уступки. Льву предстояло сделать публичное заявление об осуждении четвертых браков и до конца жизни входить в церковь как кающемуся грешнику, униженно стоя во время всех служб, на которых он присутствовал. Император был счастлив принять эти условия. В этот раз он сдержал свое слово, и церковь неохотно согласилась с его браком. Его сын, Константин VII, теперь был законнорожденным и признавался таковым в глазах всей империи. Спустя два года маленький мальчик был коронован в качестве соимператора, и лицо его появилось на монетах отца. Лев сделал все возможное, чтобы обеспечить мирную передачу власти.

Император прожил еще четыре года и после последней попытки вернуть власть над Критом 2 мая 912 года умер в своей постели. Он никогда не был великим военачальником — по правде говоря, он вообще никогда не водил войско в бой, — но благодаря своим кодексам законов оставил империю гораздо более сильной внутренне, чем когда принял. Благодаря необыкновенной силе воли он обеспечил империю наследником — дар, значение которого было трудно переоценить, — потому неудивительно, что самым долговечным его изображением оказалась мозаика над императорскими воротами собора Святой Софии. Там, в люнете над входом, куда ему запрещалось входить при жизни, император

смирено склоняется перед престолом Господа, а Богородица выступает его защитницей. Он правил мудро и справедливо почти четверть столетия и, как полагало большинство его подданных, заслужил некоторое снисхождение.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. БЛЕСТЯЩИЙ ПРЕТЕНДЕНТ

.....

Довольно забавно, что при тех огромных усилиях, какие приложил его отец в попытках сделать своего сына законным, было очень мало шансов, что Константин VII действительно когда-нибудь взойдет на престол. Ко времени смерти Льва ему исполнилось только шесть лет, и он был настолько болезненным, что большинство приближенных в разговорах между собой сомневались, что мальчик доживет до совершеннолетия. Как и опасался Лев, все властные полномочия перешли к его брату Александру III — человеку, уже прославившемуся своим распутным поведением. Мрачный из-за долгих лет, что ему пришлось провести в тени сво-

его более одаренного брата, новый император пользовался каждой возможностью, чтобы свести на нет труды Льва. Низложенный Николай, который горячо протестовал против четвертого брака Льва, был восстановлен в сане патриарха, а Зою Карбонопсину бесцеремонно выставили из дворца. Молодому принцу Константину оставалось только жалко бродить из комнаты в комнату Большого дворца, плача по матери; ходили слухи, что злобный Александр III собирался оскопить его, чтобы не дать вступить на престол.

К счастью, проведя у власти всего тринадцать месяцев, Александр скончался от истощения, когда возвращался с игры в мяч, проводившейся на дворцовой площадке. Он так ничем и не повредил своему племяннику, даже если собирался сделать это, но оставил юному наследнику престола враждебного патриарха в качестве регента и почти проигранную войну. Когда болгарские послы появились при его дворе, ожидая обычной дани, Александр выгнал их из зала, крича, что они не получают от него ни одной золотой монеты. Оскорбленный болгарский хан немедленно собрал армию и пошел на Константинополь, почти не встретив сопротивления на границе.

Патриарх Николай, ставший регентом после смерти Александра, сумел убедить болгар уйти, подкупив их обещанием женить Константина VII на дочери Симеона. К сожалению, патриарх не подумал кого-либо известить о своем замысле, и когда правда выплыла наружу, разъяренные жители едва не устроили над ним расправу. Было очевидно, что униженный патриарх больше не может действовать в качестве регента, и нужно найти кого-то другого, кто бы наилучшим образом позаботился об интересах молодого императора. К счастью для империи, под рукой имелся прекрасный кандидат: Зоя триумфально вернулась из изгнания и немедленно заняла жесткую позицию. Она категорически отказалась позволить своему сыну жениться на девушке, ко-

торая была потомком человека, чей прадед использовал череп императора в качестве кубка для питья — и если это означало войну, она намеревалась сражаться.

Зоя подкупила печенегов, чтобы те напали на Болгарию, и отправила флот, чтобы тот переправил их через Дунай, в то время как патриций по имени Лев Фока повел византийскую армию по побережью Черного моря. Все шло довольно гладко, пока для переправы не прибыли печенеги. Византийский адмирал Роман Лакапин ввязался в яростную перепалку с командующим печенегов в итоге наотрез отказался иметь с ними дело, отплыв обратно в Константинополь, так и не перевезя через реку ни единого солдата. Эта ссора на пустом месте сделала византийскую армию крайне уязвимой, и Симеон легко с ней разделался.

Эта катастрофа сильно подорвала доверие к Зое, но поскольку Константину было только тринадцать лет, ей необходимо было найти любой подходящий способ остаться у власти, чтобы защитить его. Решив, что брак — это единственное возможное решение, она остановила свой выбор на семействе бравого Льва Фоки, чье недавнее поражение почти не сказалось на его военной репутации. В любом случае этот выбор одобрили далеко не все. Семья Фоки была хорошо известна своей амбициозностью, и молодой принц мог стать легкой добычей для беспринципного Льва. Для обеспокоенных друзей Константина VII была только одна альтернатива. Тайно сговорившись, пока брак еще не был заключен, они в спешке написали письмо единственному человеку, который пользовался достаточным уважением, чтобы спасти молодого принца.

Адмирал Роман Лакапин пользовался народной любовью, будучи военным самого высокого ранга, не запятанным поражением в войне с болгарями — сделать это ему было трудно, поскольку у болгар не было флота. Получив письмо, он немедленно согласился взять молодого Константина под свою защиту. Всту-

пив в город, он объявил себя главой императорской стражи; месяцем спустя он выдал за императора свою дочь. Лев Фока, оставшись не у дел, в ярости начал гражданскую войну, но Роман, теперь именовавший себя «*basileopater*» («отец императора»), с легкостью выиграл информационную войну¹⁴¹. Большая часть людей Льва покинула его, а злополучный мятежник был схвачен и ослеплен.

Разделавшись с соперниками, Роман занялся укреплением своей собственной власти. Когда пришел пятнадцатый день рождения Константина VII, он назначил себя цезарем и всего три месяца спустя был коронован как соимператор. Наблюдатели могли признать, что это было удивительно мирное восхождение к власти — Роман I Лакапин получил трон без единого убийства, — но они ничем не могли помочь молодому императору. Им оставалось только гадать, как долго Константин VII останется в живых под «защитой» нового императора.

Беспокоились они не зря. У Романа было восемь детей, и он намеревался основать собственную династию. В конце концов, текущая императорская семья получила трон путем узурпации, и Роман лишь последовал бы примеру Василия Македонянина. За год он оттеснил Константина в сторону, объявив себя старшим императором, и короновал своего старшего сына Христофора как наследника, тем самым низведя Константина VII на третье место в иерархии власти. Впрочем, у честолюбия узурпатора были границы. Жестокость была не в характере Романа, и он был лишен беспощадности Василия. На Константина VII можно

¹⁴¹ Роман заставил Константина написать воззвание, в котором говорилось, что он полностью доверяет своему «отцу», и подбросил копии этого заявления армии Льва с помощью священника и проститутки. Не особенно удивительно, что в армейском лагере проститутка оказалась более эффективной, и вскоре войска Льва были уверены, что они сражаются против законного императора.

было не обращать внимания и обращаться с ним пренебрежительно, но Роман никогда не поднимал на него руку.

В Болгарии Симеон все еще кипел от злости, упустив свой счастливый шанс. До тех пор, пока Константин VII оставался не женатым, была возможность, что болгарский царь еще сможет подобраться поближе к имперскому трону, но с обширным семейством Лакапина, прочно обосновавшимся в Большом дворце, любые надежды на это были бы бессмысленны. Поклявшись, если понадобится, уничтожить стены Константинополя, Симеон собрал огромную армию и обрушился на европейское побережье Босфора. Обнаружив маленькую очаровательную церковь Животворящего источника, в особенности любимую Романом, он сжег ее дотла, осквернив целебные воды кровью тех монахов, что не успели бежать. Он прорубил себе дорогу сквозь дома, разбросанные вокруг стен Константинополя, надеясь выманить императора из города, но Роман смотрел на это безучастно. Он хорошо понимал, что за стенами он находится в полной безопасности — и спустя несколько недель Симеон тоже это понял.

Император согласился вступить в переговоры — он всегда предпочитал дипломатию сражению, — и вскоре состоялась встреча между двумя монархами. Симеон прибыл, облаченный в свои лучшие одежды, в сопровождении солдат, несущих золотые и серебряные щиты, провозглашая себя императором достаточно громко, чтобы его услышали сенаторы, наблюдающие за этим со стен. Роман, напротив, пришел пешком, в простых одеждах, со священной реликвией в руках, всем своим видом показывая, что слава Римской империи сама по себе представляет достаточно великолепное одеяние, чтобы посрамить напыщенное хвастовство его противника. Обращаясь к Симеону, он сказал со сдержанным чувством собственного достоинства:

«Я слышал, что ты благочестивый человек и истинный христианин, но я вижу деяния, которые противоречат этим словам. Благочестивому человеку и истинному христианину следует принять мир и любовь, поскольку Бог есть любовь... Род человеческий ожидает смерть и воскрешение и суд... Сегодня ты жив, но завтра обратишься в прах... Как ты объяснишь богу несправедные убийства? Если ты совершаешь подобные вещи из любви к богатству, я с избытком удовлетворю твоё желание... Прими мир, и ты сможешь жить спокойной жизнью...»¹⁴²

Симеон не упустил предложения императора о дани — разумно скрыв, что это был призыв к его лучшим человеческим качествам, — и после принятия соглашения и небольшого обмена подарками развернулся и отправился в Болгарию. В следующем году он, поддавшись обиде, наградил себя впечатляюще бессмысленным титулом «императора болгар и римлян» (над которым Роман просто посмеялся), но так никогда и не пересек границы снова. В следующем году его армии потерпели жестокое поражение в попытке захватить Хорватию, и Симеон умер сломленным человеком, оставив свою искалеченную империю не внушающему особых надежд сыну Петру. Было спешно заключено брачное соглашение с одной из внучек Романа, и долгожданный мир воцарился между некогда ожесточенными противниками. Болгарская угроза была самой пугающей опасностью для империи с тех пор, как арабы осадили Константинополь — но под искусным управлением Романа эта угроза благополучно сошла на нет.

Освободившись наконец от призрака варварской

¹⁴² I. Bozhilov, «L'ideologie politique du Tsar Symeon: Pax Symeonica» [Политическая идеология царя Симеона: Pax Symeonica] *Byzantinobulgarica*, 8 (1986).

орды, которая больше не угрожала хлынуть из-за его спины, Роман смог обратиться к делам государственного управления. Его главной заботой стал тревожащий рост власти аристократов, и у него были веские причины опасаться того, что произойдет, если богатые продолжают укреплять свой вес за счет бедноты. Безопасность империи зависела от фермеров, которые составляли главную опору народного ополчения, но обширные пограничные области превращались в богатые имения по мере того, как знать с пугающей скоростью заглывала новые земли. Намереваясь положить конец этим махинациям, Роман издал несколько земельных законов, предназначенных для защиты обнищавших крестьян. Эти меры неизбежно обеспечили императору неугасающую ненависть знати, которая пыталась подорвать его позиции, но до самого конца своего правления он отказывался отступить. Ущерб, нанесенный системе народного ополчения, вряд ли можно было исправить, но он намеревался по крайней мере его минимизировать.

Пока в Константинополе шла внутренняя война с аристократией, Роман послал свои армии на Восток. На границах с арабами не было надежды на дипломатическую победу, подобную той, что была одержана в конфликте с Болгарией. Возвышение ислама обеспечило три века непрекращающейся войны, и мусульмане понимали только силу. Македонская династия перестала нести потери, дела ее обернулись к лучшему, но она была слишком занята болгарами, чтобы добиться чего-то значимого. А вот теперь империя могла позволить себе обрушиться на арабов всей своей мощью. Иоанну Куркуасу, самому одаренному полководцу империи, были поручены восточные полевые армии и отдан приказ выступить в сторону Армении — земли, где жили предки семейства Лакапинов.

Зажатое между великими державами, Халифатом и Византией, Армянское царство переходило из-под од-

ной власти к другой больше раз, чем мог припомнить любой из ее жителей. Когда силы христиан в этой области, как казалось, истощились, царство снова попало под контроль Аббасидского халифата, но Куркуас вошел в него и уничтожил мусульман, испугав местного эмира до такой степени, что тот согласился предоставить войска для имперской армии. В следующем году византийский военачальник стремительно двинулся на юг, распространяя волны ужаса на всем протяжении арабской границы. Придя к подножию хребта Анти-тавр — скалистой горной цепи, отделяющей Малую Азию от собственно Азии и представлявшей из себя некую естественную границу между христианством и исламом, — Куркуас захватил уютный городок Мелитену, первый значимый населенный пункт, который следовало освободить от мусульман. Покинув его радостные абрикосовые рощи, полководец предпринял быстрый набег на северную Месопотамию, но в 941 году внезапно был отозван в столицу, чтобы противостоять огромному русскому флоту, что внезапно появился в Черном море¹⁴³. Благодаря широкому использованию греческого огня, который, казалось, поджигал сами волны, русские вскоре были обращены в бегство, а когда они вновь приблизились к берегу, Куркуас появился буквально из ниоткуда, заставив перепуганных русских броситься обратно в пылающие воды.

Но победоносный полководец недолго праздновал в Константинополе свою победу. Той осенью визан-

¹⁴³ Это были потомки варяжских воинов, которых к тому времени еще не поглотило их славянское окружение. По всей Европе они громили империю Карла Великого, и в западных молитвенниках столетиями содержался призыв «Боже, огради нас от ярости северян». В столкновении с византийцами «морские волки»-викинги впервые повстречались с государством, способным выставить против них грозный флот, и этот опыт произвел на них огромное впечатление. Спустя сорок лет они вновь вошли в город — на этот раз в качестве элитной имперской стражи, и оставались ее основой до самого падения империи.

тийский флот был уничтожен арабским флотом возле побережья Прованса. Теперь же войско Куркуаса бурей пронеслось через северную Месопотамию, разграбив древний ассирийский город Нисибис, который ускользнул из рук империи во время правления Иовиана¹⁴⁴ почти шесть веков назад. Возвращаясь домой вдоль средиземноморского побережья, армия Куркуаса остановилась в городе Эдесса, освободив по большей части христианское население от ужасов арабского владычества в обмен на самую бесценную реликвию из городского храма¹⁴⁵.

Когда Куркуас вернулся в Константинополь, он обнаружил, что император стал бледной тенью себя прежнего. Роману, проведенному на троне больше десятка лет, теперь было за семьдесят, и силы покинули его. Большая часть его энергии была растрочена на внутренние и внешние войны, и каждая новая схватка обходилась ему все дороже. Знать оставалась такой же жадной, как и обычно, постоянно пытаясь вырваться за пределы, которые он ей поставил, а его земельные законы оказались почти невозможно провести в жизнь. Возможно, он бы еще смог собраться с силами, но весной 944 года

¹⁴⁴ Флавий Клавдий Иовиан (331–364) – римский император в 363–364 годах, избранный армией после гибели императора Юлиана Отступника. Прекратил гонения на христианство и восстановил его в правах, ценой значительных территориальных уступок заключил мир с Сасанидами. (*Прим. ред.*)

¹⁴⁵ Этой реликвией был образ Спаса Нерукотворного, который считался первой когда-либо созданной иконой. Согласно легенде, умирающий царь Эдессы написал Христу письмо с просьбой исцелить его от ужасной уродующей болезни. Иисус отозвался на его просьбу, прижав кусок ткани к своему лицу и отослав чудесный плат обратно. Эта реликвия каким-то образом осталась в целости после Четвертого крестового похода и в конечном счете очутилась во Франции. [Скажем проще – икона оказалась в числе множества других реликвий, похищенных «цивилизованными» франками при разграблении храмов Константинополя в 1204 году. – *Прим. ред.*] Там она была уничтожена во время Французской революции.

его любимый сын умер, и Роман погрузился в глубочайшее отчаяние.

Император всегда чувствовал себя неловко из-за притеснений, которым он подвергал законного Константина VII, и теперь чувство вины снедало его. Конечно, у него были и другие сыновья, но Роман с болезненной ясностью понимал, насколько они бесполезны. Возвращенные в роскоши императорских дворцов, обладающие властью и привилегиями, они были избалованными, уже получившими титулы и полностью развращенными. Когда талантливый Иоанн Куркуас прибыл в Константинополь, сыновья надоедали своему усталому отцу, пока тот не заменил его родственником по имени Панферий — человеком, чье имя¹⁴⁶, к несчастью, было более значительным, чем его способности. Будь он более молод, Роман не позволил бы такому произойти, но после нескольких военных провалов он понял, что его испорченным сыновьям нельзя оставлять империю в наследство. Собравшись с последними силами, престарелый император составил новое завещание, официально назвав своим наследником полузабытого Константина VII.

Решение императора, лишившее наследства его собственную семью, поразило современников, но Романа терзали мысли о его грехах, и в последние годы он не мог обрести душевного мира. По мере того, как слабело его тело и приближалась смерть, мимолетные радости мирской власти уже не оправдывали мук совести. Он легко разделался с законной династией и навязал империи свое жадное семейство. Возможно, теперь, восстановив должное положение дел, он сможет обрести некоторое утешение для больной совести.

Когда его воля была обнародована за пять дней до Рождества 944 года, сыновья Романа пришли в ужас. Они годами дурно обращались с Константином VII,

¹⁴⁶ По-гречески — *Pantherius*. (Прим. ред.)

и мысль о том, что он обретет власть, была для них слишком жуткой, чтобы ничего не предпринимать. Эта неожиданная перемена статуса убедила их, что следует действовать быстро, если они хотят избежать неминуемого отстранения от двора. Вскоре Роман был схвачен и отправлен (как некоторые подозревают, в какой-то мере добровольно) в монастырь на Принцевых островах¹⁴⁷ в Мраморном море. Жители Константинополя, впрочем, не намеревались позволять править собой еще кому-то из Лакапинов. Роман достаточно устраивал их — его сочетание спокойной дипломатии и военной силы проявилось как раз вовремя, чтобы вывести империю из-под болгарской угрозы — но несмотря на все свои способности, он все же был узурпатором, и у его склочных сыновей не было никакого права наследовать ему.

Во время правления Романа Константин VII, ведомый инстинктом выживания, никогда не предпринимал ни малейших усилий добиться реальной власти, молчаливо позволяя Роману все больше отодвигать себя на задний план. Когда его имя было нужно, чтобы придать чему-то дополнительный вес, он добровольно выезжал к толпе, чтобы помахать ей рукой или поставить свою подпись на документе; он никогда не выказывал ни малейшего проявления честолюбия. Впрочем, во время тех долгих лет, что он провел в тени, случилось нечто неожиданное. Никто уже не помнил — или не желал помнить, — что он появился на свет как незаконнорожденный сын отца, чье собственное происхождение стояло под большим вопросом. Серьезный маленький мальчик, который столько лет без единого слова жалобы жил во дворце сиротой в окружении огромной враждебной семьи, вызывал к себе явное сочув-

¹⁴⁷ Названы так потому, что служили местом ссылки членов императорской фамилии — но, возможно, название это вошло в обиход уже после описываемых событий. (*Прим. ред.*)

стве. Константин VII был «багрянородным» — титул, на который не мог претендовать ни один из надменных Лакапинов, — а в его жилах текла истинная кровь Македонской династии. Презираемые сыновья Романа оскорбляли законного наследника достаточно долго, и жители столицы не желали больше потворствовать им. Когда престарелый Роман отошел от власти, Константин VII внезапно обнаружил, что стал необычайно популярным. За несколько дней распространился слух, что его жизнь находится в опасности, и разъяренная толпа заставила братьев Лакапинов неохотно признать его в качестве старшего императора.

Константин VII, которому в то время исполнился тридцать один год, показал себя способным на решительные действия, хотя до того никто бы не смог заподозрить в нем таких качеств. Когда спустя всего несколько дней после провозглашения его старшим императором доведенные до отчаяния братья Лакапины составили заговор, чтобы свергнуть его, он нанес удар первым, застав их врасплох на торжественном обеде и отправив в ссылку вслед за отцом. Некоторых из оставшихся их родственников схватили и кастрировали, но император не поддался желанию устроить кровавую бойню или выдвинуть обвинения против семьи, что помыкала им так долго. Роман правил справедливо — и Константин VII был достаточно умен, чтобы не позволить своей обиде ослепить себя настолько, чтобы не последовать его примеру. Земельная политика Романа была продолжена, аристократию держали под надзором, и прежние законы остались в неприкосновенности. Константин разительно разошелся со своим предшественником только в том, что касалось поддержки семьи Фоки — давних врагов Лакапинов.

Чтобы заместить недавно скончавшегося Иоанна Куркуаса в качестве командующего восточными армиями империи, Константин VII избрал даже более яркую

личность – Никифора Фоку, молодого племянника того человека, у которого Роман Лакапин вырвал трон многие годы назад. Никифор был грубым и неотесанным, он не обладал даже зачатками такта или вкуса, но империя не видывала полководца подобного таланта с тех времен, когда более четырехсот лет назад Велизарий был отправлен громить варваров. За четыре года похода Никифор и его талантливый племянник Иоанн Цимисхий сломали могущественного сирийского эмира Сейфа аль-Даула, захватив города на Евфрате и даже достигнув Антиохии¹⁴⁸. Перепуганным мусульманским армиям на сирийских границах он вскоре стал известен как «бледная смерть сарацинов», и арабские войска бежали с поля битвы при первых слухах о том, что он выступил в поход.

Поднятая своей новообретенной силой, империя воспрянула и обрела надежду на лучшее. Когда мадьяры вторглись во Фракию, надеясь, что Византия слишком занята на распадающейся сирийской границе, имперская армия одержала над ними сокрушительную победу, полностью уничтожив злосчастных налетчиков. Сановники и послы, от халифа Кордовы и до венценосных особ Европы, стекались в Константинополь, где их ослепляли широта эрудиции императора и роскошь его двора. Во время приемов во дворце под названием «Зал девятнадцати лож», гости могли отобедать лежа, в старинной римской манере, лицезрея при этом такие чудеса, как золотые блюда, нагруженные фруктами, что неожиданно спускались с потолка. Вино из хитро замаскированных емкостей разбрызгивалось фонтанами или струилось по резным статуям и колоннам, а механические часы на главном форуме города завершали

¹⁴⁸ Интересно, что Иоанн Цимисхий также являлся внучатым племянником Иоанна Куркуаса. Прозвище «Цимисхий» происходит от армянского слова, означающего небольшой рост – особенность, которая была свойственна и Никифору Фоке. Его настоящая фамилия была Куркуас.

демонстрацию имперской мощи. Получивший хорошее образование, обладавший талантами художника и писателя, Константин VII настолько ошеломил русскую регентшу, княгиню Ольгу, что она обратилась в христианство, заронив семена православия в земле, что однажды назовет себя Третьим Римом.

Единственной бедой, которая занимала ум императора, был его сын Роман II. В 949 году молодой человек самым неподходящим образом влюбился в дочь трактирщика, поразительно красивую спартанку по имени Феофано. Этот брак выходил за рамки представимого — но, возможно, жизнь в качестве пешки в руках Лакапинов научила Константина VII не поступать так же со своим сыном. Сделав торжественное обещание не вмешиваться в личные дела сына, он стоически наблюдал со стороны, как эта пара пожилась, вежливо поддерживая версию, что невеста принадлежит к древней и почтенной семье. Спустя девять лет Феофано подарила своему мужу сына, и счастливая чета нарекла его Василием по имени основателя династии. Насколько это можно вообще отнести к тем беспокойным временам, будущее императорской семьи казалось безоблачным. Однако спустя всего год Константин VII умер от горячки, которую не смогли излечить ни целебные воды местного источника, ни очистительный холод горных монастырей, и неподдельно скорбящая империя плавно перешла к его сыну Роману II.

Хотя энергичный новый император больше интересовался охотой, чем делами управления — кроме того, полностью находился под влиянием своей жены, — он был достаточно сообразителен, чтобы не вмешиваться в дела своего военачальника, и восстановление империи продолжалось без помех. Пока Роман II радовался жизни, внутренней политикой занимался его ближайший советник, весьма способный евнух по имени Иосиф Вринга. Под умелым руководством расцвели искусства,

Константинопольский университет обзавелся новым факультетом, а экономика пережила резкий подъем. Земельные законы деда Романа обеспечили крестьянам больше защиты, чем у них имелось на протяжении столетий, и торговцы, перевозящие богатства Индии и Китая, хлынули на оживленные рынки Константинополя. Империя процветала и пребывала в мире, и Роман II — или, что более вероятно, его жена — сочли, что пришло время распространить влияние Византии шире.

Самым острым напоминанием о темных днях империи был остров Крит. В момент самой большой слабости империи остров был захвачен арабскими пиратами, которых раздраженный халиф выгнал из Египта в 826 году. Замешательство от того, что настолько важный остров, входивший в число римских земель с 69 года до н.э., оказался захвачен шайкой пиратов, было едва переносимо для гордости империи. Некогда процветающий остров теперь был гнездом пиратов, наводивших страх на все Восточное Средиземноморье, но каждая попытка отвоевать его оканчивалась лишь новым впечатляющим провалом. До своей смерти Константин VII успел подготовить еще одно наступление, и Роману II нужно было только выбрать полководца, который возглавит экспедицию. Едва ли его выбор мог быть более простым — в городе только одно имя было у всех на устах. Оглядев имперскую гавань, где ждал огромный флот в триста семь военных кораблей и почти восемь тысяч человек, император вызвал Никифора Фоку и доверил ему подтвердить честь Византии.

Крит был хорошо укреплен, но Никифор легко разделался с поджидавшим его арабским флотом, бросив на бордаж свою «морскую пехоту» — устрашающих скандинавских воинов, чьи обоюдоострые топоры с одинаковой легкостью крушили доспехи и кости. Преследуя отступающих врагов, Никифор высадился не-

подалеку от главного города острова Кандии¹⁴⁹ и приступил к его осаде, которая продлилась девять месяцев. На смену осени пришла зима — самая суровая на памяти здесь живущих, и хотя морозы тяжело обошлись жителям Кандии, куда более жестоки они оказались к хлипким палаткам осадного лагеря. К тяжести суровой зимы, которая сломала бы большинство людей, добавилась серьезная нехватка пищи — но Никифору каким-то образом удавалось поддерживать боевой дух своих солдат. Он совершал ежедневные обходы и воодушевлял людей своей неиссякаемой силой духа. Тем временем боевой дух арабов постепенно падал из-за засад, в которые они попадали каждый раз, когда пытались добыть продовольствие за пределами городских стен. Он ослаб еще больше, когда Никифор начал забрасывать арабам в город отрубленные головы их товарищей.

Когда пришла весна, истощенные защитники Кандии больше не могли держаться. В итоге византийцы ворвались в город, захватив тут пиратскую добычу за целое столетие. Победоносный полководец отплыл обратно в Константинополь, чтобы получить полностью заслуженную овацию на ипподроме и благодарность страны¹⁵⁰. Честь Византии удалось отстоять. После 135 лет арабского владычества Крит вернулся под власть империи.

На востоке византийские армии также одержали важную победу. В тот момент, когда основная часть

149 На самом деле это название древний город Гераклион (Ираклион) получил несколькими веками позже — после Четвертого крестового похода и венецианского завоевания в начале XIII века. Арабы называли его Хандак, византийцы после отвоевания некоторое время именовали Мегало Кастро, то есть Большая Крепость. (*Прим. ред.*)

150 Овация была немногим менее престижной наградой, чем триумф. Никифор завершил то, что столетиями не удавалось никому из византийцев, и определенно ее заслужил. Но, как и в случае Юстиниана и Велизария, Роман II в какой-то мере опасался своего успешного полководца.

имперских солдат покинула Крит, сирийский эмир Сейф аль-Даул в последний раз попытался склонить чашу весов в свою пользу, совершив набег на Малую Азию. Лев Фока — брат Никифора, который отвечал за защиту Востока — решил позволить сирийцам безнаказанно совершить грабеж и скрылся в горах Тавр, надеясь подстеречь эмира, когда тот будет возвращаться с добычей. В начале ноября Сейф, как и ожидалось, пустился в обратный путь во главе своей армии, за которой длинной вереницей тянулись христианские пленники. Хотя самому Сейфу удалось скрыться¹⁵¹, его войско было разбито наголову, а уцелевшие солдаты были закованы в те же самые цепи, которые еще недавно сковывали христиан.

Ко времени, когда спасшийся бегством эмир достиг своего роскошного дворца в Алеппо, Никифор вернулся с Крита и вместе со своим братом Львом и племянником Иоанном Цимисхием начал новое наступление. Пройдя сквозь Сирию и северную Месопотамию, они захватили пятьдесят пять крепостей, прежде чем появились перед воротами Алеппо. Сейф в отчаянии пытался защитить город с помощью на скорую руку собранной армии, но пока Иоанн Цимисхий отгонял его прочь, Никифор сжег загородный дворец эмира и осадил город. После осады, продолжавшейся всего три дня, Алеппо пал, и византийские войска вступили в город, который они не видели со времен Ираклия. «Бледная смерть сарацинов», однако, не стал снова включать потерянные территории в состав империи. Он попросту намеревался истощить своих противников. Ограбив Алеппо, он неторопливо отправился обратно в Каппадокию, взяв с собой две тысячи верблюдов и пятнадцать сотен мулов, нагруженных тяжестью

¹⁵¹ Он сумел это лишь потому, что галопом проскакал вперед, рассыпая за собой золотые монеты. Византийские солдаты, преследовавшие эмира, бросились собирать деньги вместо того, чтобы продолжать преследование.

огромной добычи. Когда полководец прибыл на место, его встретили ошеломляющие новости. Двадцатичетырехлетний Роман II был мертв — и ходили слухи, что это жена Феофано убила его¹⁵².

¹⁵² На деле Роман был ранен во время охоты — скандальное событие, поскольку это произошло в середине Великого поста, когда охота строго запрещалась.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. СМЕРТЬ И ЕГО ПЛЕМЯННИК

.....

В Византии отравления не были в новинку, и императрица Феодора славилась своим чрезвычайно большим честолюбием, но убийство мужа было чистым безумием для такой умной женщины¹⁵³. Смерть Романа (как она должна была ясно понимать) означала для нее катастрофу. Их сын Василий II был коронован, но ему еще не исполнилось и шести лет, и недавняя история ясно продемонстрировала, что для амбициозного правителя не составит труда сместить сколь угодно законного юного наследника.

¹⁵³ Это едва ли было осуществимо, поскольку она два дня назад родила и все еще лежала в постели, приходя в себя.

Когда ее муж умер, Феофано отчаянно нуждалась в защитнике для Василия II, и она тайно написала Никифору Фоке, умоляя его вернуться в Константинополь. Великий полководец в то время был, наверное, самым популярным человеком в империи, а его военная репутация не имела себе равных. Написанная им книга о тактике и стратегии уже считалась классикой в рядах армии, а в дальнейшем столетиями будет цитироваться как авторитетный источник по противодействию нападениям арабов.

Впрочем, императорский двор относился к нему презрительно из-за его происхождения и грубых манер и пришел в ужас от мысли, что императрица решила положиться на такого человека. Вскоре вокруг влиятельной фигуры *паракимомена* (первого министра¹⁵⁴) Иосифа Вринги выкристаллизовалась оппозиция. Вринга обладал полной закулисной властью во время правления Романа и не собирался позволить какому-то провинциальному военачальнику лишиться себя места. Пытаясь не дать Никифору войти в Константинополь, Вринга издал декрет, изгоняющий его из города, и приказал запереть ворота.

Вскоре стало ясно, что Вринга переоценил свои возможности. Никифор был популярным военачальником, вся карьера которого была служением Византии, и никакие воззвания придворных интриганов не могли убедить население в обратном. Толпы вышли на улицы,

¹⁵⁴ В оригинале здесь и далее автор обозначает эту должность как «head chamberlain», то есть дословно «верховный канцлер». На самом деле слово «паракимомен» означает «тот, кто спит возле императорской опочивальни», то есть постельничий — человек, пользующийся особым доверием императора и обеспечивающий внутреннюю охрану его покоев. Обычно (но не обязательно) постельничие были евнухами, таковым обычно считается и Иосиф Вринга. К IX веку должность паракимомена фактически соответствовала должности канцлера, визирия или первого министра, в дальнейшем мы так и будем ее именовать. (*Прим. ред.*)

громко требуя, чтобы полководцу позволили войти в город, и испугавшийся канцлер был вынужден отступить. Отчаявшись избавиться от Никифора, Вринга попытался убить его, но полководца снова выручила народная любовь. Никифор входил в Софийский собор, когда вдруг почувствовал угрозу, и громко заявил, что его жизнь в опасности. Патриарх спешно созвал Сенат, и перед собравшимися прихожанами его участники принесли клятву не выносить без Никифора важных решений. Вринге не оставалось ничего другого, кроме как мрачно дать согласие. Уверенный наконец, в том, что теперь он в безопасности, Никифор остался, чтобы отдать распоряжения и выступить со своей армией в Анатолию.

Иосиф Вринга оказался в безнадежном положении. Он не скрывал своей неприязни к темнлицему полководцу и знал, что когда Никифор вернется, чтобы потребовать трон, дни его будут сочтены. Тогда канцлер предпринял то единственное действие, до которого смог додуматься — написал Иоанну Цимисхию, предложив сделать его императором, если он предаст своего дядю. Иосифу Вринге неминуемо предстояло лишиться власти — но по крайней мере он мог забрать Никифора Фоку вместе с собой.

К несчастью для евнуха, Цимисхий переслал предательское письмо прямо своему дяде. У полководца больше не было причин колебаться. На рассвете следующего дня состоялась церемония, напомнившая о полузабытых днях славы имперского Рима: солдаты подняли Никифора Фоку на большом щите под открытым небом и провозгласили его императором. Затем они свернули лагерь и отправились к Константинополю. Но когда армия прибыла на азиатский берег Босфора, они обнаружили, что их поджидают два неприятных сюрприза. Первый заключался в том, что Вринга в приступе злобы бросил в тюрьму все семью Никифора, включая его восьмидесятилетнего отца. Второй, более серьезный, состоял в том,

что канцлер увел к противоположному берегу все корабли, начиная от скромных рыбацких лодок и заканчивая самыми большими паромами.

В отсутствии возможности перевезти свои войска через узкую полосу воды, рассерженному Никифору не оставалось ничего другого, кроме как сесть и ждать, пока что-нибудь не изменится. К его счастью, вскоре события повернулись против осажденного со всех сторон канцлера. Льву, брату Никифора, удалось сбежать из Константинополя, пробравшись через канализацию, а его восьмидесятилетний отец каким-то образом ускользнул из рук Вринги и нашел убежище в соборе Святой Софии. Когда к собору прибыли стражники никем не любимого канцлера и попытались захватить старика, прихожане взорвались гневом. Схватив все, что попало под руку — кирпичи, камни, сломанные скамейки, — люди с ревом вывалились на улицы и вступили в схватку с имперской стражей. Войска канцлера, отесненные на соседние улицы, стойко держались до тех пор, пока цветочный горшок, пущенный женщиной с ближайшей крыши, не попал в голову их капитана, убив того на месте.

Последовало три дня ожесточенных сражений, в течение которых Вринга полностью потерял контроль над городом. В этом хаосе незаконный сын Романа I Василий смог захватить имперский флот и послать его ожидающему Никифору. При виде великого полководца, въезжающего в Золотые ворота на огромном белом коне, облаченного в его лучшие золоченые доспехи, ярость толпы сменилась приветствиями. Сопроводив Никифора в Софийский собор, толпа смотрела, как он спешился и преклонил колени перед алтарем, а патриарх спокойно возложил императорский венец на его склоненную голову.

Из всех людей, когда-либо сидевших на троне, новый император Византии был одним из самых подходящих. Казалось, он рожден, чтобы править. Все еще

энергичный в свои пятьдесят с небольшим лет, он осуществлял верховное командование армией последние девять лет и привык отдавать приказы и ожидать их исполнения. К сожалению, у него не было ни капли харизмы: он отрывисто отдавал команды придворным и оскорблял всех, с кем был не согласен. Но империя нуждалась в твердой руке у руля, и на эту роль Никифор подходил как нельзя лучше. Он мог быть отталкивающим, грубым и невежественным, но подданные восхищались им (возможно, потому, что еще не успели его как следует узнать), а Феофано приветствовала его как защитника своего сына.

Должно быть, их отношения были довольно неловкими. Глубокая религиозность Никифора доходила до аскетизма, и он вряд ли мог быть менее подходящей парой для склонной к удовольствиям двадцатидвухлетней Феофано. Но вскоре он безнадежно в нее влюбился и, позабыв обет целомудрия, спустя месяц сделал ей предложение. Любила его в действительности Феофано или нет, но она нуждалась в нем и благодарно согласилась, заняв место на троне подле него.

Впрочем, семейное счастье могло разве что временно задержать императора в Константинополе. Он всегда был более счастлив во время военных кампаний, и в любом случае на рубежах империи оставалось еще слишком много врагов, чтобы можно было ослабить бдительность. Халифат демонстрировал обнадеживающие признаки слабости, и теперь настало время воспользоваться ситуацией. В начале этого года Никифор отправил своего великолепного племянника Иоанна Цимисхия разведать ситуацию в Сирии, и молодой человек добился в этом исключительных успехов. Император, которому не терпелось к нему присоединиться, собрал армию и выступил в поход. Чтобы предупредить племянника, он запалил цепь сигнальных огней, которые буквально за считанные часы донесли весть о выступлении до отдаленных Таврских гор.

Первой целью стал злосчастный эмир Алеппо, который десятилетиями совершал набеги на территорию империи. Увидев надвигающуюся имперскую армию, мусульмане попытались вступить в переговоры — но Никифор проигнорировал предложение дани и вступил в Киликию, чтобы захватить Тарс. Тем же летом войска империи очистили от арабов Кипр. Два года спустя Никифор поставил на колени город Алеппо, превратив некогда могущественный эмират в вассальное государство.

Император победоносно вернулся в столицу с блестящей репутацией, вновь подкрепив веру в силу империи и ее авторитет. Он посрамил тех, кто поднял против него мечи на Востоке, и достаточно ясно показал, что к Византии следует относиться с уважением. К несчастью для империи, враги окружали ее со всех сторон, и те же самые свойства, что так хорошо послужили Никифору на Востоке, подвели его на Западе, где привели к одним лишь бедам. Против армий ислама велась война не на жизнь, а на смерть, что вполне соответствовало резкому характеру Никифора. Но когда пришло время иметь дело с христианскими державами на западе, полное отсутствие такта стало величайшей слабостью императора. Когда послы от германского императора Оттона I ошибочно обратились к нему как к царю греков, Никифор бросил их в темницу, тем самым едва не доведя дело до войны между двумя империями.

Положение дел только ухудшилось, когда послы от болгарского царя Петра прибыли в Константинополь с требованием своей традиционной небольшой дани¹⁵⁵. Недоверчиво осведомившись, принимают ли они его за раба, который вынужден платить дань захудалому народу, император грубо надавал им пощечин и велел

¹⁵⁵ Эта дань была нужна, чтобы оплатить стоимость содержания византийской принцессы при болгарском дворе, позволив ей вести жизнь, соответствующую ее положению.

возвращаться к своему неотесанному царю. «Передайте ему, — сказал Никифор, — что вскоре я лично приду, и вы сполна получите все, что заслуживаете.

Император немедленно собрал армию, не обращая внимания на отчаянные мольбы болгарского царя. Он взял приступом несколько крепостей вдоль болгарских границ, но хватило одного взгляда на густые леса и извилистые овраги Болгарии, чтобы Никифор призадумался. Дальнейшее продвижение в эти земли означало напрашиваться на засаду. Но были и другие способы наказать заносчивых болгар, не рискуя собственными войсками. Отправив вестников, снабженных значительным количеством византийского золота, на Русь, Никифор подкупил русских, чтобы те сражались вместо него.

Варяжский князь Киева Святослав с готовностью провел свою шумную орду через границу, разбил армию болгар, захватил в плен царя Петра и вдобавок посадил на кол двадцать тысяч пленников. К несчастью для империи, эта довольно легкая победа только раззадорила аппетит русских, и вскоре киевский князь обратил свой взор на земли Византии. В своем гневном Никифор всего лишь променял слабого соседа на соседа сильного и агрессивного, но когда он осознал, что сделано, было слишком поздно.

В любом случае Никифор Фока вдобавок оказался втянут в конфликт с церковью. Он уже некоторое время был осведомлен о ее деградации (проходя в военной кампании по византийским землям, трудно было не заметить обширные невозделанные владения церкви), а многочисленные беседы с его лучшим другом, монахом по имени Афанасий, убедили его в том, что нужно что-то делать. Патриарх раздражал Никифора с тех самых пор, как отказался даже обдумать его предложение, чтобы солдаты, погибшие в сражениях с мусульманами, считались мучениками, и император с типичной для него резкостью издал несколько поспеш-

ных указов¹⁵⁶. Увеличивающееся богатство монастырей лишало государство должных налогов и вдобавок развращало саму церковь. Теперь ветеранам войн (а также всем другим) запрещалось жертвовать свои земли церкви, пополняя ее огромные владения. Монахам, принявшим обет бедности, следовало жить, как их предшественникам – в простых монастырях, расположенных в отдаленных уголках империи, вдаль от суетной жизни, а не в роскошных домах, украшенных прекрасными фресками, в окружении виноградников и полей, которые обрабатывали невольники. Император отправил своего верного друга Афанасия в Грецию, чтобы богато одарить монастырь на склоне горы Афон, который был примером того, чем должно быть монастырское сообщество¹⁵⁷. После этого, чтобы окончательно завершить дело, он сделал монастырь независимым от патриарха, подчинив его напрямую трону.

Приведя таким образом в порядок внутренние дела, император в 968 году снова отбыл на Восток. На этот раз его целью было уничтожение мусульманской державы, пытавшейся захватить контроль над Арменией. Возле маленького армянского городка Манцикерта он уничтожил войско арабского эмира и освободил эту провинцию от мусульманского владычества. Повернув на юг, он вторгся в Сирию, с легкостью захватив важные города Эмесу и Эдессу, и в 969 году смог отвоевать Антиохию – древнюю столицу Сирии и место располо-

¹⁵⁶ Отказ патриарха, полностью отвергнувшего идею «святых воинов», стал поворотным моментом в истории Византии. Запад, само собой, во время крестовых походов поступит противоположным образом.

¹⁵⁷ Монастыри на горе Афон – «Святой горе» – существуют по сей день, и здешний островок византийского мира остался не тронут временем или разрушительным действием современности. Расположенные на поразительно красивом Афонском полуострове, эти двадцать монастырей образуют автономное сообщество – и над ними все еще развевается византийский флаг с орлом.

жения одного из пяти великих патриархатов христианской церкви. Со времен Ираклия ни один император не ступал в этот город, и было нечто символическое в том, что именно Никифору, чье имя означало «победоносный», было суждено вернуть его.

Обратив свой взор на юг, он решил направиться к Святому городу Иерусалиму, но пригодный для военных действий сезон практически закончился, и голод обрушился равно на византийские и арабские земли. После двенадцати лет непрерывных успехов Никифор мог позволить себе отложить завоевание Иерусалима на следующий год. До весны город никуда не денется — а войска, безусловно, заслужили отдых. Развернув свою огромную армию, император устало, но триумфально вернулся в столицу.

Несмотря на все победы, Никифора все меньше любили на родине. Вдобавок к его резкому по природе характеру, его претензия на церковные богатства оттолкнула церковь, а непосильные налоги, которые он ввел, чтобы финансировать свои бесконечные войны, стоили ему поддержки большинства граждан. Его непопулярный брат Лев уже был пойман на попытке искусственно взвинтить стоимость зерна во время голода, и теперь многие верили, что он замышлял убийство двух младших сыновей Феофано, Василия и Константина. Император мог быть никак не замешан в этих делах — но он не предпринял никаких действий против своего брата, чем еще сильнее опорочил свое уже и так запятнанное имя.

Никифор, которого теперь повсеместно винили за возросшие цены на еду и — довольно несправедливо — обвиняли в плохом урожае, стал практически затворником. Обеспокоенный предсказанием, что его убьет в Большом дворце один из его подданных, он выстроил огромную стену, отделяющую дворец от города, и заперся изнутри. Когда он все-таки осмеливался выходить на улицу, ему приходилось мужественно встречать потоки брани,

а однажды даже случайный (неумело брошенный) кирпич в голову. Пытаясь ослабить напряжение, император назначил спортивные бои на Ипподроме — но по городу расползлись слухи, что он собирается перебить народ, и в итоге вид обнаженных мечей спровоцировал паническое бегство, в котором погибло несколько сотен зрителей. Не удивительно, что Никифор при каждой возможности старался избегать давящей столичной атмосферы. Увы, это в свою очередь обеспечило ему врага более грозного, чем те, с кем он встречался на поле боя.

Его жена Феофано, которой в то время было двадцать восемь лет и которая окончательно устала от своего строгого и часто отсутствующего мужа, безумно влюбилась в его племянника Иоанна Цимисхия. Блестящий молодой полководец обладал всеми достоинствами, которых не было у ее мужа. Умный и энергичный, со светлыми волосами и пронзительными голубыми глазами, он был любезен, очарователен и неотразим для женщин — в особенности для одинокой, вынужденной вести уединенную жизнь императрицы. Когда Иоанн впал в немилость и был отстранен от командования, для Феофано было минутным делом заставить своего обожающего супруга вернуть его в Константинополь. Там, под покровом темноты, двое любовников встретились во флигеле дворца, принадлежавшем императрице, и задумали одно из самых отвратительных убийств в византийской истории.

Мучительно холодной ночью, за пятнадцать дней до Рождества, заговорщики нанесли удар. Наемные убийцы проскользнули во дворец, переодевшись в женскую одежду, и Феофано спрятала их в нескольких пустующих комнатах, чтобы те дождались ночи. Перед самой полночью, когда начался густой снегопад, прибыл Иоанн и переправился через стену в корзине. Изготовив мечи, убийцы прокрались в императорскую опочивальню и ворвались в комнату — но обнаружили, что кровать императора пустует. Решив, что их предали,

они ударились в панику, и несколько заговорщиков попытались спрыгнуть с верхнего балкона в море. Когда остальные тоже уже были готовы бежать, вероломный евнух указал им на фигуру спящего императора. Он, как обычно, растянулся на полу, на шкуре леопарда.

Бросившись к нему, заговорщики начали пинками будить Никифора, нанося ему удары мечом по лицу, пока он пытался подняться. Пораженного императора отбросили под иконы, окружающие его постель, лицо его было покрыто кровью. Он пытался устоять на ногах, но его грубо подняли с пола и бросили перед Цимисхием, который принялся осыпать бранью истекающего кровью человека и горстями вырывать его бороду. Теряя сознание, Никифор взывал к Божьей матери о милосердии, но это только привело нападавших в большее бешенство. Разбив ему челюсть рукоятями мечей, они вышибли ему зубы и продолжали мучить до тех пор, пока Иоанн наконец не приказал убить его молотом.

Отрубив императору голову, заговорщики выбросили остатки избитого тела из окна. Один из убийц пробежался по дворцу с отрубленной головой, чтобы лишить мужества императорскую стражу и избежать ответных мер с ее стороны, а прочие рассыпались по заснеженным улицам, крича, что тиран низвергнут. Сам Иоанн тем временем направился в тронную залу и надел пурпурные сапоги, приготовленные для императора. Вид того, что он носит императорские регалии, прекратил последние остатки сопротивления. Императорская стража побросала мечи и послушно преклонила колени, называя Цимисхия императором римлян.

На следующий день было восстановлено некое подобие внешних приличий, и обезглавленный труп Никифора тихо похоронили в Церкви Апостолов. Для человека, который так верно служил империи, это был бесславный конец — и хотя немногие оплакивали его тогда в столице, потомки сохранили о нем память. Легенда о нем подарила вдохновение поколениям византийских и бол-

гарских поэтов, которые прославили его подвиги в эпической поэзии пограничья. Церковь причислила его к лику блаженных, а монахи в его монастыре на горе Афон по сей день продолжают почитать его как своего основателя¹⁵⁸. Те, кто посещал его могилу, расположенную в укромном уголке императорской усыпальницы, могли задуматься о том, что итог жизни императора, бывшего великим воином, аккуратно подвела противоречивая надпись на его саркофаге. «Никифор Фока, — гласила она, — ты завоевал все, кроме женщины».

Эта женщина разыграла представление, прикинувшись безутешной вдовой — но к тому времени всем было известно, как умер император, и, печальным примером двойного стандарта, существующего в Византии X века, вина за все это неприглядное дело полностью легла на Феофано. Императрицу ни в коем случае нельзя было назвать невиновной — но едва ли она была той роковой женщиной, которую из нее сделала молва. Глубоко полюбив Иоанна и отчаявшись защитить своего сына Василия II, она испытала глубокое потрясение, когда ее любовник неожиданно выставил ее из дворца и отправил в одиночную ссылку. Патриарх достаточно ясно дал понять Цимисхию, что если он хочет быть коронованным, то сначала должен избавиться от презираемой всеми Феофано, и честолюбивый молодой человек был только рад подчиниться.

Учитывая чрезвычайную жестокость и полную незаконность возвышения Иоанна, довольно неожиданно, что его коронация прошла тихо, не оскверненная мятежами или протестами. Несомненно, это во многом было вызвано его объявлением, что восставшие будут наказаны немедленной смертью, но большая часть населения столицы совершенно искренне радовалась своему новому харизматичному императору. Он был уже

¹⁵⁸ Потомков его семьи все еще можно найти в Греции и в Южном Ливане.

известен своей щедростью — репутация, которую он укрепил, раздав свое обширное состояние бедным как условие искупления, — и когда он довольно лицемерно казнил двоих своих сообщников за убийство Никифора, большинство горожан предпочли не вдаваться далее в этот вопрос.

В Иоанне Цимисхии было нечто, перед чем трудно было устоять. Изучив искусство войны рядом со своим дядей, он сочетал в себе военную доблесть Никифора и заразительную веселость, что внушала любовь всем, с кем он встречался¹⁵⁹. В воздухе была разлита новая энергия, чувство, что все может стать возможным теперь, когда неприятный император мертв, а его место занял истинный государственный деятель. Единственными, кто пытался возражать против перемен на византийском троне, были члены семьи Фоки — но и они поступали так большей частью из-за чувства долга, а не поддавшись эмоциям. Племянник Никифора, Варда Фока, вынужденно поднял знамя восстания, но ему не удалось получить широкую поддержку, и когда лучший друг Цимисхия Варда Склир выступил против него с солидной армией, Фока спокойно принял ссылку на уютный остров в Эгейском море.

Когда подчиненные устранили последние следы сопротивления его власти, император занялся подготовкой армии, которой предстояло разобраться с беспорядком, оставленным его предшественником после себя на Балканах. Русские становились все более самонадеянными и враждебными, не скрывая факта, что они собираются вторгнуться на территорию Византии. «Не утруждайте себя приходить к нам, — передали они Цимисхию, когда услышали о его приготовлениях, — вскоре мы уже будем у ваших ворот».

¹⁵⁹ Цимисхий славился своим умением обращаться с луком. Если верить его основному биографу, он также часто исполнял ловкий трюк, перепрыгивая через трех лошадей и приземляясь в седле четвертой.

Если русские так хотели этой войны, Иоанну I Цимисхию оставалось только с радостью подчиниться. Выведя сорокатысячное войско на молниеносный марш, он застал врасплох передовой отряд русских у столицы Болгарии Преслава и уничтожил его, а затем осадил город. После нескольких дней, в течение которых горшки с греческим огнем забрасывали за стены, византийцы проложили себе путь внутрь, освободив захваченного болгарского царя¹⁶⁰. Разъяренный киевский князь собрал огромную армию, но спустя несколько месяцев Иоанну снова удалось застать их врасплох, оставив сорок тысяч трупов на залитом кровью поле. Униженный князь ушел с земель Болгарии сломленным человеком, в последний раз покинув разоренную страну¹⁶¹.

Свободной она оставалась недолго. Болгария была колючкой в боку империи с тех самых пор, как ужасный Крум возник, казалось бы, из ниоткуда несколькими поколениями ранее. Иоанн намеревался раз и навсегда положить конец этой угрозе. После года, ушедшего на подчинение основных городов Болгарии, император официально ее аннексировал, уничтожив династию Крума. Западная Болгария все еще цеплялась за хрупкую независимость; ею совместно управляли четыре сына местного правителя, называвшие себя Сыновьями Комита — но они были слабы и окружены со всех сторон, и Иоанн оставил их в покое, обратившись к срочным делам на Востоке.

Несомненно, для империи было бы куда лучше, если бы Цимисхий завершил завоевание Болгарии, но император был глубоко обеспокоен донесениями из Сирии.

¹⁶⁰ Его благодарность за освобождение, по-видимому, несколько ослабла, когда Иоанн лично захватил царские регалии и в свою честь переименовал город в Иоаннополис.

¹⁶¹ На обратном пути русский князь попал в засаду печенегов, и, как и в случае с неудачливым императором Никифором I, из его черепа сделали кубок для питья.

Фатимиды из Египта — без преувеличения, самая опасная из мусульманских держав — в значительной степени заполнили вакуум власти, оставшийся после краха Аббасидского халифата, и теперь угрожали территории империи. Легко разгромив византийскую армию, посланную, чтобы сдержать их, в конце 972 года они осадили Антиохию, надеясь поглотить всю Сирию. Было очевидно, что пришло время обратить византийский меч против сарацинов.

В начале 974 года Иоанн I Цимисхий оставил отвечать за город председателя Сената (того самого Василия Лакапина, который сделал возможным приход к власти Никифора II Фоки) и выступил из Золотых ворот во главе своей армии. Верховом на могучем белом боевом коне, в своих лучших сияющих доспехах, со своими «Бессмертными», что ехали позади него¹⁶², император отправился в один из самых впечатляющих военных походов за долгую историю Византии.

Он начал с северной части современного Ирака, заставив перепуганного эмира Мосула заплатить ему тяжелую дань и превратив второй по могуществу эмират в зависимое государство. Не озаботившись завоеванием ставшего теперь беззащитным Багдада, Цимисхий повернул на юг, в Сирию, где армия Фатимидов, осаждавшая Антиохию, в ужасе бежала при его приближении. Но Иоанн собирал свою великую армию не для того, чтобы просто смотреть, как быстро отступают его враги. Он устремился на Средиземноморское побережье. Один за другим города Сирии и Палестины пали. Баальбек, Бейрут и Дамаск открыли свои ворота, а прибрежные города Тиверия, Акра, Кесария и Триполи выплатили громадную дань.

Ни одна крепость или твердыня не могли устоять

¹⁶² «Бессмертные» были элитной кавалерией, в которую отбирали по критериям храбрость и умения. Они продолжали быть основой византийской армии вплоть до правления Алексея I, то есть еще более века после описываемых событий.

перед мощью имперского оружия — после трехсот лет, проведенных в бездействии, византийский орел вернулся, и настроение его не было мирным. После триумфального вступления в Назарет, город, в котором Иисус почти тысячу лет назад провел свои детские годы, Цимисхий подъехал к горе Фавор и поднялся по ее склонам, чтобы посетить место преображения Христа. Как и Никифор Фока до него, император думал о том, чтобы поспешить с Иерусалимом, но в конце концов решил этого не делать. Его главной целью было ослабить Фатимидов, а не добавлять земли к империи. Когда придет время вернуть Святой город под христианское владычество, он вернется, но это задача для будущего. Приняв важное решение развернуть свою победоносную армию, Цимисхий с блеском вернулся домой.

Если бы император протянул руку и вернул Иерусалим под православное владычество, тем самым он выполнил бы величайшую мечту восточных христиан в Палестине. Вместо этого им придется напрасно ждать еще больше века, пока силы империи не ослабеют окончательно, а Запад не отправит крестоносцев, чтобы те вернули город христианскому миру.

Впрочем, в конце 975 года Византия не знала поражений, и Иоанн I Цимисхий с удовлетворением вез трофеи своей военной кампании обратно в столицу, полностью уверенный, что сделал империю сильнее, чем она была почти четыре столетия. Повсюду ее враги бежали в страхе, и казалось, что для империи нет ничего недостижимого.¹⁶³

Только одна вещь подпортила триумфальное возвращение в Константинополь. Когда император по-

¹⁶³ Цимисхий выдал свою племянницу замуж за западного императора Оттона II и, поступив так, преуспел в объединении правящих династий обеих империй впервые со времен Феодосия в IV веке. Мысль о возрождении единой неразделенной империи внезапно перестала казаться такой уж невозможной.

интересовался, кому принадлежат обширные земли, по которым они проезжают, ответ оставался одним и тем же, хотя миля сменяла милю — Василию Лакапину. Добродушный Цимисхий был не столь неумным в стремлении ограничить рост земельных владений знати, как его предшественник, но это чрезмерное богатство привело его в ярость, и он объявил, что по прибытии в столицу проведет подробное расследование.

Не собираясь позволить этому случиться, испуганный первый министр сделал единственное, что ему оставалось. Встретив императора с преувеличенным воодушевлением, он незаметно капнул яд в его пищу. За несколько дней яд сделал свое дело. Иоанн I Цимисхий присоединился к своему дяде и Юлиану Отступнику — многообещающим императорам, которые погибли в полном расцвете сил. Христиане Святой земли тяжело переживали гибель освободителя, а далеко в Каире Фатимиды вздохнули с облегчением. Великий завоеватель был мертв.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. ВАСИЛИЙ БОЛГАРОБОЙЦА

.....

«С того дня, когда Царь небесный призвал меня, чтобы я стал императором... никто не видел, чтобы мое копьё лежало без дела... О люди, видящие мою могилу, помяните меня за мои походы в своих молитвах».

Надпись на могиле Василия II

Самым удивительным в Македонской династии было то, что ее величайшие императоры были, по сути, самозванцами, людьми без кровных уз с тронном, которые лишь утверждали, что защищают интересы законных наследников. Но Роман II Лакапин, Никифор

II Фока и Иоанн I Цимисхий были настолько выдающимися, настолько поразительными людьми, что было очень просто позабыть о туманных фигурах, чье место они заняли.

Всеми позабытый и оставленный без внимания Василий II, сын Романа II и интриганки Феофано, выросл тихо — и теперь, когда ему исполнилось восемнадцать, был готов и править, и царствовать. Грозным препятствием на его пути был первый министр, человек, который совсем недавно стал причиной смерти великого Цимисхия. Проведя всю жизнь в высших коридорах власти, Василий Лакапин знал в делах управления все и вся, и не собирался уступать власть мальчику, который никогда не выказывал даже малейшего желания или способности к управлению.

То, что снисходительно относящийся к нему министр собирался использовать его как марионетку, было наименьшей из проблем Василия II. За последние двенадцать лет двое выдающихся воинов-императоров обеспечили Византии беспрецедентное место под солнцем, и многие в империи стали задумываться о том, что, возможно, у руля должен находиться закаленный в боях воин, а не юнец, единственным достижением которого было то, что он появился на свет. В конце концов, кто мог оспорить, что любой из полководцев, узурпировавших власть македонской династии, оказался императором, чем законный Роман II? Разве не большинство их величайших правителей — начиная с Юлия Цезаря и заканчивая Иоанном Цимисхием — доказали свое право на власть, получив ее силой оружия, а не по наследству?

Эта мысль была притягательной, и когда военачальник Варда Склир поднял восстание именно под этим лозунгом, его встретил громкий рев одобрения. Когда он разбил верную престолу армию, посланную против него, вся Малая Азия узрела великое будущее для империи и провозгласила его императором. Восставшие потерпели неудачу, когда императорский флот уничто-

жил их транспортные суда — но когда они достигли Босфора и оглядели воды у Царицы городов, их настроение все еще было жизнерадостным.

В столице евнух Василий Лакапин был близок к панике. На тот момент лишь флот удерживал мятежников на берегу пролива — но первый министр слишком хорошо знал, насколько легко армия может перебраться через узкую полоску воды. Единственным полководцем, который мог противостоять опытному Склиру, был Варда Фока. Способности этого человека уступали лишь его широко известному желанию захватить трон — но сейчас он находился в ссылке именно за подобную попытку. Отдать имперскую армию в жадные руки Фоки было ненамного лучше, чем вручить империю Склиру, однако у Василия не было другого выбора. Призвав изгнанного полководца, министр поручил империю его заботе и послал его на сражение с мятежной армией.

За три года войны соперничавшие Варды провели несколько маловажных битв, при этом мятежный Склир в целом показал себя лучшим командиром, но так и не смог окончательно победить своего коварного противника¹⁶⁴. Дело окончательно решилось, когда неудавшийся мятежник самым глупым образом принял предложение поединка с огромным Вардой Фокой. Могучий удар, пришедшийся в голову и повергший Склира на землю, положил конец войне, Фока разогнал мятежников и с триумфом возвратился в Константинополь. Склир все же оправился от раны, но его время прошло, и он бежал в Багдад, чтобы избежать гнева императора.

После восьми лет изгнания Варда Фока мог теперь насладиться ролью спасителя империи, и на тот мо-

¹⁶⁴ История отношений Варды Склира и Варды Фоки была весьма сложной. Когда Фока впервые восстал против своего кузена Цимисхия, именно Склир сломал его военную карьеру, победив его и отправив в изгнание. Разумеется, эти двое не питали друг к другу приязни — но их судьбы странным образом были связаны до конца их жизни.

мент он удовольствовался благодарностью императора. Отправившись на восток, чтобы сразиться с сарацинами, Фока намеревался покрыть себя славой и дожидаться подходящего момента, чтобы захватить трон.

В 985 году Василий Лакапин мог поздравить себя с тем, что успешно стравил между собой врагов империи и в то же время оставил законного императора на роли марионетки. Именно поэтому для него — да и для всех остальных — оказалось полной неожиданностью, что прежде бездеятельный Василий II внезапно нанес удар без предупреждения. Обвиненного в заговоре против императора, сбитого с толку канцлера вытащили из постели посреди ночи и поместили под домашний арест, его земли конфисковали, а огромные богатства отписали в казну. После двадцати пяти лет, проведенных в роли венценосной марионетки, сын Романа II наконец-то вступил в наследство.

Страстно желая показать себя, Василий II нашел прекрасный предлог для военной авантюры в Болгарии. В большей степени из-за беспорядков в Византии, Болгария каким-то образом смогла возродиться из разрухи и расшириться за счет территорий империи. Выдающийся человек по имени Самуил, младший и самый одаренный из так называемых «сыновей комита»¹⁶⁵, которые противостояли Цимисхию, принял титул «царя» — славянский вариант «цезаря» — и объявил о создании Второго Болгарского царства¹⁶⁶. Совершив летом несколько

¹⁶⁵ Четверо сыновей комита провинции Средец (нынешняя София) — Николай, Моисей, Аарон и Самуил, выступившие против Византии после пленения в 970 году царя Бориса II. Считаются основателями династии Комитопулов, правившей в Западной Болгарии до 1018 года. (*Прим. ред.*)

¹⁶⁶ Здесь автор ошибается: Второе Болгарское царство было основано в 1185 году в результате восстания братьев Петра, Асеня и Калояна. Самуил, последний из «сыновей комита», считается основателем Западно-Болгарского царства (находившегося в основном на территории современной Македонии); он принял корону и титул лишь после

набегов на северную Грецию, царь смог захватить несколько важных городов, повредив тем самым престижу Византии и побудив присоединиться к своей армии тех соотечественников, которые поначалу предпочитали держать нейтралитет. Разгневанный безрассудством этого нахального крестьянина и намереваясь доказать, что достоин своих прославленных предков, Василий II собрал армию в шестьдесят тысяч человек и направился к величественному болгарскому городу Софии.

Эта кампания с самого начала оказалась провальной. После нескольких недель, в течение которых он досаждал жителям Софии безрезультатной осадой, Василий II махнул рукой и отправился в долгий путь домой. Проходя через горный перевал под названием Траяновы ворота, он не озаботился выслать вперед разведчиков, и его армия наткнулась на засаду приятно удивленного царя, который как раз ждал подобной возможности. Бросив регалии, император смог бежать, но основная часть его армии была разбита наголову. 28-летний Василий II потерпел серьезную неудачу, и когда он вернулся в Константинополь, испуганный и опозоренный, вред, нанесенный его престижу, немедленно стал очевиден.

Для старого Варды Склира, наблюдавшего за событиями из безопасности двора халифа в Багдаде, было очевидно, что все идет так, как он и предполагал. Неуклюжий мальчик, которому посчастливилось родиться у правильных родителей, в конечном счете не заслуживал трона, а поскольку теперь его несостоятельность явно обнаружила себя, старого боевого коня вроде него самого примут в Константинополе с распростертыми объятиями. Халиф был только счастлив профинансировать кампанию, которая обещала значительно ослабить

смерти законного наследника — Романа, брата погибшего при бегстве из византийского плена царя Бориса II. Это царство просуществовало до 1018 года, после чего болгарская государственность прекратила свое существование более чем на полтора века. (*Прим. ред.*)

его могущественного соседа, и нагруженный деньгами Варда Склир приступил к своей третьей попытке захватить трон.

Когда полный надежд претендент на трон достиг Малой Азии, он, к досаде своей, обнаружил, что его старый соперник Варда Фока также поднял восстание. Вместо того, чтобы довести свое дело до конца, эти двое решили опустить оружие и объединить ресурсы — но это оказалось всего лишь уловкой, и как только Склир снял свою стражу, Фока арестовал его и бросил в темницу.

Совершив подобное малопочтенное деяние, Варда Фока собрал свою ликующую армию и двинулся в сторону Константинополя. К несчастью для мятежников, Фока не располагал флотом, и они пришли к Босфору только для того, чтобы обнаружить, что императорский флот охраняет оба берега. Но казалось, ничто не может уменьшить оптимизм Варды Фоки. Он хорошо знал, что хозяин Константинополя — всего лишь мальчик двадцати восьми лет, единственное военное достижение которого сводилось к тому, что он позволил уничтожить свою армию в засаде. С другой стороны, Варда Фока за свою жизнь одержал множество впечатляющих побед на поле боя, и историки еще тогда писали о нем, что «его клич повергал в трепет целые армии».

В столице Василий II знал, что все складывается против него. В опрометчивой болгарской кампании он потерял свои лучшие войска, и приободренный царь Самуил беспрепятственно свирепствовал на Балканах, угрожая опустошить весь полуостров. Очевидно, что с этим срочно нужно было что-то делать — но если бы даже император каким-то образом смог сколотить армию, не было полководца масштаба Фоки, чтобы поручить командование ею. Единственным решением было заручиться помощью грозного союзника — и к счастью, один такой оказался под рукой. Император обратился к русскому князю Владимиру и предложил в обмен на союз руку своей сестры.

Консервативный императорский двор пришел в ужас. Как указал дед самого Василия, Константин VII, византийских «багрянородных» принцесс, бывших государственным сокровищем наряду с «греческим огнем», нельзя было выдавать замуж за варваров-язычников, в особенности за таких, у кого уже было множество жен и несколько сотен наложниц. Намерение Василия II несло угрозу, что византийская гордость будет попрана ногой диких славян.

Но ни гневные возгласы придворных, ни страдальческий плач сестры не возымели действия на императора. В имперских семьях брак всегда был делом в большей степени политическим, чем личным, и когда Владимир с готовностью подсластил сделку, пообещав шесть тысяч дюжих варяжских воинов и вдобавок согласившись принять крещение, протестующую сестру Василия быстро выпроводили навстречу радостям семейной жизни с новым мужем¹⁶⁷.

Это соглашение могло оскорбить чувства столичного народа, но Василий был полностью доволен собой, когда увидел светловолосых гигантов, которых послал Владимир. Вооруженные массивными обоюдоострыми топорами и впадавшие в знаменитый гнев берсерков,

¹⁶⁷ Владимир уже некоторое время задумывался о смене религии. Согласно легенде, чтобы сделать выбор, он отправил посланников к основным окружающим его конфессиям. Ислам он отверг, потому что в нем нет радости (особенно из-за того, что тот запрещал алкоголь и свинину!), а от иудаизма отказался, поскольку евреи потеряли свою родину, а значит – Бог отвернулся от них. Остановившись на христианстве, он послал своих людей выяснить, чьи обряды лучше – латинские или греческие. Это соревнование едва ли было честным. Посланные на Запад обнаружили довольно приземистые, темные церкви, в то время как их соотечественники в Константинополе в полной мере ощутили на себе воздействие великолепной божественной литургии в Софийском соборе. «Мы уже не знали, – ошеломленно написали они Владимиру, – были ли мы на земле или на небе». Русский князь принял решение. В течение года он принял крещение, и Русь официально стала православной.

они внушали ужас каждому. На императора они произвели такое впечатление, что он сделал из них своих личных телохранителей — постоянную службу, которую назвал «варяжской стражей»¹⁶⁸.

Однажды ночью, переправившись через Босфор со своими новыми войсками, на рассвете Василий устроил решительную атаку на ни о чем не подозревающий лагерь мятежников. Пока огнеметы, исторгающие греческий огонь, сеяли хаос, император с шумом врвался в палатки, убивая всех на своем пути. Те мятежники, что не были полусонными или пьяными, успели вскочить на ноги — но только для того, чтобы увидеть, как скандинавские воины с устрашающей легкостью рубят на куски людей и животных. Всего за несколько часов побоище закончилось, и хотя сам Фока с большей частью армии был далеко, занятый осадой города, Василий II мог по крайней мере засчитать себе первую военную победу.

Спустя несколько месяцев обретший уверенность император получил возможность встретиться со своим соперником лицом к лицу — и, ко всеобщему удивлению, оказался гораздо лучшим полководцем, чем пожилой Варда Фока. Для старого мятежника было невыносимо видеть, как мечты об империи ускользают у него прямо из рук, и он бросил вызов императору и ринулся к нему, свирепо размахивая мечом над головой. Прежде чем он покрыл половину расстояния, его хватил внезапный удар, и Фока тяжело вывалился из седла. Видевшая это имперская стража бросилась к па-

¹⁶⁸ Слово «варяги» означает «люди, связанные клятвой», и они действительно будут исключительно преданы трону (хотя и не всегда тому, кто его занимает). В ночь смерти своего повелителя они могли воспользоваться любопытным правом: прийти в имперскую сокровищницу и взять столько золота, сколько они могут унести. Этот обычай позволял большинству варягов выйти в отставку состоятельными людьми и обеспечивал постоянный приток скандинавских и англосаксонских рекрутов.

рализованному полководцу и отрубила ему голову. При виде ужасной смерти своего господина мятежная армия бросилась врассыпную.

Великий мятеж был подавлен, но до полного спокойствия было еще далеко. Услышав о смерти своего мужа, вдова Фоки освободила из заточения Варду Склира, и уцелевшие мятежники собрались уже под его знаменами. Старый полководец принял приветствия своих войск, и на тот момент казалось, что гражданская война затянется до бесконечности. Но Склир был усталым, сломленным человеком, к тому моменту почти полностью ослепшим. Оказав короткое демонстративное сопротивление, он с удовольствием принял предложенный императором почетный титул и комфортабельное поместье.

Когда эти двое встретились на одной из роскошных вилл императора, чтобы обсудить соглашение, Василий был удивлен, увидев, что прославленный полководец оказался всего лишь согбенным стариком с печальным взглядом, которого при ходьбе нужно было поддерживать с обеих сторон. Любезно сделав вид, что все восстание было всего лишь мелким недоразумением, Василий попросил своего гостя дать ему совет, как предотвратить раздоры в будущем. Полученный им ответ состоял в том, чтобы объявить холодную войну всем людям знатного происхождения. *«Истоци их несправедливыми поборами, чтобы они были заняты своими собственными делами. Не допускай женщин в императорские советы. Будь недостижим для всех. Делись своими самыми сокровенными замыслами с немногими»*¹⁶⁹.

Ни один император за долгую и блистательную историю империи не принимал подобных советов ближе к сердцу. Жестокие гражданские войны оставили шрамы на Василии II, уничтожив тот беспечный характер, что

¹⁶⁹ Michael Psellus, *Forteen Bizantine Rulers* [Четырнадцать византийских правителей] (London: Penguin, 1996)

он обнаруживал в юности, и сделав из него жесткого недоверчивого человека. Окруженный своей варяжской стражей, он посвятил себя непреклонному служению империи. Ничто — ни ропот аристократов, ни копыя его врагов — не могло помешать ему.

Укрепив земельные законы империи, Василий II вынудил знать вернуть — причем безвозмездно — все земли, полученные ею с начала правления Романа Лакапина. Он также отдал распоряжение, согласно которому в случае, если крестьянин не мог заплатить налоги, богатые соседи должны были заплатить деньги за него¹⁷⁰. Понятно, что знать кипела от гнева, но Василий II не обращал на нее внимания. Он провел всю жизнь в тени аристократов, обладавших чрезмерной властью; слишком долго их алчные честолюбивые замыслы становились источником неприятностей для Македонской династии. Теперь, прочно утвердившись у власти, он намеревался сделать так, чтобы у этих людей никогда не появилось возможности снова взяться за старое.

Весной 991 года император наконец достаточно себя обезопасил, чтобы приступить к осуществлению главного предприятия своей жизни. Он не забыл унижения Траяновых ворот или того, как Самуил посмеялся над византийским войском; пришло время укротить болгарского волка. Василий выступил в поход с тягостной неспешностью — не было смысла подвергать себя риску еще одной засады. Все дороги были проверены и перепроверены, а возможные пути отступления находились под пристальным наблюдением.

¹⁷⁰ Такой налог именовался *аллиленгий*. Первоначально он был введен в IX веке Никифором I и взимался с крестьян общины, к которой принадлежал неплательщик — что вызывало справедливое возмущение земледельцев. Василий II восстановил аллиленгий, но перенес его на крупных земельных собственников — *динатов*, которые были обязаны платить не только за крестьян-бедняков, но и за необрабатываемые и выморочные земли. Закон был отменен вскоре после смерти Василия императором Романом III. (Прим. ред.)

Царь Самуил с некоторым удивлением наблюдал за ним из надежного горного убежища. У него не было причин бояться человека, которого он много лет назад разгромил с такой легкостью, и если армия императора была многочисленной, он мог утешиться тем, что вскоре она уменьшится. Империя была огромной, враги окружали ее со всех сторон. Все, что нужно было сделать болгарскому царю — это держаться подальше от врага, а кризис на каких-нибудь отдаленных границах вскоре заставит византийцев уйти. Царь встречался с захватчиками вроде этого императора и раньше — и сначала они все были громом и молнией, а потом исчезали.

Как и следовало ожидать, меньше чем через год после того, как Василий вступил на болгарские земли, его достигла ошеломляющая весть, что Фатимиды осаждают Алеппо и угрожают Антиохии. Эти города — и вся восточная Сирия — были на грани того, чтобы сдать, но еще оставалась небольшая надежда добраться до них вовремя, поскольку путешествие занимало почти три месяца. До сих пор Василий II двигался со скоростью ледника — но он всю жизнь удивлял людей, и вот, с помощью восьми тысяч мулов (по одному на каждого солдата и одному для его снаряжения), он проделал этот путь всего за шестнадцать дней. Фатимидская армия бежала, испуганная византийским войском, которое, казалось, появилось прямо из воздуха, и Василий II триумфально прошел по побережью, вдобавок захватив город Триполи.

Когда император вернулся домой, он обнаружил, что царь Самуил воспользовался его отсутствием, чтобы вторгнуться в Боснию и Далмацию, и даже совершал набеги на юг, доходя до самого Пелопонесского полуострова. Практически с любым другим правителем на византийском троне замысел Самуила спрятаться в холмах, пока опасность не минует, сработал бы превосходно. Но в случае с Василием II эта тактика только

продлила страдания Болгарии.

У Василия действительно не было оригинальности или выдающихся способностей обоих его предшественников — но он был куда опасней, чем любой из них. Прочие военачальники осуществляли военные походы с середины весны до конца лета, однако после возвращения в Болгарию Василий II оставил армию в поле на круглый год, равно невосприимчивый и к леденящему снегу, и к слепящему солнцу. Въедливый и методичный по своей природе, он никогда не терял терпения или решительности. Год за годом болгарские города подвергались разорению, а посевы сжигались по мере того, как император неустанно преследовал царя Самуила. Наконец, после почти двадцати лет поражений и опустошительных нашествий, болгарская армия вышла на последний бой. Утром 29 июля 1014 года два войска сошлись в бою в долине у подножия горного хребта Беласица, и результатом стала убедительная победа византийцев.

Самуил бежал в ближайшую крепость, объявив, что будет продолжать сражаться, но Василий не собирався допустить этого. Он приказал ослепить пятнадцать тысяч пленников — оставив один глаз каждому сотому человеку, чтобы они могли отвести своих незрячих товарищей обратно к царю. Нанесение увечий всегда было в излюбленных византийских традициях обращения с врагами, но никогда не производилось в таких масштабах, и отсюда Василий получил прозвище, которое все еще прославляют названия улиц в современной Греции. Во все времена император теперь будет известен под прозвищем *Boulgaroktonos* — «Болгаробойца».

Толпа оборванцев с трудом добралась до города Преспа в современной Македонии, где находился Самуил. Итог оказался даже более впечатляющим, чем ожидал Василий. Сам вид этих людей был напоминанием об унижении Самуила, а забота о них стала до-

полнительной ношей, которую разоренное государство не могло себе позволить. Когда ослепленные предстали перед царем, это зрелище оказалось непереносимым для сломленного Самуила. Он отвернулся к стене и скончался от стыда два дня спустя. Еще четыре года второе Болгарское царство продолжало сопротивление без своего основателя, но участь его была предрешена, и в 1018 году Василий II вступил в болгарскую столицу и принял ее полную капитуляцию.

Первый раз со времен вторжения славян в империю четыре века назад весь Балканский полуостров оказался под византийским владычеством. Василий II потратил на его завоевание больше половины жизни, завершив возрождение Византийской державы, осуществленное удивительной Македонской династией. Империя увеличилась в размерах почти вдвое, став сильнейшей державой в Средиземноморье, и ее новые земли было не так-то просто отнять.

В отличие от своих предшественников, Василий II понимал, что быстро завоеванные земли недолго останутся таковыми, если они не будут должным образом объединены и не будут находиться под соответствующим управлением. Во время царствования предыдущих императоров завоеванные народы прекрасно осознавали, что являются гражданами второго сорта — но теперь болгарской знати доставались византийские жены и имперские титулы, а в регионах, опустошенных войной, налоги были снижены с целью облегчить восстановление экономики. Подобные примеры разумного управления, безусловно, ослабили напряжение и укрепили связи с Константинополем, но решающим фактором в поддержании мира стал отказ императора идти на необоснованный риск. Когда халиф Фатимидов в 1012 году приказал уничтожить все церкви на своей территории, Василий не попался на эту приманку, хотя он определенно мог распространить власть империи на Палестину и даже Египет. Вместо этого

он ответил экономическим ударом, запретив всю торговлю с Фатимидами до тех пор, пока те не увидят ошибочность избранного пути. Только когда они вступили в союз с Арменией, чтобы атаковать империю, он предпринял неожиданную атаку, разграбил несколько городов и поверг в ужас халифа. Когда дело доходило до войны, Василий всегда был готов сражаться — хотя и не жаждал битв.

Только в одном великий император потерпел гибельное поражение: полностью поглощенный заботами о государстве, он так и не произвел наследника. Но пагубные последствия этого станут ясны для империи уже не при его жизни.

К 1025 году под твердым руководством всемогущего императора византийский орел побеждал практически по всем фронтам. Враги рассеялись перед ним или были разбиты, и только на Сицилии мусульманский правитель продолжал сопротивление. Надеясь ликвидировать эту последнюю занозу, семидесятилетний император собрал огромную армию и, поручив ее заботам евнуха, отправил ожидать его прибытия в Калабрию. Но Василий II так и не прибыл. Проведя на троне шестьдесят четыре года — больше, чем любой другой монарх в римской истории, — он умер, занимаясь планированием военной кампании, что само по себе достаточно символично.

Константин Великий установил двенадцать массивных саркофагов вокруг своей величественной гробницы в Церкви Апостолов, и тела величайших византийских императоров традиционно хоронили в них. В 1025 году оставался только один незанятый саркофаг, и Василий имел полное право быть похороненным там; но согласно его собственной воле, его тело было похоронено в церкви в Эбдомоне неподалеку от стен города¹⁷¹.

¹⁷¹ Эбдомон — южный пригород Константинополя. Здесь располагались дворцы Валента II и Юстиниана I, а также Марсово поле, на котором армией было провозглашено несколько императоров. В настоящее время Бакыркей, район Стамбула.

Хотя мало кто из императоров в большей заслуживал быть похороненным среди титанов прошлого, место его упокоения в каком-то смысле соответствовало ему. Он всегда оставался в стороне от своих подданных, никогда не позволяя себе отвлекаться от наиважнейшей задачи управления империей. Он подчинил чужеземных правителей своей воле, посрамил своих врагов и защитил бедных от власти аристократии. Несмотря на все это, он оставался странно сдержанным, внушая своим подданным восхищение, но не любовь. Склад его ума всегда был удивительно не-византийским, отлитым скорее по мерке его спартанских предков, не соответствующим туманным богословским рассуждениям его современников. Как и советовал ему старый мятежник много лет назад, ни женщине, ни мужчине он не позволил разделить тяжесть своей ноши. Несмотря на все тяжелые испытания, выпавшие на долю его правления, он оставался блистательным, но отчужденным — без сомнения, самым одиноким человеком из всех, что когда-либо сидели на византийском троне.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ. МАРШ БЕЗРАССУДСТВА

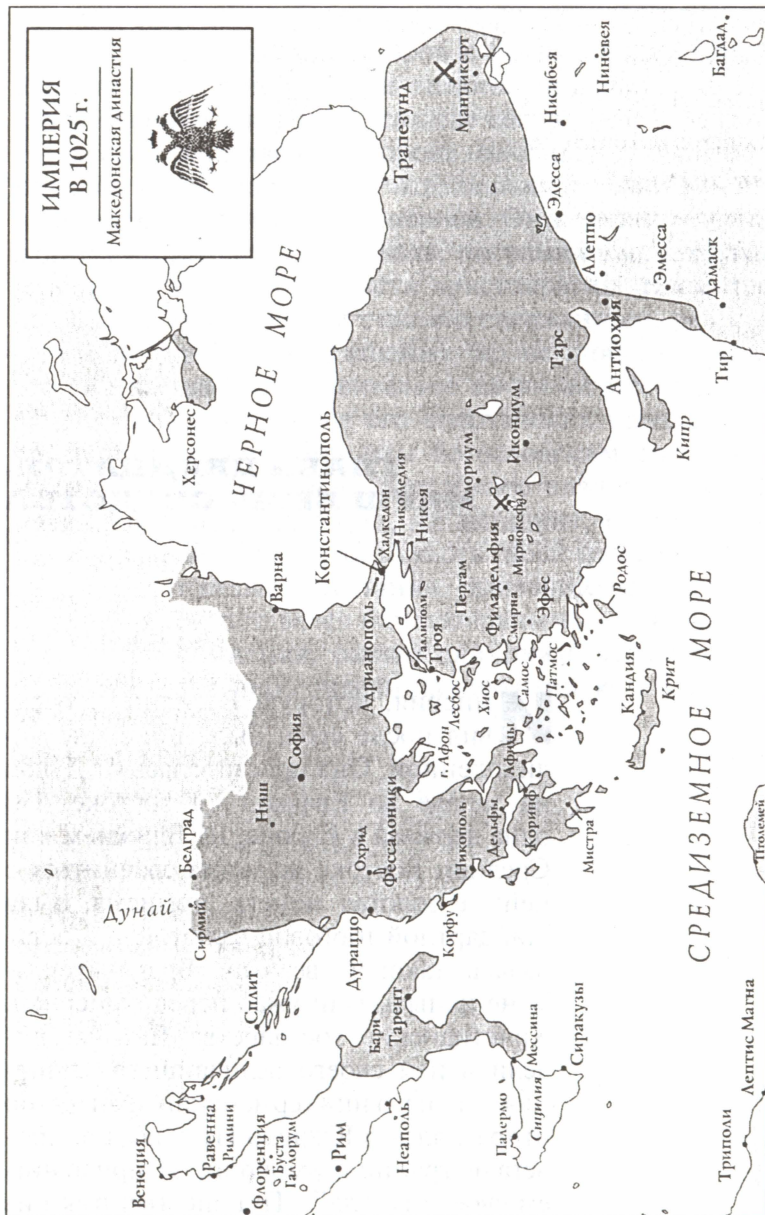
.....

Империя, которую Василий II оставил после себя, была поистине великолепной. Она простиралась от Дуная на западе до Евфрата на востоке. Ни одна держава в Европе, на Ближнем или Среднем Востоке не могла сравниться с ней; ее золотая монета, номисма, была стандартной торговой валютой — и оставалась таковой веками. Враги-мусульмане испытывали ужас перед империей. Христианские государства Европы видели в ней своего величайшего защитника, и не один германский император отправлялся в Южную Италию, где пролегли границы империи, за признанием своего титула¹⁷². Путешественники из

¹⁷² Глубокое впечатление на европейцев произво-

ИМПЕРИЯ
В 1025 г.

Македонская династия

Западной Европы, приходящие на рынки империи или в ее города, попадали в мир, резко отличающийся от того, который они знали. Средневековая Европа пребывала в феодализме, шансы ее обитателей избежать крайней нищеты были невелики. Крестьяне всю свою жизнь тяжело трудились на земле, которая им не принадлежала, а медицина предлагала больным «лекарства», которые зачастую были не менее смертоносны, чем сама болезнь. Беднякам приходилось выживать на рационе из грубого черного хлеба и сыра, а дожить до тридцати пяти лет было счастьем. Сообщение между городами было медленным, путешествия — опасными, а грамотность была доступна только богатым и влиятельным людям. Церковь обеспечивала хотя бы какое-то доступное образование — но только если удавалось найти грамотного священника.

На Востоке, напротив, богатства стекались в имперскую казну, население быстро росло, а голод, как казалось, остался далеко в прошлом. Люди, вознесенные этим новым процветанием, были, казалось, повсюду: они ездили в паланкинах, жертвовали в пользу роскошных общественных зданий и играли в поло на широких проспектах. Вера в успех была разлита в воздухе и действовала заразительно. Включение болгар, сербов и русских в культурный состав империи добавило ей разнообразия, но общество — и церковь — никогда еще не было таким сплоченным. Иконоборчество, последняя значительная ересь, повлиявшая на византийскую церковь, не подавало признаков жизни уже почти два века, и церковь с государством прониклись духом сотрудничества. Для честолюбивой молодежи образование снова

дила также имперская изысканность. В 1004 году византийская аристократка по имени Мария вызвала необычайный интерес в Венеции, когда принялась за еду с помощью старинного римского двузубого золотого орудия. Воспринятое как последнее слово моды, это приспособление стало невероятно популярным, и уже вскоре вилка получила широкое распространение на Западе.

стало способом добиться многого в жизни, а обширные библиотеки стали символом престижа.

Античным авторам в Византии всегда выказывали осторожное уважение, а поскольку язычество давно прекратило свое существование и больше не представляло угрозы, труды светских классиков древнего мира снова стали цениться высоко. Дух гуманизма распространялся по империи, и ученые знатоки начали умышленно подражать античному стилю. Копии античных трудов времен Греции и Рима стали высоко цениться; и духовенство, и миряне начали с почтением создавать списки ослепительных шедевров. Эта традиция стала одним из прекраснейших даров, оставленных империей последующим поколениям. Поскольку Египет (в том числе являвшийся источником папируса) был давно потерян для империи, старые ветшающие рукописи копировались на более долговечный и легкодоступный пергамент. Это, в свою очередь, позволило литературе продолжить существование. Несмотря на масштабные разрушения, последовавшие за крушением империи, большинство работ греческих классиков, сохранившихся до наших дней, дошли до нас именно благодаря византийским копиям того периода.

Императоры, конечно, всегда имели доступ к непревзойденным имперским библиотекам – но теперь они стали рассматривать общее содействие образованию как одну из своих обязанностей. К моменту смерти Василия II Константинополь был домом для выдающихся поэтов, юристов и историков – блестящего собрания образованных людей, равного которому на Западе не возникало до эпохи Возрождения.

К сожалению, Василий II не оставил наследников, достойных подобного великолепного наследства. Вдобавок культурный расцвет, подаривший империи настолько выдающийся образованный класс, также сделал придворную знать высокомерной и обособленной, полностью уверенной в том, что она может управлять

государством лучше, чем кто-либо другой. Смерть Василия неожиданно отдала судьбу империи им в руки, и они умышленно выбирали слабых и легко поддающихся влиянию императоров, которые были больше заинтересованы в том, чтобы сохранить новообретенную власть, чем во благе для государства.

Как ни странно, эта недалновидная политика знати, по которой на трон сажали заурядных людей, привела к ее собственному угасанию. Тяжелое налоговое бремя снова легло на бедняков, не затронув богатых, а от земельных законов македонской династии императоры скоро отказались, оставив крестьян во власти хищных землевладельцев. Богатые добавили к своим обширным имениям почти все земли, в то время как их доверенные лица при дворе добились снятия с них налогового обложения. Недалекие императоры, столкнувшись с практически независимой аристократией и теперь серьезно нуждаясь в деньгах, пошли на шаг, еще более обостривший проблему: они снизили вес золотой монеты, чего империя ухитрялась избегать почти семьсот лет. Деньги начали обесцениваться, запустив маховик инфляции, и авторитет Византии стал падать, поскольку заграничные торговцы отказывались от дешевающей валюты.

Мелкие фермеры оказались на грани исчезновения, часто превращаясь в сервов — крепостных на своей собственной земле. Поскольку ветераны войн больше не были в состоянии заниматься земледелием, вся система «крестьянин-солдат» развалилась¹⁷³. Византийская армия, теперь опасно ослабевшая, была вынуждена полагаться на наемников, а руководство ею перешло от военных к малокомпетентным политикам. Внешние

¹⁷³ Селить на границах империи ветеранов, которые могли бы составлять хорошо обученное ополчение в обмен на владение землей, было в Византии обычной практикой. Эта система позволяла значительно снизить расходы на оборону без серьезного ослабления безопасности империи и великолепно работала долгие годы.

вторжения и политический хаос ударом молота обрушились на империю, оставшуюся без контроля, сокрушив и духовную, и светскую власть. За короткий промежуток в пятьдесят лет империя была потрясена двумя трагедиями, которые подорвали ее силу и расшатали основания государства. Хотя Византия просуществовала еще четыре столетия, она никогда так полностью и не оправилась от этого двойного удара.

Первым и причинившим самый большой вред был удар, обрушившийся в 1054 году и сильно ухудшивший отношения с Западом. Кризис, что разразился в том году, назревал десятилетиями и теперь был почти неизбежен. Под тонкой пленкой сплоченности христианского мира, что объединял земли старой Римской империи, сохранялись глубокие противоречия Востока и Запада, веками все больше отдалявшихся друг от друга. Из пяти великих патриархатов христианской церкви четыре находились на Востоке, где греческая любовь к дискуссиям до некоторой степени удерживала церковь в децентрализованном состоянии. Быть может, Константинопольский патриархат и находился ближе остальных к имперской власти — но в то же время он был самым молодым из патриархатов, а более древние и более уважаемые епископаты в Антиохии, Александрии и Иерусалиме ревностно охраняли свою автономию. Важные решения, как и прежде, принимались на совете, который должен был выражать общий голос церкви.

На Западе, где единственным патриархом был римский, понтифик, устав от бесконечных восточных измышлений и ересей, начал считать себя непререкаемым авторитетом христианского мира. В конце концов, разве сам Христос не «отдал ключи от небес» Петру, первому священнику, со словами «на сем камне я создам Церковь мою»? Очевидно, что папа был не просто «первым среди равных», как учили на Востоке, но несомненным главой церкви.

Кризис спровоцировал упрямый патриарх Михаил, который написал письмо папе Льву IX, обращаясь к нему как к «брату», а не как к «отцу», и сравнивая его с Иудой за добавление слова *filioque* к Никейскому символу веры. Это был старый и довольно ожесточенный спор, который на протяжении поколений раскалывал церковь. Согласно изначальной версии Символа веры — основного положения христианства — Дух Святой исходит от Бога-отца. Такой вид символ веры имел до конца VI века, когда испанская церковь добавила для своих вестготских владык-ариан слово *filioque* («и Сына») в попытке подчеркнуть божественную сущность Христа. Восточная церковь могла, конечно, благожелательно отнестись к духу испанского добавления — но изменить символ веры можно было только властью Вселенского собора, и таким образом это произвольное дополнение оказалось отвратительной ересью. Все оказались еще больше поражены, когда папа официально ее одобрил¹⁷⁴. Священное Писание по большей части ничего не говорит по поводу Троицы, делая практически невозможным решить спор об отношениях ее участников. Обе стороны упрямо настаивали на своем, но теперь письмо патриарха папе сорвало с церкви видимость единства и открыло всему миру глубоко укоренившиеся разногласия¹⁷⁵.

Именно в этот момент затаенной неприязни византийский император Константин IX предложил папе

¹⁷⁴ Разумеется, Западной церкви потребовалось время, чтобы принять испанскую версию. Еще в IX веке папа Лев III вывесил символ веры в его изначальной формулировке у входа в Собор Святого Петра, а в 880 году Иоанн VIII промолчал, когда Константинополь осудил это добавление.

¹⁷⁵ Раскол между Римом и Константинополем наиболее четко прослеживается в современных Сербии и Хорватии. Хотя обе эти страны — славянские, и говорят в них на одном языке, они имели несчастье попасть в противоборствующие религиозные лагеря. Хорватия вступила в союз с Римом и стала католической державой, используя для записи латиницу, а Сербия вошла в православную сферу влияния и использует кириллицу.

отправить нескольких папских легатов в Константинополь, чтобы обсудить военный союз против их общих врагов. Папа принял приглашение — но, к несчастью для всех участвующих в этом деле, он выбрал своим представителем кардинала по имени Гумберт, враждебно относящегося к грекам. Тот прибыл в Константинополь, уже готовый к оскорблениям, и вскоре ему представилась для этого отличная возможность: столь же нетерпимый патриарх Керуларий отказал ему в приеме. Раздраженный жирной греческой пищей, сквозняками в помещениях и прохладной встречей, Гумберт проводил время, критикуя хозяев за восточные обычаи, позволяющие священникам вступать в брак, использовать квасной хлеб в причащении (Евхаристии) и есть мясо во время Великого поста.

Ситуация только ухудшилась, когда в конце апреля пришли вести, что папа умер, лишив Гумберта и той малой власти, которой тот обладал, и тем самым сделав всю его миссию бессмысленной. Потребовав аудиенции у патриарха, кардинал попросил разрешения удалиться — но Керуларий насмешливо ему отказал, удерживая разъяренного кардинала практически под домашним арестом. Два месяца папский посол кипел в Константинополе от злости, но 16 июля 1054 года, не видя конца своему заключению, решил, что с него довольно. Отправившись в Софийский собор, Гумберт торжественно возложил на алтарь грамоту об отлучении от церкви. Повернувшись, он символически отряхнул пыль с ног и покинул здание, поклявшись никогда не возвращаться. Вред, причиненный в тот момент, был столь же огромен, сколь трагически случайны обстоятельства его нанесения. Христианский мир никогда снова не станет единым, и удар нанес без малейших на то полномочий недовольный представитель мертвого папы.

Несколькими неделями спустя патриарх оказал ответную любезность, созвав собор, который точно так

же предал анафеме Запад. Каждая из сторон надеялась, что другая уступит, но было слишком поздно — отношения были прочно испорчены. Папа утверждал, что латинская церковь является «католической» или «все-ленской», и патриарх притязал на то же, обосновывая это тем, что греческий ритуал является «ортодоксальным» — «православным» или «истинным».

Христианский мир разделился пополам, и Византия оказалась в опасном и пугающем одиночестве. С этих пор державы к западу от нее не предлагали ей помощи, и империи пришлось противостоять врагам на востоке, полагаясь только на свои истощенные ресурсы.

У ослабевшей империи все еще была армия, но она уже не была той великолепной боевой силой, что сделала Византию сверхдержавой Средиземноморья. Годы пренебрежения к военной силе, длившиеся со времени смерти Василия II, подкосили ее, а придворные, опасаясь мятежа военных, делали все возможное, чтобы ослабить ее еще больше — даже предприняв такой безумный шаг, как роспуск местного ополчения, охранявшего границы. Внешне империя могла выглядеть замечательно, но внутри была прогнившей и фальшивой, ожидающей лишь противника, который сломает ее хрупкую скорлупу. Попав в жесткую хватку вздорных аристократов, трон едва ли мог породить фигуру, способную исправить нанесенный вред, и у Византии не было шансов восстановить свою силу.

Пока империя увязла в борьбе с папством, новый и могущественный враг сделал очевидной ее военную слабость. Турки-сельджуки уже застали мусульманский мир врасплох. Изначально этот кочевой народ происходил из Центральной Азии. Сельджуки распространились по Ирану и Ираку и в 1055 году сумели захватить Багдад, подмяв слабый и разлагающийся халифат Аббасидов. Перейдя через оставшиеся без охраны византийские границы, в 1067 году сельджуки разграбили торговые пути через Армению, почти не встретив со-

противления. Сочетая страсть кочевников к грабежам и захватам новых пастбищ с хищной агрессивностью новообращенных мусульман, сельджуки были не похожи ни на что, прежде встреченное Византией. Их конные отряды нападали быстро и без предупреждения, отчего трудно было определить, где следует сосредоточить защиту. Неповоротливая империя привыкла иметь дело с государствами и армиями, а не с бродячими бандами, наносящими удары по пограничью. В любом случае униженная и деморализованная имперская армия не могла больше оказывать сопротивления.

Император Роман Диоген если и не был одаренным полководцем, то решительности ему было не занимать. Когда во время его правления сельджуки в большом количестве пересекли границу, он каким-то образом смог отбросить их обратно к Евфрату. К несчастью для империи, эта небольшая победа пробудила в аристократах старый страх, что сильный император может ограничить их привилегии¹⁷⁶. Когда турки в следующем году вернулись и захватили маленькую армянскую крепость Манцикерт, поддержка императора уже опасно уменьшилась.

Не обращая внимания на интриги в столице, Роман выступил в поход со своей армией, намереваясь раз и навсегда выгнать турок из христианских земель. 26 августа 1071 года два армии встретились, и произошла самая судьбоносная битва в истории Византии. Несмотря на массовое дезертирство ненадежных наемников, император сумел отбросить турок — но в критический момент коварные аристократы предали его и отступили

¹⁷⁶ Роман IV Диоген не являлся законным наследником императорского престола, а был провозглашен императором, женившись на вдовствующей императрице Евдокии. Однако вместе с ними императорский титул получили также сыновья Евдокии и императора Константина Дуки — Михаил, Андроник и Константин, ставленники придворной партии. (*Прим. ред.*)

с поля боя¹⁷⁷. Лучшая часть армии была уничтожена на месте, а Роман Диоген попал в плен и был принужден целовать землю, в то время как сапог султана Алп-Арслана попирали его шею.

Унижение лежащего в пыли императора впоследствии представлялось византийцам тем ужасным моментом, с которого все пошло наперекосяк. Но если он и знаменовал начало упадка империи, византийцам следовало винить только себя самих. Этой битвы можно было легко избежать. Перед сражением при Манцикерте султан пытался прийти к соглашению, но мелкие аристократы отказались от его предложения и добились того, чтобы самим стать творцами своего уничтожения. И хотя потери престижа и людей после битвы были достаточно серьезными, от них еще можно было оправиться. Именно поведение аристократов впоследствии причинило Византии настоящий вред. Покинув место поражения, они бежали, сея хаос по всей империи, и в тщетных попытках захватить контроль над тонущим кораблем государства, развязали гражданскую войну. Соперничающие претенденты на трон поднимали восстания с ошеломляющей регулярностью, но очередной полководец с имперскими амбициями быстро лишал их достигнутого.¹⁷⁸

¹⁷⁷ Одной из причин поражения стала измена командира резерва *протопроздра* Андроника Дуки, который в критический момент сражения не выполнил приказа и не оказал поддержки основным силам. (Прим. ред.)

¹⁷⁸ Сам Роман IV не только уцелел, но и был освобожден из плена за выкуп и под условием женитьбы на одной из дочерей султана. Однако в Константинополе уже был провозглашен императором Михаил Дука, а протестовавшую против этого Евдокию сослали в монастырь. Роман пытался начать вооруженную борьбу за престол, но в 1072 году был осажден в киликийской крепости и в итоге согласился на капитуляцию при условии сохранения ему жизни в обмен на отречение от престола и пострижение в монахи. Гарантии безопасности бывшему императору давали три митрополита от имени императора Михаила,

Теперь, когда от фасада империи ничего не осталось, ее границы рушились с тревожащей скоростью. В Италии норманнский авантюрист Роберт Гвискар захватил Бари, положив конец более чем пятисотлетнему владычеству Византии в землях ее римских предков¹⁷⁹. На востоке турки ворвались в Малую Азию, и вместо того, чтобы остановить их, честолюбивые полководцы попытались использовать их в качестве наемников при собственных попытках захватить власть. Ненадежные войска меняли хозяев с пугающей частотой, армии вытаптывали поля и отнимали урожай, после чего пришел голод. За десять лет турки, практически не встретив сопротивления, заняли в Малой Азии территорию размером в тридцать тысяч квадратных миль, тем самым лишив империю главного источника человеческих ресурсов и зерна. За исключением узкой полосы вдоль побережья Черного и Средиземного морей, Анатолия была потеряна навсегда — вместе со всякой надеждой на то, что когда-нибудь в будущем империя сможет восстановиться. Даже если бы появился сильный император, уже не было ни людей, ни материалов, которыми он мог бы воспользоваться. Империя умирала, и вместо того, чтобы помочь ей, глупцы упорно продолжали сражаться за ее труп.

Когда турки в 1078 году вломились в Хризополис на азиатском берегу Босфора и сожгли его дотла, казалось, что конец империи уже не за горами. Армия была разбита и сломлена, а власть находилась в руках высокомерных аристократов, которые ревниво охраняли свои

но все обещания сразу же были нарушены — Романа ослепили, и вскоре он умер от ран. (*Прим. ред.*)

¹⁷⁹ На самом деле это произошло еще до сражения при Манцикерте и послужило одной из причин распыления византийских сил в кампании против турок: Роман IV был вынужден отбыть с частью войска в Италию, оставив командующим вместо себя Мануила Комнина, который и был разбит сельджуками Алп-Арслана. (*Прим. ред.*)

собственные интересы, активно противодействуя любому императору, показавшему хотя бы проблеск способностей. Всего за пятьдесят три года эти люди своей безответственностью и жадностью практически разрушили империю, безрассудно истратили переполненную казну и теперь сидели сложа руки, в то время как империя потеряла больше половины своей территории. Для обнищавшего и бедствующего населения единственной надеждой на спасение оставался вариант, что один из полководцев выйдет из противоборства явным победителем и наведет хоть какой-то порядок в разрушающемся государстве.

Восстановить подобие порядка в несчастной Византии мог лишь человек редких способностей. И на Пасху 1081 года такой человек появился. Задержавшись на достаточное время, чтобы насладиться приветственными криками толпы, тридцатитрехлетний военачальник по имени Алексей Комнин вошел в Софийский собор и получил от патриарха корону. Задача, стоящая перед ним, была почти невыполнимой — но Алексей был энергичным и дальновидным политиком. Он действительно оказался одним из величайших людей, когда-либо сидевших на византийском престоле.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ. ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ ПРИ КОМНИНАХ

.....

Алексей I Комнин едва ли походил на спасителя. Он принадлежал к рядам тех самых аристократов, на подавление которых Македонская династия положила так много сил, и на первый взгляд казался всего лишь очередным узурпатором в долгой череде знатных персон, которые разрушали благосостояние империи. Алексей действительно обладал непревзойденной военной репутацией — когда ему было чуть больше двадцати, он сражался при Манцикерте, и с тех пор не проиграл ни одной битвы. Но он пришел к власти обычным путем, сбросив с трона своего недолговечного предшественни-

ка, вместо того, чтобы сражаться с турками. В пестрой армии, которой он командовал, было столько иностранных наемников, что когда он провел их внутрь стен Константинополя, те принялись грабить город, и прошел целый день, пока Алексей смог призвать их к подчинению. Старожилы могли лишь покачать головой и пробормотать, что воистину нет ничего нового под солнцем.

Вряд ли это можно было назвать благоприятным началом, но худшему еще только предстояло случиться. Спустя месяц после коронации Алексея в Константинополь пришла весть, что ужасная армия норманнов высадилась на побережье Далмации и направляется к портовому городу Дураццо¹⁸⁰. Если они захватят город, то получат доступ к тысячелетней Эгнатиевой дороге¹⁸¹ и прямой путь для продвижения к Константинополю.

Норманны не были обычной бродячей шайкой солдат удачи. Этим скандинавам, потомкам викингов, в XI веке везде сопутствовал успех. Пока их менее прославленные сородичи из Нормандии под командованием Вильгельма Завоевателя прокладывали себе путь в саксонскую Англию, южные норманны разбили папскую армию, захватили в плен самого папу и сумели уничтожить в Италии последние следы Римской империи. Под предводительством знаменитого Роберта Гвискара они вторглись на Сицилию, захватили Палермо и полностью изгнали войска сарацин с острова. Теперь, когда враги вокруг уже кончились, а жажда

¹⁸⁰ На самом деле этот город со времен Римской империи именовался Диррахий, а название Дураццо получил только после венецианского завоевания в ходе Четвертого крестового похода в начале XIII века. Ныне это Дуррес в Албании. (*Прим. ред.*)

¹⁸¹ Старая римская дорога, пересекавшая Балканский полуостров от Диррахия на Адриатике до Фессалоник на Эгейском побережье; позже была продлена до Константинополя. Ныне большую часть ее маршрута повторяет греческая автострада Эгнатия. (*Прим. ред.*)

крови еще не утихла, вспыльчивый Гвискар обратил внимание на куда более заманчивую цель — Византию.

Прибыв под стены Дураццо, Гвискар энергично подверг город осаде, но его жители хорошо знали, что Алексей уже направляется к ним на помощь, и сдаваться не собирались. После нескольких недель бесплодных атак Роберт отступил на более защищенные позиции. 18 октября к городу прибыл император со своей армией. Войско, которое Алексей сумел собрать за такое короткое время, было необычайно огромным — но оно было подвержено традиционной византийской слабости того времени. Ядро армии, как обычно, составляла элитная варяжская стража, но прочие ее контингенты были недисциплинированным разношерстным сборищем наемников, чья верность — и храбрость — в лучшем случае не внушали доверия. Единственным утешением для Алексея было то, что варяги, по крайней мере, рвались в бой.

За пятнадцать лет до того норманнский герцог вторгся в англо-саксонскую Англию, убил законного короля в битве при Гастингсе и жестоко притеснял всех, в ком текла хотя бы капля саксонской крови. Многие из тех, кто находил неприемлемой жизнь в качестве граждан второго сорта в норманнской Англии, в конце концов прибились к Константинополю, где их вместе с их кузенами-викингами зачислили в ряды варяжской стражи. Теперь они по крайней мере могли противостоять чужеземцам, которые разорили их дома, убили их семьи и украли имущество.

Свирепо размахивая своими ужасными обоюдоострыми топорами, варяги ворвались в ряды норманнов, круша своими топорами людей и лошадей, вставших у них на пути. Перед лицом такой яростной атаки норманны отступили, но турецкие наемники Алексея предали его, и он не смог воспользоваться полученным преимуществом. Когда норманнская конница

развернулась, большая часть имперской армии была рассеяна. Лишенные прикрытия и оставшиеся в безнадежном меньшинстве, варяги были окружены и уничтожены все до единого. Алексей, истекая кровью от раны во лбу, продолжал сражаться, но он знал, что сражение проиграно. Вскоре он бежал в Болгарию, чтобы восстановить свое разгромленное войско.

Как и надеялся Гвискар, империя оказалась слаба. Когда лучшая часть византийских войск была уничтожена, казалось, ему больше нечего бояться со стороны Алексея. Весной 1082 года Дураццо был захвачен вместе с большей частью северной Греции, и теперь Гвискар мог с хвастливой уверенностью пообещать своим людям, что к зиме все они будут обедать во дворцах Константинополя.

Однако, к несчастью для кулинарных планов захватчика, Алексей был далек от мыслей о капитуляции. Изобретательный император понимал, что у него нет надежды победить в прямом противостоянии с норманнскими войсками — но были и другие способы вести войну. И в его умелых руках дипломатия оказалась оружием более острым, чем сталь.

Гвискар не знал поражений в Южной Италии, но его головокружительная карьера обеспечила ему множество врагов. Главным среди них был германский император Генрих IV, который держал в руках Северную Италию и с тревогой наблюдал за растущей силой норманнов на юге. Когда Алексей прислал значительное количество золота и недвусмысленно намекнул, что норманнский император не особенно устраивает их обоих, Генрих любезно вторгся в Рим, заставив перепуганного папу умолять Гвискара немедленно вернуться. Роберт колебался — но к этому времени еще больше византийского золота перешло в карманы итальянцев, и без того раздраженных правлением норманнов, и вскоре пришли новости о том, что Южная

Италия тоже восстала¹⁸². У скрипящего зубами от досады Гвискара не было иного выбора, кроме как уйти, оставив своего сына Боэмунда продолжать кампанию вместо него.

Алексей немедленно атаковал, быстро собрав не менее трех наемнических армий, но все они разделили судьбу предыдущей. И император добился только того, что еще больше истощил свою сокровищницу. Даже без своего харизматического правителя норманны оказались крайне серьезным противником для имперских войск, и Алексей стал искать союзника, который мог бы сразиться за него. Он нашел такого в Венеции – самой «византийской» из морских республик, правители которой были точно так же обеспокоены размахом честолюбивых замыслов Гвискара. В обмен на помощь их флота Алексей обещал венецианцам уменьшить пошлины до небывалых (и в перспективе довольно опасных для имперских купцов) пределов и даровал Венеции место для колонии в Константинополе с правом торговать в водах империи.

Эта уступка практически выдавила византийских торговцев из морской торговли, но той весной казалось, что дело того стоит: венецианский флот отрезал Боэмунда от припасов и подкреплений. К тому времени силы норманнов были полностью истощены. Прошло почти четыре года с тех пор, как норманны высадились на территории Византии, и хотя им удалось разгромить все посланные против них армии, с дня своего прибытия они ни на пядь не продвинулись в деле завоевания Константинополя. Сын Гвискара не произвел впечатления на большинство их командиров, и теперь они хотели просто вернуться домой. Поощряемые хитрыми взятками Алексея, норманнские

¹⁸² Одним из самых недооцененных подарков Алексея Византии стало то, что он восстановил золотое содержание монет и таким образом положил конец ужасной инфляции, которая подрывала экономику.

воины начали роптать, и когда Боэмунд вернулся в Италию, чтобы собрать больше денег, его командиры быстро сдались.

В следующем, 1085 году семидесятилетний Роберт Гвискар предпринял новую попытку, но сумел занять только остров Кефалония. Здесь лихорадка довершила то, чего не могли сделать мечи бесчисленных врагов, и он умер, так и не исполнив свою великую мечту¹⁸³. Империя могла вздохнуть с облегчением и снова обратить внимание на менее важные угрозы с Востока.

Мусульманская угроза — очень схожая с норманнской — не так давно чрезвычайно уменьшилась благодаря неожиданной смерти. В начале правления Алексея казалось, что турки-сельджуки поглотят остатки Малой Азии. В 1085 году Антиохия пала под их неодолимым натиском, а в следующем году та же участь постигла Эдессу и большую часть Сирии. В 1087 году был захвачен Иерусалим, и пути паломников в Священный город были полностью перекрыты новыми фанатичными хозяевами, что стало величайшим потрясением для христианского мира. Выйдя к Эгейскому побережью, мусульмане в 1090 году захватили Эфес и начали распространяться по греческим островам. Хиос, Родос и Лесбос пали один за другим. Но когда уже казалось, что Азия окончательно потеряна, султан умер, и его царство раскололось на части в обычной схватке за власть.

Когда норманнская угроза притупилась, а враги-мусульмане вступили в междоусобицу, у империи появилась возможность справиться и с угрозой сельджуков — и Алексей знал, что этот шанс может оказаться последним. Императору была нужна только армия, но как показали недавние сражения с норманнами,

¹⁸³ Хотя его тело было перенесено и захоронено в итальянском городе Веноза, прелестный городок Фискардо, где он умер, все еще носит искаженную форму его имени.

его собственное войско находилось в плачевном состоянии. Алексею пришлось искать союзников, чтобы получить необходимые мечи и укрепить свое войско. В 1095 г. он так и поступил. Взяв в руки перо, он написал письмо папе.

Решение обратиться за помощью к Риму в свете отлучения от церкви сорок один год назад было довольно удивительным — но большинство людей, принимавших участие в этой прискорбной истории, давно умерли, и за прошедшие десятилетия страсти улеглись. Император и папа могли порой спорить о разных богословских мелочах, но они принадлежали к одной вере, и Алексей написал Урбану как брату по вере. В качестве жеста доброй воли, чтобы начать все заново, император снова открыл в Константинополе латинские церкви, и когда его послы прибыли к папе Урбану II, понтифик пребывал в добром расположении духа. Его глубоко потрясли ужасающие завоевания турок, а плачевное положение восточных христиан под владычеством мусульман нельзя было и дальше оставлять без внимания. Не сохранилось ни одной записи последовавшей затем беседы, но когда спустя несколько месяцев папа отправился во Францию, у него уже родился новый великий замысел. Ислам объявил джихад, чтобы захватить священные места христианства, и распространял свою веру даже в Европе. Теперь же настало время для великого контраступления христиан. 18 ноября с церковной кафедры неподалеку от французского города Клермона папа выступил с одной из самых судьбоносных речей в истории.

Сарацины, объявил он, примчались из пустынь, чтобы украсть христианские земли и осквернить церкви, убивая христианских паломников и притесняя веру. Они снесли Храм Гроба Господня в Иерусалиме и принудили обратиться в ислам бесчисленное количество верующих. Совесть не может больше позволять Западу не обращать внимания на страдания единоверцев —

священный долг каждого христианина заключается в том, чтобы отправиться на помощь своим восточным братьям. Сарацины украли Божий город, и теперь нужны благочестивые солдаты, чтобы изгнать их оттуда. Каждому, кто выступит в поход с чистым сердцем, будут прощены все грехи.

Когда папа закончил говорить, толпа взорвалась криками. Средневековая Европа была жестоким местом, и большая часть собравшихся отлично знала, сколько крови у них на руках. Теперь, внезапно, обнажив мечи во имя Господа, они получили шанс избежать вечных мук, какие, по всей видимости, их ожидали. Местный епископ тут же преклонил колени и поклялся вернуть крест Христов, и уже скоро у папских чиновников закончился материал для тех, кто хотел вышить крест на одежде в знак своих намерений.

Франция, Италия и Германия присоединялись к лихорадке крестового похода по мере того, как Урбан путешествовал дальше, распространяя свое послание; и крестьяне, и рыцари одинаково стекались под его знамена. Отозвалось так много людей, что папе пришлось убеждать некоторых остаться дома, чтобы собрать урожай и предотвратить опасность голода. Даже в самых смелых своих мечтах он и представить не мог подобной поддержки со стороны народа.

Этот исключительный отклик вызвал энтузиазм у папы, но ужаснул Алексея. Неуклюжая толпа западных рыцарей, запленившая его город, была последним, в чем он нуждался. В действительности ему требовалось лишь некоторое количество наемников, которые признавали бы его руководство — а папа дал ему необученную и слабо управляемую толпу, которая плохо слушалась и много требовала.

Было еще множество причин не доверять крестоносцам. Папа не только умно подменил Константинополь Иерусалимом, сделав его объектом священной войны. Он также не озаботился упомянуть Алексея хотя бы в

одной из своих речей, оставив крестоносцев полностью в своей власти — в полном соответствии с идеей о том, что именно римский понтифик, а вовсе не император, является высшим авторитетом в христианском мире.

Более того, сама идея о «священной» войне была чужда для византийского склада ума. Как учил в IV веке святой Василий Кесарийский, убийства иногда нельзя избежать, но оно никогда не бывает похвальным поступком, и безусловно не может быть основанием для отпущения грехов. Восточная церковь настойчиво держалась этой линии столетиями, отвергнув даже попытку великого воина-императора Никифора Фоки признать мучениками солдат, павших в боях с мусульманами. Разумеется, войны могут быть справедливыми, но в целом дипломатия гораздо предпочтительней. Кроме того, восточному духовенству не позволялось брать в руки оружие, и странный вид норманнских церковников, вооруженных и даже ведущих за собой солдат, приводил настороженных хозяев в замешательство.

Этим странным западным рыцарям нельзя было ни в чем доверять, и некоторые византийцы подозревали, что истинной целью крестового похода было не освобождение Иерусалима, а захват Константинополя. Всякому, кто в этом сомневался, было достаточно только взглянуть на знать, уже выступившую в путь: впереди прочих был Боэмунд — ненавистный сын Роберта Гвискара.

Первая группа крестоносцев, прибывшая под стены города, не улучшила мнения Алексея о себе. После того, как папа вернулся в Италию, другие люди взяли на себя задачу проповедовать в пользу крестового похода, рассыпавшись во все стороны, чтобы распространять эту весть. Один из них, довольно неприятный монах по прозвищу Петр Пустынник, проповедовал среди бедных, предлагая беспомощным крестьянам шанс спастись от их тяжелой жизни. Собрав сорок тысяч последователей, среди которых были

мужчины, женщины и дети, слишком нетерпеливые, чтобы ждать официально назначенной даты начала похода, Петр повел свою неуклюжую орду к Константинополю. Когда они достигли Венгрии, стало ясно, что многие присоединились к крестовому походу по менее чем благородным причинам, и ни Петр, ни кто-то другой не имеет над ними власти. Разграбив все на своем пути через сельскую местность, они устроили пожар в Белграде и штурмовали стены любого города, который не соглашался их кормить. Возле города Ниш разгневанный византийский наместник попытался вооруженной силой преградить этому воинству дальнейший путь на Восток и призвать его к порядку, в произошедшей стычке было убито десять тысяч «крестоносцев».

Когда Петр и его крестьянский крестовый поход достигли Константинополя, они больше ходили не на армию, а на толпу усталых и голодных разбойников. Понимая, что у этого воинства нет ни единого шанса выстоять против турок, Алексей посоветовал им повернуть назад, но эти люди зашли слишком далеко и были твердо уверены в своей неуязвимости. Они уже представляли собой проблему, хватая все, что им нравилось, и опустошая предместья Константинополя — и Алексей, предупредив их в последний раз, переправил их в Малую Азию.

Крестьянский крестовый поход завершился предсказуемым провалом. Большую часть следующих трех месяцев крестоносцы грабили местное греческое население — очевидно, не признавая в нем братьев по христианской вере — а затем попали в турецкую засаду. Петр Пустынник сумел выжить и с трудом добраться обратно до Константинополя, но прочей части его «армии» повезло куда меньше. Самых юных и красивых детей турки оставили для невольничьих рынков, а все остальные были убиты.

Прочие отряды крестоносцев, что прибывали сле-

дующие девять месяцев, ничуть не походили на жалкую толпу, которую привел Петр. Возглавляемые самыми могущественными рыцарями в Западной Европе, они были сильны и дисциплинированы, а размером превосходили любое войско, какое мог собрать Алексей. Снабжение едой и размещение такого огромного количества людей было сущим кошмаром, еще более усилившимся от того, что ни крестоносцы, ни Алексей ни на грош не доверяли друг другу. Очевидно, что императору пришлось улаживать ситуацию с величайшей осторожностью. Раз эти пришельцы с Запада так высоко ценят клятвы, они все должны поклясться ему в верности, но это нужно сделать быстро. Прибывая по отдельности, эти армии были достаточно малы, чтобы величие столицы вызвало у них нехорошие мысли — но если им позволить объединиться, они несомненно задумают напасть на город. Константинополь был соблазном для многих поколений потенциальных завоевателей до крестоносцев; с чего бы последним было отличаться от прочих?

Беспокойство императора имело под собой основания. Константинополь был не похож на прочие города, пришельцы с Запада никогда не видели большего богатства и кружащей голову роскоши. Для бедного рыцаря город был чем-то необыкновенно странным, купающимся в золоте, а население его было в двадцать раз больше, чем население Парижа или Лондона. Повсюду в церквях отправляли загадочные обряды, которые казались пугающе еретическими, а на улицах, заполненных торговцами и знатью, разодетыми в яркие и богатые одеяния, можно было услышать разговоры на дюжине экзотических языков. Общественные памятники были невообразимо огромными, дворцы нестерпимо величественными, а рынки — чрезмерно дорогими. Произошло неизбежное столкновение культур. Византийцы, раздраженные толпами «союзников», которые грабили их города и похищали урожай, отно-

сились к крестоносцам как к варварам, едва тронутым цивилизацией; крестоносцы, в свою очередь, не скрывали презрения к наряженным в струящиеся одеяния и окруженным надушенными евнухами «изнеженным» грекам, которым люди с запада были нужны лишь для того, чтобы сражаться вместо них.

Раздраженная приторными церемониями византийского двора, большая часть высокородных крестоносцев сначала обращались с императором с едва прикрытым презрением — один рыцарь даже дошел до того, что нахально расселся на императорском троне, когда Алексей вышел, чтобы встретить его. Впрочем, император твердо держался своих позиций. Прозорливо сочетая туманные угрозы и роскошные подарки, он добился того, чтобы клятву принес каждый из них. Немногие из прибывших горели желанием поклясться в верности чужому императору (в частности, Боэмунд пытался увильнуть от клятвы), но в конце концов практически все предводители согласились вернуть империи каждый завоеванный город. Лишь прославленный Раймон Тулузский упрямо отказался от точной формулировки, вместо того ограничившись довольно туманным обещанием «уважать» жизнь и собственность людей императора.

В начале 1097 года тяжелые испытания были окончены, последних крестоносцев переправили через Босфор и высадили на азиатском берегу. Алексей почувствовал колоссальное облегчение. Армии, налетевшие на его империю, были более угрозой, чем помощью, и даже если они одержат победу в Анатолии, то, скорее всего, окажутся там более опасными, чем разобщенные теперь турки. В любом случае теперь ему оставалось только ждать развития событий.

Высадившись на берег, крестоносцы отправились к Никее, древнему городу, в котором почти восемьсот лет назад состоялся первый Великий церковный собор. Турецкий султан, уничтоживший крестовый поход про-

стонародья, был скорее раздосадован, чем встревожен, и полагал очередных пришельцев людьми того же сорта. Но вместо этого он обнаружил армию опытных воинов верхом на могучих лошадях, чьи мощные доспехи делали их полностью неуязвимыми для турецких стрел. Турецкая армия была разбита первым ударом тяжелой конницы крестоносцев, и ошеломленный султан поспешно отступил.

Единственным, что омрачило для крестоносцев их победу, был тот факт, что гарнизон Никеи предпочел сдаться византийскому командующему — а тот быстро закрыл ворота и отказался позволить крестоносцам насладиться положенным по обычаю грабежом. Для византийцев подобное поведение было полностью логичным, поскольку население Никеи составляли преимущественно христиане византийского толка, но для крестоносцев оно выглядело предательством. Они начали задаваться вопросом, кто ближе для императора, враги или союзники — особенно когда захваченным в плен туркам был предложен выбор между службой под имперскими знаменами и безопасным возвращением домой. На тот момент крестоносцы заглушили свой скептицизм, но их подозрения не предвещали ничего хорошего дальнейшим отношениям с Византией.

Алексей был только рад не обращать внимания на уязвленную гордость западных рыцарей, поскольку он был полностью уверен, что у них нет шансов выстоять против бесчисленных мусульманских армий. Однако против всех ожиданий Константинополя, в первом крестовом походе были достигнуты потрясающие успехи. Турецкий султан снова попытался остановить крестоносцев, но после двух сокрушительных поражений приказал эвакуировать все припасы с их пути и оставил их в покое.

После чудовищного марша через пустыню, раскаленное сердце Малой Азии, крестоносцы достигли Антиохии и осадили ее. Вскоре город был захвачен, но

тут у его стен появилась огромная армия под командованием турецкого правителя Мосула. Крестоносцам, которые отчаянно нуждались в воде и пище, пришлось убить большинство своих лошадей ради пропитания. Алексей собрал армию, чтобы отправиться к ним на помощь — но на полпути ему встретился сбежавший крестоносец, который сообщил императору, что всякая надежда потеряна и город, скорее всего, уже пал. Понимая, что пожертвовав своей армией, он все равно ничего не добьется, Алексей развернулся и вернулся в Константинополь.

Однако крестоносцы не сдались. Воодушевленные чудесной находкой священной реликвии, они бросились в отчаянную атаку и смогли обратить огромную армию врага в бегство. Развивая свой успех, к середине лета они дошли до Иерусалима и 15 июля 1099 года взяли штурмом Святой Город. Многие крестоносцы прослезились при виде города, дойти до которого стоило им стольких испытаний — но это не помешало им развернуть грабеж, предвкушаемый уже на протяжении четырех лет. Мало кто из жителей города получил пощаду — ни православные, ни мусульмане, ни иудеи. Чудовищная нехристианская кровавая бойня продолжалась до самого утра.

Потребовалось несколько недель, чтобы очистить город от зловония гниющих трупов, и к тому времени крестоносцы уже выбрали себе короля. Согласно клятве, которую дали они все, им следовало вернуть город — и всю остальную добычу — Византийской империи. Но на это больше не было никакой надежды. В представлении крестоносцев, когда Алексей не оказал им помощи в Антиохии, он тем самым совершил предательство, и теперь они оказались свободны от своих обетов. Боэмунд, уже владевший Антиохией, сам назначил себя князем, прочие завоевания крестоносцев также были разбиты на отдельные разнообразные княжества и королевства. Если император хотел настаивать на своих

правах в отношении их земель, ему следовало явиться сюда лично — и с армией за спиной.

Однако Алексей был счастлив отпустить Палестину. Несколько буферных христианских государств в землях, что были потеряны столетиями, могли сослужить хорошую службу. Но вот того, что его враг Боэмунд обосновался в Антиохии, он стерпеть не мог. Долго считавшаяся вторым городом в империи, место пребывания одного из великих патриархатов христианской церкви, Антиохия попала в руки турок лишь пятнадцать лет назад. Ее население было полностью православным, местным языком — греческий, а культура — насквозь византийской. Но даже когда Боэмунд добавил к ущербу еще и оскорбление, выгнав греческого патриарха и заменив его латинским, Алексей мало что мог поделать.

Император использовал крестовый поход для отвлечения внимания противников и вернул большую часть северо-западной Малой Азии — включая города Эфес, Сардис и Филадельфию. Однако его войска оказались слишком разбросаны, и дотянуться до Сирии не было никакой надежды.

Казалось, что Боэмунд волен причинить императору столько вреда, сколько пожелает. Но летом 1100 года он попал в турецкую засаду и следующие три года провел в заточении в отдаленном замке. На его спасение были отправлены целых три экспедиции, но когда они, как обычно, проигнорировали предложенных Алексеем проводников и советы, турки легко с ними разделались. Впрочем, это не помешало крестоносцам обвинить в своей неудаче императора, и когда разъяренного Боэмунда наконец выкупили, в Европе он обрел широкую поддержку для нового натиска на Византию¹⁸⁴.

¹⁸⁴ Ему удалось покинуть территорию Византии, спрятавшись в гробу в компании с протухшим петухом, чтобы обеспечить соответствующий запах. Пока его спутники рыдали и облачались в траурные одеяния, «гроб» Боэмунда тайком погрузили на корабль и в целостности доставили в Рим.

Горький цветок недоверия и враждебности теперь распустился окончательно, и корни его росли из глубокой культурной пропасти между Востоком и Западом. В глазах Европы истинным врагом государств крестоносцев был вовсе не ислам, а жадная и лживая Византия. Император ничего не предпринял, чтобы помочь крестоносцам, когда они попали в ловушку в Антиохии, он ограничил им доступ в имперские города, но мусульманским пленникам оказал всяческое уважение (вплоть до того, что им подавали еду без свинины) и обращался с ними как с ценными союзниками.

С другой стороны, в Константинополе изначальные опасения Алексея, казалось, наконец нашли себе подтверждение: настрой крестоносцев оказался всего лишь старой песней на новый лад. Чужеземцы пришли со словами поддержки и говорили о братстве — но в конечном итоге жаждали только завоеваний и грабежей. Теперь Алексею предстояло столкнуться с новой армией, во главе которой стоял его старый враг Боэмунд.

С начала экспедиции Боэмунд пытался повторить успех своего отца. Высадившись в Эпире с армией в тридцать четыре тысячи человек, он немедленно отправился к Далматинскому побережью и осадил могучий город Дураццо. Но Византия уже не была раздробленным слабым государством, как двадцать пять лет тому назад, когда Роберт Гвискар привел с собой норманнов, вломившись в империю. Четверть столетия под управлением одного государя дала империи огромное преимущество стабильности, объединив различные знатные семьи под твердым единым руководством. Процветание вернулось в полном объеме, а вместе с ним укрепилась и верность правительству в Константинополе. Моральный дух гарнизона Дураццо был на соответствующем уровне, и город легко отбил все атаки, а византийский флот отрезал Боэмунда от снабжения припасами. Алексей неторопливо выдвинулся с

армией из Константинополя, вынудив норманнов обороняться от атак и с тыла, и со стороны города.

К концу года люди Боэмунда голодали и, как это часто случается в военных лагерях, страдали еще и от малярии. Обессиленного и униженного крестоносца доставили к императору, где он покорно согласился на безоговорочную капитуляцию. С позором возвратившись в Италию, Боэмунд умер спустя три года, больше никогда не осмелившись снова показаться на Востоке.

Алексей навел лоск на потускневшую репутацию империи и был более успешен, чем можно было надеяться в начале его правления. Но теперь ему было около шестидесяти, и он быстро старел. Страдая от острой формы подагры, он был более озабочен усилением того, что ему удалось вернуть, чем новыми сражениями с турками. Пытаясь облегчить положение своих подданных, он уменьшил налоговое бремя на бедняков, построил для них в столице большую бесплатную больницу и приют для бездомных. Обеспокоенный растущим влиянием Венеции в империи, император предложил торговое соглашение Пизе на тех же самых условиях, надеясь, что две морские республики уравновесят друг друга.

В 1116 году состоялась его последняя кампания против турок; он полностью разбил войска султана, положив конец постоянным нападениям на византийское побережье. По условиям итогового соглашения греческое население внутренних областей Анатолии переселялось на территорию Византии, избегая рабства, но исламизация Малой Азии продолжалась.

Императору, вернувшемуся из похода с победой, оставалось жить не так долго. Вынужденный проводить время сидя, чтобы была возможность дышать, опухший от болезни, он протянул до августа 1118 года и умер в постели, окруженный всей своей родней¹⁸⁵. Он был вы-

¹⁸⁵ Среди них была его дочь Анна Комнина, написавшая «Алексиа-

дающимся правителем и заслужил, чтобы его похоронили в Церкви Апостолов среди величайших из императоров — но вместо этого он выбрал местом упокоения маленькую тихую часовню, которую построил рядом с набережной¹⁸⁶. Тридцать семь лет, что он провел на троне, подарили империи успокоительную стабильность именно тогда, когда она нуждалась в этом больше всего, и заложили основание для возвращения силы и процветания. Полномасштабный коллапс бы остановлен, император даже сумел вернуть Византии богатые прибрежные земли вдоль Средиземного и Черного морей. Если бы между его людьми и крестоносцами сложились чуть более доброжелательные отношения, и сотрудничество оказалось более успешным, Алексей почти наверняка смог бы отвоевать и внутренние области Малой Азии.

Если бы центральные районы Анатолии вернулись к империи, ущерб, нанесенный Манцикертом, был бы полностью возмещен, и гораздо более сильная Византия своим существованием лишила бы турок плацдарма в Европе. В последующие столетия на имперском троне побывает множество способных и честолюбивых людей; получив доступ к богатствам Малой Азии, они, возможно, смогли бы предотвратить пять столетий рабства, ожидающих половину Европы. Но плохие отношения между Византией и крестоносцами не были виной Алексея, и вряд ли его можно винить за их дальнейшее ухудшение. Крестовый поход мог с легкостью погубить едва начавшееся восстановление им-

ду» — возможно, самое интересное повествование о жизни и эпохе Алексея.

¹⁸⁶ Эта церковь все еще находится там, почти погребенная в окружающей каменной кладке. И хотя теперь она представляет собой руины (и не совсем необитаемые), ни одной могилы там найдено не было. Возможно, Алексей все еще спит там в каком-нибудь необнаруженном склепе, и снятся ему счастливые дни империи.

перии – но император выжал из ситуации максимум возможного и сумел достичь большего, чем можно было надеяться. Никто из его наследников не будет обладать теми же умениями – или той же удачливостью.

После того, как последние крестоносцы покинули Константинополь, последствия их пребывания еще долго отзывались в столице империи. Хотя первый опыт оставил горький привкус у обеих сторон, на довольно изнеженный двор произвела тем не менее глубокое впечатление превосходные физические навыки их грубых гостей. Во многих случаях эти развязные люди определили первые впечатления византийских верхов от далекого Запада. Хотя крестоносцы были необразованными и грубыми, имелось некое дикарское достоинство в том, как держались эти железные люди.

Когда Второй крестовый поход, возглавленными венценосными особами Германии и Франции, проложил свой путь через столицу во время правления Мануила Комнина, внука Алексея, пышная процессия рыцарской эпохи оказала влияние на богатое воображение византийцев. У знатных дам вошло в моду носить платья в западном стиле, а император Мануил даже стал устраивать рыцарские турниры, ужасая двор тем, что сам участвовал в состязаниях¹⁸⁷.

Впрочем, увлечение этими западными штучками несло в себе привкус превосходства, которое любая более старая цивилизация чувствует в отношении младшей, пусть и угрожающей. Состоятельные люди могли забавляться, подражая этим экзотическим чужеземцам и их варварским обычаям – но они питали мало действительно теплых чувств к своим западным сородичам и

¹⁸⁷ В отличие от более ранних римских императоров (Нерон или Коммод), которые участвовали в олимпийских играх в том случае, когда победа была гарантирована, Мануил, по всей видимости, был довольно умелым бойцом-поединщиком. Согласно византийским записям, в одном из турниров он смог выбить из седла двух известных итальянских рыцарей.

плохо их понимали. Неважно, насколько искусными эти рыцари были на войне — в глубине души большинство византийцев считало их всего лишь варварскими выскочками, недостойными претендовать на духовную и мирскую славу Константинополя. Может, Римская империя и потеряла значительную долю своего земного блеска, но все же осталась сияющим маяком образованности и цивилизации в темнеющем мире, и никакой князь или король с варварского Запада никогда не сможет действительно преодолеть это различие.

Подобные высокомерные притязания могли смотреться адекватно при императорах династии Комнинов, поскольку восстановление империи продолжалось. Сын Алексея, Иоанн Красивый¹⁸⁸, разбил агрессивного короля Венгрии¹⁸⁹ и заставил турок-данишмендидов¹⁹⁰ стать его вассалами. Когда упрямо отстаивающие свою независимость армянские князья продолжили сопротивление, император сам отправился в Армению и отвез их для надежности в византийскую тюрьму. Эта демонстрация имперской власти образумила вражду-

¹⁸⁸ Колоноанн, что более точно означает «прекрасный душой». (Прим. ред.)

¹⁸⁹ На самом деле византийско-венгерская война 1127–1129 годов была вызвана вовсе не агрессивностью короля Иштвана II, а внутривенгерскими распрями — мятежом сторонников дяди короля, герцога Альмоша, бежавшего в Византию и попытавшегося получить там поддержку своим претензиям на престол. В целом же Венгрия вплоть до конца XII века была традиционным союзником Византии, в первую очередь в противостоянии с Венецией. (Прим. ред.)

¹⁹⁰ Данишмендиды — туркменская (тюркская) династия, ведущая свое начало от Данишменда Гази, после сражения при Манцикерте (1071 год) основавшего свое государство в Восточной Анатолии, к северу от Киликийской Армении и восточнее Конийского (Румского) султаната. Формально подчинялись багдадскому халифу, получив от него царский титул малика. Государство Данишмендидов некоторое время боролось с Конийским султанатом, однако в 1170-х годах окончательно вошло в его состав. (Прим. ред.)

ющие государства крестоносцев: князь Антиохии даже предстал перед императором и заверил его в своей нижайшей преданности.¹⁹¹

Несчастный случай на охоте оборвал многообещающее царствование Иоанна Красивого, но его даже более выдающийся сын Мануил продолжил дело своего отца с того же самого места. Высокомерный князь Антиохии, ошибочно принявший молодость императора за слабость, потребовал, чтобы ему немедленно передали несколько крепостей — но добился лишь того, что Мануил молниеносно появился перед городом, устранив его жителей. Прочие государства крестоносцев верно поняли намек и поспешили объявить императора своим верховным сюзереном. Когда в 1159 году Мануил вошел в Антиохию, чтобы лично принять власть над ней, высшие сановники мира крестоносцев — включая короля Иерусалима, покорно следовали за ним. Спустя три года турки-сельджуки признали свое вассальное положение в обмен на обещание Мануила оставить их в покое; на Западе Сербия и Босния были аннексированы империей. Казалось, что Византия оправилась после Манцикерта и вернула свой авторитет.

Впрочем, на горизонте уже появлялись тревожные облака. Репутация империи на Западе была не особенно высокой со времен первого крестового похода, но она значительно ухудшилась с полным провалом второго. Хотя это поражение вряд ли случилось по вине Византии, французские и в особенности норманнские крестоносцы вернулись домой, рассказывая про византийскую лживость, в том числе о соглашениях Константинополя с мусульманами. Тот факт, что крестоносцы

¹⁹¹ Это был Раймунд де Пуатье, в 1137 году повторивший присягу, принесенную еще его предшественником Бозмундом I. В Антиохию был возвращен православный патриарх, а на главной башне города вывешен имперский флаг. В 1145 году Раймунд подтвердил эту присягу, явившись в Константинополь ко двору нового императора, Мануила Комнина. (*Прим. ред.*)

раз за разом игнорировали совет Мануила не заходить в земли турок, следуя по безопасным прибрежным дорогам, при этом благоразумно опускался¹⁹²: обвинение в договоренностях с султаном являлось убийственным само по себе. Было ясно, что еретические греки совершенно не заботились о деле христианства на Востоке и тайно пытались помешать успехам крестоносцев.

Даже еще более опасными, чем очерненная репутация Византии на Западе, были ухудшившиеся отношения с Венецией. Итальянский город-государство стал настоящей торговой империей в основном за счет Византии, и растущее влияние венецианских купцов было непереносимо для рядовых византийских торговцев, чья торговля задыхалась. По улицам столицы нельзя было пройти, не столкнувшись с несносным венецианцем, и многие хотели, чтобы император отослал их обратно в их лагуну.

Разумеется, такой могущественной империи, как Византия, было не нужно, чтобы ее торговцев вытесняли иностранцы, а ее богатства утекали в чужой далекий город. Иоанн Прекрасный пытался сдерживать венецианское влияние, отказавшись возобновить их торговые права – но лишь спровоцировал войну, в которой безнадежно обветшавший византийский флот оказался совершенно бессилён. После нескольких месяцев конфликта, в течение которых берега византийских земель подвергались постоянным нападениям, а торговля оказалась нарушена, Иоанн проглотил свою гордость и уступил венецианским требованиям, добившись только

¹⁹² Германцы предпочли игнорировать совет Мануила, отправились кратчайшим путем и почти сразу же угодили в засаду, в которой тевтонская армия была практически уничтожена. Под командованием французов оставшиеся крестоносцы приняли безумное решение атаковать Дамаск – единственную дружественную им мусульманскую державу – и вторглись туда в середине лета. 28 июля 1148 года, после всего пяти дней крайне неудачной осады, предводители христиан с отращением прекратили свои попытки и вернулись домой.

новых взаимных обид. Его сын Мануил и здесь оказался более удачливым. В 1171 году император совершил поступок, в равной мере безрассудный и храбрый: он попросту приказал арестовать всех венецианцев в империи и захватить их товары, не обращая внимания на гневные протесты. Венецианский посол Энрико Дандоло был с возмущением отозван (хотя перед этим умудрился потерять один глаз), и его место занял могучий флот. Обе нации снова оказались на пороге войны, но в этот раз у Византии даже не было флота, поскольку Иоанн прекратил его финансирование несколько лет назад. Невероятно, но и в этот раз удачливость Мануила выручила его. На венецианских кораблях разразилась чума, снабжение флота было нарушено. Неудачливый дож вернулся в Венецию, принеся вместе с собой чуму, и был жестоко убит разъяренной толпой.

Морской торговле империи удалось избавиться от мертвой хватки венецианцев — но это была пиррова победа. На тот момент республика довольствовалась тем, что зализывала раны и баюкала раненое самолюбие, но в венецианской лагуне ничего не забыли. Пройдет тридцать два года, когда Венеция — и Энрико Дандоло — отомстят.

Ободренная выросшим международным уважением, Византия, которую снова стали рассматривать как великую державу эгейского и балканского регионов, уделяла мало внимания тем, кого ей довелось обидеть. Империя, которая, казалось, была в состоянии собрать огромные армии, просто топнув ногой, внушила страх своим врагам на Востоке и подчинила своей воле провинции на Западе. Мануил был настолько уверен в ее могуществе, что даже написал папе, по сути, предлагая стать мечом церкви. Но сила Византии была по большей части иллюзией, созданной тремя выдающимися императорами. Образованный и эффектный Мануил мог выглядеть настоящим императором и поражать всех встречных широтой своих познаний — но его по-

беды не имели под собой реальной базы. Короли и князья крестоносцев клялись ему в верности, но все прекратилось, когда ушли его армии; и хотя турки стали его вассалами, это только усыпило империю. Без возвращения Малой Азии в состав империи Византия была лишена источников для надежного восстановления, но, за одним несчастным исключением, никто из императоров династии Комнинов никогда не предпринимал попытки вернуть потерянный центральный район полуострова. Их войны были исключительно оборонительными, реакцией на внешние угрозы, а не попытками возместить серьезный ущерб, нанесенный Манцикертом.

Самая важная ошибка Мануила состояла в том, что он не смог изгнать исламские армии из Анатолии. В начале его правления турки-данишмендиды были сломлены и расколоты, казалось, одного вида имперской армии достаточно, чтобы повергнуть их в страх. Приведя к повиновению государства крестоносцев, Мануил мог обратить меч против турок — но вместо того он принял их вассалитет и повернулся к ним спиной почти на десять лет.

В результате, когда имперские армии покинули этот регион, сельджуки вторглись на территорию данишмендидов, легко справившись со своими ослабевшими врагами. Первый раз за почти столетие турецкая Малая Азия снова оказалась объединенной под властью одного сильного султана. Вместо враждующих и разобщенных неприятелей Мануилу теперь противостоял объединенный враждебный фронт. В 1176 году он попытался исправить свою ошибку и отправился с армией на штурм турецкой столицы Икониума — но попал в засаду, переходя через перевал Мириокефал. После почти столетия неурядиц имперская армия опять показала себя столь же бессильной против турок, и безвозвратно утратила свою репутацию. Сила империи оказалась всего лишь чудовищной мистификацией, иллюзией,

основанной на блестящей деятельности императора, но лишенной всяких оснований.

Мануил прожил еще четыре года и даже сумел устроить засаду на небольшое турецкое войско, отомстив за свое болезненное поражение. Но дух его был подорван, и колесо истории уже повернулось против Византии. Осенью 1180 года он смертельно заболел, и 24 сентября умер, приведя блистательный век Комнинов к завершению. Его смерть во многом походила на его жизнь: пример того, как замечательно он умел выбирать время. Правя во времена наивысшего авторитета Византии, он скончался как раз тогда, когда силы империи истаяли и небо потемнело. Император умер, оставив своих наследников перед самой бурей. Те, кто наблюдали за его похоронной процессией, не знали, что они в последний раз видят великолепие империи перед тем, как оно исчезнет. После Мануила весь карточный домик очень быстро развалится на части.

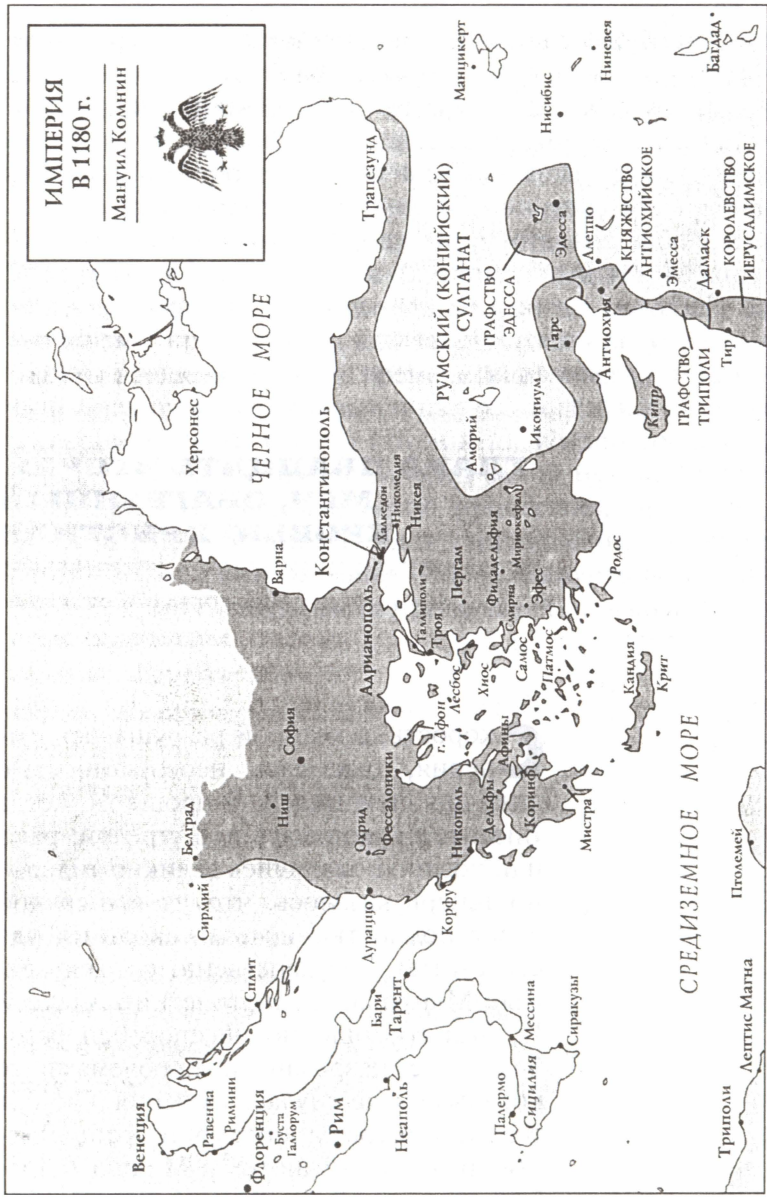
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ. МЕЧ, ОБАГРЕННЫЙ КРОВЬЮ ХРИСТИАН

.....

Скорость, с которой разрушалась империя, оказалась неожиданностью даже для ее жителей. В прошлом, когда Византия находилась под угрозой, рано или поздно появлялись великие лидеры, но теперь казалось, что на имперской сцене полностью исчезли сколь-нибудь серьезные государственные деятели. Сын Мануила, двадцатилетний Алексей II, был совершенно не способен разобрататься с назревшими проблемами, с которыми столкнулась империя. Он мог только смотреть, как турки беспрепятственно продвигаются в Малую Азию, блистательный Стефан Неманья объявляет о независимости Сербии, а бес-

ИМПЕРИЯ
В 1180 г.

Мапуил Комнин

принципный король Венгрии отнимает у империи Далмацию и Боснию.

Некоторая надежда появилась, когда троном завладел кузен Мануила Андроник — но он, полностью заслуживая свое прозвание «Ужасный»¹⁹³, оказался совершенно неподходящим спасителем. Например, к тому времени, когда он взошел на трон, Андроник уже совратил аж двух своих племянниц¹⁹⁴. В полной мере наделенный энергией своей семьи, но не ее сдержанностью, он знал только язык силы, и хотя ему удалось победить коррупцию, его правление скоро превратилось в террор. Почти обезумев от паранойи, он заставил сына Мануила подписать свой смертный приговор, приказал казнить его, а в довершение всего совершил еще один извращенный поступок, женившись на одиннадцатилетней вдове казненного. Через два года терпению жителей столицы пришел конец — проявив подобающую случаю жестокость, они возвели на трон нового императора.

Несмотря на все свои недостатки, Андроник Ужасный, по крайней мере, сохранял в империи некоторое подобие центральной власти. Исаак Ангел же, занявший его место, основал династию, которая растратит оставшуюся силу империи и будет присутствовать при ее окончательном падении. Не привыкший руководить, Исаак сидел без дела, бессильно наблюдая, как рушится авторитет центрального правительства. Местные правители стали практически независимыми; как союзники, так и враги империи начали понимать, что Константинополь обессилен. Эгейские и Ионические острова, находившиеся в безопасном отдалении от гни-

¹⁹³ На самом деле Андроника прозывали «Полифрон». (Прим. ред.)

¹⁹⁴ Это были его троюродные племянницы — Евдокия, сестра его кузена Иоанна, и Феодора, племянница императора Мануила Комнина и вдова иерусалимского короля Балдуина III. Справедливости ради следует заметить, что на последней Андроник даже женился (Прим. ред.)

ющего флота, восстали почти немедленно, и Балканы вновь ускользнули из рук Византии — теперь уже навсегда.

К несчастьям империи добавилась и ухудшившаяся ситуация на христианском Востоке. Мусульманский мир объединился под руководством выдающейся личности — курдского султана по имени Саладин, и грызущиеся между собой государства крестоносцев не могли оказать ему особенного сопротивления. В 1187 году пал Иерусалим — и Запад, разумеется, отправил новый крестовый поход, чтобы вернуть его. В качестве перевалочной базы был использован Константинополь. Присутствие в столице иностранных войск было опасно и в лучшие времена, но перепугавшийся Исаак едва ли мог разрешить ситуацию худшим образом. Когда германские послы прибыли в столицу, чтобы обсудить вопрос перевозки войск в Малую Азию, Исаак запаниковал и бросил их в тюрьму. Взбешенный германский император Фридрих Барбаросса пригрозил направить против Константинополя крестовый поход — и несдержанный Исаак полностью уступил, немедленно освободив узников и осыпав их золотом и извинениями.

Это постыдное поведение самым лучшим образом подтвердило отвратительную репутацию Византии на Западе и внушило отвращение находящимся в тяжелом положении подданным императора. Исаак лишился всей оставшейся у него поддержки, когда принял безумное решение официально распустить имперский флот и доверить Венеции защиту морских путей империи. Алексей, младший брат Исаака, увидел в этом возможность сыграть свою игру. Он устроил засаду на императора и его сына, схватил их и — после того, как ослепил императора — бросил обоих в самую темную тюрьму, которую смог найти.

К несчастью для империи, новый император Алексей III оказался гораздо хуже, чем его брат. Захват трона отнял большую часть его энергии, и теперь он не

желал заниматься государственными делами. Пока турки продвигались по византийскому побережью Малой Азии, а болгары распространялись на запад, Алексей III был занят поисками денег для устройства пышных приемов, опустившись даже до того, чтобы сорвать золотые украшения со старых императорских гробниц.

Пока император грабил свой город, Исаак в своей темнице мечтал об отмщении. Его собственный побег был невозможен, а поскольку он был слеп, еще и совершенно бесполезен. Но если бы его сын Алексей IV смог освободиться, правосудие еще имело шанс свершиться. Каким-то образом старый император связался со своими сторонниками в городе, и в 1201 году двое пизанских торговцев смогли тайно переправить молодого принца на волю. Бежав в Венгрию, Алексей IV узнал неожиданную новость: новая армия крестоносцев выступила в поход.

Третий крестовый поход оказался неудачным. Разграбив сельджукскую столицу Икониум, грозный германский император Фридрих Барбаросса весьма нелепо утонул во время перехода через реку Салеф в юго-восточной Анатолии¹⁹⁵. Без него германское войско впало в панику и разбежалось, а несколько солдат в отчаянии даже покончили с собой. С другой стороны, английская и французская армии прибыли в гораздо лучшем состоянии и были готовы сражаться, возглавляемые энергичным Ричардом Львиное Сердце. Впрочем, восстановление всех утрат, понесенных государствами крестоносцев, было утомительной задачей, и у Ричарда просто не хватило терпения на это. После года, проведенного в завоеваниях побережья, он утратил весь свой энтузиазм. Иерусалим казался таким

¹⁹⁵ Как и в случае с королем Артуром в Британии, вскоре возникла легенда о том, что Барбаросса не умер, а просто спит в задумчивых горах Германии. Он восстанет, говорилось в этой легенде, когда его вороны перестанут летать, и вернет Германии ее былое величие.

же недосыгаемым, как и всегда, крестоносцы немилосердно ссорились между собой, а французский король (как Ричард верно подозревал) готовил против него заговор. Спешно договорившись о перемирии с главным мусульманским противником — доблестным Саладином, — Ричард отплыл на поиски других приключений, заявив перед своим уходом, что все будущие крестовые походы должны проводиться против Египта — «ахиллесовой пяты» Востока.

Репутация Ричарда в Европе была настолько высока, что германские предводители Четвертого крестового похода решили последовать его совету и захватить Иерусалим через Египет. Это, конечно, означало, что целой армии потребуется переправиться через Средиземное море — а существовало только одно место, которое могло обеспечить достаточное количество кораблей для всех крестоносцев. Взяв с собой свои дворы, европейские князья отправились в Венецию.

История отношений островов в венецианской лагуне с Византийской империей была долгой и сложной. Скопление островов, что позднее стало Венецией, изначально было заселено беженцами от ломбардского вторжения в Италию в VI веке. Поначалу Венеция находилась под властью имперского правителя Равенны и жадно впитывала окружающую ее византийскую культуру. Церковь на одном из старейших островов, Торчелло, была построена на деньги императора Ираклия, главный собор Сан-Марко являлся неточной копией Церкви Апостолов в Константинополе, а сыновья и дочери Венеции регулярно отправлялись за образованием — или супругами — в Византию. Даже сам титул «дож» был искажением изначального имперского титула *dux*, или *дюк*. Впрочем, в последующие годы между республикой и империей было больше соперничества, чем сотрудничества, а недавнее жестокое обращение императоров Комнинов с венецианскими торговцами все еще действовало итальянцам на нервы.

Особенно хорошо помнил эти события венецианский дож, к которому и обратились организаторы крестового похода в 1202 году. Это был не кто иной, как Энрико Дандоло — тот самый посол, который тщетно протестовал против захвата императором Мануилом венецианской собственности в Византийской империи тридцать лет назад. Старый дож, которому теперь было за девяносто и который уже полностью ослеп, скрывал под дряхлой внешностью живой ум и железную волю. Ему представилась возможность, которой расчетливый Дандоло не мог упустить. Венецианские требования о возмещении имущества все еще не были удовлетворены, и оскорбления, нанесенные империей, ничуть не забылись за прошедшие годы. Теперь венецианцам наконец представилась возможность отомстить.

Для начала он согласился построить требуемые корабли — но за невероятно высокую плату. К несчастью для крестоносцев, число людей, принявших участие в экспедиции, было неприлично мало, и они могли предложить лишь чуть больше половины запрошенной суммы¹⁹⁶. Дандоло хитроумно прекратил поставки

¹⁹⁶ Конкуренты Венеции — Генуя и Пиза — готовы были взять заметно меньше, но у них не имелось достаточно кораблей для перевозки той армии, которую рассчитывали собрать организаторы похода. Венеция согласилась предоставить нужное количество кораблей — но запросила более высокую сумму с человека; в пересчете же на всю армию, которую предполагали собрать организаторы похода, она была просто гигантской. Самое интересное, что у Венеции тоже не было нужного количества кораблей — получив аванс, венецианцы сразу же начали строительство новых судов. Но число собравшихся в поход оказалось гораздо меньше предполагаемого, вдобавок многие, испугавшись высоких венецианских расценок, решили ехать самостоятельно. В итоге руководители крестового похода просто не смогли набрать сумму, которую ранее обязались заплатить по договору — а венецианцы уже вынуждены были свернуть торговые операции и пустить оборотные средства на строительство кораблей. Таким образом, причиной создавшейся коллизии было не столько коварство Дандоло, сколько его

еды и воды христианской армии, запертой в лагуне в ожидании своего флота, и когда стала более сговорчивой, мягко повторил свое предложение. Венгерский король недавно перехватил у Венеции протекторат над городом Зара на побережье Далмации. Если бы крестоносцы согласились вернуть этот город его законным владельцам, выплата этой суммы могла быть отложена.

Папа незамедлительно запретил подобную возмутительную профанацию крестового похода — но у крестоносцев было мало выбора¹⁹⁷. Некоторое количество рыцарей покинули войско, поскольку им внушала отвращение мысль о нападении на христианский город — но большинство, скрепя сердце, погрузились на корабли и отправились в плавание. Испуганные жители Зары, ошеломленные тем, что их атакуют солдаты Христа, безнадежно вывесили на стенах кресты, но все было напрасно. Крестоносцы ворвались в город и полностью его разграбили; казалось, что в своем рвении они не могут пасть еще ниже.

Именно у Зары к крестовому походу присоединился спасающийся бегством Алексей IV. Отчаянно нуждаясь в поддержке, он был готов сказать все что угодно, лишь бы спасти своего отца и свергнуть дядю. За возвращение на трон он опрометчиво пообещал предоставить походу еще десять тысяч солдат, а вдобавок заплатить крестоносцам по меньшей мере в три раза больше, чем они были должны Венеции. Чтобы окончательно убе-

фантастическая жадность и столь же фантастическая непредусмотрительность. (*Прим. ред.*)

¹⁹⁷ Добавим, что венгерский король сам принял крест — то есть объявил о готовности отправиться в крестовый поход. По церковным законам нападать на него и его подданных было нельзя, тем более воинству креста. Но крестоносцы нашли лазейку: они заявили, что король Венгрии уже целых три года откладывает свой отъезд в Палестину, то есть всего лишь прикрывается крестом, на деле не собираясь отвоевывать Гроб Господень. При этом сами участники Четвертого крестового похода действовали точно так же. (*Прим. ред.*)

дить руководителей похода, он даже предложил передать византийскую церковь под контроль Рима в обмен на помощь крестоносцев в возвращении его короны.

Наверное, еще ни одни переговоры в истории Византии не наносили ей такого вреда. Энрико Дандоло отлично знал, что сумасбродные обещания византийского принца были чистой фантазией. Центральная власть в империи слабела десятилетиями, а недавние восстания в сочетании с продажным чиновничеством не давали возможности собрать даже полагающихся налогов — намного меньшие тех щедрых сумм, что обещал Алексей IV. Однако старый дож, сидя среди руин Зары, начал думать о куда большей награде, и глупый византийский принц мог стать отличным инструментом мести. Вероятно, дож вообще не намеревался нападать на Египет, поскольку именно тогда его послы заключили выгодное торговое соглашение в Каире.

Дандоло притворно согласился перенаправить крестовый поход к Константинополю, а тем солдатам, что слишком шепетильно отнеслись к нападению на крупнейший христианский город, он мягко указал, что греки являются еретиками, и возведя Алексея IV на трон, они восстановят единство Церкви. Папа в ярости отлучил от церкви всех, кто поддерживал эту идею, и некоторые воины с отвращением от нее отказались. Но венецианский дож был убедителен, и снова большая часть солдат покорно погрузились на свои корабли. Теперь четвертый крестовый поход полностью был под контролем Дандоло.

Алексей III уже показал себя ленивым и испорченным человеком, а теперь обнаружилось, что он еще и трус. Когда армия крестоносцев показалась у стен Константинополя, он бежал во Фракию, захватив с собой драгоценности короны и оставив столицу на произвол судьбы. Ошарашенные жители города смотрели, как флот крестоносцев разрушает массивную цепь, перекрывавшую имперскую гавань, и яростно атакует более

низкие и уязвимые стены, защищавшие город с моря. Вскоре крестоносцы ворвались в город, поджигая все дома на своем пути. В императорском дворце испуганные придворные поняли, что есть только один способ остановить захватчиков. Ужасные пришельцы с Запада пришли свергнуть узурпатора и восстановить законного императора, поэтому придворные торопливо послали кого-то привести Исаака из темницы. В мгновение ока растерявшийся слепой старик оказался на троне, с короной, напыленной поверх остатков его волос, и вестники поспешили к лагерю крестоносцев, чтобы сообщить им, что их требования выполнены. Алексей IV был торжественно коронован своим отцом, соглашение, которое он заключил с крестоносцами, было подтверждено ими обоими, и крестоносцы отошли к Золотому Рогу ожидать своей награды.

Старый император Исаак мог быть слепым, а благодаря тюрьме еще и несколько безумным — но он сразу же понял, что его сын пообещал западным головорезам больше, чем мог исполнить. Алексей IV вскоре пришел к тому же заключению. Опустошив сокровищницу и конфисковав большую часть богатств своих подданных, он сумел собрать только половину суммы, вдобавок к Рождеству 1203 года его популярность у жителей была не выше популярности Антихриста. С того самого момента, как Алексей IV появился вместе с этими варварскими дикарями, он приносил в город одни несчастья, а теперь вообще обобрал горожан до нитки. Если бы только, шептались некоторые горожане, этот никуда не годный император остался в своей тюремной камере, было бы гораздо лучше.

Взгляды крестоносцев на Алексея IV были не менее скептическими. Для них он являлся жалким человеком и к тому же обманщиком. Они не могли поверить, что правитель такого величественного города, полного грандиозных памятников и высоких зданий, не может собрать обещанных денег. Конечно же, настоящий им-

ператор мог бы просто шелкнуть пальцами — и появилась бы сумма в десять раз больше обещанной. Энрико Дандоло был не в последнюю очередь заинтересован в обещанной награде, но он вкрадчиво играл на страхах крестоносцев, намекая, что император что-то от них скрывает, увиливая от ответа и готовя свою армию к сопротивлению. Император, сказал он, это вероломная змея, и его обещания ничего не стоят. Теперь единственным путем заполучить обещанную награду была война.

Пока Дандоло неумолимо подталкивал крестоносцев к войне, Константинополь наконец страхнул с себя сонное оцепенение. Там было много тех, кто желал изгнания Ангелов, но на действие в конечном итоге решился выдающийся человек по имени Алексей Мурзуфл¹⁹⁸. Он ворвался в императорские покои посреди ночи, растолкал своего сонного государя и сказал ему, что весь город жаждет его крови. Обещав тайно отвести испуганного императора в безопасное место, Мурзуфл вместо этого отдал его в руки своих соучастников по заговору, которые заковали молодого императора в кандалы и бросили в темницу, где уже ждал его отец Исаак. Их воссоединение по понятным причинам было печальным, но в этот раз оно оказалось коротким, поскольку Мурзуфл действовал наверняка. Исаака Ангела, старого и больного, убить было просто; но яд не оказал желаемого действия на его сына, после чего Алексея IV удавили тетивой от лука.

В другое время и в другом месте Мурзуфл мог бы стать прекрасным императором. Ему было за шестьдесят, но он все еще был энергичным и решительным. Он сумел вдохнуть в горожан новые силы, укрепил стены, запас пищу и разместил стражу на крепостном валу. Но его войска были слишком рассредоточены,

¹⁹⁸ Мурзуфл означает «печальный» или «насупленный». Настоящее его имя было Алексей Дука, но поскольку у него были необычайно кустистые брови, которые придавали ему вечно угнетенный вид, он был повсеместно известен под прозвищем Мурзуфл.

стены слишком длинными, а враги слишком многочисленными. В понедельник 12 апреля 1204 года подстегиваемые нашептываниями Дандоло крестоносцы снова атаковали, бросившись на штурм тех же самых приморских стен, что уже оказались уязвимыми прежде. Мурзуфл, который благоразумно нарастил их высоту, был, казалось, сразу повсюду, проезжая мимо крепостных валов в тех местах, где сражение было самым жарким, чтобы ободрить своих людей. Но за несколько часов сражения крестоносцам удалось взять ряд башен, а группа французских солдат смогла выломать ворота. Крестоносцы хлынули в брешь, и с этого момента город был обречен. Варяжская дружина слалась. После отчаянной попытки сплотить своих людей, император понял, что все потеряно, и выбрался из города через Золотые ворота, чтобы спланировать контрнаступление.

Когда Мурзуфл сбежал, всякая видимость византийского сопротивления пропала. Однако крестоносцы боялись отчаянного сопротивления на тесных участках улиц и подожгли столько зданий, сколько смогли, надеясь удержать жителей города в гавани. Большинство из них и мечтать не могло о таком огромном городе, и все они были поражены его размерами. Повсюду каскадами возвышались ряды богатых дворцов и церквей, ухоженные летние сады во всем своем великолепии спускались к пестрым гаваням, а грандиозные монументы возвышались, казалось, на каждом углу. Французский летописец, не веря своим глазам, написал, что в пожаре, который они устроили, погибло больше домов, чем можно найти в трех самых крупных городах Франции, вместе взятых.

Великие князья крестоносцев были изумлены не меньше своих людей. Ошеломленные размахом Константинополя, они прекратили резню, когда наступила ночь, думая, что город подобного размера невозможно завоевать меньше чем за месяц. В ту ночь захватчики

встали лагерем на одном из огромных константинопольских форумов и отдыхали в тени нависающих над ними памятников давно утерянному византийскому величию.

Проснувшиеся следующим утром жители Константинополя обнаружили, что город все еще горит, но они надеялись, что худшее позади. Однако кошмар только начинался. Гордый город на Босфоре оставался в неприкосновенности со времен могущества Римской империи, великим маяком света в быстро темнеющем мире. С тех пор, как Константин сделал его столицей почти девятьсот лет назад, волнения и беспорядки могли запятнать его улицы, опасности и лишения могли приглушить его блеск — но он был единственным среди городов древности, который никогда не слышал вон сапог иностранных захватчиков. Его библиотеки все еще изобиловали уникальными греческими и латинскими манускриптами, церкви — полны бесценными реликвиями, а дворцы и площади украшены чудесными произведениями искусства. Город был не похож ни на один другой, последняя жемчужиной в римской короне и когда крестоносцы проснулись утром того вторника, они набросились на него, как волки.

Вооруженные банды бродили по городу в вакханалии разрушения. Ничто святое не могло остановить иступленный поиск сокровищ. Гробницы были разбиты, содержимое усыпальниц разбросано, а бесценные рукописи разрублены на куски, чтобы содрать драгоценные переплеты. Церкви оскверняли, женщин бесчестили, дворцы разрушали. Пошады не было ни живым, ни мертвым. Крышку великолепного саркофага Юстиниана разбили, и хотя вид его сохранившегося тела ненадолго остановил вандалов, ничто не помешало им выбросить мумию императора, чтобы добраться до золотых одеяний и серебряных украшений.

Три дня пожары и грабежи продолжались с неослабевающей силой, и то, что не успевал схватить один,

немедленно присваивал другой. Когда тишина наконец опустилась на потрясенный разрушенный город, даже крестоносцы были смущены масштабами разорений. Ни один город, писал один из них, не давал подобной добычи с самого сотворения мира.

Из всех крестоносцев только венецианцы позаботились о том, чтобы сохранить, а не уничтожить, бесценные сокровища, что оказавшиеся в их власти. Они узнавали красоту, когда видели ее, и пока прочая армия разбивала классические статуи, переплавляла драгоценные металлы и делила трофеи, венецианцы грузили на корабли произведения искусства, чтобы украсить свои собственные острова в лагуне¹⁹⁹.

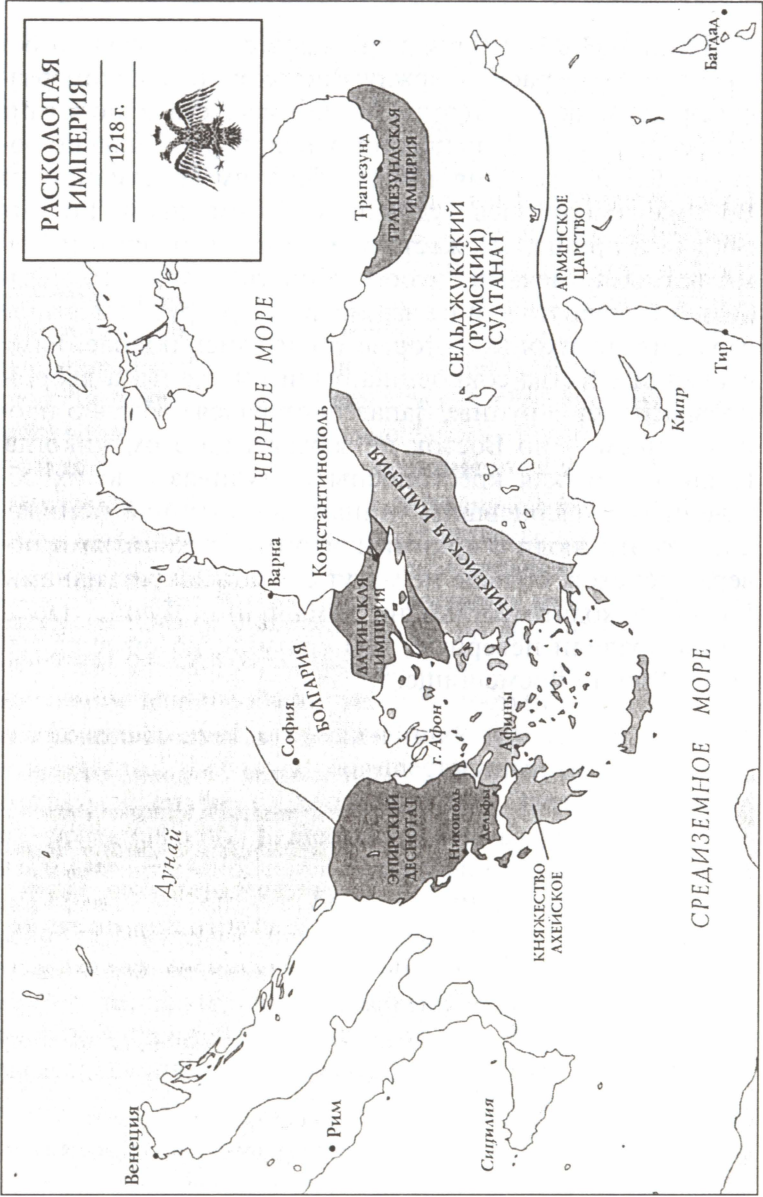
Для Дандоло это был выдающийся триумф. Могущество венецианской торговой державы было обеспечено на все обозримое будущее, а ее главные враги, Пиза и Генуя, полностью остались не у дел. Старый дож без каких-то особых усилий перехватил военную мощь Европы и использовал ее в своих интересах, не обращая внимания на угрозы отлучения от церкви и на многие десятилетия обеспечив Венеции величие. Но, поступив так, он стал виновником одной из величайших трагедий в истории человечества. Византия, могущественный оплот христианства, что долгие столетия защищал Западную Европу от мусульманского нашествия, была разрушена без надежды на восстановление — погублена людьми, утверждавшими, что служат Богу. Ослепленные жадностью, тайно управляемые дожем, предводители крестоносцев уничтожили великую христианскую державу Востока и обрекли ее изувеченные обломки — вместе с большей частью Восточной Европы — на пять столетий жалкого существования под пятой турок.

¹⁹⁹ Там все еще хранится огромная их часть. В частности, один венецианец взобрался на Стойла — монументальные ворота Ипподрома — и снял с них четыре бронзовые статуи лошадей в натуральную величину. Их отвезли в Венецию и доставили в собор Сан-Марко, где их можно увидеть и по сей день.

После событий Четвертого крестового похода и без того глубокий раскол между Востоком и Западом разросся до зияющей пропасти, которая стала поистине непреодолимой. Цель крестоносцев, первоначально родившаяся из желания помочь братьям-христианам на Востоке, обернулась чудовищной насмешкой. Во имя Бога они пришли с ожесточившимися сердцами и безжалостными мечами, чтобы убивать и калечить, грабить и разрушать — и не задумываясь разрушали алтари и разбивали иконы, которые почитались поколениями верующих. Когда сокровища были вывезены, а дворцы превратились в руины, Запад постарался забыть о произошедшем — но Восток не забывал об этом никогда. Глядя на то, как крестоносцы разгуливают по их обугленным почерневшим улицам, византийцы понимали, что эти люди с яркими крестами, пришитыми поверх доспехов, больше не могут считаться христианами. Пусть приходят мусульмане, думали они. Лучше, чтобы тобой правили неверные, чем еретики, которые сделали из Христа посмешище.

**РАСКОЛОТАЯ
ИМПЕРИЯ**

1218 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ. ИМПЕРИЯ В ИЗГНАНИИ

.....

Когда папе Иннокентию III сообщили о разграблении Константинополя, он немедленно осознал, какой вред был ему нанесен. В ярости отлучив от церкви всех, принимавших в этом участие, он громко вопрошал, как теперь может исполниться мечта о единстве церкви. Как греки, писал он своим легатам, смогут когда-нибудь простить своих братьев-католиков, с чьих мечей все еще течет христианская кровь, и кто предал и осквернил их самые святыне усыпальницы?²⁰⁰ Восточные христиане,

²⁰⁰ Ровно восемьсот лет спустя, в 2004 году, папа Иоанн Павел II принес извинения – хотя едва ли Четвертый крестовый поход случился по вине понтифика – патриарху Константинополя, когда

обоснованно заключил он, теперь ненавидят латинян хуже собак.

Тем временем новые хозяева Константинополя, казалось, нарочно делали все, чтобы привести местных жителей в еще большее негодование. В торопливо убранном Софийском соборе, где за несколько дней до того проститутка, кривляясь, забралась на патриарший престол, был коронован латинский император, и феодальные институты Запада насильно перенесли на труп Византийской империи. Различные дворяне получили огромные земельные владения, и лоскутное одеяло полунезависимых королевств заменило собой прежнее единовластие императора. Один рыцарь-крестоносец завладел Македонией и назвал себя королем Фессалоник, другой объявил себя владетелем Афин²⁰¹. Даже в годы самого страшного упадка Византийское государство не было таким бессильным, как латинское, занявшее его место.

Учитывая прискорбное состояние столицы, довольно примечательно, что подавляющее большинство византийских сельских жителей далеко не бедствовали. До Четвертого крестового похода верховная власть императоров слабела годами, но византийские городки и деревни процветали. Торговцы с Запада, Востока и из мусульманских стран сходились на ярмарках, проходящих по всей империи, и выставляли там товары из таких далеких земель, как Россия, Индия, Китай и Африка. Городское население быстро росло, и поскольку коррумпированное и парализованное имперское пра-

последний нанес визит в Ватикан, выразив боль и возмущение, даже несмотря на то, что прошло восемь веков.

²⁰¹ Чуть ли не единственным, кто оказал вооруженное сопротивление, оказался местный разбойник по имени Лев Жгур. После четырех лет сражений Лев оказался заперт на вершине акрополя Коринфа, и чтобы не сдаваться, покончил с собой, в сцене достойной Голливуда – направив лошадь к краю цитадели и бросившись с нее.

вительство было не способно собирать налоги, значительные богатства оставались в руках частных лиц.

Поскольку казна была истощена, императоры больше не могли позволить себе щедрых строительных программ — но у местных богачей была такая возможность, и города приобрели образцовый вид за частный счет. Новый гуманистический дух витал в воздухе, а вместе с ним проснулась и интеллектуальная любознательность. Византийское искусство, которое веками придерживалось стилизаций, внезапно стало более жизненным; писатели постепенно отступали от громоздкого архаичного стиля античности; богатые покровители искусств поощряли местный живой стиль фресок и мозаик в своих виллах. Дух Византии процветал, хотя империя и лишилась своих богатств, и даже ужасная рана, нанесенная Четвертым крестовым походом, не могла надолго омрачить его.

Несмотря на живучесть культуры и экономики, силы империи, казалось, были непоправимо подорваны. Алексей Мурзуфл вместе со своим товарищем по изгнанию императором Алексеем III пытались организовать сопротивление, но трусливый соратник предал Мурзуфла, крестоносцы взяли его в плен и казнили, сбросив с вершины колонны Феодосия. В отдаленном Трапезунде на берегах Черного моря внуки Андроника «Ужасного» объявили себя законными императорами; в то же время в Эпире правнук Алексея Комнина сделал то же заявление. Впрочем, самый могущественный и важный осколок империи располагался в Никее, где бежавший из Константинополя патриарх короновал как императора зятя Алексея III, Феодора Ласкариса.

По мере того, как беженцы и богатства стекались в никейское пристанище православной веры и византийской культуры, Латинская империя крестоносцев слабела все больше. Всего лишь за год болгарская армия практически лишила ее могущества, уничтожив войско латинян, захватив в плен беспомощного императора и

позволив Феодору Ласкарису отвоевать большинство земель в северо-западной части Малой Азии. Но вместо того, чтобы противостоять очевидной никейской угрозе, последующие латинские императоры сосредоточились на попытках вытянуть из жителей Константинополя как можно больше денег и полностью отдались удовольствиям дворцовой жизни.

Только турки-сельджуки, угрожающие с тыла, удерживали никейских императоров от того, чтобы воспользоваться слабостью латинян. Но в 1242 году внезапно появилась чудовищная монгольская орда, и положение дел разительно переменилось. Монголы разгромили посланную против них турецкую армию, заставили султана сельджуков стать вассалом монгольского хана и добились от него обещания ежегодной дани лошадьми, охотничьими собаками и золотом. Казалось, что дальнейшей целью монгольской орды станет Никея — но в следующем году монголы неожиданно ушли, оставив после себя разбитых сельджуков.

Наверное, вздохнувшим с облегчением византийцам показалось, что бог избавил их от верной гибели, а возможно, даже подарил им нового могущественного союзника. Несторианские христиане, изгнанные из Византийской империи, в VII веке добрались до Монголии, и хотя ханы не приняли мировой религии, многие высокопоставленные монголы, включая невестку Чингис-хана, были христианами.²⁰² Но вне зависимости от отношения к христианам, своевременное нападение монголов в любом случае позволило Никее

²⁰² Имеется в виду кераитка Соргахтани-беки, жена Толюя, младшего сына Чингис-хана, мать великих ханов Мункэ и Хубилая. Монгольские законы запрещали ханам иметь другую веру, кроме родной — однако среди чингисидов и их военачальников существовала традиция брать себе жен их христианского племени кераитов. В результате потомки Чингиз-хана воспитывались в уважении к христианской вере, а значительная часть монгольской военной элиты являлась христианами несторианской веры. (*Прим. ред.*)

приступить к осуществлению мечты о возвращении Константинополя.

Осторожной дипломатией и военными акциями Никея медленно увеличивала давление на разрушающуюся Латинскую империю. На тот момент государство крестоносцев сократилось практически до размеров самого Константинополя, и столица со своими опустевшими улицами и разоренными дворцами пребывала в постоянном унынии. Латинский император Балдуин II настолько обнищал, что был вынужден распродавать свинец с крыш императорского дворца, который ветшал с каждым днем. В отчаянных поисках денег он даже начал закладывать те немногие реликвии, что уцелели после грабежей. В 1259 году, когда в Никее был коронован энергичный молодой полководец по имени Михаил Палеолог, Балдуин уже едва держался у власти, и мало кто сомневался, что скоро никейцы вернут город. Единственный вопрос — когда это произойдет.

Не обошлось без неразберихи и в самой Никее. Тридцатичетырехлетний Михаил Палеолог пришел к власти после того, как регент был жестоко убит во время похорон своего предшественника — но когда на Рождество короновали Михаила, его империя была несравненно более могущественной и полной жизни, чем ее латинский аналог. Летом 1261 года Михаил устранил угрозу со стороны венецианского флота, подписав соглашение с главным соперником венецианцев, Генуей, и послал вперед своего *цезаря*, Алексея Стратигопула, узнать, насколько сильны укрепления Константинополя.

Когда в июле *цезарь* с восемью сотнями людей подошел к городу, несколько крестьян немедленно известили его, что латинский гарнизон — вместе с венецианским флотом — отсутствует, занятый штурмом острова у Босфора. Не веря своей удаче, Стратигопул укрылся до ночи в монастыре возле ворот Животворного источника, не обнаруженный — или не выданный несловоохотливой охраной ворот. Обнаружив непода-

леку маленький незапертый боковой проход в город, *цезарь* отправил через него горстку своих людей, которые без шума разоружили стражу и открыли главные ворота. Утром 25 июля 1261 года никейский отряд вошел в город, крича во всю глотку и стуча мечами по щитам. Император Балдуин II был так напуган, что бросил царские регалии и бежал во дворец Буколеон, откуда каким-то образом сумел перебраться на венецианский корабль и успешно совершить побег. За считанные часы все было кончено. Венецианских квартал сгорел дотла, а вернувшийся венецианский флот был слишком занят спасением своих граждан, чтобы оказать сопротивление.

Латиняне в городе даже не думали сопротивляться — все их мысли были о паническом бегстве. Бросившись врассыпную, они прятались в церквях, переодеваясь монахами, и даже забирались в канализационные трубы, чтобы их не обнаружили. Впрочем, когда они с опаской вышли наружу, обнаружилось, что никакой резни не было. Византийцы вернулись домой — не грабить, а жить. Оборванные латиняне тайком поспешили в гавани и погрузились на вернувшиеся венецианские корабли, радуясь, что победившие византийцы оказались более сдержанными, чем их предшественники-крестоносцы.

Эти невероятные новости донеслись до Михаила Палеолога, когда тот спал в своей палатке почти за двести миль от места событий. Отказываясь верить, что его войска захватили город, пока он не увидел брошенный Балдуином скипетр, Михаил поторопился вступить во владение никогда не виденной им столицей, о которой он так долго грезил. 15 августа 1261 г. он торжественно вступил в город через Золотые ворота и отправился к Софийскому собору, где его короновали как Михаила VIII. После пятидесяти семи лет, проведенных в изгнании, Византийская империя вернулась домой.

Город, в который триумфально вступил Михаил VIII, был лишь бледной тенью себя прошлого. Обугленные почерневшие дома стояли в запустении на каждом углу, покосившиеся и разрушенные после разграбления, случившегося более пятидесяти лет назад. Внушительные стены Феодосия отчаянно нуждались в починке, имперская гавань была абсолютно беззащитна, а местность вокруг города — разорена. Усталые жители города питали мало надежд на помощь со стороны трона, с которого более половины занимавших его людей ушли не по своей воле — начиная от Ирины в 780 году и заканчивая Алексеем Мурзуфлом в 1204 году. Впрочем, хуже всего было то, что византийский мир уже не являлся единым, как прежде — осколки империи в Трапезунде и Эпире упрямо отстаивали свою независимость, подрывая и без того истощенные силы Византии. Оставалась единственная надежда, что спасение придет с Запада, но из-за Четвертого крестового похода отношения с Западом были резко разорваны.

Если у кого-то и был шанс исправить причиненный вред, так это у Михаила VIII. Ему еще не было сорока, он был энергичным и полным жизни, а за радушной улыбкой скрывался острый ум. Он мог похвастаться впечатляющей имперской родословной, поскольку в его предках было не менее одиннадцати императоров из трех династий, обладал хорошими связями и был талантливее и умнее всех окружающих его людей. В первую очередь ему было нужно поднять пошатнувшийся боевой дух горожан, и он добился этого необычайно быстрым строительством, починив стены и восстановив церкви. В верхней галерее Софийского собора по заказу императора создали поразительную мозаику, изображающую Христа в окружении Богоматери и Иоанна Крестителя — возможно, лучшее произведение искусства, когда-либо созданное Византией. Массивная цепь вновь протянулась через городскую гавань, чтобы защитить ее от

вражеских кораблей, а рвы возле стен расчистили и подновили.

Хорошо понимая значение пропаганды, император ввел новое имперское знамя и развесил его по городу, чтобы флаги развевались со всех парапетов и башен. Хотя орел был символом Римской империи уже тринадцать сотен лет со времен Гая Мария, на большей части знамен до Михаила изображались либо крест Константина, либо буквы «Хи» и «Ро» — первые в греческом написании имени Христа. Теперь император добавил сюда огромного золотого орла, у которого было две головы и две короны — одна для временной столицы Никеи и одна для Константинополя. Видящие его могли исполниться гордости и напомнить себе, что Византия является могущественной империей, которая простирается на два континента и глядит одновременно на восток и на запад. Возможно, под руководством энергичного Михаила VIII она снова сможет стать прежней. Враги империи были рассеяны и разобщены, и немедленное наступление могло застать их врасплох.

Во главе своей маленькой, но закаленной в боях армии Михаил VII вскоре отбросил болгар и заставил эфирского деспота подчиниться империи. В 1265 году он отвоевал большую часть Пелопоннеса у его латинских хозяев и даже смог очистить от турок долину Меандра. Впрочем, в следующем году на международной арене появился новый игрок, спутавший все карты.

Норманнское королевство Сицилии долгое время доминировало в итальянской политике, но в 1266 году его силы истощились²⁰³. Папа Урбан IV, желая поста-

²⁰³ Автор ошибается — правившая на Сицилии норманнская династия Отвилей была свергнута еще в 1194 году. Власть над островом перешла к германским императорам, имевшим на нее права через Генриха Гогенштауфена. Последний в 1186 году женился на дочери Роджера II, от которого к концу XII века более не осталось прямых наследников. (*Прим. ред.*)

вить у власти на Сицилии дружественного ему правителя, пригласил сюда Карла Анжуйского, младшего брата французского короля Людовика IX. Если папа хотел, чтобы к югу от его владений располагалась нейтральная держава, он вряд ли мог сделать худший выбор. Карл был жестоким и жадным человеком: обезглавив своего шестнадцатилетнего конкурента на городской площади²⁰⁴, он немедленно начал вынашивать планы по увеличению своих владений. Осуществлению его замыслов сильно помогло, то, что Балдуин II, жалкий константинопольский император в изгнании, предложил отдать ему Пелопоннес в обмен на помощь в возвращении трона. Обрадованный сицилийский король немедленно начал взимать тяжелые налоги для сбора армии и искать союзников, в первую очередь заключив антивизантийский союз с Венецией.

Понимая, что у его маленькой армии и обветшалого флота нет шансов выстоять против объединенных сил неприятеля, Михаил VIII обратился к дипломатии, искусно удерживая противников на расстоянии. От Венеции он откупился, дав ей большие торговые привилегии на территории империи, а несколько писем, торопливо написанных королю Франции Людовику, убедили того придержать своего твердолобого младшего брата. Некоторое время ненасытный Карл был вынужден бездействовать, но в 1270 году французский король умер, и Карл с радостью начал войну. Сицилийские армии были непобедимы, но Михаил

²⁰⁴ Имеется в виду Конрадин, сын императора Конрада IV. Как наследник Гогенштауфенов, имел законные права на корону Сицилии, где в качестве регента правил его дядя Манфред, князь Тарентский. Но папа Климент IV, традиционно враждовавший с германским императором, не признал их права на сицилийский престол. Поддержанный итальянскими гибеллинами, Конрадин выступил в поход для завоевания Италии, захватил Рим и приобрел поддержку местного населения — но был разбит французами в битве при Тальякоццо, захвачен в плен и 29 октября 1268 года обезглавлен в Неаполе. (*Прим. ред.*)

VIII снова перехитрил своего противника. Написав папе, император дал соблазнительное обещание объединить церкви на глазах у папы в обмен на то, что он приведет Карла в повиновение.

Ухищрение сработало, Карла отозвали, — но Михаил затеял опасную игру. Он отлично знал, что его подданные никогда не признают верховенства ненавистной римской церкви, и не мог бесконечно увиливать от выполнения данного папе обещания. Три года императору удавалось избегать папских делегатов; но в 1274 году папа Григорий X устал от ожиданий и послал в Константинополь ультиматум: или немедленно осуществить унию, или столкнуться с последствиями. У Михаила VIII было мало выбора. Он объявил о подчинении своей церкви власти папы при условии, что восточные обряды останутся в неприкосновенности.

Гроза, разразившаяся в Константинополе, была ожидаемой и последовала немедленно. Патриарх в ярости отказался утвердить ненавистный документ, а большая часть подданных Михаила полагала, что их чудовищно предали. Император не только опасно ослабил свой трон, но и дал православным Сербии и Болгарии прекрасное оправдание для войны. Теперь каждый мог свободно напасть на империю, объявив, что сражается за истину и традиции. Михаил VIII хорошо знал, что подобное вторжение получит опасную поддержку со стороны его возмущенных подданных. Но он добился от папы отказа поддержать воинственные планы Карла и считал, что народные волнения — приемлемая плата за это.

В любом случае он не собирался сидеть сложа руки, пока его враги проявляли активность. Когда Болгария, надеясь воспользоваться слабостью империи, перешла в наступление, Михаил попросту пригласил на помощь монгольскую Золотую Орду. Вторжение монголов ослабило Болгарское царство, нанеся болгарам удар, от которого те никогда не оправятся.

Карл Анжуйский был серьезно задержан, но еще не

побежден. Если его великий союз потерпел неудачу из-за византийского вероломства, его следовало воссоздать еще более прочным. Соблазнить Венецию было легко. Она всегда искала себе выгоды, и те права, что Михаил даровал Генуе, серьезно сказались на венецианских доходах. Победа Карла означала бы изгнание генуэзских выскочек — что было неотразимым соблазном для льва Святого Марка. Только недовольство папы еще удерживало Карла от действий, но изобретательный король преодолел и это препятствие, казавшееся неодолимым. Папа Григорий X умер в 1276 году, и Карл приложил все возможные усилия, в итоге добившись, чтобы папой был избран французский кардинал, который ненавидел византийцев почти так же, как и он сам²⁰⁵. В 1281 году папа-француз послал ошеломленному византийскому императору письмо, в котором сообщал, что отлучает его от церкви на основании того, что его подданные продолжают сопротивляться католицизму. Император едва мог поверить этим новостям. Он пожертвовал народной любовью и согласился стать нечестивцем и предателем — и все впустую. Теперь Венеция и Сицилия образовали против него крепкий союз, на этот раз выступающий с благословения папы. Даже у Четвертого крестового похода не было такой поддержки.

Единственным козырем Византии был Михаил VIII. Блестяще воспользовавшись истинно «византийскими» принципами дипломатии, Михаил обратился к Педро III Арагонскому, убедив его напасть на Сицилию. Педро принадлежал к династии, которую Карл Анжуйский отстранил от власти, и считал, что Сицилия принадлежит ему по праву рождения. Благодаря жестоким налогам

²⁰⁵ Следующим поколениям этот папа более всего известен ролью, которую он сыграл в жизни одного молодого итальянского авантюриста. После своего избрания в 1271 году Григорий получил от хана Хубилая письмо с просьбой о масле из лампы в Храме Гроба Господня. Понтифик доверил его молодому Марко Поло, чей яркий отчет о путешествии стал одной из самых знаменитых книг Средневековья.

и значительному количеству византийского золота антифранцузские настроения на острове достигли пика. Теперь, предполагал Михаил VIII, настал прекрасный момент появиться испанскому спасителю.

Не зная о надвигающейся буре, Карл Анжуйский отбыл с Сицилии на материковую Италию, чтобы сделать последние военные приготовления. В его отсутствие остров взорвался. Восстание, впоследствии известное под названием «Сицилийская вечерня», довольно безобидно началось в предместьях Палермо. Когда колокола на церкви Святого Духа стали созывать верующих к вечерне в пасхальный понедельник 1282 года, пьяный французский солдат попытался соблазнить сицилийскую девушку. Для разъяренных свидетелей происшествия это стало последней каплей. Неотесанные французы и без того уже достаточно долго помыкали ими, жирея за счет трудов сицилийцев. Разгневанная толпа убила солдата-насильника и рассыпалась по улицам Палермо, вымещая почти двадцатилетние обиды на всех, в ком текла хотя бы капля французской крови. Когда утром вторника взошло солнце, в Палермо не осталось в живых ни одного француза, и будоражащие вести о восстании быстро распространились по острову. В мае сопротивление французов иссякло, а к концу августа Педро III высадился в Палермо и принял власть. Карл Анжуйский в ярости осадил несколько сицилийских портов, но он слишком жестоко обращался со своими подданными, и теперь они предпочли смерть его возвращению. Хотя весь остаток своей жизни Карл пытался вернуть остров, преуспеть в этом он так и не сумел и умер в 1285 году сломленным человеком.

Михаил VIII так и не увидел смерти своего главного врага. Когда угроза нападения с запада миновала, деспот Эпира снова объявил о своей независимости, и император был намерен заставить его подчиниться. Ему к тому времени было пятьдесят восемь лет, но он снова повел свои войска в битву, однако дошел только до Фракии,

где тяжело заболел. Как обычно, думая о своих обязанностях, умирающий император объявил своего сына Андроника II наследником и мирно скончался в начале декабря.

Михаил VIII был одним из великих византийских императоров, — он восстановил прежнюю столицу и вновь определял политику всего Средиземноморья. Нет сомнений, что без него империя пала бы перед Карлом Анжуйским или каким-либо из прочих врагов, только и ждавших этого — и свет Византии померк бы, а ее обширные знания пропали бы на Западе, еще не готовом воспринять их. Вместо этого Михаил умело обманул всех своих врагов, попутно основав самую долговечную династию в истории Римской империи. Почти двести лет спустя представитель его семьи все еще будет сидеть на византийском троне, продолжая ту же самую борьбу за существование — хотя и с куда более ничтожными шансами.

Михаил сделал все от него зависящее, чтобы поднять империю из обломков. Он оставил после себя ценные инструменты, чтобы продолжить это возрождение: небольшую, но хорошо обученную армию, неплохо пополненную казну и обновленный флот. Но спаситель империи не дождался благодарности ни от кого. Отлученный от церкви папой, он умер еретиком для католического Запада и предателем для православного Востока. Его сын похоронил его без церемоний или освящения, в простой безымянной могиле.

Впрочем, у обиженных подданных Михаила VIII слишком скоро появятся причины сожалеть о его кончине. Если на момент его смерти Византия казалась сильной, этим она была обязана только его уму и ловкости. Без сильной армии или надежных союзников ее сила опиралась исключительно на дипломатию, и были нужны способности Михаила, чтобы управлять в такой ситуации. Однако, к несчастью для империи, немногие из наследников Михаила оказались достойны своего предка.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ЗАКАТ

«Qui desiderat pacem, praeparet bellum»
(«Кто желает мира, пусть готовится к
войне»).

Веgeций

Последние два столетия византийской истории по большей части представляют собой довольно грустное зрелище. На все более безнадежном фоне мелкие императоры ссорились между собой с разрушительными последствиями, а империя в это время рушилась, превращаясь из некогда гордого государства в пародию на саму себя.

Впрочем, в сгущающейся темноте случались и просветы — люди, наделенные отвагой и решительностью, сражались против превосходящего противника, прекрасно понимая, что обречены на поражение. Империя медленно умирала, но ее культура расцвела, произошел невиданный взрыв искусства, архитектуры и науки — как будто византийский мир торопился высказаться, прежде чем его голос умолкнет навсегда. Были построены передовые больницы, в которых врачами работали и мужчины, и женщины, а молодые студенты-медики получили доступ к трупам, чтобы, вскрывая человеческие тела, изучать их. Византийские астрономы установили сферическую форму планеты и проводили конференции, на которых обсуждали, что свет движется быстрее звука.

По большей части эти достижения в области физики, астрономии и математики ухитрились мирно сосуществовать с все более мистически настроенной византийской церковью, но порой между ними возникала напряженность. Знаменитый ученый XIV века Георгий Плифон сочинял гимны олимпийским богам и дошел даже до того, чтобы предложить возродить античное язычество²⁰⁶. Хотя это определенно не способствовало репутации ученых и усиливало подозрения в том, что чрезмерно глубокие исследования в некоторых областях пагубно влияют на мораль, в целом византийское общество оставалось поразительно открытым для новых идей. Особенно ярко эти настроения проявлялись в украшениях и новых постройках столицы. Возможно, обедневшая империя больше не могла позволить себе строительство масштаба Софийского собора или даже более скромных сооружений времен Македонской династии, но недостаток роскоши она вполне возмещала

²⁰⁶ Он также предложил закон, по которому для предотвращения прелюбодеяний виновные женщины объявлялись проститутками (при этом не обмолвившись о наказании для мужчин), а совершивших изнасилование сжигали бы заживо.

оригинальностью. В Константинополе богатый аристократ по имени Феодор Метохит украсил церковь монастыря Хора яркими фресками и запоминающимися мозаиками, настолько отличными от уравновешенности позднего имперского искусства, что и сегодня от них захватывает дух. Быть может, османская тень и вставала над городом, но даже угроза завоевания не могла внушить страх византийцам.

По иронии судьбы, именно блестящее возвращение Константинополя Михаилом VIII отчасти ускорило катастрофу. По праву вернув себе прежнюю столицу, византийские владыки снова сместили фокус своего внимания на Европу. Сосредоточившись на имеющем первостепенную важность городе, близорукие императоры отвернулись от Малой Азии, где стремительно менялся баланс сил. Разграбление монголами Багдада в 1258 году сокрушило державу сельджуков, и тюркские племена в огромных количествах хлынули на восток, заполняя образовавшуюся пустоту²⁰⁷. Одна из таких групп, ведомая выдающимся полководцем по имени Осман, объединила несколько племен и вступила на территорию Византии. Назвав своих людей воинами-гази — «мечами Господа» — Осман возглавил джихад,

²⁰⁷ Будучи мусульманином, монгольский полководец не хотел проливать кровь наследника Мухаммеда, поэтому он приказал завернуть халифа в ковер, а затем затоптал его лошадью. Затем захватчики занялись грабежами, полностью разорив город. Согласно легенде, в Тигр выбросили столько книг, что река полгода была черна от чернил. Эта история — очевидное преувеличение, но Багдад с тех пор так и не оправился. (*Прим. авт.*)

Автор ошибается — в ту эпоху монгольский военачальник из рода Чингизидов (более конкретно — хан Хулагу) не был и не мог быть мусульманином; монголы Ближнего и Среднего Востока примут ислам лишь полвека спустя. Тем более мусульманин не отдал бы дворец халифа несторианскому патриарху, как это сделал Хулагу. Казнь без пролития крови считалась у монголов почетной и была данью уважения последнему халифу — точно так же в Европе почетной была казнь через отсечение головы, а позорной — через повешение. (*Прим. ред.*)

имевший своей конечной целью не что иное, как завоевание Константинополя. Испуганные жители Анатолии бежали при его приближении, и их заменяли турецкие поселенцы, по большей части положившие конец греческому присутствию в Малой Азии. После короткой борьбы древний город Эфес пал, и войска Османа — называющие теперь в его честь себя османами — разгромили ослабевшую имперскую армию. Под руководством его сына Орхана османы-оттоманы взяли Бурсу, находившуюся на западной оконечности Шелкового Пути, напротив бухты Золотой рог и византийской столицы, а затем и Никею с Никомедией. Вскоре в Азии у империи остались только Филадельфия и отдаленный Трапезунд на побережье Черного моря. Теперь оттоманские воины могли омыться в водах Пропонтиды и смотреть, как развеваются знамена на церквях и дворцах легендарного Константинополя. Прославленный в преданиях город был почти у них в руках. Им было нужно только добраться до него.

Как ни странно, в этом была вина самих византийцев, которые, как казалось, куда более охотно боролись за власть на осколках своей империи, чем защищали ее от очевидной внешней угрозы. В 1347 году на остатках Византии развернулись события, отчасти напоминающие классовую борьбу. Мятежный патриций Иоанн Кантакузин попытался захватить трон, и занимавший его на тот момент человек ответил успешной информационной войной, в которой заклеил Иоанна реакционером — ставленником привилегированного класса, который превратил империю в руины²⁰⁸. По всей стране негодующие города прогоняли его войска. Жители Адрианополя, больше чем на четыреста лет опережая

²⁰⁸ Помимо обычных претензий бедных к богатым высказывалась еще одна, более удивительная: что, если бы наследникам состоятельных семей дозволялось вступать в браки с бедняками (что в самом деле сильно не одобрялось), это уничтожило бы бедность и позволило создать утопическое общество с общими ресурсами.

события Французской революции, вырезали всех аристократов, которых смогли найти, а для управления города создали городскую общину-коммуну.

Неприятно удивленный Кантакузин пригласил в Европу турок, надеясь воспользоваться их силами, чтобы завладеть Константинополем. Эта сделка принесла Кантакузину корону, но оказалась гибельной для Европы, поскольку то, что началось как ручеек османских солдат, очень скоро превратилось в потоп²⁰⁹. Когда неслыханные полчища турок пересекли Геллеспонт, чтобы разграбить Фракию, в Константинополь после шести веков отсутствия вернулась бубонная чума, добавившая к ужасам войны бедствия болезни. Распространяемая, как и прежде, блохами и крысами, она унесла, согласно одному из ужасающих отчетов, жизни почти девяноста процентов населения²¹⁰.

Единственным утешением для сбившихся в кучку несчастных обитателей византийской Фракии было то, что турки пришли как налетчики, а не поселенцы. Каждую зиму грабители-османы возвращались через Босфор на свою азиатскую родину и оставляли утомленных крестьян в покое. Но даже этому небольшому послаблению в 1354 году пришел конец. Утром 2 марта жуткое землетрясение сокрушило стены Галлиполи, превратив город в груды булыжников. Объявив это знамением аллаха, турки ворвались внутрь со своими женами и детьми и прогнали тех немногих византийцев, что еще не ушли. Император торопливо предложил им огромные деньги, чтобы они ушли, но эмир ответил, что раз аллах даровал им этот город, уйти из него означает проявить нечестивость.

²⁰⁹ На этот раз это была довольно жалкая стеклянная корона, поскольку обнищавший предшественник Иоанна заложил настоящую в Венеции.

²¹⁰ В Европе «черная смерть», как ее называли, унесла почти треть населения — но османы, жившие в отдалении от густо заселенных городов, по большей части остались не затронуты ей.

Так османы впервые закрепились в Европе, — и уходить не намеревались. Воины джихада потоком хлынули из Азии, и слабая опустошенная Фракия стала для них легкой добычей. Пробная атака в 1359 году убедила турок в том, что Константинополь пока неуязвим, и они просто обошли его стороной. Спустя три года пал Адрианополь, и столица восточного христианства оказалась окружена исламским морем.

Не было никаких сомнений в намерениях турецкого эмира. Перенеся столицу своей страны в Европу, он продал часть жителей Адрианополя в рабство и водворил на их место турецких поселенцев. С оставшейся частью Фракии обошлись точно так же, и когда большая часть ее населения переместилась в Анатолию, туда хлынули турецкие поселенцы. Казалось, что нашествию османов невозможно противостоять, и настроения в столице склонялись к мрачному пессимизму. *«Турецкое нашествие, — писал один из византийцев того времени, — подобно морю... оно никогда не бывает спокойным, но всегда находится в движении»*²¹¹.

Императоры и дипломаты отправлялись в Европу с мольбами о помощи, но лишь папа проявил заинтересованность, и цена за его помощь была прежней: восточная и западная церкви должны объединиться, и православная церковь обязана подчиниться власти Рима. Это предложение уже несколько раз звучало в прошлом, но люди Константинополя каждый раз с негодованием отвергали его. Однако положение Иоанна V было достаточно отчаянным, чтобы предпринять еще одну попытку. В 1369 году он торжественно преклонил колени на ступенях собора Святого Петра, признал верховенство папы и официально перешел в католицизм.

Подчинение императора было его личным делом и никого ни к чему не обязывало; единственным следствием этого акта стало замешательство, испытанное

²¹¹ Roger Crowley, 1453 (New York: Hyperion, 2005).

подданными Иоанна в отношении его самого. Империя могла являть явные признаки упадка — но византийская гордость не стерпела бы добровольного подчинения ненавистному латинскому обычаю, особенно после того, как крестоносцы-латиняне залили кровью улицы Константинополя. Пришельцы с Запада выгоняли византийцев из их домов, убивали их семьи и разрушили их прекрасный город. Даже если теперь империя была обречена, просить ее жителей отречься еще и от своей веры было уже слишком. Они полагали, что никакая помощь не стоит такой цены.

Несмотря на то, что Иоанн обратился в католичество, обещанной помощи с Запада так и не последовало. Лишь православная Сербия отозвалась на бедственное положение империи. Выступив в Македонию, сербское войско встретилось с османской армией на берегу реки Марицы. Турецкий эмир Мурад — теперь называющий себя султаном — одержал решительную победу и заставил стать своими вассалами разобщенных македонских князей. Намереваясь подавить дух православия, Мурад вторгся в Далмацию и Болгарию, разорил их главные города и принудил их князей принести ему вассальную присягу. Коалиции князей под руководством героического Стефана Лазаревича удалось предотвратить вступление османов в Боснию, но в 1389 году в ужасной битве при Косовом Поле погиб царь Лазарь, и последние остатки сербского государства прекратили существование. Единственным утешением для балканских народов, чье будущее теперь было предрешено, стало то, что Мурад тоже не пережил битву. Сербского солдата, притворившегося дезертиром, привели к султану, и он смог вонзить меч в живот Мурада, прежде чем его зарубила султанская стража.

Император Иоанн V возлагал на помощь сербов все свои надежды, и катастрофа его сломила. Он написал султану, смиренно предлагая стать османским васса-

лом, если только тот пощадит столицу. Две сотни лет назад Мануил I сделал сельджукского султана своим вассалом — и вот теперь младший сын Иоанна Мануил II беспомощно наблюдал, как его обессилевший отец выворачивает ситуацию наизнанку. Помазанный защитник православия теперь стал слугой величайшего врага христианства.

Именно в этот отчаянный момент другой дальновидный человек взшел на византийский трон. Мануил II в полной мере обладал энергией и политической мудростью, которых так недоставало его отцу, и хотя он знал, что империя мало на что может рассчитывать, он намеревался встретить гибель с гордо поднятой головой.

Никогда за долгую историю Византии шансы не складывались настолько не в ее пользу. Новый оттоманский султан Баязид, человек, чья быстрота в битвах вскоре принесет ему прозвище «Молниеносный», был даже более опасен, чем его отец Мурад. Многозначительно приняв титул «султана Рума» (то есть Рима), он намеревался искоренить любые помыслы о независимости. Убедительно напомнив императору, кто его хозяин, Баязид властно приказал Мануилу II прибыть в Малую Азию. Филадельфия, один из семи городов, названных в Откровении Иоанна, последний христианский аванпост в Анатолии, все еще противостояла туркам. Явно наслаждаясь мучениями Мануила, Баязид приказал ему помочь превратить этот последний византийский город в руины.

У Мануила II не было выбора, кроме как принять участие в окончательном политическом уничтожении христианского Востока. Имперская власть почти целиком ограничивалась стенами Константинополя, и император не питал иллюзий насчет слабости своего положения. Он все еще контролировал несколько портов в Эгейском море и большую часть Пелопоннеса, но эти обломки едва ли заслуживали того, чтобы называться империей. Любое сопротивление превосходящим силам

турок почти наверняка оказалось бы самоубийственным, а султан уже был настроен крайне враждебно.

К счастью, кампания оказалась короткой, и Мануил II вернулся в Константинополь как раз вовремя, чтобы в следующем году жениться на сербской принцессе по имени Елена Драгаш²¹². Он и далее был готов изображать верного вассала, чтобы удерживать оттоманского волка на расстоянии — но Баязид, похоже, намеревался спровоцировать войну. Увеличив дань, которую должна была выплачивать обнищавшая империя, султан приказал разместить в Константинополе большие турецкие казармы — независимые от византийских властей и подчиняющиеся лишь мусульманским судьям. Как будто этого унижения было недостаточно, непостоянный султан внезапно стал подвержен приступам беспричинной жестокости: он искалечил нескольких византийских послов и кричал, что убьет своего имперского вассала. К этому времени терпению Мануила II пришел конец. Пытаться умиротворить такое непредсказуемое чудовище не было смысла. Когда Баязид призвал его для военной кампании против Трансильвании, Мануил II захлопнул перед ним ворота и приготовился к войне. Несколько месяцев спустя появилась османская армия, и началась осада.

Несмотря на превосходящие силы турок, Баязид имел все те же слабости, что до него демонстрировали многие потенциальные завоеватели Константинополя. Без флота надежная блокада города была невозможна, а стены его были достаточно крепкими, чтобы противостоять всем попыткам атаки. В довершение всего разъяренный султан вскоре получил весть, что его недавнее нападение на Трансильванию заставило Венгрию осознать турецкую угрозу, и уже начался новый крестовый поход. Быстро сняв осаду, Баязид отправился к

²¹² К счастью для потомков, император оставил живописный рассказ о своем путешествии по утраченным центральным землям Византии.

болгарскому городу Никополю, каким-то образом сумев опередить крестоносцев и наголову разбить их войско. Приказав своим людям отрубить головы десяти тысячам пленных, султан вернулся к Константинополю, вдобавок завоевав по пути Афины и центральную Грецию.

В 1399 году, когда Баязид Молниеносный вернулся, Мануила II уже не было в столице. Воспользовавшись отсутствием султана, император погрузился на корабль и отправился в Европу. Торжественно высадившись в Венеции, он получил теплый прием, и куда бы он ни шел, от Парижа до Лондона, поглядеть на него стекались толпы. Император пришел за помощью, но не умолял о ней, и Европа, уже трепетавшая в преддверии Ренессанса, встречала его с раскрытыми объятиями. Этот высокий благородный человек выглядел настоящим императором, достойным наследником Августа или Константина, и к тому же был прекрасно образован.

Во время визита Мануила, столь непохожего на тот, что нанес его отец Иоанн несколькими годами ранее, не вставало вопросов о церковной унии или унижительном подчинении. Мануил сидел на троне цезарей, и каким бы шатким этот трон ни был теперь, в славе ему все же не было равных.

Внешне европейский визит Мануила выглядел солидной демонстрацией, но на практике он добился не большего, чем его отец. Он получил некоторые туманные обещания поддержки, но всерьез помогать ему никто не торопился. Генрих IV слишком непрочно сидел на английском троне, король Франции был безнадежно безумен, а прочая Европа все еще не почуяла опасности. Тщетно Михаил путешествовал из одной столицы в другую, упрямо отказываясь сдаваться, пока оставалась хотя бы тень надежды. Но именно в тот момент, когда он поддался отчаянию, с самой неожиданной стороны пришло спасение. Будоражащая новость пронеслась по Европе и вскоре настигла Мануила II, находящегося в Париже: огромная армия вторглась в Малую Азию с

востока, и Баязиду пришлось развернуться для сражения с нею. Константинополь был спасен.

Во Франции циркулировали слухи, что для спасения Византии явился могущественный христианский король, но это было правдой лишь наполовину. Тюркский воитель Тимур Хромой родился более шестидесяти лет назад в среднеазиатском Узбекистане и всю свою жизнь провел в седле во главе монгольской орды. Он мечтал восстановить прославленную империю Чингисхана, и для этого двинул свою армию на необыкновенно масштабные завоевания. К 1400 году его империя простиралась от Индии до Руси и от Афганистана до Армении. Лазутчики двигались впереди его войск, распространяя слухи о его нечеловеческой жестокости, ослабляя боевой дух противников и сея среди них панику. В Дамаске Тимур согнал жителей в Великую мечеть и сжег ее дотла; в Тикрите он повелел всем солдатам показать ему по две отрубленных головы или же лишиться собственной; в Багдаде он зарезал девяносто тысяч жителей и сложил пирамиду из их голов. Земли, по которым он проходил, превращались в пустыни, города обезлюдели, а живущие спасались бегством.

В самом начале XV века Тимур вступил на османскую территорию, заставив разгневанного султана поспешно оставить Константинополь в покое. Когда 20 июля 1402 года две армии встретились возле Анкары, побоище оказалось ужасающим. Погибло пятнадцать тысяч турок, а сам султан попал в плен. Тимур Хромой с радостью принял во владение гарем Баязида; согласно некоторым свидетельствам, он вез султана перед армией в железной клетке и использовал его как скамеечку для ног²¹³.

²¹³ В некоторых отчетах того времени говорится, что монгольский хан обращался с Баязидом уважительно — по крайней мере, с достаточным уважением, чтобы не запирает его в клетке; другие же источники старательно расписывают унижения, смакуя каждую деталь. В любом случае, Тимур Хромой не нуждался в османах, а издевательства над плененным султаном были вполне в его характере.

Теперь монгольский полководец стал хозяином Малой Азии, но он не знал покоя и куда более интересовался завоеваниями, чем делами государственного управления. После еще нескольких ужасающих деяний — он разграбил Филадельфию и построил стену из трупов, чтобы отметить это событие — Тимур повернул обратно, чтобы напасть на Китай, оставив после себя разрушенную Османскую империю и Анатолию, повергнутую в хаос.

Настало время выбросить турок из Европы, но Мануил II так и не получил помощи, за исключением множества расплывчатых обещаний. Каков бы ни был шанс изменить ситуацию, он исчез навсегда, когда в Адрианополе воцарился новый султан. Сын Баязида, Сулейман, выжил после опустошительного нашествия монголов и переправился через Босфор, чтобы завладеть европейскими провинциями, пока его братья восстанавливали власть турок в Малой Азии. Сулейман умело нейтрализовал своих христианских соседей, даровав Венеции и Генуе торговые льготы, и обратился к византийскому императору, предложив ему новое соглашение. Разумеется, Мануил II немедленно освободился от унижительного вассалитета; Фракия и Фессалоники возвращались империи, а с ними и монастырская община горы Афон; наконец, в качестве десерта, Сулейман обещал стать вассалом Мануила.

В теплый полдень 9 июня 1403 года Мануил II триумфально вступил в Константинополь. Он покидал его слугой султана, но вопреки всему вернулся его хозяином. Толпы приветствовали его, когда он шел по улицам, церковные колокола ликующе звонили по всему городу, а в Софийском соборе прошла особая благодарственная служба.

Несмотря на формально подчиненное положение Сулеймана, османский султан только выиграл от сделки. Проглотив гордость, он получил передышку. Византия была по-прежнему слаба, и возросшее к ней уважение

было обманчивым. Объединив усилия, христианский мир мог всего лишь отбросить турок от Европы, пока те были разобщены — но готовность османов прийти к соглашению усыпила бдительность европейских держав, внушив им ложное чувство безопасности. Уверенные, что угроза минула, они перестали обращать на нее внимание, и Византия осталась в полном одиночестве. Для империи оказалось бы гораздо лучше, если бы Мануил отказался от предложения Сулеймана.

Передышка от османского натиска оказалась слишком короткой. В 1409 году брат Сулеймана Муса вторгся на его территорию и осадил город Адрианополь. Мануил II оказал своему вассалу посильную помощь, но после недолгой борьбы Муса захватил город и удавил Сулеймана. В 1411 году новый султан уже появился у стен Константинополя, намереваясь наказать императора за то, что он поддерживал не ту сторону. Мануил смог спасти положение лишь хитростью — он подбил Мехмеда, третьего брата, свергнуть Мусу. Осада была снята, Мусу тоже задушили тетивой, но Константинополь снова стал заложником османских капризов.

К счастью для империи, новый султан был образованным и утонченным человеком. Он сразу проникся к Мануилу симпатией и даже обращался к нему «отец мой и повелитель», а главное — честно поддерживал мир. Император воспользовался этим временным затишьем, чтобы укрепить имперские оборонительные сооружения, совершить поездку по территории Византии и построить шестимильную стену — Гексамиллион — на Коринфском перешейке, чтобы перекрыть доступ на Пелопоннес. Он оставался в прекрасных отношениях со своими турецкими соседями, но Мануил II хорошо понимал, что перемирие с исламом не продлится долго, и что рано или поздно оттоманское войско снова будет стоять у его ворот²¹⁴.

²¹⁴ Понятно, что как человек, чья империя противостояла почти постоянным атакам ислама, Мануил II питал отвращение к идее насиль-

Вторжение началось раньше, чем ожидал император. В 1421 году тридцатидвухлетний Мехмед внезапно умер, оставив султаном своего жестокого и неуравновешенного сына, семнадцатилетнего Мурада II. Подобные времена перемен, когда претенденты пытались захватить власть, всегда несли с собой хаос, и Константинополю представилась возможность поддержать узурпатора. Мануил II, которому к тому времени было уже за семьдесят и который знал, что годы берут свое, предпочитал, чтобы османы сами разобрались со своими делами, и не хотел восстанавливать против себя окончательного победителя. Но его старший сын Иоанн VIII с юношеской самонадеянностью желал занять более активную позицию и поддержать стороннего претендента. В конце концов усталый император сдался, империя поддержала кузена Мурада Мустафу, и византийцы затаили дыхание.

Мануил II проявил мудрость, когда не решился рискнуть нейтралитетом империи. Кузен Мустафа был схвачен в Галлиполи и удушен по приказу султана, после чего Мурад в ярости набросился на Константинополь. Город Фессалоники был взят в осаду, Гексамиллион разрушен, а Пелопоннес разграблен. К 1422 году Мурад подошел к стенам Константинополя и потребовал немедленной капитуляции. Мануил II уже находился на пороге смерти, но все же сумел сделать городу прощальный подарок. Отправив послов к младшему брату султана, император убедил его, что теперь самое время попытаться захватить трон. У раздосадованного султана

ственного обращения в чужую веру. Плодовитый писатель, он оставил нам книгу под названием «Двадцать шесть диалогов с персом», которая состоит из записей споров по этому вопросу с его мусульманскими коллегами. В 2006 году папа Бенедикт XVI привел из нее цитату в подтверждение тезиса, что насилие и вера несовместимы. По иронии судьбы, именно этот диалог в свое время вызвал на Среднем Востоке бурные споры, результатом чего стало разрушение некоторых церквей и несколько смертей.

не было иного выхода, кроме как немедленно переключить внимание на новую угрозу. В обмен на обещание императора снова сделаться турецким вассалом Мурад быстро снял осаду и отправился в Малую Азию.

Каким-то чудом Мануилу II удалось предотвратить крушение империи. Византия в одиночестве оставалась в турецком море, ситуация была не лучше, чем во времена его коронации, но благодаря его уму и находчивости Константинополь опять был спасен. Теперь Мануил мог скончаться, оставив империю в слабом подобии мира.

Этот мир продолжался недолго. Едва старший сын Мануила Иоанн VIII, успел взойти на трон, как султан Мурад II решил осадить Фессалоники. Оказавшийся в тяжелом положении византийский командующий сдал город Венеции в обмен на защиту, но в 1430 году венецианский наместник решил, что ситуация безнадежна, и спокойно отплыл восвояси, пожелав удачи защитникам города. Несчастные византийцы смогли удержать город до марта, когда в его стенах наконец-то была проломлена брешь, и турки хлынули внутрь, занявшись обычными для них зверствами.

Убежденный, что Константинополь будет следующим, Иоанн VIII прибег к привычным попыткам получить помощь в Европе, уверенный, что способен преуспеть там, где потерпели поражение его предшественники. Он был убежден, что турецкая угроза теперь очевидна всем, и Запад непременно поможет — если не из альтруизма, то от страха. Увы, как его отец и дед до него, Иоанн обнаружил, что Европе хватает своих собственных проблем, и она остается слепа к отдаленным опасностям. Англия и Франция глубоко увязли в Столетней войне — в том же самом году англичане схватили и сожгли Жанну д'Арк. Куда бы ни обратился Иоанн, он всюду получал один и тот же старый ответ: Византия не получит помощи, пока православная церковь не подчинится Риму.

Иоанн VIII очень хорошо понимал, что его подданные никогда не примут такого решения, но он был в безнадежной ситуации и пообещал папе, что сможет обратить империю в католицизм. Понтифик не слишком ему поверил — слишком много раз он слышал это обещание в прошлом, — но император настоял на своем. После четырнадцати лет уклончивых переговоров и дипломатических маневров он собрал группу запуганных епископов и подписал соглашение об унии на совете во Флоренции, официально объединив обе церкви. Папа немедленно обещал военную помощь, а Венгрия, которая прекрасно понимала, что следующей ляжет на османскую плаху, согласилась отправиться в крестовый поход.

Но одно дело подписать документ, и совсем другое — провести его в жизнь. Иоанн вернулся в столицу и обнаружил, что его действия повсеместно осуждаются, а его собственное положение на троне всерьез пошатнулось. Большинство тех, кто подписал ненавистное постановление, публично отказались от своих подписей: патриархи Александрии, Иерусалима и Антиохии гневно отреклись от императора, а один из его братьев попытался завладеть тронном во имя православной веры.

Поскольку церковь безнадежно разделилась, а народ восстал с оружием в руках, все теперь зависело от крестового похода. Возглавляемые венгерским королем Владиславом²¹⁵ и блестящим полководцем Яношем Хуньяди, крестоносцы начали поход в 1443 году. Они вторглись в Болгарию и завоевали ее за несколько месяцев. Мурад II настолько встревожился сплочением своих христианских врагов, что предложил крестоносцам десятилетнее перемирие, если они отступят. Сербский контингент армии принял предложение и вернул-

²¹⁵ Имеется в виду юный венгерский король Уласло I (1424–1444), он же польский король Владислав III Ягеллон. (*Прим. ред.*)

ся домой, но остальные, понуждаемые папой, дошли до черноморского побережья. Возле маленького города Варны крестоносцы обнаружили, что разъяренный султан поджидает их с армией, почти в три раза превосходящей размером их войско. Турки дрогнули под первым ударом крестоносцев, но случилась катастрофа: в безумной попытке захватить спасающегося бегством Мурада был убит король Владислав. Армия крестоносцев в панике бросилась врассыпную и через несколько часов прекратила свое существование.

Венгерский регент Янош Хуньяди смог перегруппировать свои войска и на несколько лет отвлечь внимание султана, но к 1448 году его армия была полностью разбита. Грустно наблюдая за этим из Константинополя, Иоанн VIII, возлагавший все надежды на помощь с Запада, был окончательно сломлен. Он навлек на себя гнев своего народа, лишил прочности престол и вызвал раскол в церкви — и все впустую. Убитый горем, потерпевший поражение, он был близок к смерти, но ему пришлось снести еще одно унижение. Когда султан вернулся, императора заставили предстать перед Мурадом II и поздравить его с победой, определившей судьбу Константинополя. Спустя одиннадцать дней Иоанн скончался.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ. ВЕЧНЫЙ ИМПЕРАТОР

.....

Мы надеемся, что «светловолосые» люди спасут нас... Мы возлагаем надежды на оракулов и фальшивые пророчества. Мы тратим время на бесполезные слова.

*Тимоти Грегори,
«История Византии» (2006)*

Спустя несколько дней после похорон византийские послы спешно направились на Пелопоннес. Там, в Мистре, в долине античной Спарты, они нашли младшего брата Иоанна Константина IX Драгаша и сообщили ему, что он стал императором Византии. Посланники не

имели полномочий короновать его — это должен был сделать патриарх в Константинополе, — но была проведена простая церемония²¹⁶. Взойдя на венецианскую галеру — византийских не нашлось — последний император Константинополя отправился в столицу и официально вступил в нее 12 марта 1449 года.

Из всех сыновей Мануила II Константин был самым одаренным. Харизматичный и бесстрашный, он глубоко уважал долгую и славную историю Византии и намеревался защищать ее достоинство. Истинный сын своего отца, Константин считал, что попустительство мало чем отличается от предательства. Мусульманские армии веками разбивались о стены столицы, и дрожать перед ними, как это делали его брат и дед, означает не только окончательную гибель, но еще и унижение.

Впрочем, император хорошо отдавал себе отчет, что обстоятельства складываются не в его пользу. К своим сорока трем годам он провел большую часть жизни, сражаясь с турками, и хорошо знал своего врага. Тремя годами ранее, во время изначального воодушевления венгерского крестового похода, Константин воспользовался тем, что османы отвлеклись на север, и отвоевал у турок Афины и большую часть северной Греции. После крушения крестового похода Константину пришлось в одиночестве встретить всю тяжесть султанского гнева. Мурад II вторгся в Грецию, захватил Афины и заставил византийцев искать убежища за Гексамиллионом. Константин рассчитывал продержаться за стеной не один месяц, но турки привезли с собой новое ужасающее оружие — несколько больших пушек. Первый выстрел обрушился на стену, с грохотом возвестив, что мир изменился. Защитные сооружения, сколь угодно большие, теперь стали бесполезны. Началась эра артиллерии.

²¹⁶ Сегодня двуглавый орел, вырезанный на полу базилики Святого Димитрия в Мистре, отмечает место, на котором был официально провозглашен последний византийский император.

Гексамилион пал всего за пять дней, и Константин едва успел спастись. Османы ворвались на Пелопоннес, и только неожиданно рано выпавший зимний снег, перекрывший горные проходы, спас столицу Константина, город Мистры. К счастью для империи, Мурад II был более заинтересован в завоевании Балкан, чем в том, чтобы окончательно расправиться с остатками Византии. Османские армии отправились завоевывать Далмацию, а Константина IX турки оставили в покое, и он смог приложить все силы к восстановлению южной Греции²¹⁷.

Когда новый император вошел в Константинополь, город представлял собой лишь смутное отражение своего прошлого величия. Он отступил, будто отлив, и съезжился внутри своих стен. На улицах столицы больше не слышались разговоры на дюжине наречий, торговые корабли не теснились в имперских гаванях, ее дворцы и церкви лишились своих богатых украшений. Население, в дни Юстиниана достигавшее почти полумиллиона, теперь сократилось до пятидесяти тысяч человек. Заброшенные поля, заросшие сорной травой, ныне покрывали обширные участки старой городской территории, и остатки разрушенных зданий со временем врастали все глубже в землю.

И все же, несмотря на это, странное оживление витало в воздухе. Недавно написанные фрески были не такими роскошными, как когда-то, иконы больше не были инкрустированы серебром и золотом, грандиозные мозаики уже не поражали взгляд — но в искусстве при-

²¹⁷ Чтобы в свое отсутствие обеспечить верность балканских магнатов, Мурад II часто брал в заложники их сыновей. Одним из таких пленников был трансильванский принц Влад III, который в заточении развлекался тем, что насаживал птиц на колышки. Позднее дав волю своей ненависти к туркам вообще и к молодому султану Мехмеду в особенности, он положил жизнь на то, чтобы изгнать османов из Трансильвании. Своей жестокостью он вскоре заслужил прозвище «Дракон», и как Дракула — сын дракона — остался в памяти потомков.

существовали свежесть и живость, столь не соответствовавшие духу погибающей империи. В этой странной атмосфере ремесленники и ученые все еще находили себе меценатов, и новые школы искусств расцветали в монастырях, рассеянных по раздробленной империи. Византия уже многие столетия жила под тенью безжалостных турок, и хорошо осознала, что ей предстоит быть разрушенной до основания — но даже в приближении рокового часа империя была твердо намерена наслаждаться жизнью. В материальном отношении она могла уменьшиться до незначительного пятнышка, но интеллектуально и культурно переживала новый расцвет.

Константин IX был бы рад подарить своим подданным долгожданное торжество по поводу коронации, но об этом не могло быть и речи. Патриарх являлся известным сторонником постановления Иоанна VIII об унии, объединившей православную и католическую церковь, а следовательно, в глазах большей части своей паствы был немногим лучше еретика. Позволить такой противоречивой фигуре провести обряд помазания на трон неминуемо означало вызвать массовые беспорядки.

В любом случае Константин молчаливо поддерживал позицию патриарха. Священным долгом императора было защищать независимость столицы, и если подчинение Риму давало хотя бы малейший шанс на помощь Запада, так и следовало поступить. Последнему императору Византии предстояло остаться некоронованным.

Пока Константин улаживал текущие проблемы Константинополя, Мурад II обнаружил, что столицу Далмации завоевать куда труднее, чем он рассчитывал. Под предводительством Албанского Дракона — харизматичного Скандерберга — далматинцы успешно противостояли османскому натиску. В 1451 году Мурад II недовольно прекратил свои попытки, объявив, что эту провинцию завоевать невозможно, и удалился в Адрианополь, где и скончался к безмерному облегчению Византии.

Праздничный колокольный звон раздавался по всему Константинополю. Новому султану, Мехмеду II, было только девятнадцать лет, и когда император отправил посланников, чтобы поздравить его с восхождением на трон, султан поклялся Пророком и Кораном, что посвятит всю свою жизнь поддержанию мира с империей. Западные державы, обеспокоенные провалом венгерского крестового похода, охотно предпочли ему поверить.

Впрочем, молодой султан был полон противоречий. Поэт и ученый, свободно говоривший на нескольких языках, он в то же время являлся неуравновешенным тираном, способным на зверскую жестокость. Блестящий организатор и стратег, он был суеверен настолько, что не начинал атаку без благословения астролога. И эти колебания сочетались в нем с проявлявшейся временами макиавеллиевской решительностью. Став султаном и желая избежать потенциальной угрозы, Мурад II отвлек внимание матери своего маленького сводного брата, пригласив ее на обед, и удавил ребенка. Когда бедная женщина вернулась домой и нашла своего младенца мертвым, ей не дали времени оплакать его; вместо того ее немедленно выдали замуж за одного из командиров Мехмеда. По мнению султана, гражданскую войну можно было предотвратить только подобной жестокостью, и позднее он убедительно объяснит своим сыновьям, что братоубийство было совершено в интересах сохранения «мира и порядка».

Этот пример, показавший характер нового султана, остался на Западе незамеченным. И Европа, и Византия прилежно отворачивались от него, желая верить, что между исламом и империей возможен мир. Вскоре их заблуждению пришел конец.

Мехмеду II удавалось сдерживать еще несколько месяцев, а затем он нарушил свою клятву. Отправив своих инженеров в самую узкую часть Босфора, где Азию отделяет от Европы всего семьсот ярдов, он соорудил мост через узкую полосу воды и уничтожил

византийский городок, который здесь находился. На том самом месте, где две тысячи лет назад персидский царь Ксеркс со своей огромной армией встретился с обреченным спартанским царем Леонидом, Мехмед построил крепость²¹⁸. Его дед, чтобы властвовать над проливами, построил такой же замок на азиатском берегу, и теперь два этих укрепления эффективно отрезали Константинополь от Черного моря. Это был явный акт агрессии, и султан даже не пытался скрывать свои намерения. Когда Константин послал эмиссаров напомнить Мехмеду, что тот нарушил клятву, и умолял его пощадить хотя бы местные деревни, Мехмед приказал казнить посллов.

По мере того, как стены новой крепости поднимались все выше, молодой венгр по имени Урбан прибыл в Константинополь и предложил свои услуги императору. Специалист в литье пушек и стрельбе из них, он предложил начать производство огнестрельного оружия для Византии. Константин XI был восхищен. Он уже видел новое смертоносное оружие при Гексамиллионе и знал ужасающую силу этих оглушающих чудовищ, что могли сокрушить камень и сравнять с землей стены. Но чтобы нанять этого молодого человека, у императора попросту не оказалось денег. Каким-то образом для Урбана удалось наскрести жалованье, чтобы тот остался в городе, но эти средства вскоре кончились, и нуждающийся в деньгах венгр ушел, чтобы предложить свои услуги туркам.

Мехмед был только счастлив приветствовать Урбана. Осыпав его дарами, он спросил у венгра, могут ли его пушки снести городскую стену. Урбан слишком хорошо знал, что за стену султан имеет в виду. Поскольку он провел многие часы, исследуя знаменитые укреп-

²¹⁸ Так у автора. Фермопильский проход, где сражался царь Леонид, находится не на Босфоре, а много южнее, на берегу Малийского залива Эгейского моря. Даже переправлялся в Европу Ксеркс не через Босфор, а через пролив Дарданеллы у Абидоса. (*Прим. ред.*)

пленения Константинополя, он пообещал сделать пушку, которая была бы способна сокрушить даже врата Вавилона. Немедленно приступив к работе, Урбан вскоре произвел бронзовое чудовище, которое могло стрелять шестисотфунтовыми каменными ядрами. Довольный султан разместил это орудие в своей новой крепости, объявив, что любой корабль, желающий пройти мимо, должен остановиться и заплатить пошлину. Венецианцы попытались воспротивиться, понимая, что это может полностью парализовать торговлю на Босфоре, но султан был абсолютно серьезен. Когда венецианский корабль попытался пройти через пролив, Мехмед приказал обстрелять и утопить его. Выловив оглушенных моряков из волн, он казнил их, а затем посадил на кол капитана, оставив труп на берегу в качестве наглядного предупреждения.

Султан был доволен своим новым оружием, но хотел пушку еще больших размеров и приказал Урбану построить орудие, более чем в два раза превосходящее первое. Венгр вернулся в свою литейную и отлил монстра длиной в двадцать семь футов, который мог метать гранитное ядро весом в пятнадцать сотен фунтов более чем на милю.

Мехмед понимал, что использование таких пушек позволит нанести быстрый сокрушительный удар по Константинополю и поможет захватить город, прежде чем Западу представится возможность собрать подкрепление в виде крестового похода. Единственная трудность заключалась в транспортировке огромного орудия за 140 миль от литейной в Адрианополе до стен Константинополя. Плотников и каменщиков торопливо погнали вперед, разравнивать холмы и строить мосты, а упряжка из шестидесяти волов и двухсот человек тянула пушку через сельские области Фракии, проходя в день по две с половиной мили. Сам же Мехмед выступил со своей армией 23 марта 1453 года. Теперь гибель Константинополя была не за горами.

Константин XI подготовился как мог — расчистил рвы, починил стены и запас провизию. Он видел, что делают турки с захваченными городами, и понимал, что шансы на спасение невелики. Оставалась одна последняя надежда: его брат Иоанн VIII обещал присоединиться к католической церкви, но официальное объявление унии так пока и не состоялось. Теперь папа послал кардинала с обещанием помощи — при условии, что постановление об унии будет официально зачитано в Софийском соборе. Император более не колебался. На малолюдной службе, проведенной в великой церкви, проводящий богослужение священник объявил, что православная и католическая церкви официально объединились. Небеса ликуют, провозгласил он.

Настроения в городе были далеко не оптимистичными, но на пороге верной гибели мятежей или протестов общественности не последовало. С кардиналом пришли двести лучников, и оставалась слабая надежда, что после того, как о церковной унии было объявлено официально, за ними, возможно, придут и другие. Большая часть населения просто уклонилась от церемонии и отказалась вступать в любую церковь, «зараженную» латинскими обрядами. Они не усугубили общее уныние восстанием, но и не собирались отказываться от своих традиций. На эту Пасху Софийский собор был странно тих и пустынен — жители города отправились искать церкви, что все еще придерживались греческих обрядов. Пять дней спустя, 6 апреля, к городу подошли турки.

Венецианская республика обещала послать флот, чтобы оказать туркам сопротивление, но ни одного корабля так и не появилось на горизонте, и даже самые завзятые оптимисты начали понимать, что венецианская помощь ограничилась лишь красивыми словами. Обращение к Западу ничего не дало, и теперь османская армия, что казалась столь же многочисленной, как звезды на небе, была совсем близко. Глядя на огромное море своих врагов и зная, что в их любимых православ-

ных церквях отправляется латинская месса, византийцы могли с сожалением заключить, что они заплатили цену за объединение, но ничего от него не получили. Находившиеся в городе венецианцы торжественно клялись остаться и помочь, — но впечатление от этой клятвы было испорчено, когда вскоре из гавани под покровом темноты отплыли семь галер, унося с собой сотни людей, в которых так отчаянно нуждался город.

Единственным светлым лучом стало прибытие из Генуи выдающегося знатока осадных действий Джованни Джустиниани с небольшим отрядом в семь сотен прекрасно обученных солдат. Он благородно пришел на защиту города, в котором когда-то правил его тезка Юстиниан, но этот широкий жест не смог рассеять ужасного предчувствия беды. Пополнив скудные войска Константина, генуэзец довел число защитников города всего лишь до семи тысяч человек. Им предстояло рассредоточиться по стенам длиной в двенадцать с половиной миль и оборонять город от османской армии, в которой было около восьмидесяти тысяч человек. Напряжение и беспокойство тяжело висели над городом, но времени предаваться унынию не было. Сразу по прибытии Мехмед подъехал к воротам города и потребовал немедленной капитуляции. Не получив ответа, 6 апреля он открыл огонь.

Огромное оружие взревело, изрыгнув пламя, дым и каменное ядро, что заставило содрогнуться тысячелетнюю Феодосиеву стену. Десять веков эти стены отбрасывали бесконечные войска желающих захватить город, но время кирпича и строительного раствора минуло, и древние укрепления подверглись обстрелу, подобного которому еще не было в истории осадных войн.

Главной пушке требовалось время, чтобы охладиться после каждого выстрела, и она могла стрелять только семь раз за день, но у султана были и другие огнестрельные орудия, которые могли заполнить эти паузы. Каменные ядра безжалостно били в стены, раскалы-

вая кирпичи и временами обрушивая целые секции. К концу первого дня большая часть внешней стены превратилась в обломки, и султан приказал наступать. Константин сам бросился в брешь, каким-то образом отражая атаки, следующие одна за другой, а когда настала ночь, Джустиниани изобрел способ, как восстановить стены. Вбив в каменные обломки деревянные столбы, чтобы они образовали внешний каркас, он свалил в кучу сломанные кирпичи и камень, создав некое подобие временной стены. На следующий день, когда стрельба возобновилась, оказалось, что куча обломков, подвижных друг относительно друга, амортизирует удары и воспринимает попадания каменных ядер лучше, чем сплошная стена, оставаясь в относительной целости. Воспрянув духом, защитники принялись за работу. Днем они делали все возможное, чтобы избегать каменных ядер, сеющих смерть вокруг себя; ночью, когда пушки наконец умолкали, они поспешно устраняли нанесенный ущерб.

После сорока восьми дней непрерывного обстрела уязвимого участка, где стены спускались в долину речки Ликос, султан предпринял вторую попытку взять город штурмом. И она также оказалась безуспешной. Император снова героически возглавил оборону, и недовольный султан выплеснул свой гнев, посадив на кол всех византийских пленников так, чтобы их было видно со стен.

Изменив тактику, Мехмед решил атаковать имперскую гавань в месте, где прибрежные стены были более уязвимы. Он приказал своим кораблям протаранить великую цепь, но та с легкостью выдержала удар. Для османов это было унижительной неудачей, но вскоре они получили еще более сильную пощечину, когда три генуэзских корабля с чрезвычайно важным грузом продовольствия для осажденной столицы ухитрились пройти мимо османского флота и проскользнуть в гавань, несмотря на приказ Мехмеда пустить их ко дну любой ценой.

Такое открытое презрение к его власти и силе, как обычно, повергло султана в гнев. Он потерял лицо и подарил своим врагам надежду; их радостные крики, раздавшиеся при появлении генуэзцев, можно было ясно слышать даже в турецком лагере. Очевидно, этому следовало положить конец, и Мехмед приготовил впечатляющий ответ.

Вход в имперскую гавань охраняла длинная цепь, протянувшаяся от Константинополя до башни в генуэзской колонии на противоположном берегу. Неоднократные попытки преодолеть ее закончились неудачей, но для человека с бесконечными ресурсами султана оставались и другие способы. Продемонстрировав ошеломляющие способности турок к планированию и организации, Мехмед перетащил по суше в обход генуэзской колонии на смазанных жиром бревнах семьдесят кораблей и постепенно перебросил свой флот в имперскую гавань.

Падение гавани стало для Константина буквально физическим ударом. Эти воды не только стали более не безопасны для рыбалки, лишив голодающий город одного из надежных источников пищи — теперь к стенам, которые нужно было защищать его растянутым войскам, добавилось еще три с половиной мили. Обе стороны знали, что конец уже близок, и когда Мехмед в приступе злости обезглавил перед стенами города еще одну группу византийских пленников, защитники, не выдержав, в ответ сбросили с крепостной стены своих турецких пленников. Это была война на смерть. Если султан безжалостен, он не дождется в ответ никакого милосердия.

Защитников Константинополя еще поддерживала надежда, что прибудет обещанный венецианский флот и спасет их. Но уже наступил май, боевой дух и надежда стали гаснуть. В отчаянии Константин послал корабль, чтобы отыскать хотя бы знак приближающегося флота, но тот вернулся спустя три недели с печальной вестью,

что ничто не указывает на приближение помощи. Византия была оставлена на произвол судьбы. Министры умоляли императора спастись бегством и создать правительство в изгнании, пока город еще можно было отвоевать. Империя крестоносцев со временем развалилась, и с османами будет то же самое, главное — сохранить жизнь императора. Обессиленный, но не утративший твердость духа, император отказался. Это был его народ, и он останется с ним до конца.

В турецком лагере Мехмед тем временем готовил войска к последнему штурму. Стены, разбитые его пушками, теперь превратились в груды булыжника, и дальнейший обстрел мало что мог к этому добавить. Прежние попытки взять город штурмом приводили к чудовищным потерям, и каждый день, отдалявший султана от взятия города, наносил новый удар по его репутации. Настало время приложить усилия в последний раз. Не пытаясь утаить новости от усталого противника, Мехмед объявил, что во вторник 29 мая начнется последний приступ.

В Константинополе обессиленные защитники дошли до предела изнеможения. Подвергаясь ужасающим непрерывным обстрелам, они были вынуждены храбро противостоять турецким пушкам днем и чинить стены ночью. У них было мало времени для отдыха, и эмоционального, и физического, и напряжение все возрастало. Но в последний понедельник в истории империи настроения переменились. Конечно, об отдыхе не могло быть и речи, и работа продолжалась, но в первый раз за многие недели жители города отправились к Софийскому собору. Там, в первый и последний раз в Византийской истории, были позабыты разногласия, столетиями разъединявшие церковь, греческие священники встали плечом к плечу с латинскими, и началась истинно экуменическая служба.

Пока жители стекались в великую церковь, Константин произнес последнюю речь — надгробную речь

по Римской империи, как ее охарактеризовал Эдуард Гиббон. Напомнив своим собравшимся войскам об их прославленной истории, он гордо напутствовал их вести себя с достоинством и честью: «Звери могут бежать от зверей, но вы люди и достойные наследники Древней Греции и Рима»²¹⁹. Обратившись к итальянцам, которые сражались, защищая Константинополь, император поблагодарил их за службу и заверил, что теперь они стали братьями, связанными общими узами. Пожав руки каждому из командиров, он позволил им вернуться на свои посты и присоединился к остальным жителям в Софийском соборе.

Та ночь для императора Византии была бессонной. Он остался в церкви и молился до тех пор, пока не угасли почти все свечи, затем навестил свой дом, чтобы напоследок попрощаться с близкими, и остаток ночи провел, объезжая стены, дабы удостовериться, что сделано все возможное. Добравшись до своего поста у самой уязвимой части стен, он спешил и принялся ждать атаки, которая, как он знал, начнется с рассветом.

Но султан не стал дожидаться солнца. В половине второго утра предрассветную тишину разорвал чудовищный грохот. Выстрел турецких пушек обрушил секцию стены, обратив в бегство защитников, спасающих свои жизни. За считанные минуты тут образовалась огромная брешь, и Мехмед бросил в нее свои войска прежде, чем византийцы смогли ее хоть как-то заделать. Стремительные атаки продолжались три часа, но прежде всего благодаря усилиям Джустиниани их каждый раз удавалось отразить. Казалось, генуэзский командир успевал повсюду, ободряя своих людей и укрепляя строй там, где тот дрогнул.

К четырем часам утра истощенные иррегулярные части осман отступили, чтобы уступить место про-

²¹⁹ Nicol, Donald M. *The Immortal Emperor* [Бессмертный император]. Cambridge: Cambridge University Press, 1992, p. 67.

фессиональной армии. Турки опять вломились в строй христиан, прокладывая себе путь сквозь груды тел и пытаясь прорубиться внутрь. Они сражались почти с маниакальным упорством, и каждый жаждал добиться милости султана на земле или пасть за веру, получив награду в раю. Туркам уже почти удалось прорваться внутрь, но в последний момент появился Константин с подкреплением и отбросил их. Когда потерпевшие поражение османы отступили, вымотанные защитники тяжело опустились на землю, но на отдых нельзя было надеяться. Почувяв, что враг дрогнул, Мехмед отправил вперед янычар.

Подобно варягам в византийской армии или преторианцам древнего Рима, янычары были элитными войсками турецкой армии. Состоящие из детей христиан, отобранных у семей в детстве и насильно обращенных в ислам, они отличались фанатичной преданностью и прекрасной военной подготовкой. Под громкие звуки военной музыки эти вышколенные войска выступили несокрушимым строем и казались неуязвимыми для выстрелов со стен. Каким-то образом их удалось отбросить, но во время атаки Джустиниани был ранен арбалетным болтом, пробившим его нагрудник. Эта рана не была смертельной, но раненый Джустиниани был слишком вымотан, чтобы продолжать командование. Константин умолял его остаться, зная, что случится, если люди увидят его уход, но Джустиниани был непреклонен и велел, чтобы его отнесли в гавань, к ожидающему его кораблю.

Страхи императора немедленно воплотились в жизнь. Видя, как их доблестного предводителя выносят за пределы стен, генуэзцы впали в панику, и когда янычары предприняли следующую атаку, они начали отступать через внутренние ворота. В этой неразберихе турки захватили несколько башен, вырезав потерявших голову защитников, которые оказались заперты меж двух стен. Со своей позиции у ворот Святого Романа Константин

понял, что все потеряно. С криком «город потерян, но я жив» он отбросил императорские регалии и ринулся в брешь, канув в историю.

Резня была ужасной. Турецкие солдаты рассыпались по улицам, которые вскоре стали скользкими от крови, и покрыли землю таким слоем трупов, что в некоторых местах ее едва можно было увидеть. Венецианцам и генуэзцам удалось добраться до своих кораблей и бежать — к счастью для них, турецкие моряки, перекрывшие гавань, горели желанием присоединиться к грабежу и оставили свои корабли. Но прочие жители города были обречены. Женщин и детей насильовали, мужчин сажали на кол, а церкви грабили и сжигали. Самую знаменитую городскую икону — изображение, которое, как считалось, написал сам святой Лука — разрубили на четыре куска, древние статуи опрокидывали и разбивали, императорские гробницы крушили и выбрасывали их содержимое на улицы, а от императорского дворца остался только разрушенный остов.

Когда османские флаги стали появляться на стенах и даже над Большим дворцом, потрясенные горожане устремились к единственному месту, в котором они всегда чувствовали себя в безопасности. Старая легенда утверждала, что Софийский собор не падет перед турками благодаря ангелу, который спустится с расположенной поблизости Константиновой колонны, чтобы защитить верующих. Внутри просторного здания проводилась заутреня, и утешающие песнопения, эхом отдающиеся под знакомыми золотыми иконами, успокоили беженцев.

Но древнее пророчество оказалось ложным — ангел не появился, чтобы спасти их, и даже массивные бронзовые двери не смогли сдержать неистовых врагов. Турки проложили себе путь внутрь, убили священника возле алтаря и безжалостно изрубили прихожан. Тех немногих счастливиц, которые оказались состоятельными, оставили для невольничьих рынков, но они были вы-

нуждены смотреть, как оскверняют церковь. Облачение патриарха обмотали вокруг собачьих ног, а святые дары бросили на землю. Один янычар в насмешку набросил свою шапку на распятие. Алтари были повергнуты и использовались как кормушки для лошадей, или даже хуже того — как постели, в которых насиловали заложников — женщин и детей. Все, что на вид представляло ценность, отрывали от стен или ломали, и кресты рубили всюду, где только могли их найти.

К концу первого дня не осталось практически ничего, что еще можно было ограбить, и двадцатиднолетний султан приказал прекратить резню.

Софийский собор превратили в мечеть, ее великолепные мозаики скрыли под геометрическими узорами, а поверх водрузили огромные деревянные щиты со стихами из Корана, а в соответствующей стороне в стене был прорублен михраб²²⁰. Уцелевшие растерявшиеся жители обнаружили, что стали пленниками в городе, который они больше не узнавали. Мехмед приказал казнить всех мужчин знатного происхождения, а остальных пленников продал в рабство, подарив каждому из своих командиров по четыреста греческих детей. В особенности он был озабочен тем, чтобы найти тело Константина — дабы увериться в том, что его главный враг мертв. Поспешно были посланы люди, чтобы разгрести трупы, омыть от крови мертвые тела и изучить отрубленные головы. Было найдено тело, одетое в шелковые чулки, украшенные вышивкой в виде орлов — но когда Мехмед насадил его голову на кол и выставил ее в городе, она не произвела ожидаемого впечатления на тех, кто знал императора. Несмотря на все усилия султана, тела так и не нашли. Если и не в жизни, то в смерти Константин XI остался неподвластен победителю.

²²⁰ Молитвенная ниша, традиционно обращенная к Мекке и показывающая верующим направление, в котором следует обращать лицо во время молитвы.

После 1123 лет и 18 дней Византийская империя прекратила свое существование. Божественная литургия, что разносилась эхом из-под великих куполов собора Святой Софии почти тысячу лет, умолкла, и облака ладана медленно рассеялись в оскверненных церквях города. Измученные и потрясенные византийцы теперь оказались в постоянном изгнании – но они, по крайней мере, могли гордиться, что кончина их империи была славной и героической. Последний император предпочел смерть капитуляции или отступлению от своих идеалов. Поступив так, он разделил братскую могилу с людьми, которых возглавлял. При гордом и отважном легендарном восемьдесят восьмом императоре Византия вернулась к своим истокам. Как первый император, правивший в городе на Босфоре, он был сыном Елены и носил имя Константин – и символично, что в час нужды человек по имени Юстиниан оказался на его стороне.

ЭПИЛОГ: ПЕПЕЛ ВИЗАНТИИ

.....

Тогда я поднимусь из мраморного сна,
И встану из могилы своей тайной,
Чтобы распахнуть Ворота Золотые
И победить калифов и царей.
Я буду гнать их прочь от дерева с плодами,
Успокоение найдя лишь на границах
прежних.

*Дональд М. Николь,
«Бессмертный император» (1992)*

Когда утром вторника 30 мая 1453 года солнце взошло над разоренной столицей христианского мира, османское завоевание империи было близко к завершению. Вздорные братья Константина все еще удерживали Пелопоннес, а

потомки Алексея Комнина еще правили в Трапезунде на побережье Черного моря. Но все это были пустые оболочки, разрозненные осколки, существующие только с попушения султана. В конце лета 1461 года сдался последний из них.

Турки наконец-то исполнили заветную мечту ислама и завладели великим городом, и его захват оставил глубокий след в душе османов. Султан сделал Константинополь османской столицей в подражание могущественной империи, что существовала до него.²²¹ Он принял титул Цезаря, назначил патриарха и облачился в византийские одежды. Турки никогда не забывали о своей волшебной победе, и даже сейчас их флаг все еще гордо носит изображение полумесяца, что служит напоминанием о том, как выглядело небо ранним утром вторника 30 мая 1453 года.²²²

Самосознание православного мира также ожесточилось от созерцания картин того ужасного мая, и со временем память стала превращаться в легенду. Согласно ей, священники, что проводили службу в Софийском соборе, когда туда ворвались турки, не были убиты, но остановились на середине песнопения и чудесным образом растворились в южной стене святылища. Когда город снова окажется в руках христиан, они появятся вновь и продолжат службу с того места, где она была прервана. Что же до последнего императора-героя, то он не погиб в сражении, но был спасен ангелом и обращен в камень. Там, в пещере под Золотыми Воротами

²²¹ Название города было официально изменено на Стамбул только в 1930 году.

²²² Жители Византия выбрали молодой месяц символом своего города еще в 670 году до н.э. в честь покровительницы города, богини Артемиды. Мехмед перенес его на свои знамена – и переосмысленный в виде *убывающей* луны, он вскоре получил распространение как официальный мусульманский символ. Отождествление с византийским прошлым также сохранилось и лингвистически: вплоть до XIX века самоназванием греков было «ромей», а не «эллины».

ми, мраморный император ждет, словно король Артур, чтобы вернуться с победой и снова править своим народом.

За пять столетий последующего османского владычества трагическое противостояние Константина неодолимой силе ислама стало символом православной церкви в изгнании. Его статуя все еще стоит в Афинах, вызываясь поднимая руку с мечом — первый мученик и вошедший в легенду неофициальный святой современной Греции.

Длительное сопротивление Византии исламу закончилось поражением — но, продолжая борьбу столь долго, империя одержала важную победу. Великие стены Константинова города задержали наступление мусульман в Европу на восемьсот лет, дав так необходимое Западу время для развития. Когда османская волна нахлынула на Византию, она была на пике своей силы; но вскоре мусульманские армии споткнутся у стен Вены, и Османская империя начнет свое долгое отступление из Европы.

Падение Константинополя могло означать исчезновение последних следов Римской империи, но беспредельный свет ее знаний не погас. Беженцы потекли в Западную Европу, неся с собой утерянные сокровища греческой и римской цивилизаций.

Первый проблеск гуманизма уже тронул западные сердца, и они восприняли драгоценный дар Византии с восторгом. Неполные копии работ Аристотеля были хорошо известны уже давно — но теперь Европа познакомилась с Платоном и Демосфеном, была глубоко взволнована «Илиадой» и очарована Ксенофонтом и Эсхилом. Эмигранты из Византии стали наставниками таких разных знаменитостей, как Петрарка и Боккаччо, а состоятельный Козимо Медичи был настолько впечатлен византийским преподавателем, что основал Платоновскую академию во Флоренции. Итогом стало возрождение — Ренессанс, как его скоро назовут, — во

время которого Западная Европа заново познакомится со своими корнями.

Другие изгнанники бежали в Россию, последнее великое православное государство, и попытались заново осуществить византийскую мечту. У правителей тех обширных северных земель уже имелись византийский алфавит и восточная душа, и они с радостью приветствовали пришедших. Они приняли титул «царь» — свой вариант титула «цезарь» — и восприняли двуглавого орла, сделав его своим символом. Византийское искусство сплелось с местными стилями и продолжало процветать на Балканах и к северу от них.

Русские никогда не забывали ослепительного видения Константинополя, унаследованного ими, и желание вернуть его надолго стало неосуществимой мечтой Российской империи. Они так глубоко прониклись им, что даже Сталин, воодушевленный победой коммунизма, разделил ее память и воспринял уроки ее истории и темное недоверие к Западу, что все еще преследуют Кремль.

Но без сомнения, самым главным наследником Византии стала православная церковь. Используемая национальными силами в XIX и XX веках, церковь стала вместилищем культуры, связывающим народы бывшей империи со славными временами их прошлого. Сегодня византийский орел гордо развевается на национальных флагах от Албании до Черногории, а также во многих других странах, пусть каждый раз и в локальной версии²²³.

Лишь на Западе о произошедшем почти позабыли, хотя без Византии история Ближнего Востока и Европы в лучшем случае неполна, а в худшем — не постижима. Когда в тот ужасный вторник дым турецких

²²³ Орел также является символом Ирака и Египта — смутным напоминанием о том времени, когда империя Юстиниана занимала большую часть известного мира.

пушек в конце концов развеялся, обнаружилось, что в мире произошли глубокие перемены. Средние Века окончились, и Западная Европа стояла на грани выдающегося культурного взрыва. Спустя всего тридцать пять лет после падения Константинополя Бартоломеу Диаш обогнул мыс Доброй Надежды, открыв морской путь в Индию. А всего через четыре года после этого события малоизвестный итальянский исследователь по имени Христофор Колумб, используя переведенный византийский текст Птолемеевой «Географии», открыл Америку.

В головокружительную эпоху географических открытий, рассвет которой уже брезжил на горизонте, не осталось места для запутанных воспоминаний о Византии. Великий бастион, что тысячу лет защищал Европу, был предан забвению, и слово «византийский» стало изображать народ империи в карикатурном виде, означая бессмысленную заумность и таинственные злоеущие замыслы. Эти обвинения были настолько же незаслуженными, насколько и ложными, и в результате помешали Западу воспринять уроки, преподнесенные историей на примере Византийской империи.

Родившись из того же культурного источника, что дал жизнь Западной Европе, Византия отыскала свое собственное уникальное равновесие в традиционном противостоянии церкви и государства, веры и здравого смысла. Ее владения простиралась на земли, что давно считались мятежными по своей природе, и хотя она часто допускала ошибки и терпела неудачи, за ней все же стояло наследие стабильности и даже единства на протяжении более чем в тысячу лет.

Величайшая трагедия обширных и славных полотен ее истории заключается не в том, как она пала, а в том, что в памяти Запада она оказалась отброшена и забыта, ее голос остался не услышанным, а уроки — не усвоенными. Впрочем, для тех, кто хочет видеть, оди-

нокая Феодосиева стена все еще стоит, обветшавшая и заброшенная, протянувшись на многие мили от Мраморного моря до вод Золотого Рога. Она по-прежнему служит наглядным свидетельством эпической борьбы, происходившей пять веков назад, и неустаревающим напоминанием о том, что Римская империя окончилась не унижением маленького Августа, а героизмом Константина.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ПЕРВИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

330-600

Неоценимую помощь в изучении истории принятия христианства Константином Великим оказали следующие две книги (а особенно отчет Евсевия, найденный Маасом), содержащие информацию о богословских проблемах, повседневной жизни и тексты императорских эдиктов с IV века до вторжения мусульман в VII веке:

Lactantius. *De Mortibus Persecutorum*, [О смертях гонителей] J. L. Creed, ed. & trans. Oxford: Clarendon, 1984;

Maas, Michael. *Readings in Late Antiquity*. [Заметки о поздней античности] London: Routledge, 2003.

В том, что касается правления Юлиана Отступника, я в основном опирался на его основного биографа:

Ammianus Marcellinus. The Later Roman Empire [Поздняя Римская империя] (A.D. 354–378), W. Hamilton, ed. & trans. New York: Penguin Classics, 1986.

Также была использована работа:

Wright, Wilmer C. Julian: Volume III [Юлиан: том III]. Cambridge: Harvard University Press, 2003.

Последняя представляет собой собрание писем и записей публичных дискуссий, которые вел император, начиная с момента, когда он первый раз надел доспехи в Галлии и заканчивая злополучной персидской кампанией в 363 году.

Сочинения Прокопия – официальные («О постройках» и «Истории войн») и, конечно, скандальная «Тайная история» – оказались неоценимым источником в исследованиях времен правления Юстиниана:

Procopius. Buildings [О постройках]. H. B. Dewing, ed. & trans. Cambridge: Harvard University Press, 2002;

Procopius. History of the Wars: The Persian War [История войн: Персидская война] Books 1 & 2. H. B. Dewing, ed. & trans. New York: Cosimo Classics, 2007;

Procopius. History of the Wars: The Vandalic War [История войн: Война с вандалами] Books 3 & 4. H. B. Dewing, ed. & trans. New York: Cosimo Classics, 2007;

Procopius. The Secret History. [Тайная история] G. A. Williamson, ed. & trans. London: Penguin Classics, 1966.

600–1000

Этот период охватывает византийские «темные века», когда письменные источники становятся немногочисленными. К счастью, «Хроника Феофана» отчасти проливает свет на это время. Этот труд, написанный монахом IX века, описывает возвышение Ираклия и борьбу империи за выживание в период религиозных раздоров и атак извне. Две главные эпохи того периода – споры об иконоборчестве и приход к власти Македонской

династии – подробно расписаны в чудесном переводе Льва Диакона и «Жития восьми святых», сделанном Элис-Мэри Тэлбот.

Talbot, Alice-Mary. *Byzantine Defenders of Images: Eight Saints' Lives in English Translation*. [Византийские защитники икон: Житие восьми святых в английском переводе] Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 1998.

Talbot, Alice-Mary. *The History of Leo the Deacon: Byzantine Military Expansion in the Tenth Century* [История Льва Диакона: Византийская военная экспансия в десятом веке]. Washington, D.C.: Dumbarton Oaks, 2005.

Turtledove, Harry. *The Chronicle of Theophanes* [Хроника Феофана]. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1982.

1000–1453

Рассматривая промежуток от Первого до Четвертого крестового похода, я полагался на свидетельства Анны Комнины, Иоанна Киннама, Михаила Пселла и Никиты Хониата с восточной точки зрения и Жуанвиля и Виллардуэна – с западной:

Choniates, Niketas. *On the City of Byzantium: Annals of Niketas Choniates* [О городе Византии: Анналы Никиты Хониата]. Trans. Harry J. Magoulias. Detroit: Wayne State University Press, 1986;

Comnena, Anna. *The Alexiad* [Алексиада]. London: Penguin Classics, 1969;

Kinnamos, John. *Deeds of John and Manuel Comnenus* [Деяния Иоанна и Мануила Комнинов]. С. М. Brand, ed. & trans. New York: Columbia University Press, 1976;

Psellus, Michael. *Fourteen Byzantine Rulers* [Четырнадцать византийских правителей]. London: Penguin Classics, 1966. Shaw, M. R.;

B. Joinville and Villehardouin. *Chronicles of the Crusades* [Хроники крестовых походов]. New York: Penguin, 1963.

ВТОРИЧНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Вторичные источники, оказавшиеся наиболее полезными, можно разделить на две группы: общие обзоры византийской истории и работы, посвященные отдельным периодам.

Из трудов первой категории я в основном пользовался полной историей Уоррена Тредголда и трехтомником лорда Норвича. Важную роль сыграли также работы Тимоти Грегори и, конечно, Эдуарда Гиббона — хотя воспринимать их нужно с изрядной долей скептицизма.

Из второй категории в том, что касалось периода крестовых походов, мне помогал труд Джонатана Харриса, а в отношении ранней Македонской династии — великий Стивен Рэнсимен. Описанию деталей последних дней империи я обязан Роджеру Кроули, а также Дональду Николу и его превосходному исследованию о Константине Драгаше.

Crowley, Roger. 1455: The Holy War for Constantinople and the Clash of Islam and the West. [Священная война за Константинополь и столкновение ислама и Запада]. New York: Hyperion, 2005.

Gibbon, Edward. The Decline and Fall of the Roman Empire [Упадок и разрушение Римской империи]. 6 vols. New York: Random House, 1993.

Gregory, Timothy E. A History of Byzantium. [История Византии]. Malden, MA: Blackwell Publishing, 2005.

Harris, Jonathan. Byzantium and the Crusades. [Византия и крестовые походы]. London: Hambledon Continuum, 2006.

Nicol, Donald M. The Immortal Emperor. [Бессмертный император]. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.

Norwich, John Julius. Byzantium: The Apogee. [Византия: апогей]. New York: Alfred A. Knopf, 2004.

Norwich, John Julius. Byzantium: The Decline and Fall.

[Византия: упадок и разрушение]. New York: Alfred A. Knopf, 2003.

Norwich, John Julius. Byzantium: The Early Centuries. [Византия: ранние века]. New York: Alfred A. Knopf, 1989.

Runciman, Steven. The Emperor Romanus Lecapenus and His Reign. [Император Роман Лакапин и его правление]. Cambridge: Cambridge University Press, 1929.

Treadgold, Warren. A History of the Byzantine State and Society. [История византийского государства и общества]. California: Stanford University Press, 1997.

ПРИЛОЖЕНИЕ

.....

Династия Константина (324–363)

324–353 Константин Великий

353–361 Констанций – *Сын Константина Великого*

361–363 Юлиан Отступник – *Кузен Констанция*

Вне династий

363–364 Иовиан – *Солдат, провозглашенный императором армией*

364–378 Валент – *Брат западного императора Валентиниана*

Династия Феодосия (379–457)

379–395 Феодосий I Великий – *Солдат, назначен западным императором Грацианом*

395–408 Аркадий – *Сын Феодосия*

408–450 Феодосий II – *Сын Аркадия*

450–457 Маркиан – *Женился на сестре Феодосия*

II

Династия Львов (457–518)

457–474 Лев I Фракийский – *Солдат, выбранн восточным полководцем Аспаром*

474 Лев II – *Внук Льва I*

474–475 Зенон – *Зять Льва I*

475–476 Василиск – *Узурпатор, шурин Льва I*

476–491 Зенон (снова)

491–518 Анастасий I – *Зять Льва I*

Династия Юстиниана (527–602)

518–527 Юстин I – *Командир дворцовой стражи*

527–565 Юстиниан I Великий – *Племянник Юстина I*

565–578 Юстин II – *Племянник Юстиниана*

578–582 Тиберий II – *Усыновлен Юстином II*

582–602 Маврикий – *Зять Тиберия II*

Вне династий

602–610 Фока – *Узурпатор, солдат Маврикия*

Династия Ираклия (610–711)

610–641 Ираклий – *Узурпатор, полководец из Карфагена*

641 Константин III – *Сын Ираклия*

641 Ираклион – *Сын Ираклия*

641–668 Констант II Бородатый – *Сын Константина III*

668–685 Константин IV – *Сын Константа II*

685–695 Юстиниан II Безносый – *Сын Константина IV*

695–698 Леонтий – *Узурпатор, солдат Юстиниана II*

698–705 Тиберий III – *Узурпатор, германский командующий флотом Леонтия*

705–711 Юстиниан II (снова)

Вне династий

711–713 Филиппик – *Узурпатор, армянский солдат Юстиниана II*

713–715 Анастасий II – *Узурпатор, первый секретарь Филиппика*

715–717 Феодосий III – *Узурпатор, сборщик налогов и сын (?) Тиберия III*

Исаврийская династия (717–802)

717–741 Лев III Исавр – *Узурпатор, сирийский дипломат Юстиниана II*

741–775 Константин V Копроним – *Сын Льва III*

775–780 Лев IV Хазар – *Зять Льва III*

780–797 Константин VI Слепой – *Сын Льва IV*

797–802 Ирина – *Жена Льва IV, мать Константина VI*

Династия Никифора (802–813)

802–811 Никифор I – *Узурпатор, министр финансов при Ирине*

811 Ставракий – *Сын Никифора I*

811–813 Михаил I Рангаве – *Зять Никифора I*

Вне династий

813–820 Лев V Армянин – *Патриций и полководец Михаила I*

Аморийская династия (820–867)

820–829 Михаил II Косноязычный – *Зять Константина VI*

829–842 Феофил – *Сын Михаила II*

842–855 Феодора – *Жена Феофила*

842–867 Михаил III Пьяница – *Сын Феофила*

Македонская династия (867–1056)

867–886 Василий I Македонянин – *Армянский крестьянин, женился на вдове Михаила III*

886–912 Лев VI Мудрый – *Сын Василия I или Михаила III*

912–913 Александр – *Сын Василия I*

913–959 Константин VII Багрянородный – *Сын Льва VI*

920–944 Роман I Лакапин – *Полководец, отчим Константина VII*

959–963 Роман II Багрянородный – *Сын Константина VII*

963–969 Никифор II Фока – *Полководец, женился на вдове Романа II*

969–976 Иоанн Цимисхий – *Узурпатор, племянник Никифора II*

976–1025 Василий Болгаробойца – *Сын Романа II*

1025–1028 Константин VIII – *Сын Романа II*

1028–1050 Зоя – *Дочь Константина VIII*

1028–1034 Роман III Аргир – *Первый муж Зои*

1034–1041 Михаил IV Пафлагонский – *Второй муж Зои*

1042 Михаил V Калафат – *Приемный сын Зои*

1042 Зоя и Феодора – *Дочери Константина VIII*

1055 Константин IX Мономах – *Третий муж Зои*

1056 Феодора (снова)

Вне династий

1057 Михаил VI Старый – *Выбран Феодорой*

1059 Исаак I Комнин – *Узурпатор, полководец Михаила VI*

Династия Дука (1059–1081)

1059–1067 Константин X – *Выбран Исааком*

1068–1071 Роман IV Диоген – *Женился на вдове Константина X*

1071–1078 Михаил VII Парасинак – *Сын Константина X*

1078–1081 Никифор III Вотаниат – *Узурпатор, полководец Михаила VIII*

Династия Комнинов (1081–1185)

1081–1118 Алексей I – *Узурпатор, племянник Исаака I*

1118–1143 Иоанн II Прекрасный – *Сын Алексея I*

1141–1180 Мануил I Великий – *Сын Иоанна II*

1180–1183 Алексей II – *Сын Мануила I*

1183–1185 Андроник Ужасный – *Узурпатор, кузен Мануила I*

Династия Ангелов (1185–1204)

1185–1195 Исаак II Ангел – *Правнук Алексея I*
1195–1203 Алексей III Ангел – *Брат Исаака II*
1203–1204 Исаак II (снова) и его сын Алексей IV

Вне династий

1204 Алексей V Мурзуфл – *Узурпатор, зять Алексея III*

Династия Палеологов (1259–1453)

1259–1282 Михаил VIII – *Правнук Алексея III*
1282–1328 Андроник II – *Сын Михаила VIII*
1328–1341 Андроник III – *Правнук Андроника II*
1341–1391 Иоанн V – *Сын Андроника III*
1347–1354 Иоанн VI – *Отчим Иоанна V*
1376–1379 Андроник IV – *Сын Иоанна V*
1390 Иоанн VII – *Сын Андроника IV*
1391–1425 Мануил II – *Сын Иоанна V*
1425–1448 Иоанн VIII – *Сын Мануила II*
1448–1453 Константин XI Драгаш – *Сын Мануила II*

БЛАГОДАРНОСТИ

.....

Как и люди, о которых здесь велось повествование, книга не может появиться в пустоте, и написанием этой работы я обязан нескольким людям. Во-первых, это мой брат Андерс, который был неиссякаемым источником поддержки и без кого эта книга никогда не начала бы писаться. Я также благодарен Тине Беннетт — за ее частые и превосходные советы, и моему редактору Рикку Хоргану — за его пронизательные комментарии и за то, что он поддерживал меня в следовании изначальному замыслу этой книги.

Эта рукопись никогда бы не обрела своего окончательного вида без внимательного чтения Джулианом Павием и без его наводящих на многие размыш-

ления вопросов. Я также чрезвычайно признателен Сэму Фридману, Дэвиду Моркену и моим студентам, которые вытерпели мои упоминания о Византии к месту и не к месту, и все же задавали вопросы. Я также искренне благодарен моим родителям за то, что они поощряли мою любовь к прошлому, и моим братьям и сестрам — Тони, Пэт, Нильсу и Селине — за то, что своей беспрестанной поддержкой они помогали мне смело противостоять бесконечному потоку императоров и полководцев.

И наконец, я должен поблагодарить мою жену Кэтрин, которой слишком долго пришлось делить меня с Византией, но чей энтузиазм по поводу моей книги никогда не уменьшался. Спасибо всем вам; без вашей поддержки и ваших наставлений эта книга никогда бы не появилась на свет.

СОДЕРЖАНИЕ

.....

От редакции	5
Введение	8
Пролог. Римские корни	14
Глава 1. Революция Диоклетиана	17
Глава 2. Константин и возвышение Церкви	30
Глава 3. Ответный удар язычества	50
Глава 4. Варвары и христиане	64
Глава 5. Ужасные вести с Запада... ..	76
Глава 6. Падение Рима	85
Глава 7. Восхождение Петра Савватия	99
Глава 8. Nika!	107
Глава 9. О строениях и генералах	121

Глава 10. Yersinia Pestis	145
Глава 11. Персидский пожар	159
Глава 12. Территория войны	178
Глава 13. Разрушители икон	189
Глава 14. Крошащаяся империя	200
Глава 15. Перемены к лучшему	214
Глава 16. Славная македонская династия	226
Глава 17. Блестящий претендент	241
Глава 18. Смерть и его племянник	259
Глава 19. Василий Болгаробойца	276
Глава 20. Марш безрассудства	291
Глава 21. Выздоровление при Комнинах	304
Глава 22. Меч, обогранный кровью христиан ...	329
Глава 23. Империя в изгнании	345
Глава 24. Великолепный закат	358
Глава 25. Вечный император	375
Эпилог: пепел Византии	392
Избранная библиография	398
Приложение	403
Благодарности	410

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА **ас**

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **Буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, т. (495) 323-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-57-56
- м. «Алтуфьево», ТРЦ «РИО», Дмитровское ш., вл. 163, 3 этаж, т. (495) 988-51-28
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, стр. 1, т. (499) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр», 0 этаж, т. (499) 206-92-65
- м. «ВДНХ», ТЦ «Золотой Вавилон - Ростокино», пр-т Мира, д. 211, т. (495) 665-13-64
- м. «ВДНХ», г. Мытиши, ул. Коммунистическая, д. 1, ТРК «ХЛ-2», 3 этаж, т. (495) 641-22-89
- м. «Домодедовская», Ореховый б-р, вл. 14, стр. 3, ТЦ «Домодедовский», 3 этаж, т. (495) 983-03-54
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18а, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул.Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, к. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Крылатское», Рублевское ш., д. 62, ТРК «Евро Парк», 2 этаж, т. (495) 258-36-14
- м. «Марксистская/Таганская», Большой Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Новые Черемушки», ТЦ «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4 этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (499) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, к. 2, т. (499) 306-18-98
- м. «Петровско-Разумовская», ТРК «ХЛ», Дмитровское ш., д. 89, 2 этаж, т. (495) 783-97-08
- м. «Пражская», ул. Красного Маяка, д. 26, ТЦ «Пражский Пассаж», 2 этаж, т. (495) 721-82-34
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т.(499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д.76, к.1, 3 этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Теплый Стан», Новоясеневский пр-т, вл.1, ТРЦ «Принц Плаза», 4 этаж, т. (495) 987-14-73
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15/1, т. (499) 977-74-44
- м. «Третьяковская», ул. Большая Ордынка, вл.23, пав. 17, т. (495) 959-40-00
- м. «Тульская», ул. Большая Тульская, д.13, ТЦ «Ереван Плаза», 3 этаж, т. (495) 542-55-38
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Шаришино», ул. Луганская, д. 7, к.1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, 3 этаж, т. (495) 229-97-40
- м. «Юго-Западная», Солнцевский пр-т, д. 21, ТЦ «Столица», 3 этаж, т.(495) 787-04-25
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д.5, к.1, т.(495) 423-27-00
- М.О., г. Железнодорожный, ул. Советская, д.9, ТЦ «Эдельвейс», 1 этаж, т. (498) 664-46-35
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Зеленоград», Крюковская пл., д. 1, стр. 1, 3 этаж, т. (499) 940-02-90
- М.О., г. Клин, ул. Карла Маркса, д. 4, ТЦ «Дарья», 2 этаж, т. (496) (24) 6-55-57
- М.О., г. Коломна, Советская пл., д. 3, ТД «Дом торговли», 1 этаж, т. (496) (61) 50-3-22
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10
- М.О., г. Сергиев Посад, ул. Вознесенская, д. 32а, ТРЦ «Счастливая семья», 2 этаж
- М.О., г. Лобня, Краснополянский пр-д, д. 2, ТРЦ «Поворот»

Регионы:

- г. Архангельск, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 64-00-95
- г. Астрахань, ул. Чернышевского, д. 5а, т. (8512) 44-04-08
- г. Белгород, Народный б-р, д. 82, ТЦ «Пассаж», 1 этаж, т.(4722) 32-53-26
- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Воронеж, пр-т Революции, д. 58, ТЦ «Утожок», т. (4732) 51-28-94
- г. Иваново, ул. 8 Марта, д. 32, ТРЦ «Серебряный город», 3 этаж, т. (4932) 93-11-11 доб. 20-03
- г. Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, ТРЦ «Столица», 2 этаж, т. (3412) 90-38-31
- г. Екатеринбург, ул. 8 Марта, д. 46, ТРЦ «ГРИНВИЧ», 3 этаж, т. (343) 253-64-10
- г. Калининград, ул. Карла Маркса, д.18, т. (4012) 66-24-64
- г. Краснодар, ул. Головатого, д. 313, ТЦ «Галерея», 2 этаж, т. (861) 278-80-62
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, ТЦ «Атлас», 1, 2 этаж, т. (391) 211-39-37
- г. Курск, ул. Ленина, д. 31, ТРЦ «Пушкинский», 4 этаж, т. (4712) 73-45-30
- г. Курск, ул. Ленина, д.11, т. (4712) 70-18-42
- г. Липецк, угол Коммунальная пл., д. 3 и ул. Первомайская, д. 57, т. (4742) 22-27-16
- г. Орел, ул. Ленина, д. 37, т. (4862) 76-47-20
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 31, т. (3532) 31-48-06
- г. Пенза, ул. Московская, д. 83, ТЦ «Пассаж», 2 этаж, т. (8412) 20-80-35
- г. Пермь, ул. Революции, д. 13, 3 этаж, ТЦ «Семья», т. (342) 238-69-72
- г. Ростов-на-Дону, г. Аксай, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», 1 этаж, т. (863) 265-83-34
- г. Рязань, Первомайский пр-т, д. 70, к. 1, ТЦ «Виктория Плаза», 4 этаж, т. (4912) 95-72-11
- г. С.-Петербург, ул. 1-я Красноармейская, д. 15, ТК «Измайловский», 1 этаж, т. (812) 325-09-30
- г. Ставрополь, пр-т Карла Маркса, д. 98, т. (8652) 26-16-87
- г. Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-37-48
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- г. Тюмень, ул. М. Горького, д. 44, ТРЦ «Гудвин», 2 этаж, т. (3452) 79-05-13
- г. Уфа, пр-т Октября, д. 34, ТРК «Семья», 2 этаж, т. (347) 293-62-88
- г. Чебоксары, ул. Калинина, д.105а, ТЦ «Мега Молл», 0 этаж, т. (8352) 28-12-59
- г. Челябинск, пр-т Ленина, д. 68, т. (351) 263-22-55
- г. Череповец, Советский пр-т, д. 88, т. (8202) 20-21-22
- г. Ярославль, ул. Первомайская, д. 29/18, т. (4852) 30-47-51
- г. Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосквью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, 232-17-06
факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Научно-популярное издание

Браунворт Ларс
Забытая Византия, которая спасла Запад

Редактор В.Л. Гончаров
Компьютерная верстка: Л.А. Молодин
Технический редактор О.В. Панкрашина

Общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953004 — научная и производственная литература

Широкий ассортимент электронных и аудиокниг
ИГ АСТ Вы можете найти на сайте www.elkniga.ru

ООО «Издательство «Астрель»
129085, г. Москва, пр-д Ольминского, д. 3а

Издание осуществлено при техническом участии
ООО «Издательство АСТ»

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78, 20-50-52
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru

Забытая Западом Византия.

Цивилизация, отнюдь не уступавшая западноевропейской в Средние века — и, напротив, во многом ее превосходившая.

В школах Константинополя обсуждали тончайшие нюансы литературного и философского наследия Платона, Сократа и Гомера, — а в Западной Европе еще не была создана даже «Песнь о Роланде».

В византийскую столицу — величайший центр культуры, торговли, науки и ремесел — текли реки золота, византийские армии множество раз противостояли вражеским силам, готовым вторгнуться в Европу. И именно Византия была последним щитом между христианской Европой и мусульманским Востоком.

Читая увлекательную книгу Ларса Браунворта, читатель словно сам оказывается на улицах и во дворцах Константинополя в интересные периоды истории Римейской империи...

www.ast.ru
www.elkniga.ru

ISBN 978-5-271-41620-0

9 785271 416200